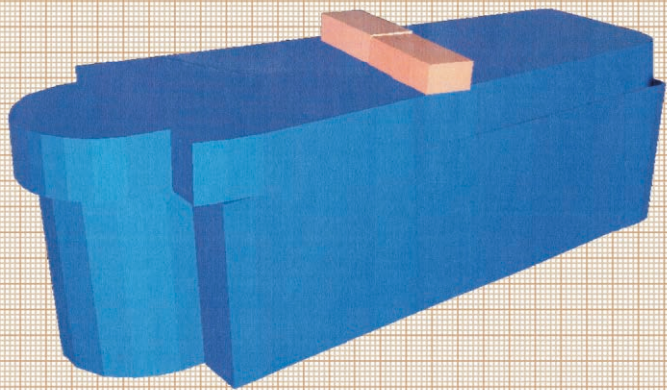

**Российское историческое
общество**

**Институт археологии
Российской академии наук**

Москва • 2013

Л.А. Беляев

Родовая
усыпальница
князей
Пожарских
и Хованских
в Спасо-Евфимиевом
монастыре
Суздаля:
150 лет изучения

Под редакцией
академика Н.А. Макарова

УДК 902/904
ББК 63.4
Б44

Утверждено к печати Ученым советом ИА РАН

Рецензенты:

член-корреспондент РАН

Вл.В. Седов

заместитель директора

Российского государственного архива древних актов

Ю.М. Эскин

Б44 **Беляев Л.А.**

Родовая усыпальница князей Пожарских и Хованских в Спасо-Евфимиевом монастыре Суздаля: 150 лет изучения. – М.: ИА РАН, 2013. – 264 с.: ил.

ISBN 978-5-94375-137-0

В книге представлены результаты раскопок автором (2007 г.) усыпальницы, где в окружении родичей погребен князь Дмитрий Пожарский. Полученные данные сопоставляются с материалами, полученными при раскопках той же усыпальницы в 1851 г. графом А.С. Уваровым, одним из отцов русской археологии, и с письменными источниками. Уточняются генеалогические детали, делаются важные для истории культуры Московского государства выводы о формировании родовых некрополей и развитии механизма национальной памяти. Для историков, археологов, искусствоведов, культурологов и самого широкого круга читателей, интересующихся культурой Московской Руси.

УДК 902/904

ББК 63.4

© Федеральное государственное бюджетное учреждение науки

Институт археологии Российской академии наук, 2013

© Л.А. Беляев, 2013

© Ф.И. Смирнов, дизайн, оформление, 2013

ISBN 978-5-94375-137-0

СОДЕРЖАНИЕ

- 7 Вступление: о задачах и методике исследования
- 15 Глава 1. Изучение усыпальницы Пожарских в XVIII – начале XX века: раскопки графа А.С. Уварова
- 31 Глава 2. Сравнительный анализ материалов 1851 и 2008 гг. Идентификация погребений семьи князя Д.М. Пожарского
- 51 Глава 3. Реконструкция состава погребенных: антропология, эпиграфика, генеалогия, хронология
- 69 Глава 4. «Палатка» Пожарских и Хованских и родовые усыпальницы в Московском государстве XVI–XVII веков

105 Заключение

Приложения

- 110 Приложение 1. *Беляев Л.А., Папин И.В., Капитонова М.А., Воронова (Тихова) О.А.* Материалы отчета: Раскопы I–II/2008: стратиграфия, планиметрия, архитектурная археология, находки
- 185 Приложение 2. *Глазунова О.Н., Капитонова М.А.* Описание индивидуальных находок
- 209 Приложение 3. *Глазунова О.Н., Аникина А.А.* Заключение о составе керамического комплекса из раскопок Спасо-Евфимиева монастыря
- 222 Приложение 4. *Расказова А.В.* Материалы антропологического анализа
- 230 Приложение 5. *Ёлкина И.И.* Текстиль из усыпальницы князей Пожарских и Хованских. Спасо-Евфимиев монастырь, 2008 г.
- 239 Приложение 6. *Беляев Л.А.* Надгробные надписи Пожарских и Хованских в Спасо-Евфимиевом монастыре: замечания к хронологии, палеографии и оформлению
- 248 Приложение 7. Ершов И.Н. М.Е. Салтыков-Щедрин, М.П. Погодин и могила князя Пожарского
- 251 Приложение 8 Актовый материал по работам 2008 года
- 253 Библиография

Вступление:

о задачах и методике
исследования

О задачах и методике исследования

*...никогда не бывает так счастлив
и не живет такую полную жизнью,
как исследуя вопрос о пришествии варягов
или о месте погребения князя Пожарского...*

М.Е. Салтыков-Щедрин,
«Дневник провинциала в Петербурге». 1872¹

В последние годы археология резко расширила свои хронологические границы, уверенно включив в них период позднего средневековья и раннее Новое время². Это произошло во всем мире, но в России процесс имел свои особенности: он сопровождался сдвигом смысловых акцентов. Археология поздних исторических периодов (ее часто так и называют – «историческая археология») для России совпадает с временем становления современного государства. Отсюда ее исключительная важность для понимания тех основ сознания, культурных и художественных традиций, способов восприятия мира и матриц мышления, которые сложились в период формирования Московского царства и его недолгого развития. Мы, сами это не всегда сознавая, существенно зависим от мира сравнительно недавнего прошлого и погружены в него и духовно, и вполне материально – благодаря ландшафту и биологической наследственности, сохраняющимся архитектурным памятникам и особым пристрастиям в музыке, литературе, изобразительном искусстве. Для жизни современной России та форма проникновения в мир «старомосковской» культуры, которую способен обеспечить комплекс наук, фокусируемый археологией, особенно важна.

Сегодня не надо доказывать важность археологического изучения истории сельского ландшафта и землепользования в раннемосковский период, или ценность архитектурных проектов русско-итальянского периода. Однако археология способна изучать не только экономические основы общества или его технологии. Она играет роль и в реконструкции политических событий – например, военных, таких как битвы на Куликовом поле и при Молодях. Особую роль для развития современного русского общества играет и построение археологических версий истории в «периоды катастроф» – например, в Смутное время.

Не случайно за последние десятилетия в ряд работ, важных для «археологии Смуты», встали раскопки Казанского собора в Москве³; попытки изучения сельских кладбищ XIV–XVII вв. под Костромой с целью найти погребения Сусаниных⁴; исследования усыпальницы рода Романовых в Новоспасском монастыре⁵. Важным вкладом в «археологию Смуты» обещает стать разбор старых материалов в ГИМ, среди которых коллекция Тушинского лагеря. Свое место занимает история новых форм социальной (генеалогической и иной) памяти и церковного поминовения, которая все яснее предстает перед нами при изучении родовых некрополей знати второй половины XVI – первой половины XVII веков, хотя имеет, конечно, гораздо более глубокие исторические корни. Эти работы, очень разные по жанрам, ис-

*На шмуцтитуле – Памятник
Д.М. Пожарскому по проекту
архитектора А.М. Горностаева
(1863–1885 гг.)*

- 1 Салтыков-Щедрин М.Е. Собрание сочинений в 10 томах. М., 1988. Т. 4. С. 16.
- 2 Рождение этого направления формально закреплено дискуссией, проведенной в 2004 г. журналом «Российская археология». Она отразила вполне зрелый уровень конкретно-исторических исследований. См.: Археология позднего периода истории // РА. 2005. № 1. С. 81–99; Беляев Л.А. Археология Москвы и проблемы истории культуры позднего средневековья // Современные проблемы археологии России. Материалы Всероссийского археологического съезда (23–28.10.2006, г. Новосибирск). Новосибирск, 2006. Т. 1. С. 3–12). На Всероссийских археологических съездах, Ш/XXI в Суздале (20–25.10.2008 г.) и Ш/XXII в Старой Руссе-Новгороде Великом (20–25.10.2011г.) уже работали самостоятельные секции «Археология Московского государства и Российской империи».
- 3 Они убедительно доказали отсутствие исторической связи памятника и с церковной историей Красной площади, и с храмостроительной деятельностью рода Пожарских. См.: Беляев Л.А. Образ, Храм и Город: раскопки участка Казанского собора на Красной площади в Москве // Археологические открытия 1991–2004 гг. Европейская Россия. [под ред. Н.А. Макарова] М., 2009. С. 464–473.
- 4 Петров А.Е. Останки Ивана Сусанина: к вопросу о методике фальсификации // ИЗ. М., 2008. Вып. 11 (129). С. 443–458. Петров А.Е., Беляев Л.А., Бужилова А.П. Между наукой и областной администрацией: опыт фальсификации останков Ивана Сусанина с помощью заданной интерпретации археологических и судебно-криминалистических исследований // Фальсификация исторических источников и конструирование этнократических мифов. М., 2011. С. 248–267.
- 5 Усыпальница рода Романовых в Московском Новоспасском монастыре. Кострома, 2005.

ходным задачам, методам, результатам объединяет то, что все они призваны ярче осветить первый этап формирования Российской империи, помочь понять, почему Россия празднует именно 4-е ноября как День народного единства.

Таким образом, научные и социокультурные задачи здесь неразрывно сплетены. Современное государство, общество и Церковь стремятся восстановить и подчеркнуть историческую преемственность с самыми славными страницами прошлого России. Одна из главных среди них – победа в смертельно опасной борьбе с внутренними и внешними угрозами Смуты. Победа эта персонифицирована в образах двух «прямых людей» своего времени – старосты Козьмы Минина и князя Дмитрия Пожарского. Совершенно естественен интерес к погребениям героев патриотического ополчения – также как естественна потребность народа видеть памятник над могилой спасителя Отечества в его изначальном виде.

Монумент этот когда-то стоял на остатках усыпальницы рода князей Пожарских и Хованских в Спасо-Евфимиевом монастыре (рис. 1), где был воздвигнут в 1865–1885 гг. по проекту архитектора А.М. Горностаева⁶ в виде небольшой часовни, роскошно украшенной в духе национального историзма (рис. 2, 3).

В 1933 г. памятник снесли, а в 1974 г. на его месте поставили каменно-бетонный параллелепипед в стиле «сурового реализма» с условным портретом князя в медальоне⁷ (рис. 4). В 2000-х годах по инициативе Владимиро-Суздальского музея-заповедника было принято решение восстановить монумент в его первоначальном виде, доверив общее руководство работами Региональной общественной организации «Русское Афонское общество». Памятник был восстановлен и торжественно открыт 4-го ноября 2009 г. в присутствии Президента Российской Федерации Д.А. Медведева и многих официальных лиц⁸ (рис. 5).

Однако с точки зрения науки, главный итог 2008–2009 годов – не регенерация «материальной части» памятника, а полученная в ходе работ информация об усыпальнице XVII века, разобранной в 1760-х годах⁹. Ее остатки были найдены и впервые изучены графом А.С. Уваровым в 1851–1852 гг. Затем специально созданная комиссия определила одно из погребений как принадлежащее князю Д.М. Пожарскому. После этого остатки были вновь засыпаны, а над ними установлен памятник. Теперь, спустя

150 лет, следовало убедиться, что: (1) усыпальница сохранилась и предполагаемые останки князя покоятся на своем месте; (2) новые строительные работы не разрушат ни погребения в усыпальнице, ни ее кладку; (3) идентификация погребения, проведенная комиссией графа А.С. Уварова, надежна.

С этими практическими задачами был связан ряд вопросов научного свойства, для ответа на которые Институт археологии Российской академии наук (ИА РАН), работавший совместно с Государственным Владимиро-Суздальским историко-архитектурным и художественным музеем-заповедником (ГВСМЗ)¹⁰, образовал в июле-сентябре 2008 г. специальный Суздальский отряд (рук. Л.А. Беляев) Владимиро-Суздальской экспедиции ИА РАН (рук. Н.А. Макаров, ныне академик РАН). Отряд состоял из сотрудников сектора археологии Москвы ИА РАН, имеющих значительный опыт изучения средневековых монастырских некрополей¹¹ и сотрудников НПЦ «Древности Севера» (рук. И.В. Папин), многие годы изучающих Кирилло-Белозерский монастырь и его некрополи¹².

Дело в том, что материалы А.С. Уварова оставили ряд белых пятен – прежде всего в силу ограниченности тогдашних технических средств. Еще не применялась недавно изобретенная фотография; обмер носил слишком общий характер; поверхностным был антропологический анализ; почти не изучались вещи; документальная публикация запоздала более чем на пол-века. Поэтому, а также из-за разницы в терминологии и утраты части материалов, не всё в опубликованных материалах было понятно. Описаний XIX века недостаточно для того, чтобы полноценно включить усыпальницу Пожарских и Хованских в современный научный контекст еще и потому, что «команда Уварова» имела сравнительно узкую цель: найти погребение национального героя. Она была, так сказать, настроена на апологию и воспринимала особенности сооружений, детали обряда, половозрастной состав некрополя как дополнительный материал, важный только в качестве инструмента идентификации.

Для сегодняшней науки он, напротив, представляет самодовлеющую ценность. Нам требовалось понять последовательность захоронений; провести массовый антропологический анализ; представить конструкции погребальных сооружений, интерьер и внешний облик усыпальницы.

6 В 1850-х годах на месте раскопок А.С. Уварова установили временный памятник, затем его сменила часовня А.М. Горностаева. История этого памятника подробно изложена в работах М.В. Родиной и в материалах к реконструкции часовни ООО «Китеж», здесь на ней не останавливаемся. С 1955 г. возле главных ворот монастыря стоит бюст Д.М. Пожарского на круглом в плане постаменте, типичном для послевоенного времени (автор З.В. Азгур).

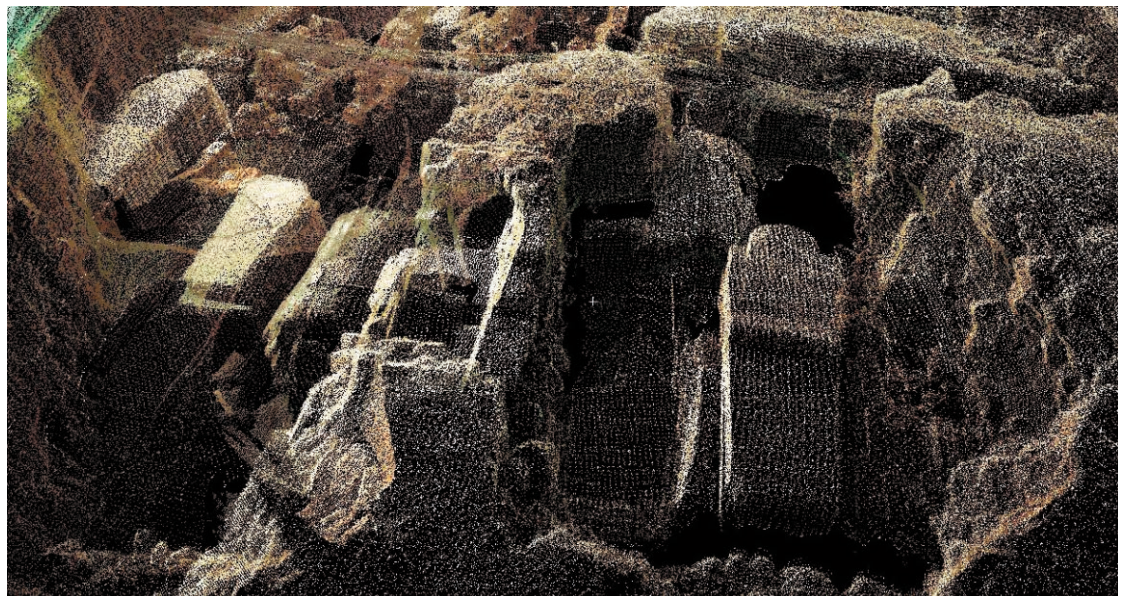
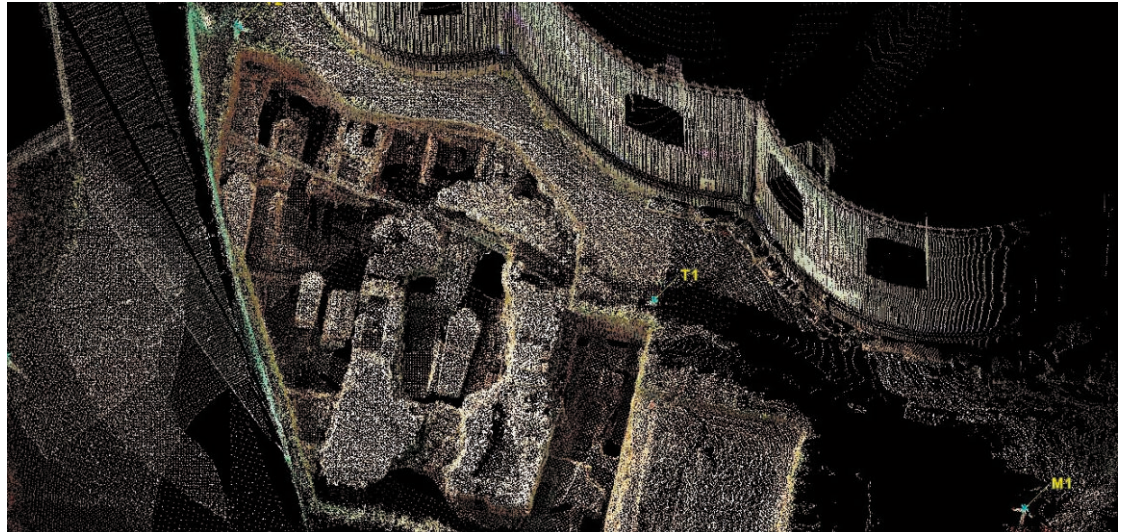
7 В 2008 г. демонтирован и передан детской школе-интернату Кадетского корпуса им. Д.М. Пожарского (г. Радужный Владимирской обл.).

8 Затем памятник освятил архиепископ Владимирский и Суздальский, Преосвященный Евлогий (10.11.2009 г.). При восстановлении использовались многочисленные сохранившиеся проектные и обмерные чертежи и фото. Воссозданы: резной декор фасадов; бронзовая дверь с барельефом и горельефом (мастерские Российской академии художеств); копия мозаичной иконы Спаса Вседержителя.

9 Новый памятник поставлен не на месте прежней усыпальницы, а в стороне от нее и от апсид собора – ставить сооружение без предварительного научного исследования, или прямо на ценные в историко-мемориальном отношении руины, признали методически неверным. После работ 2008 г. между местом часовни 1885 г. и ее копией установлен памятный крест; точное место расположения под землей погребения № 3/1851 (№ 2/2008) – вероятная могила князя Д.М. Пожарского – отмечено каменной копией саркофага.

10 Исследования строились в соответствии с планом производства работ, согласованным Федеральной службой по надзору в сфере охраны культурного наследия (Росохранкультура) и договором № 92/08 от 23 июля 2008 между ИА РАН и ООО «Русское Афонское общество» на выполнение научно-исследовательских работ на месте захоронения князя Д.М. Пожарского.

Рис. 6. Распечатки по материалам лазерного сканирования, осуществленного по окончании работ объединения ИНКОМ (г. Владимир) под рук. В.Г. Арзуманова: раскоп 1 у апсид собора и погребения восточного ряда с предполагаемым саркофагом князя Д.М. Пожарского.

13 Беляев Л.А. Персональная идентификация погребений и археология // Труды II (XVII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. II. М., 2008. С. 424–427; Он же, Опыт изучения исторических некрополей и персональной идентификации методами археологии. М.: ИА РАН, 2011 (Методика полевых археологических исследований. Вып. 5); частные случаи: Беляев Л.А., Бужилова А.П., Петров А.Е. Патриотический скелет... 2007. № 8. С. 58–63; Петров А.Е. Останки Ивана Сусанина..., 2008. Вып. 11 (129). С. 443–458; Ивакин Г.Ю. Некрополь церкви Спаса на Берестове в Киеве и «погребение Юрия Долгорукого» // РА. № 2. 2008. С. 107–117 и др.

14 Уваров А.С. Работы по разысканию могилы Кн. Дм. Мих. Пожарского // А.С. Уваров. Сборник мелких трудов, т. III. Материалы для биографии и статьи по теоретическим вопросам. М., 1910. Родина М.Е. Д.М. Пожарский. Вечная память и трава забвения. Владимир, 2007; Она же, История изучения захоронения Д.М. Пожарского в Суздале // Археология Владимиро-Суздальской земли. Материалы научного семинара. Вып. 2., М, 2008. С. 200–204.

15 Архивные исследования проведены при участии М.Е. Родиной, сотрудницы ГИАХ ВСМЗ (см. ее работы выше). Материалы поступали к нам также от архитектора М.Ю. Горячевой (ООО «Китеж») и привлеченной ею к исследованиям историка Л.Г. Невзоровой. Выражаем им искреннюю признательность за сотрудничество и предоставление данных, включая неопубликованные.

16 Кураторы антропологических исследований – член-корр. РАН А.П. Бужилова и д.и.н. М.Б. Медникова. Работу антрополога на раскопе и анализ краниологического материала в лабораторных условиях выполняла А.В. Рассказова (тогда – аспирант МГУ).

17 Геодезические работы объединения «Инком» под рук. В.Г. Арзуманова (г. Владимир).

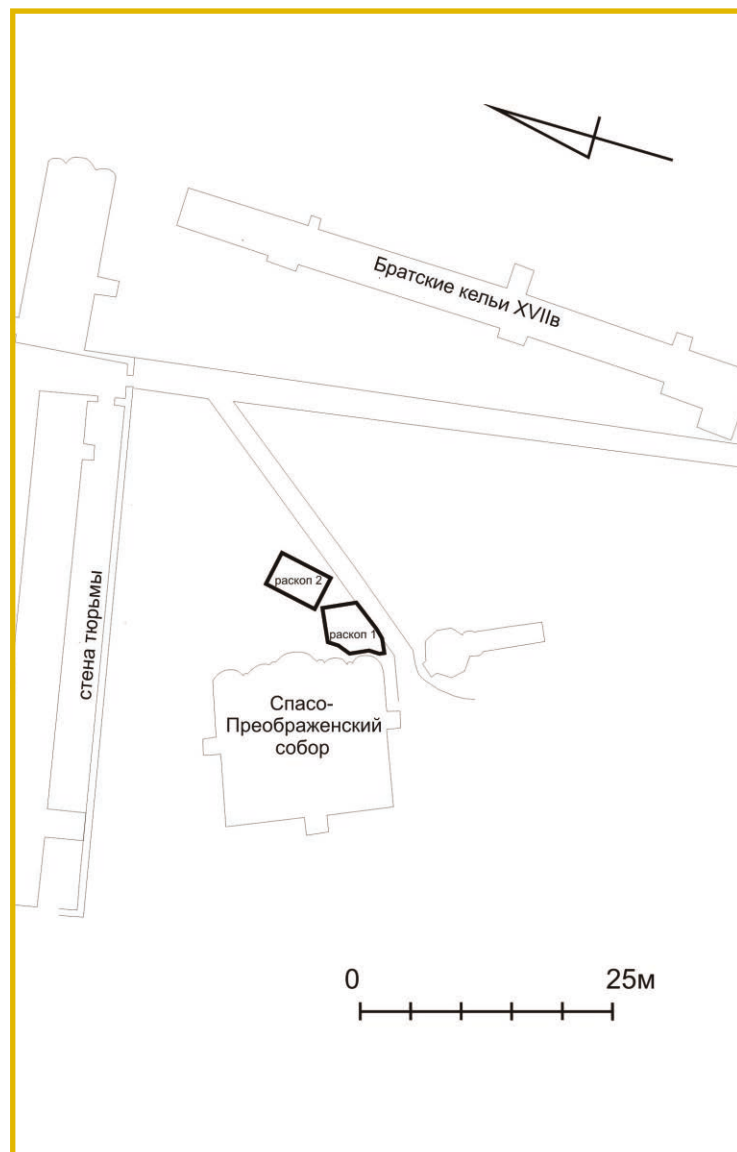
Сравнить это все не только со сведениями письменных источников, но и с материалами общего монастырского кладбища и с другими статусными усыпальницами России. Словом, провести комплексное исследование и получить данные для историко-археологической характеристики *всего* объекта, а не только погребения Д.М. Пожарского.

Однако это главное погребение требовало особого внимания. В последние десятилетия резко обострилась проблема достоверности идентификации останков исторических личностей¹³, что делало методически оправданной проверку современными методами надежности атрибуции, предложенной комиссией А.С. Уварова более 150 лет назад.

При этом мы отдавали себе отчет в

том, что раскрытие А.С. Уваровым остатков усыпальницы князей Пожарских и Хованских¹⁴ стало для своего времени одной из отправных точек древнерусской археологии, сопоставимой по значению с первыми исследованиями Десятинной церкви в Киеве или Борисоглебской в Старой Рязани. Для археологии Московского периода они и сегодня сохраняют значение – но именно поэтому давно назрела необходимость их повторить.

Полевым работам предшествовал этап изучения музейных материалов, существенно дополнивший сведения об открываемом объекте, и небольшая архивно-библиографическая работа¹⁵. Необходимость идентификации останков и значимость работ для антропологии позднего средневековья обусловили постоянное пребывание

на раскопе специалиста-антрополога¹⁶. Для привязки открываемых объектов проводилось лазерное сканирование¹⁷ (рис. 6).

В планы экспедиции входило раскрытие доступных в 2008 г. для изучения участков усыпальницы и непосредственно примыкающей к ней зоны (Раскоп I). После их завершения стало очевидно, что ставить памятник на прежнем месте, прямо на фундаментах усыпальницы, нельзя. Поэтому были проведены дополнительные охранные раскопки на выбранном для воссоздания участка разрушенного монастырского кладбища к северо-востоку от усыпальницы (Раскоп II, в габаритах запроектированного фундамента) (рис. 7–9).

Изложение материалов 2008 года предвзывает описание хода работ А.С. Уварова, восстановленное со всей подробностью на

основе публикаций XIX – начала XX в. Центральную часть монографии образует сравнительный анализ итогов полевых работ 1851 и 2008 годов. Их результаты затем рассматриваются в свете известных в XIX в. и обнаруженных с тех пор новых письменных источников, а также на фоне становления погребальной традиции знати в Московском государстве. Подробности, рисующие ход работ 2008 года, вынесены в серию приложений, основу которых составляют отредактированные для издания разделы научного отчета и специальные исследования. В них представлены все необходимые детали, статистика, необходимый набор таблиц, обмеров и фотографий. Общие выводы и материалы частично публиковались в виде статей¹⁸, но в издаваемой монографии все сведения дополнительно проверены¹⁹.

Рис. 7. Ситуационный план раскопок 2008 года.

Рис. 8. Участок за алтарями Спасо-Преображенского собора: алтарная часть собора до работ (фото с юго-востока).

18 Беляев Л.А. Усыпальница князей Пожарских в Суздале // Институт археологии: Новые полевые исследования. М., 2010. Под ред. Н.А. Макарова. С. 103–105; Он же, Усыпальница князей Пожарских и Хованских в Суздальском Спасо-Евфимиевом монастыре: новый этап историко-археологических исследований // Изв. Т. 13 (131) М., 2010. С. 313–340; Он же, Архангельский собор и боярские усыпальницы XVI–XVII веков // МК XV. С. 68–79.

19 Рекомендуется пользоваться датами и подсчетами, приводимыми в монографии, во избежание вкравшихся ранее неточностей, простительных (надеемся) в предварительных публикациях.

Глава 1

Изучение усыпальницы Пожарских
в XVIII – начале XX века:
раскопки графа А.С. Уварова

ФОТОТ П ПАВЛОВА

Н. В. Гусева и Павлова

Изучение усыпальницы Пожарских в XVIII – начале XX века: раскопки графа А.С. Уварова

Спасо-Евфимиев монастырь возник в середине XIV века на северо-востоке города Суздаля, на его дальней окраине¹. Символическим центром монастыря с XVI в. стала апсида южного придела собора Преображения. Она стоит на месте, которое почитают как могилу подвижника второй половины XIV века Евфимия Суздальского. Остатки усыпальницы Пожарских и Хованских расположены к востоку от нее, то есть в самой непосредственной близости от могилы святого.

Исследование усыпальницы накладывает на современного археолога особую ответственность, поскольку эта работа впервые проделана 150 лет назад одним из основателей российской археологии, графом Алексеем Сергеевичем Уваровым (1825–1884), и стала одной из отправных точек для археологии средневековой Руси. Данные, полученные при раскопках усыпальницы, сохранили научное значение и всегда учитывались в курсах археологии Московского периода как одно из первых научно проведенных и сопровождавшихся подробной графической и описательной фиксацией вскрытий древнерусского погребального комплекса.

А.С. Уваров менее чем за год (8 месяцев, начиная с июля 1851 года) провел серьезные изыскания в местных архивах² (правда, эту работу до него начали в связи с празднованием юбилея освобождения России), а затем обнаружил усыпальницу и раскопал ее внутреннюю часть. Благодаря этому он смог, на основе надписей на крышках саркофагов, уверенно идентифицировать два погребения как принадлежащие Никите Хованскому и Федору Пожарскому, то есть шурина и сыну Д.М. Пожарского. После этого граф добился разрешения на вскрытие саркофагов, включая безымянный, в котором предполагал погребение князя Дмитрия Михайловича. Для вскрытия была назначена комиссия, в состав которой входили историки, деятели Церкви и администраторы. Комиссия присутствовала (22–24 февраля 1852 г.) на вскрытии и признала саркофаг № 3 (нумерация А.С. Уварова³) погребением Дмитрия Михайловича Пожарского. О вскрытии и осмотре гробницы, идентифицированной как погребение Д.М. Пожарского, был составлен официальный акт с изложением историко-археологической аргументации, подписанный 23 февраля 1852 г. (его размножили типографски, но распространяли, в основном, по служебным надобностям).

По окончании исследовательских работ ранее изготовленный памятник был установлен. Граф же Уваров, увлеченно занимаясь раскопками курганов и другой научной работой, более к своим материалам по усыпальнице в Спасо-Евфимиевом монастыре не возвращался. Однако их сразу начали публиковать другие участники «комиссии 23-го февраля» и те, кто занимался историей монастыря или рода Пожарских. Уже в 1852 г. вышло краткое сообщение об открытии⁴. Тем временем М.П. Погодин подготовил донесение в Академию наук (для печати переработанное, снабженное приложениями и аппаратом⁵). Его дополнили⁶ более поздние сочинения К. Тихонравова (1866)⁷, Л. Сахарова (1878)⁸, И. Гольшева⁹ (1885 г.; текст приурочен к открытию нового памятника и наиболее полно отражает печатные материалы за XIX в., в том числе владимирскую научную периодику) и другие.

Рис. 10. Портрет графа А.С. Уварова в молодости и его факсимиле. Фронтиспис к третьему тому посмертно изданных трудов (Уваров А.С., Работы по разысканию..., 1910).

- 1 Подробная история монастыря, в том числе архитектурная, а также довольно полная библиография: Баталов А.Л., Маштафаров А.В. и др. Евфимиев Суздальский в честь Преображения Господня мужской монастырь // Православная энциклопедия. М., 2008. Т. 17. С. 361–374.
- 2 Его выписки и подлинные документы составляют значительный фонд в ОПИ ГИМ. См. об этом: Леренман М.М. Документальная коллекция графов Уваровых по Владимирскому краю в собрании отдела письменных источников Государственного Исторического музея // Тезисы докладов Первых Уваровских чтений 17–18 апреля 1990 г. Муром, 1990; Белозерова И.В. Деятельность А.С. и П.С. Уваровых во Владимирской губернии (по материалам отдела письменных источников Государственного Исторического музея) // Там же.
- 3 Далее мы используем номера погребений и саркофагов, присвоенные в 1851 и 2008 гг., с указанием на год через косую черту.
- 4 Смирнов С.К. Об открытии места погребения князя Д.М. Пожарского. М., 1852.
- 5 Погодин М.П. Исследование о месте погребения князя Дмитрия Михайловича Пожарского // Москвитянин, 1859, № 19, отд. III. С. 39–77.
- 6 Представленная в публикациях документация раскопок А.С. Уварова нами по архивным материалам не проверялась. Согласно сообщению И.В. Тункиной (благодарю Ирину Владимировну за эти сведения) в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге хранится дело: «Археологические раскопки в Суздале и поиски гробницы князя Дмитрия Михайловича Пожарского. Докладные записки Николаю I и министру внутренних дел (Л.А. Перовскому) и акт комиссии об осмотре предполагаемой гробницы Пожарского. 3 марта 1851–12 января 1852. Писарские копии, без подписи. В переплете. 33 л.» – Ф. 1000 (Собрание отдельных поступлений), опись 2 (поступления 1917–1957 гг., дело 67). Возможны и иные направления поиска.
- 7 Тихонравов К. Могила князя Д.М. Пожарского в Спасо-Евфимиевом монастыре // Труды Владимирского губернского статистического комитета. Владимир, 1866. Вып. 5.
- 8 Сахаров Л. Историческое описание Суздальского первоклассного Спасо-Евфимиевского монастыря. М., 1878 (3-е изд. – в 1905 г.).
- 9 Гольшев И. Место земного упокоения и надгробный памятник...Дмитрию Михайловичу Пожарскому в городе Суздале. Владимир, 1885.

Рис. 11. Открытый лист, выданный графу А.С. Уварову на работы во Владимире и Суздале в 1851 году.

Документация о ходе раскопок А.С. Уваровым в Спасо-Евфимиевом монастыре сохранилась не только в форме официальных протоколов и писем, но также в листах графической фиксации¹⁰ (фотография только входила в употребление и для полевой археологии еще не использовалась). Переписку, официальные отчетные документы и часть графики собрала и ввела в научный оборот в 1910 году¹¹ графиня П.С. Уварова в рамках общей публикации научного наследия супруга, последний (третий) том которой содержит 10 документов, освещающих период с июля 1851 г. по февраль 1852 г.

Кратко охарактеризуем эти документы. Письмо-отчет графа Уварова графу Перовскому составлен, видимо, сразу по окончании основных работ и общей идентификации открытого объекта как искомой усыпальницы. К письму приложена более подробная Записка об открытых древностях, сопровождаемая аргументацией для поддержания предложенной интерпретации. Дата письма и Записки не указана, они предполагаются в промежутке между началом августа и 8 октября 1851 г., поскольку именно этим числом датирован второй отчет Уварова Перовскому с приложением чертежей, рисунков (графиня П.С. Уварова смогла найти уже только часть этих материалов в Госу-

дарственном Эрмитаже) и сделанных позже фотографий с предметов XVII в.

Следующий по времени документ (опубликован не по порядку переписки) – письмо архимандрита Евфимиевского монастыря Иоакима в ответ на запрос министра от 10 октября – содержит объяснения по поводу разрушений, обнаруженных Уваровым в подземной части палатки (на него также имеется ссылка в Записке) и носит оправдательный характер.

В ноябре был составлен доклад Государю самого графа Перовского (резолуция на который наложена 28.11.1851) с описанием обстоятельств находки погребения, необходимости продолжить исследования и открыть склеп, результатом чего стал запрос 5 декабря из Департамента Общих дел МВД в Синод о возможности вскрытия обнаруженных саркофагов, на который 20 декабря 1851 г. от обер-прокурора был получен положительный ответ. На основании этой переписки граф Перовский обратился к министру народного просвещения и президенту Академии наук, графу С.С. Уварову, с кратким изложением ситуации; сообщил о составлении специальной комиссии для продолжения работ (то есть для вскрытия гробницы) и предложил включить в нее историка М.П. Погодина. На запрос был получен положительный ответ от 25 декабря 1851 г. Состав комиссии был письменно представлен Государю графом Перовским, на докладе которого 12 января 1852 г. проставлена резолюция: «Высочайше повелено исполнить». Об этом Деп. Общ. дел МВД известил обер-прокурора письмом от 16.01.1852 г., а на следующий день (17.01.1852) – и графа А.С. Уварова.

В публикации упомянуто (без приведения документов) прошение графа А.С. Уварова к Государю о разрешении вскрыть гробницу кн. Трубецкого в семейном склепе в Троице-Сергиевом монастыре с тем, чтобы иметь материал для сравнения; о получении дозволения; о незначительном результате этого «эксперимента» (гробница оказалась ограбленной).

В «Мелкие труды» включен акт специальной комиссии от 23 февраля 1852 г. о вскрытии и осмотре гробницы, идентифицированной как погребение кн. Д.М. Пожарского. В комиссию входили, кроме А.С. Уварова, руководившего вскрытием: Иустин, епископ Владимирский и Суздальский; академики: тайный советник К.И. Арсеньев и статский советник М.П. Погодин; Владимирский губернатор статский совет-

¹⁰ Особенно важно, что в Отделе письменных источников ГИМ (53408 Р-6128) сохранился план раскопанной части усыпальницы. План был снят 21 сентября 1851 г., то есть еще до вскрытия саркофага № 3, Василием Аляевым (о чем имеется надпись: «1851 года сентября 21-го снимал с натуры и чертил владимирский особый землемер Василий Аляев»), а затем апробирован и подписан (под названием имеется надпись: «Иустин епископ Владимирский и Суздальский»). Впоследствии неоднократно воспроизводился. Сведения сообщены мне М.Е. Родиной.

¹¹ Уваров А.С. Работы по разысканию могилы кн. Дм. Мих. Пожарского // А.С. Уваров. Сборник мелких трудов, т. III. Материалы для биографии и статьи по теоретическим вопросам. М., 1910. С. 24–43, таблицы.

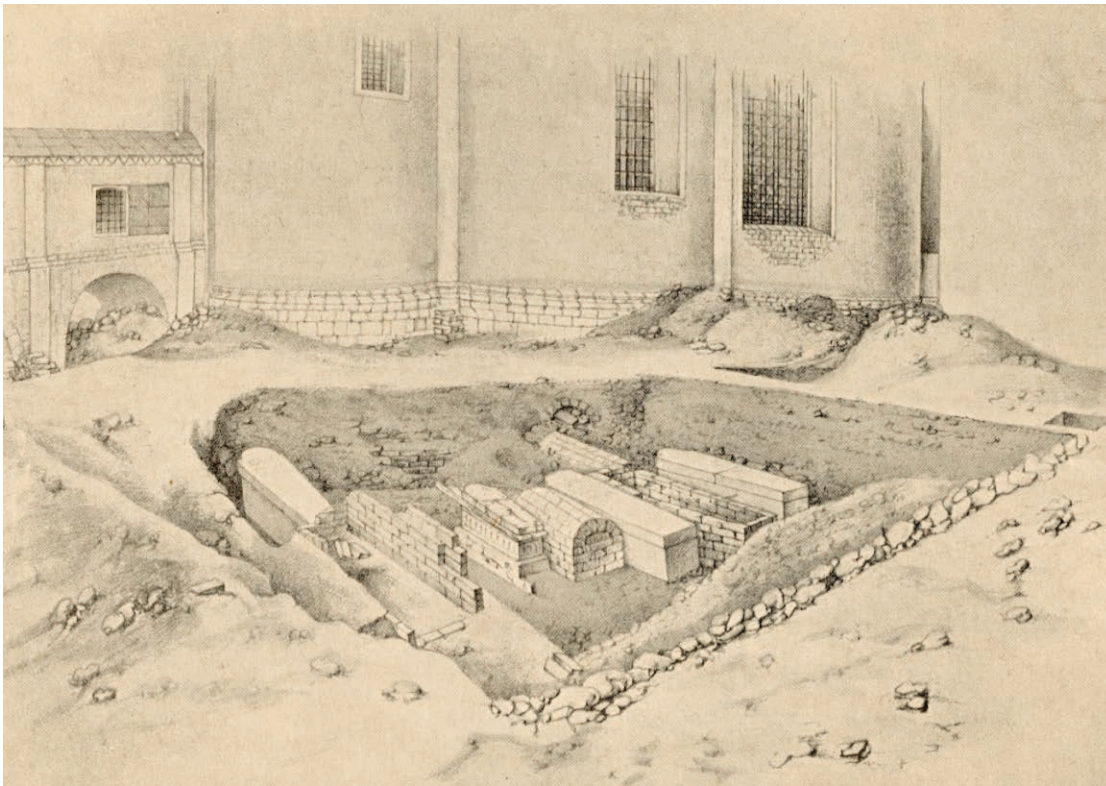

Рис. 12. Вид раскопа 1815 года. Литография по рисунку с натуры. (Уваров А.С., Работы по разысканию..., 1910. Табл. 1).

ник П.М. Муравьев; чиновник особых поручений при министре внутренних дел граф Д.Н. Толстой.

Другим, в некоторых отношениях более подробным документом, осветившим работу комиссии, стал доклад Перовского, написанный на основании рапорта графа Д.Н. Толстого. Из него можно узнать, что комиссия собралась к 22 февраля, что 23 числа заслушали доклад А.С. Уварова и вскрыли два саркофага, а на следующий день состоялась общегородской молебен. Завершают подборку документы, имеющие отношение уже к установке памятника и поиску средств на реставрацию стен монастыря.

Публиковавшиеся в XIX – начале XX вв. тексты различаются в деталях и взаимно дополняют друг друга, благодаря чему можно восстановить развитие событий, подробно проследить процесс исследований 1851–1852 гг. и аргументы его участников несмотря на то, что обмеры А.С. Уварова дошли до нас не полностью (не найдены, например, его прорисовки надписей на саркофагах).

В 1851 году графу Алексею Сергеевичу, чиновнику по особым поручениям при министре внутренних дел графе Л.А. Перовском и сотруднику Императорской Археологической комиссии, шел 27-й год (рис. 10). Он приехал в Суздаль, чтобы начать знаме-

нитый проект изучения курганов Северо-Восточной Руси и, почти попутно, взялся обнаружить место захоронения князя Дмитрия Пожарского (рис. 11).

Изначально в задачи Уварова эти исследования не входили, но он заинтересовался архивными изысканиями, которые, надеясь обнаружить сведения о месте захоронения, уже вела губернская канцелярия¹². Установить же место погребения требовалось с высокой степенью достоверности, поскольку в 1850 г. «великие князья Николай и Михаил Николаевичи в приезд свой через г. Суздаль ... изъявили желание воздвигнуть памятник Князю Дмитрию Михайловичу Пожарскому, коего прах покоится будто бы в Суздальском Спасо-Евфимьевском монастыре, так как здесь погребены предки этого незабвенного мужа»¹³. Заказанный великими князьями памятный знак был уже окончен¹⁴, «а не знали, между тем, на каком именно месте его поставить. Не могли исполнить желание Их Императорских Высочеств, ибо иные показывали на одно место, другие на другое место».

Идентификация погребения потребовала специальных исследований, поскольку род князя пресекся в конце XVII в. Хотя с момента его смерти прошло менее 200 лет, сведения о кладбище Пожарских успели изгладиться из памяти местных жителей.

¹² Уваров писал министру внутренних дел графу Л.А. Перовскому, с 1850 г. управлявшему также Комиссией по исследованию древностей: «В бытность мою в г. Владимире и.д. Владимирскаго Гражданскаго Губернатора показал мне дело, производящееся в его канцелярии по настоящему предмету. Обстоятельство это не могло не обратить моего внимания в археологическом отношении ... посему я считаю долгом испрашивать Вашего разрешения: следует ли мне делать розыскания о Месте погребения Князя Дмитрия Михайловича, так как доселе определительно неизвестно, где именно погребен помянутый Князь» – Уваров А.С. Работы по разысканию ..., 1910. С. 26.

¹³ Там же. С. 26.

¹⁴ Первый памятник имел вид небольшого обелиска и виден на некоторых рисунках монастыря середины XIX в. Он простоял до возведения памятника в виде часовни.

Сомневались даже в том, где искать могилу князя: в Суздале, в Троице-Сергиеве монастыре (где погребались родственники князя и куда он давал по ним вклады) или в его нижегородских владениях (село Пурех).

Получив предписание «*приступить к изысканиям могилы Кн. Пожарскаго*»¹⁵, Уваров немедленно начал его исполнять, дополнительно отметив в письме к министру, что «*неизвестна не только его гробница, но даже и усыпальница его семейства*», что «*на дворе монастырском указывали на место, где будто бы прежде стояла каменная палатка, устроенная для семейного склепа Князей Пожарских*», и что «*иноки... соболезновали, проходя по закинутому теперь месту, что ничего не отличало его от остального монастырского двора*». Отметим, что местное «*духовенство, почитая в Князе Пожарском сподвижника первого нашего Царя, пламенно желало, чтобы произведены были розыскания о месте его погребения, и тем более еще желало, что сделанные прежде попытки остались без всякого успеха*»¹⁶. При работах монастырские власти проявили значительный интерес к раскопкам и архимандрит Спасо-Евфимиевского монастыря «*безотлучно находился при изысканиях*»¹⁷.

А.С. Уваров отметил полное отсутствие на местности следов погребального сооружения, что заставляло колебаться в выборе места¹⁸: «*с этими исследованиями были сопряжены большие затруднения: место было совершенно ровное, обросшее травой: кое-где возвышались вековые деревья. Разведенные цветники и дорожки изгладили всякий след*». Однако помогли архивные источники¹⁹ (о них ниже): «*следуя в точности указаниям, сохранившимся в письменных памятниках*», граф «*наконец отрыл бутовые стены какой-то усыпальницы. На середине их стояли три ряда могил, одни из них состоят из кирпичных склепов, другие из каменных гробов*». Отметим, что уже здесь появляется обозначение кирпичного свода над погребением как «склепа» в отличие от каменного саркофага, обозначаемого как «гроб». Это словоупотребление сохраняется и в современной терминологии несмотря на то, что позднесредневековые русские «склепы» не имеют входа и не предполагают какого-то иного доступа к погребению – это одноразовые вместилища для одного покойного, то есть, по сути дела, гробы из кирпича.

Семейную принадлежность обнаруженных гробниц Уваров обозначил по над-

писям на саркофагах: «*Две надписи определили наверно чей прах был погребен в этой усыпальнице. На одной каменной гробнице написано: «Лета 7117 (1609²¹) преставися рабъ Божий Князь Никита Ондреевич Хованский во иноцех инокъ скимникъ Нифонтъ на память святаго апостола Карпа». На другой гробнице написано: «Лета 7141 (1633²²) декабря 27 день преставился рабъ Божий благоверный Князь Федоръ Дмитриевичъ Пожарской».*

Этим двум саркофагам А.С. Уваров присвоил № 2 и № 1 соответственно. Теперь можно было надеяться, что среди погребений отыщется и могила князя Д.М. Пожарского. Поскольку южнее саркофага Ф.Д. Пожарского были два детских погребения, а севернее (через промежуток с одним кирпичным склепом) еще одно в большом каменном гробу, А.С. Уваров предположил, что именно последнее принадлежит герою освобождения России: «*Открыв усыпальницу Князей Пожарских и нашедши даже гробницу Князя Феодора, можно было надеяться отыскать могилу и самого Князя Дмитрия Михайловича. На правой стороне от гробницы Князя Феодора отрыли две детские гробницы, а на левой стороне его гробницу № 3, в которой может быть погребен прах избавителя России*».

Такое кратчайшее описание работ Уваров дал в сопроводительном письме Перовскому, приложив Записку с более подробным отчетом о том «*состоянии, в каком найдены были гробницы Князей Пожарских и... доводы о том, что гробница № 3 должна быть могилою Князя Дмитрия Михайловича Пожарского*». Эта Записка сообщает ряд важных деталей. Так, мы узнаем, что часть погребений повреждена: «*Многие из кирпичных склепов оказались, при разрытии, поврежденными и с пробитыми или с разобранными сводами*», что вызывает недоумение как у графа, так и у архимандрита²³. В конце текста внимание Перовского специально обращено «*на дурное сохранение, в котором найдены были некоторые из склепов, лежащих в вышеупомянутой усыпальнице*» и предложено принять «*какие-нибудь меры для охранения знаменитых этих гробниц от подобной же участи*».

Из Записки далее следует, что между саркофагом Ф.Д. Пожарского (№ 1) и безымянным (№ 3) есть поврежденная кирпичная гробница (№ 6), в которой Уваров предлагает видеть могилу Прасковьи Варфоломеевны – матери Федора Пожарского, первой жены Дмитрия Михайловича. Эти

15 От 31 июля 1851 г.

16 Уваров А.С. Работы по разысканию ..., 1910. С. 26–27. Из этого мы узнаем дополнительно, что попытки обнаружить захоронения предпринимались до работ Уварова, но не были успешными. Сведениями о методах и местах работ мы не располагаем.

17 Уваров А.С. Работы по разысканию ..., 1910. С. 27.

18 Варианты в других местах переписки: «Не только не знали где он погребен, но даже не знали наверно, на каком месте находилась усыпальница его семейства. В разные времена сделаны были попытки отыскать могилу Князя Пожарского, но доселе все попытки остались без успеха». (В докладе от 8.11.1851)

19 Версия доклада от 8.11.1851: «Придерживаясь известных об этом предмете письменных доказательств, я на второй же день моих разысканий открыл каменную гробницу сына его Князя Феодора Дмитриевича».

20 Граф употребляет по отношению к могилам глагол «стоят», что можно понимать только как ситуацию полной выборки грунта между погребениями.

21 Мы читаем 7116, и, соответственно, 1608 год – см. гл. 2 и прил. № 6.

22 В цитате сохранена дата, предложенная А.С. Уваровым; мы переводим ее, с учетом особенностей редукции для декабря сентябрьского года, как 1632 год. На несоответствие в переводе даты Уваровым мне указал Ю.М. Эскин.

23 В докладе от 8.11.1852 г. Уваров пишет об этом подробнее: «Когда отрыли бутовую кладку стен усыпальницы, то показались в ней три ряда могил. К моему удивлению я нашел большую часть из них с пробитыми или с разрушившимися сводами. Самое даже внимательное исследование не объяснило мне причину этого повреждения гробниц. В некоторых местах набросаны были целые груды костей, а напротив того некоторые пробитые склепы лежали совершенно пустыми».

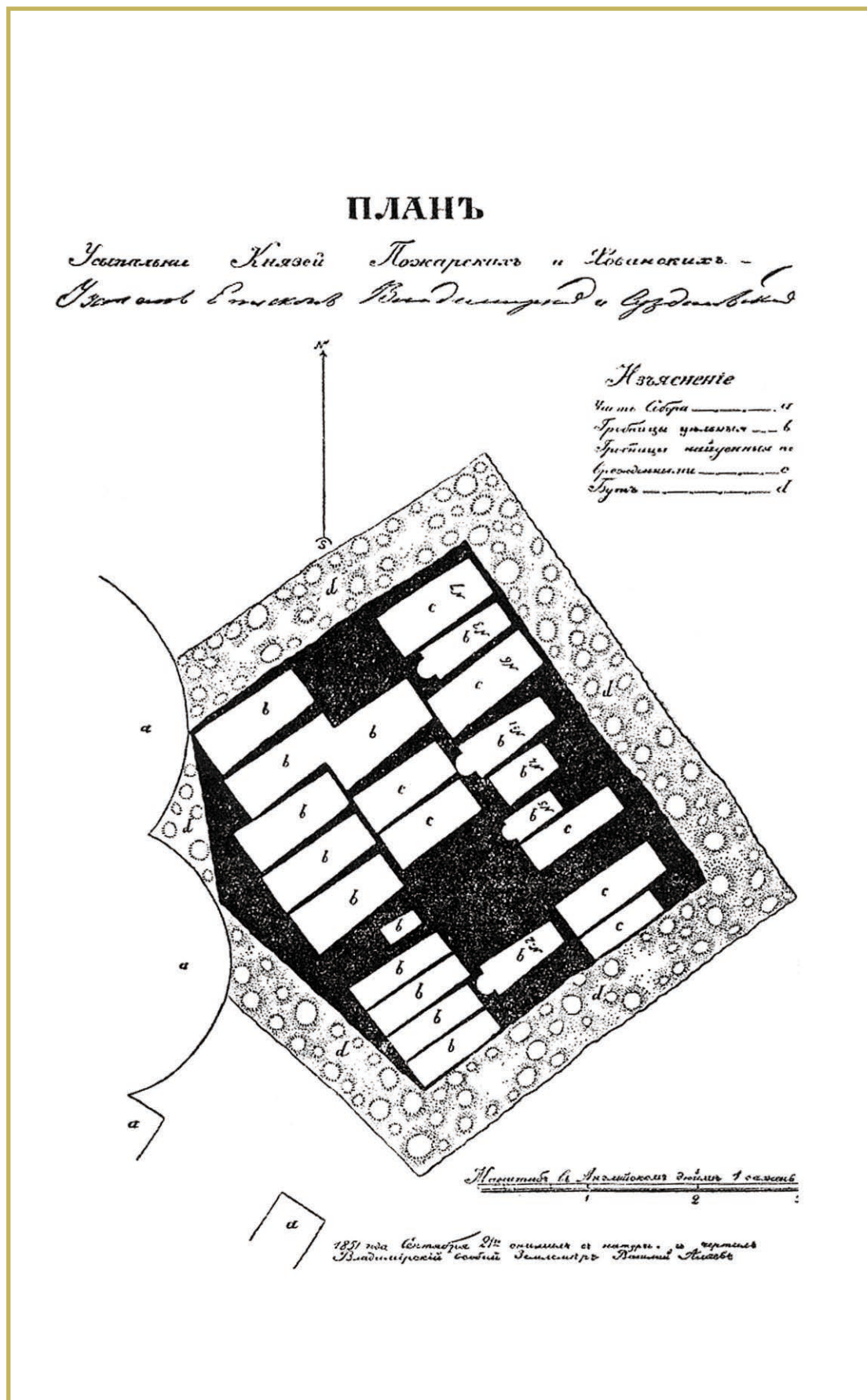

Рис. 13. План усыпальницы, снятый 21 сентября 1851 года землемером Василием Алеевым (ОПИ ГИМ 53408 Р-6128; по: Родина М.В., 2007).

три погребения, по мнению исследователя, помещены на наиболее почетном месте: по оси алтаря придела св. Евфимия: «усыпальница Князей Пожарских стояла на монастырском дворе, прямо напротив алтаря предельной церкви Св. Евфимия. Это место считалось самым почетным местом для погребения. Следуя тому же самому правилу, в самой усыпальнице, почтеннейшим местом считалось то место, которое было прямо напротив алтаря²⁴. На этом месте теперь три гробницы: ... (№ 1-й) Князя Феодора Дмитриевича; вторая поврежденная гробница (№ 6-й), в ней вероятно похоронена мать Князя Феодора, Княгиня Прасковья Варфоломеевна, первая супруга Князя Дмитрия Михайловича».

Предполагая, что третья из этой группы гробниц «должна быть могила самого Князя Пожарского», Уваров сообщает о ней важные подробности, выделяющие из общего ряда не только здешних погребений, но придающие ей черты индивидуальности на фоне известных нам типовых деталей русского обряда: «Гробница № 3-й высечена из белого камня гладко, без всяких узоров и без всякой надписи. Только эта гробница была обнесена кирпичною обстойкою в виде чехла, и кроме того сверху над нею возвышался одногранный кирпичный свод, который был сильно поврежден. Над верхнею гладкою плитою разостлана была береста». Использование бересты для оборачивания деревянного гроба или, непосредственно, тела покойного хорошо известно в русском погребальном обряде. В данном случае, однако, рискуем предположить, что береста служит защитой от проливки раствора, поскольку саркофаг заключен в кирпичный склеп (их всегда крыли глухим сводом, что делало протекание раствора неизбежным).

Кроме саркофага и свода, гробницу № 3 выделяла сохранившаяся надгробница, выходящая в прошлом, видимо, на поверхность пола: «Над сводом, сверх того, была расположена четырехугольная пристройка, служившая, может быть, для поддержки особой плиты с надписью, но ее не нашли». Уваров тут же объясняет отсутствие надгробия, апеллируя к архивам и давая нам необходимую нить для суждений о том, какие именно документы имелись в его распоряжении: «Отсутствие этой плиты объясняется некоторыми бумагами, хранимыми в Румянцевском Музее. В одной из них за № 30, сказано: «имевшиеся же на гробах Князей Пожарских и Хованских бе-

лые камни с надписями им же Архимандритом Ефремом употреблены на выстилку при церкви рундуков и другие монастырские здания» (об этом см. ниже).

Значительная часть Записки посвящена атрибуции саркофага № 3. Аргументами служат наблюдения над качеством и сохранностью материалов: «Между гробницею Князя Феодора и гробницею № 3 существует разительное сходство. Та же форма, тот же камень, та же твердость; даже цвет камня равной белизны на обеих гробницах и доказывает их почти современность. Князь Феодор умер 9 лет прежде отца. Напротив того могила Князя Хованского, умершего 24 года прежде Князя Феодора, имеет желтизну, резко различающую ее от цвета гробницы Князя Феодора и от гробницы № 3» и разница в оформлении погребений: «Хотя гробницы Князя Феодора и Князя Хованского изукрашены надписями, но над ними не было ни двойного свода, ни кирпичного чехла, ни бересты», что, по мнению Уварова, служит «явным доказательством, что питали к этой могиле особое почтение, и что предпочитали ее сохранность сохранности всех прочих могил».

Однако то же сравнение заставляет Уварова задаться вопросом об отсутствии на саркофаге надписи: «Видя гладкую плиту гробницы № 3, рождается вопрос: отчего она гладкая, и отчего не высечена на ней надпись. Во-первых, так как была еще другая плита и может быть с надписью, то не было необходимости писать вдвойне имя знаменитого мужа, здесь погребенного; во-вторых, известность Князя Пожарского была для современников лучше всякой надписи и они предоставили этот труд потомству». К сожалению, эти два аргумента нельзя принять даже условно: хорошо известно, что надпись на крышке саркофага не заменяла плиты или таблицы с надписью над землей, и в статусных некрополях обязательны оба вида письменной маркировки погребения (см. об этом ниже).

Третья серия аргументов связана с группировкой могил. Уваров полагал, что весь северо-восточный угол усыпальницы отдан под погребения ближайших родственников Дмитрия Михайловича, его малой семьи: «Обратив внимание на взаимное положение гробниц, мы увидим, что по правой стороне гробницы Князя Феодора лежат две детские гробницы, вероятно, могилы его детей, умерших в малолетстве. Он же Князь Феодор, лежит по правой стороне гробницы № 3. Следовательно, можно

24 В особом разъяснении Уварову от 8 октября архимандрит отметит, что «находясь постоянно при производимых Вами розысканиях о месте погребения рода Князей Пожарских» он, действительно, видел, «что ... в самой усыпальнице Пожарских большая часть гробниц оказались уже разрушенными еще в прежнее время и что над гробницами и между ними лежали целые груды костей; но когда произведены такие поврежденные могил в усыпальнице» объяснить не может, не зная, что происходило до его прибытия в монастырь; «во время же моего слишком десятилетнего управления сим монастырем никаких разрытий на месте найденной Вашим Сиятельством усыпальницы Князей Пожарских не было», – свидетельствует он. Это утверждение не бесспорно: в палатке, примыкающей к апсиде с погребением святого, наиболее почетные места скорее те, что ближе всего к этому погребению – в нашем случае это гробницы западного ряда, а не восточного.

из этого заключить, что в гробнице № 3 лежит его отец». Это, конечно, чистая гипотеза, поскольку из иных источников нам неизвестны не только дети Федора Пожарского, но не ясно даже, успел ли он жениться до смерти.

Таким образом, к октябрю 1852 г. А.С. Уваров мог идентифицировать могилу князя Д.М. Пожарского только предположительно, на основе косвенных свидетельств, в целом не особенно убедительных. Поэтому в конце Записки он предлагает продолжить работы и вскрыть безымянный саркофаг в надежде найти материал для его атрибуции: «догадки могут подтвердиться или опровергнуться одним дальнейшим исследованием гробницы № 3. Или богатство одеяния, или тельный крест с обыкновенною надписью: «помяни Господи раба Твоего такого-то», или какой-нибудь особый знак определит действительно ли это гробница Князя Дмитрия Михайловича Пожарского». Как известно, надписи владельцев на крестах, действительно, встречаются, помогая атрибуции (также как и вовсе неожиданные находки).

Обнаружение и расчистка остатков усыпальницы образуют первый этап работ, итог которого подводит Записка. Она же открывает переписку по поводу вскрытия погребения № 3. Однако в этой части переписки содержатся и важные новые сведения о том, что видел А.С. Уваров в усыпальнице. Особенно информативен доклад графа министру Перовскому от 8.11.1852 г. (к нему прилагались рисунки: «Честь имею представить Вашему Сиятельству план усыпальницы Князей Пожарских и Хованских, рисунок, представляющий общий вид всей местности и рисунок с двух надписей, найденных в этой усыпальнице»)²⁵ (рис. 12, 13).

В докладе впервые описывается взаимное положение саркофагов и особенности каждого ряда могил. Можно понять, что ближайший к храму ряд не имел каменных саркофагов и Уваров, убедившись в малой вероятности найти здесь надпись, оставил его почти не расчистив: «Весь ряд могил, лежащих ближе к церковной стене (под буквою а), найден был без всяких надгробных плит. Тут стояли одни кирпичные склепы. Убедившись, что на них нет надписей, я вновь велел их засыпать. Некоторые из этих склепов показали мне поврежденными».

Далее А.С. Уваров описывает средний ряд, где в южной части им найден каменный саркофаг князя Никиты Андреевича

Хованского (схимника Нифонта), подчеркивая, что ряд сильно разрушен, но один, особенно крепкий, склеп сохранился в целости: «Между гробницею Князя Хованского и первым склепом, означенным на плане буквою е), лежала гряда костей, и видны были следы разобранных могил. По очистке от навалившейся земли двух склепов е и е, не найдено было в них никаких костей. Возле них лежит гробница в), одногранный свод крепок, и, по-видимому, могила эта не повреждена. За ней также была найдена целая гряда набросанных костей»²⁶.

Более подробно рассказано и о восточном ряде, который Уваров считал погребениями семьи князя Дмитрия: «Наконец, в третьем ряду прежде всего была открыта гробница Князя Федора Дмитриевича Пожарского. По правой стороне ее находится детская кирпичная гробница (№ 4), возле нее другая детская гробница (№ 5), высеченная из белого камня. На ней лежала разбитая узорчатая плита, отчасти провалившаяся в самую гробницу. Чтобы сохранить ее от большего повреждения, я подложил доски»²⁷. Возле ее²⁸ находятся три склепа, совершенно поврежденные.

По левой стороне гробницы Князя Федора находится поврежденная и даже пустая кирпичная гробница № 6. За этою гробницею находится другая гробница № 3, высеченная из белого камня. За нею лежит поврежденная гробница № 7, которая оставлена в том положении, в каком найдена, дабы видно было в каком положении я находил поврежденные гробницы»²⁹.

Анализа ситуации Уваров здесь не дает, отсылая к Записке (из чего следует, что она была приложена к докладу), но добавляет, что, поскольку «из монастырской описи известно, что в этой гробнице погребались Князя Хованские и Князя Пожарские», можно разделить восточный и средний ряд как, соответственно, ряды Пожарских и Хованских: «Во втором ряду гробниц, в котором находится могила Князя Никиты Андреевича Хованского, погребались наверно члены его семейства, а в первом ряду возле Князя Федора Дмитриевича Пожарского погребались Князя Пожарские». Сегодня для нас это совсем не очевидно.

Комментируется также состояние саркофага № 3 и меры, принятые для защиты усыпальницы: «Надобно теперь обратить внимание на гробницу под № 3. В общем виде она лежит последнею на правой стороне. На верхней плите заметна трещина»³⁰... Я принял всевозможные меры для охране-

25 Позже для публикации 1910 г. графиня Прасковья Уварова найдет в Эрмитаже не план, а общий вид, на который сама расставит указанные в описании литеры к плану; между планом, составленным В. Аляевым, текстом и рисунком возникнут известные расхождения. Чтобы избежать противоречий в нумерации, мы при раскопках вынуждены были вести ее независимо.

26 В нашей нумерации это погребение № 14.

27 Эти доски хорошо видны на рисунке 1851 г., литография которого опубликована в 1910 г. Нужно отметить, что провалившаяся плита заменяла крышку саркофага, для чего была подтесана с изголовья, а сам саркофаг был выдолблен из другой, более толстой плиты того же времени (XVII в.).

28 Вероятно, к югу, так как ниже будут описаны погребения более северные.

29 Повреждения этого склепа состояли, как выяснилось в 2008 г., только в обрушении кирпичного коробового свода, сложенного почти без раствора, и в небольшом вторжении в его изголовье, вероятно, уже времени раскопок самого Уварова. По нашей нумерации это погребение № 1.

30 При осмотре мы убедились, что это не трещина, а косой тесаный стык двух половин крышки. Хрупкость белого камня не позволяла тесать из него большие плоские формы, поэтому многие крышки саркофагов Московской Руси сделаны из двух тщательно пригнанных половинок. Возможно, деление крышки на две половины имело и другое назначение: оставить до последнего момента открытой верхнюю часть тела усопшего для прощания с ним – так, как это делают в современных дорогах гробов.

ния этих гробниц от наступающей осенней погоды. Над ними выстроена деревянная крыша, которая вероятно не пропустит ни дождя, ни снега. Кроме того сохранность этих могил препоручена присмотру о. Архимандрита». Ставится вопрос перед властями о засыпке усыпальницы или продолжении исследований: «Теперь обращаюсь к Вашему Сиятельству с покорнейшею просьбою. Прикажете ли Вы снова зарыть эти могилы, или будут ли сделаны над ними дальнейшие исследования» и о размещении памятника: «Не благоугодно ли будет Вашему Сиятельству, если последует приказание вновь зарыть это место, сообщить план усыпальницы и. д. Владимирского Гражданского Губернатора для руководства его к назначению места для поставления вышеупомянутого памятника, ибо место, прежде назначенное для этой цели, находится в боку, сажени три от настоящего места усыпальницы Князей Пожарских».

Доклад Перовского, подготовленный для Императора с резолюцией 28.11.1851 г., также как переписка МВД со Священным Синодом и Министерством народного просвещения, новой информации не дают и основаны целиком на текстах Уварова. Интерес представляет заключение Синода с разрешением вскрыть саркофаг, отслужить по Д.М. Пожарскому панихиду и благоустроить участок: «Св. Синод полагал бы предписать Преосвященному Владимирскому: 1) приступить при личном присутствии Преосвященного и с подобающим приличием и негласностью к осмотру указанной Графом Уваровым гробницы № 3; 2) если при осмотре подтвердится предположение, что в гробнице сей покоится прах достопамятного Князя Дмитрия Михайловича Пожарского, отслужить самому Преосвященному панихиду о упокоении души его и там составить об оказавшемся акт за подписью Преосвященного и тех лиц, которые к осмотру назначены будут от гражданского начальства; 3) с окончанием осмотра и гробницу, и самую усыпальницу привести в прежний вид, оградив последнюю, на первый раз, хотя временною решеткою; 4) означенный акт представить в подлиннике в Св. Синод при подробном донесении Преосвященного», а также предложения Перовского включить в состав комиссии по вскрытию саркофага № 3 «Члена Совета Министерства Внутренних Дел, тайного советника Арсеньева; 2) и. д. Владимирского Гражданского Губернатора, статского советника

Муравьева; 3) известного своими познаниями по части отечественной истории и археологии, академика Погодина... и 4) занимающегося равномерно отечественными древностями чиновника особых поручений Министерства Внутренних Дел, статского советника Графа Толстого».

После Высочайшего утверждения состава комиссии Перовский просит Уварова письмом от 17.01.1852 г. принять участие в акте открытия: «Сделав надлежащие распоряжения к исполнению сей Высочайшей воли и имея вместе с тем в виду, что, при освидетельствовании означенной гробницы, может встретиться необходимость в Вашем присутствии для ближайшего указания известных Вам по этому предмету обстоятельств, я прошу Вас, по получении сего, отправиться в Суздаль, куда равномерно должны будут прибыть и означенные выше лица», извещая об ассигновании на это командировочных средств из расчета на один месяц. Тем временем Уваров просит Императора разрешить негласное вскрытие могилы князя Трубецкого в Троицком Сергиевом монастыре, согласует его с митрополитом Филаретом и производит вскрытие, хотя, как уже говорилось, без успеха (графиня Уварова комментирует: «...гробница Князя оказалась ограбленной и залитой известью, – обстоятельство непонятное для монастыря никогда не подвергавшегося ограблению со стороны неприятеля»).

Акт вскрытия 23 февраля 1852 г. саркофагов № 2 и № 3 содержит информацию об этом объекте и частично дополняет предыдущие отчеты. Так, в нем единственном дано общее описание усыпальницы, которая «находится за алтарем Преображенского собора, против придела Преподобного Евфимия, имеет форму почти четверугольную, длиною около 14 аршин, шириною 10 аршин и совершенно сходствует с усыпальницами Князей Одоевских и Трубецких в Троицкой Сергиевской Лавре, кои некоторыми членами Комиссии предварительно для сравнения были осмотрены». Далее, сообщаются некоторые архивные данные и отсылка библиографического характера: «Принадлежность этой усыпальницы Князьям Хованским и Пожарским ...подтверждается и монастырскими описными книгами, где эта усыпальница означает исключительно именами сих двух родов. ... Разрушение за ветхостью верхнего отделения усыпальницы (в коем некогда хранилась монастырская ризница), при чем многие камни и плиты с надписями, в половине

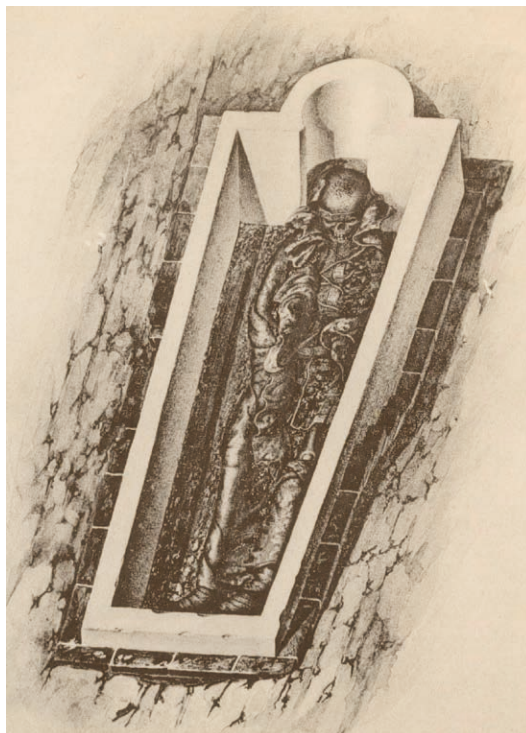
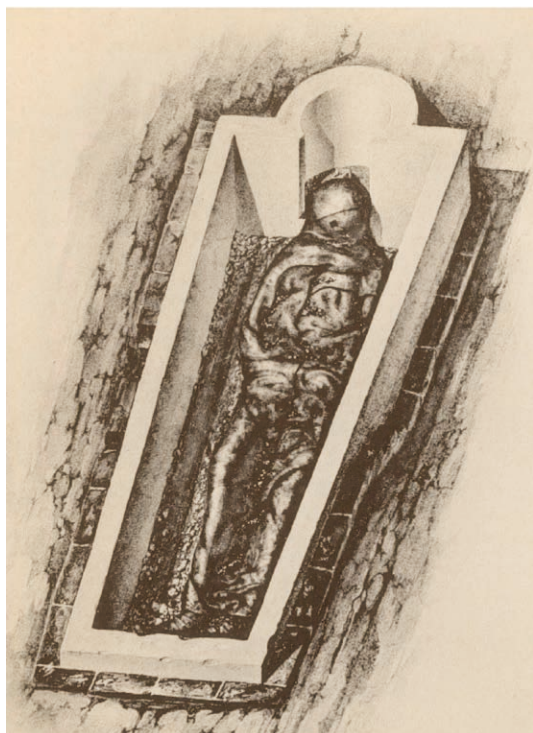

Рис. 14. Погребение № 3 в феврале 1852 года; литографии по рисункам с натуры; саркофаг со снятой крышкой: а – останки в саване; б – останки в погребальной одежде. По: Уваров А.С., Работы по разысканию..., 1910. Табл. 2 и 3.

прошедшего столетия, были вынуты и употреблены на монастырские постройки, – разрушение, засвидетельствованное еще в 1817 году покойным Малиновским, в биографических его сведениях о Князе Дмитрие Михайловиче Пожарском, поднесенных, при открытии ему памятника, Императору Александру, достаточно и удовлетворительно объясняет настоящее положение усыпальницы: *каким образом она постепенно была засыпана землею, потерялась из вида и едва сохранилась в темном предании». Дан также общий, но явно собственный подсчет и описание погребальных сооружений: «В первом ряду гробницы десять; во втором ряду четыре гробницы, в третьем ряду – девять: а всего 23. Все эти гробницы, за исключением показанных на прилагаемом плане под №№ 1, 2, 5, обнесены кирпичными стенками, а на некоторых сохранились и самые их своды. В гробницах заключались деревянные гробы, истлевшие или совершенно, или отчасти ... Гробницы же, показанные на плане под №№ 1, 2, 5 высечены из цельных известковых камней, с таковыми же наверху плитами вместо крышек, но стенками вокруг не обложены».*

Только с пункта 5 акт переходит к описанию саркофагов № 1 и № 3, которые открывались, причем начали вскрытие с погребения Федора Пожарского: *«При поднятии плиты с гроба Князя Федора Дми-*

триевича Пожарского оказалось: стенки имеют около двух вершков толщины; впереди высечено особое углубление для головы; остававшееся за нею пустое пространство заложено камнем вплоть со стенками, где положена еще половина тонкого кирпича. Тело покрыто шелковым узорчатым саваном, прежде, вероятно, алого, а ныне желтоватого цвета. При поднятии сего покровы открылся череп голый, с остатками коротких русых волос на темени и кругом на саване, покрывавшем голову, а на подбородке следы бороды. Одежда, равно как и самый труп, совершенно истлели, только на груди сохранились остатки шелковых петлиц и шелковые ворворки. Руки были сложены вместе и соединены шелковым укроем, той же материи, что и саван; ноги также были покрыты тою же материею». Таким образом, в саркофаге сына Д.М. Пожарского находилось непо потревоженное погребение мужчины, умершего в достаточно зрелом для ношения бороды возрасте. Никакой отсылки на рисунки или обмеры по поводу гробницы № 1 акт не содержит.

Следующий пункт акта дает описание погребения в саркофаге № 3: *«При открытии гробницы под № 3 оказалось: гроб совершенно одинаковый с предыдущим. Голова склонилась к шее, туловище обращено несколько на левую сторону, равно как и обе ноги. На краю пустого пространства в*

передней части, назначенного для головы, находился поврежденный стеклянный сосудец, в роде лампы, где содержался без сомнения елей соборования. Саван такого же цвета и материи, как у Князя Феодора Дмитриевича.... При поднятии савана оказалось: череп голый, пожелтевший и с резко обозначенными швами, как у человека преклонных лет, что показывали и уцелевшие зубы. Около висков видно было несколько волос темного цвета. На лбу находился венчик, пальца в два шириною, одинаковой с саваном материи, на коем вышиты золотом три осмиконечных креста с Голгофами и следующие буквы: ЦСИХ (Царь Славы Исус Христос) – были ясны. Руки соединены на груди укроем так же, как и у Князя Феодора Дмитриевича. Тело и одежда истлели, но на груди, начиная с плеч и около шеи, остались куски шелковой одежды неопределенного цвета с золотыми ворворками и золотым же узором; на середине тела заметен был шелковый вышитый пояс.... По левому бедру сохранилась также шитая золотом кайма кафтана, простиравшегося выше колена, и левый кафтанный разрез с оторочьем, которое вышито было золотым шнурком на белой шелковой тесме... Ноги выше колен обвиты особыми шелковыми тканями с оборками. На правой стороне тела находился узкий деревянный обломок в аршин длиною». К этому описанию в издании 1910 года прилагались таблицы II и III с изображением погребения и шитой нагрудной части рубашки, и давалось объяснение, что плана, на который ссылается акт, в архивах не обнаружено (рис. 14–15).

Последнее из натуральных наблюдений комиссии было сделано над погребениями к югу и северу (справа и слева) от саркофага № 3: «По правую сторону гроба под № 3 в кирпичной разрушившейся могиле находятся остатки тела, заваленные землею и мусором; при поверхностном вскрытии земляного слоя оказался череп с остатками волос, покрытый искусным золотым кружевом, свидетельствовавшим о погребенной здесь женщине. По левой стороне гроба под № 3 находится кирпичная могила с закрытым сводом, такой же формы, как и предыдущая».

Далее члены комиссии суммируют косвенные свидетельства, которые позволяют им поддержать гипотезу графа А.С. Уварова и признать его атрибуцию саркофага № 3 как погребения князя Д.М. Пожарского верной. Эти аргументы, несмотря на их многочисленность, следует привести

целиком. В соображение принимается:

«...что родина Князей Пожарских, от коей они получили самое имя свое, находится в близком расстоянии от города Суздаля;

... что место погребения Князей Пожарских в Спасо-Евфимиевском монастыре издревле известно было по монастырским описям, под именем их собственной палатки, вместе с некоторыми из родных им Князей Хованских;

...что ни в одном из монастырей Русских, церквей и соборов не сделано было Князьями Пожарскими таких многочисленных и богатых вкладов селами, землями, утварью, книгами, образами, как в монастырь Спасо-Евфимиевский, самый знаменитый в соседстве с их отчинами;

...что старший сын Князя Дмитрия Михайловича Пожарского похоронен здесь, о чем свидетельствует превосходно сохранившаяся надпись;

...что сам Князь Дмитрий Михайлович от своего имени принес в дар Спасо-Евфимиевскому монастырю множество вкладов разного рода в помин по душе своих родителей и своего сына (из которых одно принесенное Евангелие имеет обширную его руки приписку...табл. V и VI);

...что в поминовение по душе Князя Дмитрия Михайловича положены были значительные вклады, в числе коих... преимущественно предметы, остающиеся обыкновенно в церквях после погребения: псалтырь, читаемый перед гробом, образ, ставимый в головах у покойника, плащаница (табл. VII), великолепное паникадило (табл. XIII), шуба его, служившая вместо покрова, из которой впоследствии сшиты были служебные ризы (табл. IX);

...что в открытой гробнице его примечаются следы богатого боярского одеяния, которое не могло принадлежать никому из сего рода, не имевшему сего достоинства;

...что гробница эта из белого камня, с особым сложением над нею сводом, без сравнения с прочими гробницами, самым внешним устройством своим свидетельствует об особенном уважении родственников к погребенному в ней лицу;

...что при описании церковных образов в монастырской описи поставленные в церкви Св. Успения, по стороны правого крылоса, подле церковных дверей, именно означены вынесенными из палатки от родителей Боярина Князя Ивана Никитича Хованского, да Князя Ивана Дмитриевича Пожарского.

Точно так же при описании покровов монастырских двадцать один покров (как

Рис. 15. Нагрудная часть рубашки погребенного в саркофаге № 3 (№ 2/2008). Февраль 1852 года. Литография по рисунку с натуры. (Уваров А.С., Работы по разысканию..., 1910. Табл. 4).

будто по числу видных теперь еще гробниц в усыпальнице), означены принесенными «из палатки Боярина Князя Ивана Никитича Хованского, да Князя Ивана Дмитриевича Пожарского с родителей их».

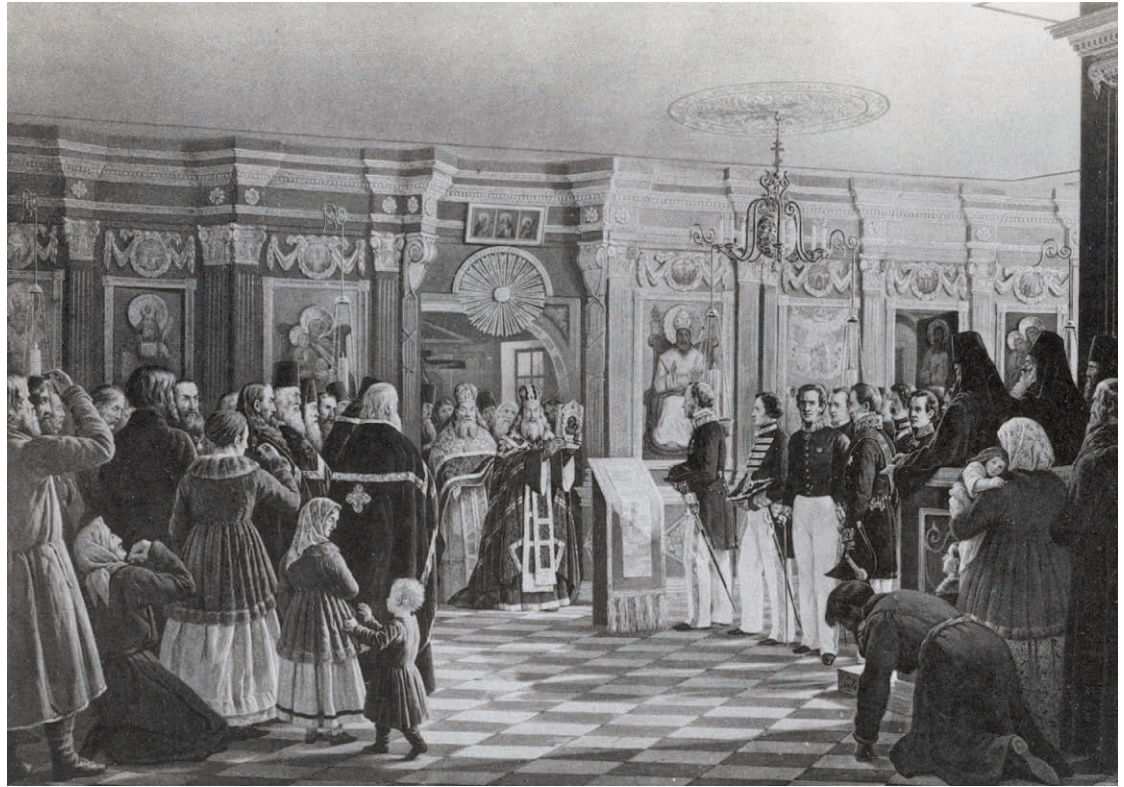
Если в некоторых случаях родителями называются у нас вообще предки, то в представленных здесь никак нельзя исключить из числа родителей настоящего родителя Князю Ивану Дмитриевичу, то есть Князя Дмитрия Михайловича, нельзя исключить тем более, что родитель Князя Ивана Никитича, Никита Андреевич Хованский погребен был положительно в означенной палатке, и гроб его сохранился в целостности с явственной надписью;

...что об образе Живоначальной Троицы превосходно сохранившемся, именно сказано и на доске – впоследствии написано:

«По Пожарских Родителях». В этом случае также нельзя никак разуместь всех родственников, а только одних действительных родителей, ибо образа жертвовались по душе того или другого лица, а не вообще по душам целого рода. Опись монастырская сделана в 1660 году, лет через 15 по смерти Князя Дмитрия Михайловича, и такое краткое упоминание казалось тогда достаточным. Образ вложен без сомнения тем же Князем Иваном Дмитриевичем, которому должно приписать и построение всей усыпальницы, получившей потому его имя в монастырской книге;

...что смежные женские гробницы весьма правдоподобно приписываются двум супругам Князя Дмитрия Михайловича из коих одна скончалась, вероятно, после старшего сына их, – Князя Феодора Дми-

Рис. 16. Панихида по князю Д.М. Пожарскому в воскресенье 24 февраля 1852 года (Уваров А.С., Работы по разысканию..., 1910. Табл. 11).

триевича, подле которого погребено тело ее, а другая чрез девять лет после кончины самого Князя Дмитрия Михайловича, заняв последнее место в родовой усыпальнице;

...что в монастыре преподобного Евфимия исстари ведется предание о погребении в стенах его Князя Дмитрия Михайловича Пожарского, передаваемое постоянно всеми посетителями, из которых многие и засвидетельствовали оное;

...что в исторической литературе русской никогда нигде и никем не выражено было никакого основательного сомнения о месте погребения Князя Дмитрия Михайловича в Спасо-Евфимиевском монастыре...».

Отметим, кроме общих указаний на связи Пожарских как благодетелей с Евфимиевым монастырем и на несомненное наличие в нем кладбища этой семьи, гипотезу о постройке усыпальницы сыном князя Дмитрия, Иваном. Позже эту гипотезу принял Погодин.

Завершается акт записью мнения комиссии, которая «вполне подтверждает его [графа А.С. Уварова] догадку», полагая, что «в настоящем состоянии дела, по всем законам строгой исторической критики, нет никакого повода, тем менее права, сомневаться, чтобы гробница, показанная по приложенным планам под № 3, не заключала в себе праха Князя Дмитрия Михайловича По-

жарского» и перечислением прилагаемых графических документов: «а) план усыпальницы в том виде, в котором она ныне открыта; б) два рисунка открытой гробницы под № 3 Князя Дмитрия Михайловича, с принадлежащими к ней подробностями; в) изображение плит на гробах Князя Хованского и Князя Пожарского; г) снимки с подлинной надписи на Евангелии и с двух записок из монастырских описных книг...». Подлинники акта и графических листов комиссия решает передать Епископу Владимирскому и Суздальскому «для препровождения в Святейший Синод», а копию представить министру внутренних дел³¹.

На акт комиссии была поставлена резолюция Императора от 22 марта 1852 г., предписавшая «объявить Монаршее благоволение всем членам комиссии а также Архидиакону Владимирскому и Настоятелю Спасо-Евфимиевского монастыря» и «снести с гр. Протасовым о доставлении сказанному монастырю средств к поддержанию обители и восстановлению разрушенной крепостной стены».

Последний обширный документ, дополнительно освещающий работу комиссии – «всеподданнейший доклад», составленный Перовским на основании рапорта члена комиссии, графа Толстого, сообщает, что сам граф прибыл в Евфимиев мона-

³¹ Перовский получит ее, судя по его приводимому ниже заключительному докладу Государю, уже через 3 дня, 26 февраля.

стырь первым и изучил имевшиеся там источники: «Главнейшими документами для сего служили: монастырские описные книги 1660 года, современные сему синодики и старинная церковная утварь, иконы и ризница». Остальные члены комиссии прибыли 22 февраля, осмотрев до этого усыпальницу в Троице-Сергиевой лавре (см. выше) и познакомились с подготовленными Толстым источниками. На следующий день «23 февраля комиссия, собравшись в покои Епископа, пригласила Графа Уварова и выслушала представленные им соображения и доказательства на основании которых он полагал, что прах Князя Дмитрия Михайловича Пожарского покоится в недрах сего монастыря. Вслед за тем Члены отправились на место усыпальницы и произвели порученный им осмотр...».

На следующий день, 24 февраля, в Воскресенье, в монастыре была отслужена особая панихида, которую граф Толстой описал подробно, упомянув и реликвии рода Пожарских, все еще хранившиеся в Суздале и использованные в богослужении: «народ с утра начал стекаться в монастырь к обедне. Стечение его было так многочисленно, что церковь не могла вместить всех усердствующих. Члены Комиссии, а также местные чины были в мундирах. По совершении литургии Настоятелем монастыря, Архимандритом Иоакимом, городское и монастырское духовенство вышло из Царских дверей и окружило амвон для совершения особенного богослужения. При появлении Архимандрита в церкви послышался народный говор: «Ризы Пожарского, ризы Пожарского». Так свежо еще предание о его могиле. Действительно о. Иоаким был облачен в фелонь, сделанную, по преданию, из шубы Князя Дмитрия Михайловича Пожарского, которою по тогдашнему обычаю было покрыто тело усопшего при отпевании и которая записана в описи 1660 г. На нем была епитрахиль, данная Княгиней Феодорою Андреевною по душе знаменитого супруга; к сожалению из трех сохраняющихся в монастыре Архимандричьих шапок, данных тою же вкладчицею и с тою же целью, ни одна не была впору Настоятелю (табл. X). Епархиальный Архиерей, объяснив в кратких словах цель приезда Комиссии и приобретенное ею убеждение о могиле Князя Пожарского, пригласил православных соединить мольбы их с церковью о упокоении души усопшего и начал панихиду, по окончании которой были вынесены две иконы, одна пожертвованная самим

Князем при жизни, а другая – поступившая вкладом по душе его...» (рис. 16).

Далее Перовский сопоставляет в докладе события вскрытия гробницы и панихиды с двумя памяtnыми датами: комиссия прибыла в Суздаль в день перенесения мощей Преподобного Евфимия Суздальского (22 февраля), а вскрытие состоялось в день избрания на престол Царя Михаила Феодоровича. Заключительная часть доклада посвящена недостаточности у монастыря средств для поддержания реликвий, и происходящим от этого утратам, со следующим заключением: «Доселе монастырь не упал, но поддержка его быть может дорого стоит отечественной археологии, и существование зданий объясняет отсутствие драгоценных вкладов, известных нам из древних описей. Таким образом еще в последней половине прошедшего столетия родовая усыпальница Князей Пожарских, которая ко всеобщей радости ныне открыта, была разобрана Архимандритом Ефремом и надгробные камни употреблены на выстилку рундуков!»

Последний раз А.С. Уваров пишет об усыпальнице в своем донесении в МВД от 16 сентября 1852 г., сообщая о намерении епископа Владимирского и Суздальского «приступить к приведению в первобытное положение места погребенья Князя Дмитрия Михайловича Пожарского, т.е. зарыть найденную в прошлом году усыпальницу семейства Князей Пожарских и самую гробницу Князя Дмитрия Михайловича». Поскольку для постройки нового памятника «для исполнения Высочайшей воли необходимо будет снова разрыть это место, чтобы положить фундамент..., я счел долгом довести до сведения Вашего Превосходительства об этом обстоятельстве, присовокупляя при сем, что от предполагаемого разрытия гробница Князя Пожарского может пострадать, ибо камень, из которого она сделана, не довольно надежен по причине 200-летнего пребывания его в земле»³².

За этим в истории усыпальницы следует достаточно длительная работа по созданию нового памятника, роскошно украшенной часовни 1865–1885 гг. по проекту архитектора А.М. Горностаева. Здесь не требуется пересказывать ее, так как существенного влияния на историко-археологические работы 2008 г. она не оказала, опубликована же достаточно подробно. Обратимся прямо к сравнению результатов раскопок 1851 и 2008 годов.

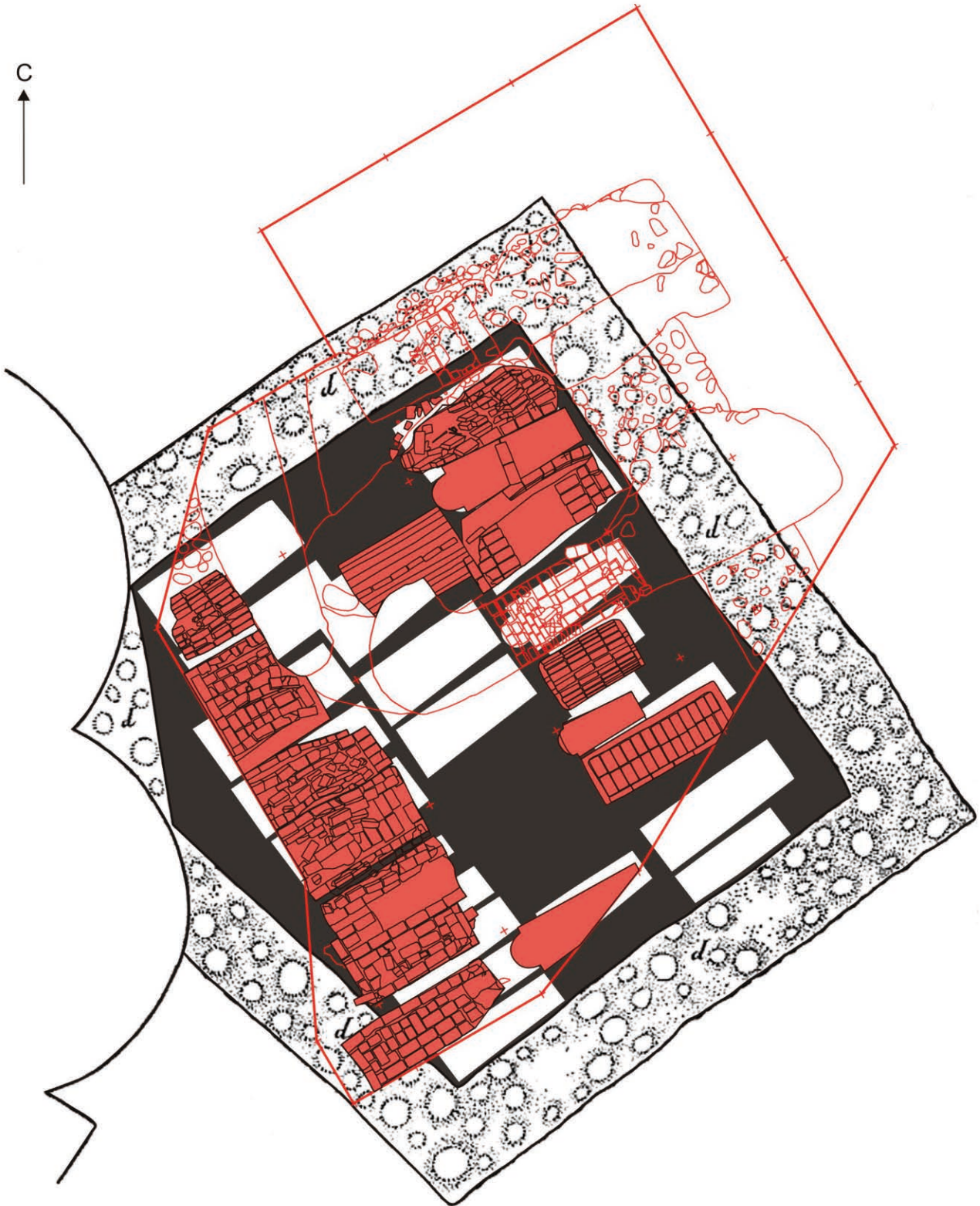
32 Это замечание 150-летней давности было актуально и для решений 2000-х годов. Когда встал вопрос об установке реставрационной копии памятника на древние фундаменты, ее решено было разместить в стороне от древней палатки, чтобы не подвергать риску разрушения ни ее, ни вновь возводимое сооружение – оно оказалось бы слишком близко к собору, в зоне водосброса с его крыши.

Глава 2

Сравнительный анализ
материалов 1851 и 2008 гг.
Идентификация погребений
семьи князя Д.М. Пожарского

C
↑

0 1M

Сравнительный анализ материалов 1851 и 2008 гг. Идентификация погребений семьи князя Д.М. Пожарского

Рассмотрим теперь результаты, полученные графом А.С. Уваровым в 1851 году, в свете работ 2008 года. К сожалению, эти данные нельзя сравнить напрямую. Нам удалось раскрыть не всю усыпальницу, а часть, хотя и значительную: в раскоп попали только три стены, северная (не целиком), восточная и западная. Южный край палатки остался под дорожкой. Кладку западной стены, примыкающую к апсиде, мы не раскрыли, оберегая сохранность оснований собора. Наконец, треть вскрытой площади оказалась занятой фундаментом часовни 1880-х годов (рис. 17–20). Все же точек соприкосновения более чем достаточно для того, чтобы соединить материалы, свести данные сезонов, разделенных полуторавековым промежутком, без существенных зазоров и лакун. Суммируем их.

Раскрытые в 1851 и 2008 гг. остатки принадлежали четырехстенному сооружению, приложенному вплотную к апсиде Евфимиевского придела. Между фундаментами постройки тремя рядами располагались могилы. Погребенные лежали: в антропоморфных белокаменных саркофагах; в деревянных гробах с кирпичными футлярами-склепами (в одном случае белокаменный саркофаг был также установлен в кирпичный футляр); наконец, просто в грунтовых могилах. Оказалось, что самый западный ряд погребений А.С. Уваров, убедившись в отсутствии здесь надписей, почти не расчищал. Эта линия из тесно лепящихся друг к другу кирпичных склепов и немногих грунтовых могил буквально прижата к апсиде (рис. 21). В этом ряду нет белокаменных саркофагов, но над частью склепов (их всегда выкладывали на месте, прямо в могиле) сохранились кирпичные основания под памятники, так называемые надгробницы; в большинстве они не соединены со своим склепом сплошной кладкой, так что верх «склепа» отделен от надгробницы слоем грунта. В этой западной линии в 2008 г. расчищено не менее восьми склепов (включая двойной детский), хотя А.С. Уваров насчитал их на том же протяжении не менее девяти, а самые южные и самые северные участки в раскоп 2008 г. вообще не попали.

Восточнее, в среднем ряду, мы, вслед за А.С. Уваровым, открыли белокаменный саркофаг (№ 15/2008 г.) князя Никиты Андреевича Хованского, умершего в мае 1608 г. (рис. 22, 23). Он был идентифицирован по красиво врезанной в крышку надписи:

ЛѢТА 7116 ГО
ПРЕСТАВИСѢ РАѢ Б[О]ЖІЙ КНЯЗЬ НИ
КИТА ОНДРЕЕВИЧ ХОВАНСКОЙ
ВО ИНОЦЕХ ИНОК СКИМНИК НИООНТЬ
НА ПАМЯТ[Ь] С[ВЯ]ТА[ГО] АП[О]СТ[О]ЛА КАРПА

День (26 мая) определяется по скрытой дате, памяти апостола Карпа «от 70-ти». Последняя цифра года отчетливо передана буквой S («зело» = 6), что в пересчете дает 1608 год (7116 – 5508). А.С. Уваров прочел ее как З («земля» = 7) – видимо, из-за близкой формы той же буквы в слове «князь», и перевел год как 1609. Дополнительный источник – таблица от надгробницы того же Никиты Андреевича – указывает тот же день и месяц смерти, на-

*На иллустритуле – Рис. 19.
Совмещение контуров раскопов
1851 и 2008 годов (на основе плана
В. Алеева 1851 года).*

Рис. 17. Раскоп 1. Общие фото: вид сверху с юго-востока.

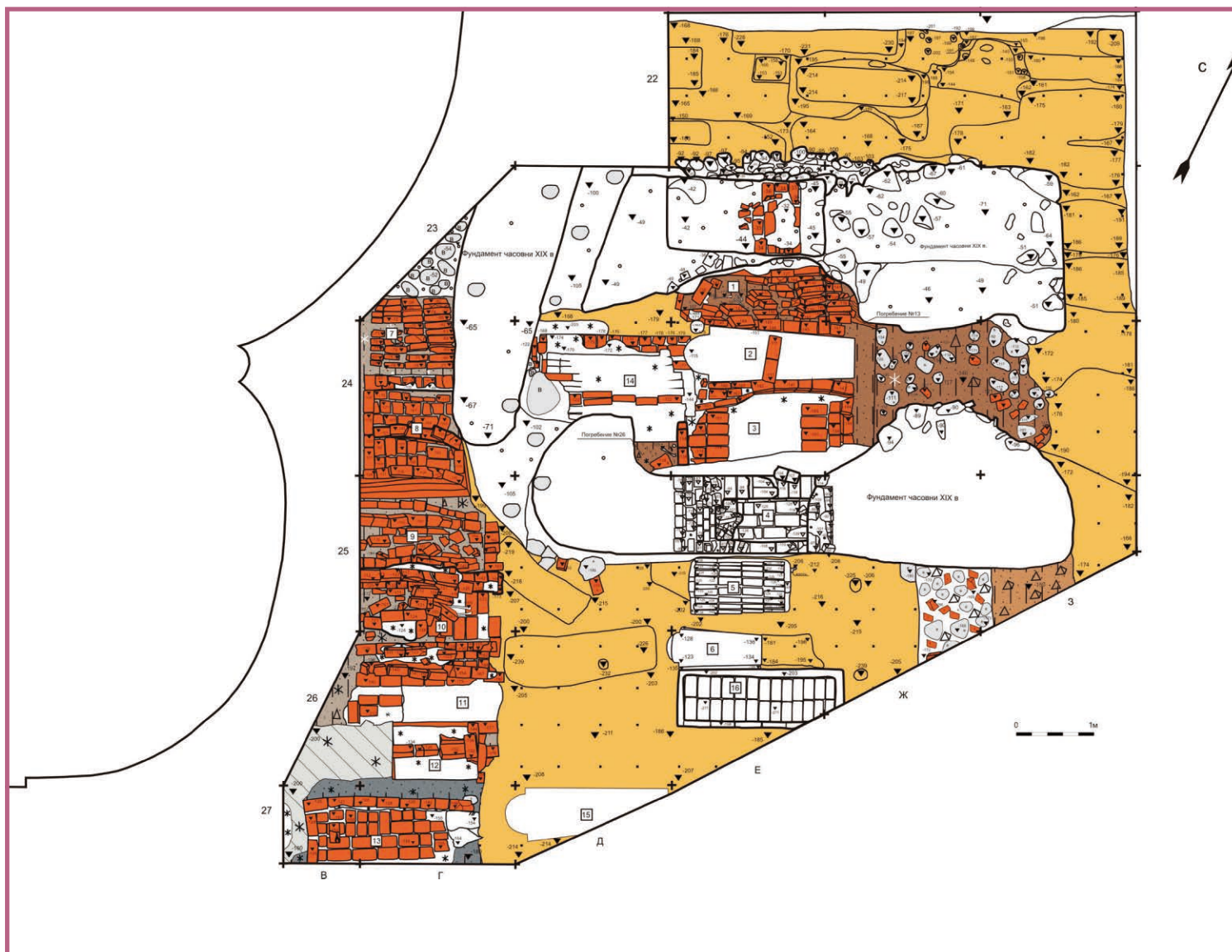
зывая в то же время и год (7116), подтверждая нашу правоту (детальнее см. в приложении № 6). Осмотр саркофага подтвердил его общее соответствие началу XVII в. как по типу, так и по характеру декоративной вязи.

От него к северу, в том же ряду, фиксируется промежуток на 3–4 погребения, но были ли они здесь – неясно. В прошлой главе уже сказано, что некоторые погребения разрушены еще до работ 1851 года, а землекопы XIX века при раскопках пробили здесь слой до материка (рис. 24–26). В материке здесь прослежены остатки не менее чем двух могильных ям, но, по крайней мере, одна из них явно древнее усыпальницы, так как имеет иную ориентировку (см. приложение № 1). В том же среднем ряду, дальше к северу, А.С. Уваров отметил три кирпичных склепа, из которых два были к тому времени уже разрушены. Сейчас они застроены часовней XIX века, и до нас дошел только третий, № 14/2008. Его особенно важно было изучить, так как он в головах у Федора Дмитриевича Пожарского и, гипотетически, мог принадлежать князю Дмитрию Михайловичу (о чем см. ниже). Кроме того, именно № 14/2008 (единственный из всех) сохранил такой тип свода, какой Уваров описал над погребением, которое определил как принадлежащее Д.М. Пожарскому: это свод с двускатной «кровлей» и двумя треугольными «фронтами».

А.С. Уваров не пишет о вскрытии склепа № 14, видимо, он его не тронул. Но западная часть кладки была позже пробита валунами часовни, и мы смогли, убрав их, сделать фото изнутри, увидеть остатки гроба (опалубки?) и разрозненные кости, а затем расчистить внутренность склепа, не разбирая свода. В склепе не было саркофага, а разрозненные останки принадлежали трём мужским костякам и одному женскому, так что даже пол «хозяина» склепа определить не удалось (рис. 27 а, б).

На восточный край склепа № 14 опираются два склепа следующего, восточного ряда (№ 2/2008 и № 3/2008). Следовательно, склеп № 14/2008 сооружен раньше них и, возможно, раньше 1635–1640 гг. – если согласиться, что А.С. Уваров верно определил эти два склепа восточного ряда как могилы Дмитрия Пожарского и его первой жены (или, как допустимо думать, матери) (рис. 28). К сожалению, стратиграфия культурного слоя в усыпальнице до 2008 г. была полностью разрушена, и соотношение кладок компенсирует эту утрату лишь частично (рис. 29 а-г).

Последний, восточный ряд, А.С. Уваров считал целиком принадлежащим Пожарским (рис. 30). Из открытых здесь в 1851 г. девяти или десяти погребений в раскоп 2008 года попало восемь. Возможно, они самые поздние: палатку могли заполнять, начиная от западной стены, если вход

предположить с востока, с юга или через галерею, с запада.

В восточном ряду удалось уточнить ряд деталей, в том числе – увидеть надпись на крышке саркофага князя Федора Дмитриевича Пожарского (№ 4/2008; левые части двух верхних строк восстановлены по описанию А.С. Уварова, так как саркофаг застроен фундаментом памятника-часовни 1880-х годов и нам удалось расчистить не весь текст) (рис. 31–33). Надпись сделана в 4 строки углубленной вязью, крупной и четкой:

[ЛЪТА] 7141 ГО ДЕКО
[БРЯ 27 ДЕНЬ] ПРЕСТАВИС[Я] РАБЪ Б(О)ЖИЙ
БЛАГОВЕРНИЙ КНЯЗЬ ФЕДОР
ДМИТРЕВИЧ ПОЖАРСКОЙ

Этот любимый сын князя Дмитрия умер в 1632 г., раньше своего отца и матери (см. также приложение № 6).

А.С. Уваров считал, что сразу к северу от князя Федора погребена Прасковья Варфоломеевна – первая жена князя Дмитрия Михайловича и мать князя Федора. Это, действительно, выглядело логично. Тем паче, что антропологический анализ останков и обнаруженный в погребении № 3/2008 волосник (шапочка с кружевным верхом и золотным шитьем с растительным орнаментом), который видел и А.С. Уваров, подтверждают, что здесь погребена пожилая женщина (рис. 35). Однако П.В. Пожарская умерла 2 сентября 1635 г. в Москве, где ее отпевал патриарх Иоасаф в ц. Введения на Лубянке¹, так что полной уверенности в перевозе ее тела в Суздаль у нас нет. Не менее

Рис. 18. План погребений в раскопе 1, 2008 г.

¹ Эскин Ю.М. Опыт жизнеописания боярина князя Козьмы-Дмитрия Пожарского // День народного единства. Биография праздника. М., 2009. С. 119–280.

Рис. 20. Погребальные сооружения внутри усыпальницы, вид с юга.

Рис. 21. Западный ряд гробниц в усыпальнице; фото с востока: северная часть.

Рис. 22. Саркофаг князя Н.А. Хованского, вид с севера.

логично было бы погребение между гробницами Федора и князя Д.М. Пожарского, матери самого князя Дмитрия и бабушки Федора, Евфросинии, которая умерла в 1640 г.² в очень преклонном возрасте, пережив некоторых внуков (хотя до недавнего времени дату ее смерти считали гораздо более ранней, надпись на таблице-надгробии и запись Кормовой книги Троице-Сергиева монастыря³ указывают именно 1640 год).

В то же время, отсутствие в уборе погребенной признаков монашеского сана и находка в нем волосника могут противоречить такому отождествлению останков из склепа № 3/2008 – ведь в момент смерти Евфросиния носила схиму. Впрочем, в усыпальнице есть только одно погребение, в котором найден кирпич-подголовник – в остальных статус монашествующего не подчеркнут ни инвентарем, ни облачением, хотя принявшие схиму среди них были. Высокородные инокини, возможно, и не снимали волосник – во всяком случае, в двух погребениях монахинь в подклете и под крыльцом собора суздальского По-

кровского монастыря волосник сочетался с монашеским одеянием⁴. Таким образом, в склепе № 3/2008 можно предположить как погребение первой жены Д.М. Пожарского, так и его матери, Евфросинии.

Крайний к северу в восточном ряду кирпичный склеп (№ 1/2008) А.С. Уваров не вскрыл (рис. 34). Он полагал, что здесь лежит вторая жена князя Дмитрия, Феодора Андреевна Голицына, умершая в 1651 г. через 9 лет после мужа. Следуя примеру предшественника, мы не стали вскрывать склеп, но разрушения свода позволили осмотреть череп, который был определен как принадлежавший женщине 20–30 лет.

В результате возникает выглядящая логичной хронологическая последовательность погребений, выстроенная А.С. Уваровым и отчасти уточняемая нами: № 4 (Федор, † 1632); № 3 (Прасковья, † 1635, или Евфросиния, † 1640); № 2 (по Уварову № 3 – князь Дмитрий Михайлович, † 1642); № 1 (вторая жена князя Дмитрия, Феодора, † 1651). Если так, то северная часть восточного ряда развивается с юга на север, и всем

2 Беляев Л.А. О датах смерти Е.Ф. Пожарской и В.П. Пожарского: эпиграфические заметки // Российская археология. 2009. № 1. С. 162–165. См. ниже, приложение № 6.

3 Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М., 1987. С. 101.

4 Раскопками П.И. Куглюковского и А.Д. Варганова в соборе Покровского монастыря было вскрыто (1972 г.) 5 погребений. См.: Курганова Н.М. Страницы истории некрополя города Суздаля. М., 2007. С. 55–56.

5 Курганова Н.М. Надгробные плиты из усыпальницы князей Пожарских и Хованских в Спасо-Евфимиевом монастыре

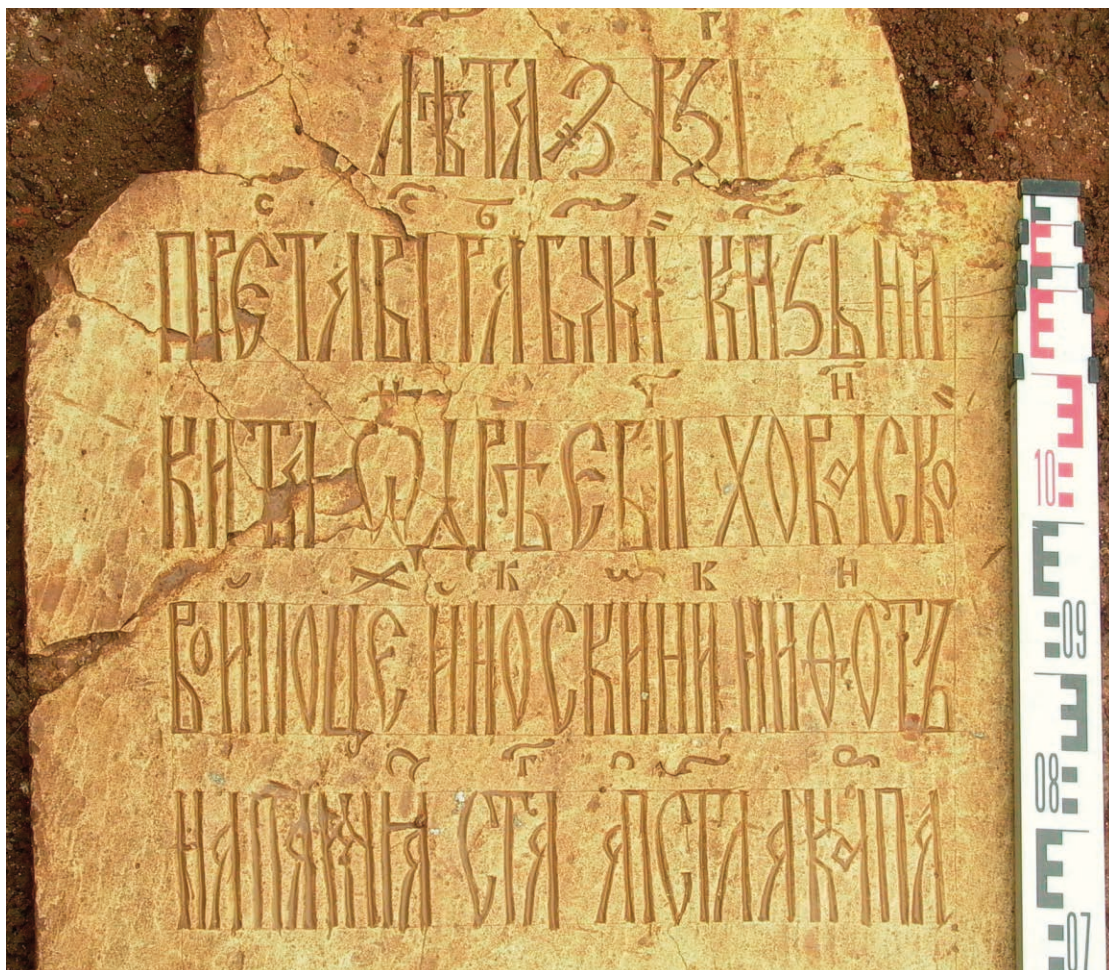

Рис. 23. Надпись на крышке саркофага князя Н.А. Хованского.

его погребениям предшествует склеп № 14 в среднем ряду.

Тогда нельзя исключить, что два детских погребения, № 5/2008 и № 6/2008 (кирпичный склеп и маленький белокаменный саркофаг), лежащие рядом друг с другом южнее саркофага Федора Дмитриевича, принадлежат его маленьким детям или даже рано умершим детям Д.М. Пожарского. Кто они? (Рис. 36, 37 а, б)

Из надгробных надписей (см. приложение № 6) известно об одновременной смерти и погребении двух мальчиков: Никиты, сына князя Дмитрия, и младенца Петра Никитича, сына Н.А. Хованского, которые были положены под надгробницей с единой надписью, где указана общая дата их смерти – 26.08.1608 года⁵. Но среди кирпичных надгробниц уже есть двойная детская – это склеп № 8/2008 (погребения № 27 и № 27а) в первом (западном) ряду, ближе к северному углу (Уваров склеп как двойной не выделял). Это, вероятнее всего, и есть погребение Н.Д. Пожарского и П.Н. Хованского, для возможного надземного оформления

которого укажем такой важный аналог, как двойная детская надгробница в Покровском соборе Александровой слободы (см. в главе 4)⁶.

Тогда одно из двух раскрытых в восточном ряду детских погребений (скорее для № 6/2008, совершенного в каменном саркофажке⁷) допустимо отождествить с младенцем Василием Петровичем Пожарским, внуком Дмитрия Михайловича, который умер практически одновременно с бабушкой, в 1640 г., и о погребении которого в монастыре известно благодаря находке надгробия. Выяснилось, что А.С. Уваров снял с маленького саркофага крышку, расколотую на несколько кусков, и подложил под нее доски. К 2008 году они успели превратиться в тлен, мы заменили их новыми, для чего саркофаг пришлось открыть. Погребение не изымалось, но была сделана общая фотография, на которой отчетливо видно, что в каменном гробу лежат останки одного ребенка ростом около 90 см (рис. 38 а-в).

Погребение № 5 в детском кирпичном склепе, плотно прилегающее к склепу с сар-

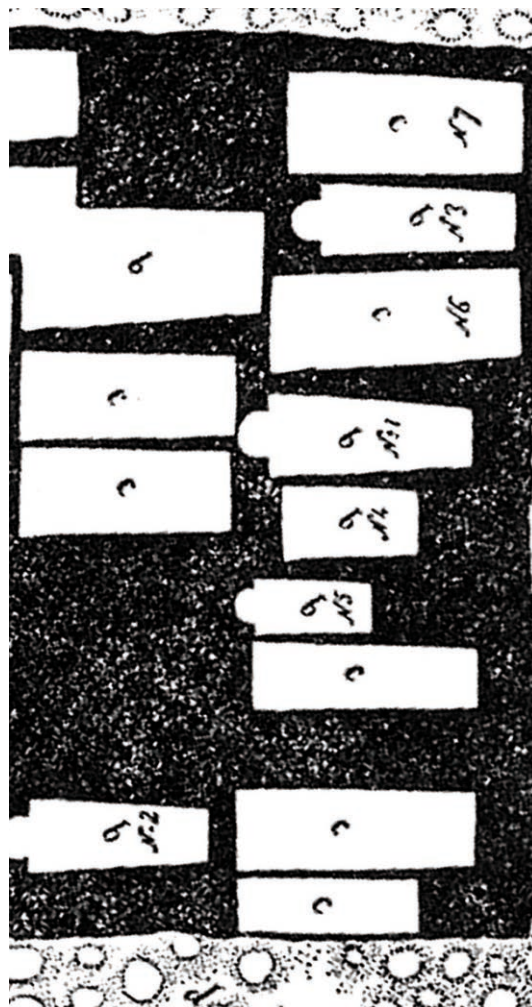
Суздаль // Памятники культуры. Новые открытия. 1993. М., 1994. С. 396–404; Она же, Страницы истории..., 2007.

⁶ Дата неизвестна. См.: Курганова Н.М. Страницы истории..., 2007. С. 40, ил. 22.

⁷ Этот саркофаг привлек внимание еще до раскопок тем, что его оформление для таких изделий необычно (см. об этом в следующей главе).

Рис. 24. Южная часть среднего ряда погребений после зачистки материка; вид с запада.

Рис. 25. План среднего и восточного рядов погребений по обмеру 1851 года.

кофагом Ф.Д. Пожарского (как и последнее из раскрытых в восточном ряду погребений – от него остался только кирпич пол) невозможно идентифицировать даже гипотетически.

Таким образом, в восточном ряду удастся определить, с разной степенью надежности, пять погребений, в среднем – одно, а в западном – только двойной детский склеп. Возможно, что все они образуют хронологическую последовательность, начинающуюся от западной стены.

Особый интерес представляет, конечно, сооружение № 2/2008 (№ 3/1851), определенное А.С. Уваровым как погребение князя Дмитрия Пожарского. А.С. Уваров дал довольно подробное описание останков в этом саркофаге: они принадлежали очень пожилому (судя по состоянию черепных швов и зубов) человеку в богатой светской (боярской?) одежде (см. выше, в главе 1). Раскопки 2008 года показали, что документации 1851 года можно полностью доверять, поэтому после ряда обсуждений, мы приняли решение отказаться от повторного вскрытия, которое обещало не так уж много новой информации (рис. 39).

Нужно, однако, отметить, что, несмотря на выводы комиссии 1852 года, сомнения в точности идентификации погребения Д.М. Пожарского у дореволюционных авторов оставались, и все они уделяли осо-

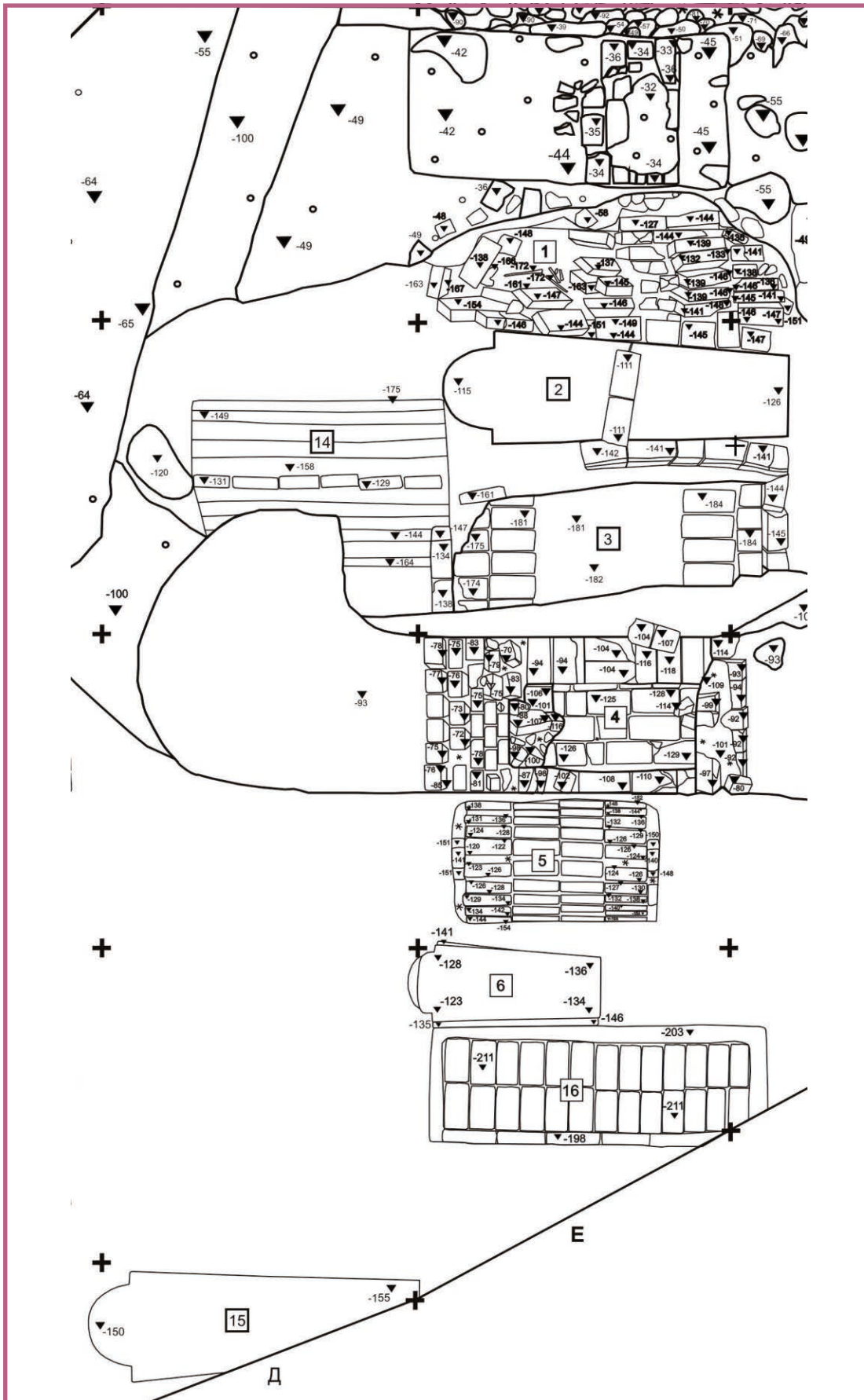

Рис. 26. План среднего и восточного рядов погребений по обмеру 2008 года.

Рис. 27. Внутренний вид склепа № 14/2008 с запада: а – фото через пролом; б – фото после расчистки.

На странице 41 – Рис. 28. Погребения семьи Пожарских в восточном ряду усыпальницы, между фундаментами памятника 1860–1880-х годов. Вид с северо-запада. На первом плане часть склепа № 14/2008, за ним, с юга на восток: саркофаг князя Ф.Д. Пожарского (в булыжном фундаменте памятника) – остатки женского погребения с волосником (мать или первая жена князя Д.М. Пожарского(?)) – саркофаг № 3/1851 (№ 2/2008) (погребение князя Д.М. Пожарского(?)) – край склепа с женским погребением (вторая жена князя Д.М. Пожарского(?)).

бое внимание косвенным свидетельствам погребения князя Дмитрия в Евфимиевом монастыре. Наиболее серьезная статья, принадлежавшая М.П. Погодину (1859), так и называлась: «Исследование о месте погребения князя Дмитрия Михайловича Пожарского». Она четко делится на три части: в первой изложены данные письменных источников, во второй они сопоставлены с наблюдениями на усыпальнице, в третьей опубликованы сами источники. Остановимся и мы на этих текстах.

В XIX в. часто упоминается «предание», сохраняемая в монастыре память о захоронении князя вместе с его родителями, зафиксированная историками еще до раскопок А.С. Уварова⁸. Это предание получает прочное основание в документах монастыря в сборнике № 387 Музея графа Н.П. Румянцева, постоянно цитируемых М.П. Погодиным.

Усыпальница (погребальная палатка) в Спасо-Евфимиевом монастыре упомянута в ответе (записке) владимирского губернатора И.М. Долгорукого 1810 года; в поднесенном в 1817 г. императору Александру I сочинении А.Ф. Малиновского (в связи с открытием памятника в Москве⁹); позже (1833) в работе статистика К.И. Арсеньева; наконец, в ранних путевых записках само-

го Погодина 1849 года (см.: Москвитянин. М., 1850. Ч. II, № 3). Позже, цитируя записку 1810 г., он напишет: «оная полатка была против алтаря придельной церкви Преподобнаго Евфимия; в ней погребались князья Хованские и Пожарские; над нею сверху была полатка для хранения ризницы, которая бывшим архимандритом Ефремом в 1765 и 1766 годах разобрана, а фундамент оной и поныне виден... Имевшиеся на гробах князей Пожарских и Хованских белые камни с надписями им же архимандритом Ефремом употреблены на выстилку при церкви рундуков и на другие церковные починки»¹⁰.

Особое значение, естественно, имеет опись 1660 г., составленная через 18 лет после смерти князя¹¹. Ее составители, конечно, видели саму палатку и упомянули о взятых в собор «из полатки от родителей боярина князя Ивана Никитича Хованскаго, да князя Ивана Дмитриевича Пожарскаго образов...» и гробовых покровов («из полатки боярина князя Ивана Никитича Хованскаго, да князя Ивана Дмитриевича Пожарскаго с родителей их покров бархат червчат...»). На этом основании Погодин уверенно приписал сооружение палатки именно этим двум князьям, указывая на устойчивость именованного по ним палатки и допуская, что сам князь Дмитрий был погребен еще до по-

8 Погодин М.П. Исследование о месте погребения... 1859. С. 42 и 45; ранняя историография там же, на с. 39.

9 Малиновский А.Ф. Биографические сведения о князе Пожарском. М., 1817. С. 103, 105.

10 Погодин М.П. Исследование о месте погребения... 1859. С. 42 и 45.

11 Описная книга Суздальского Спасо-Евфимиева монастыря 1660 года // Ежегодник Владимирского губернского статистического комитета. Владимир, 1878. С. 18, 38.

стройки усыпальницы, без особого здания над ним. Погодин понимал, как трудно сохранить ряды и правильный порядок могил на открытом кладбище, но все же считал возможным возведение палатки после 1642 г., отмечая традиционность родовых участков и сохранения на нем мест для малых семей¹².

Перед разборкой усыпальницы в 1764–1765 гг. была сделана опись, из которой известно, что «при оных ц[е]рквах при придельной ризничная полата каменная ... При той полате к ц[е]рковным олтарям приделок небольшой каменный же... Под тою полатою и в оном приделке тридцать восемь гробниц над умершими каменных разных вкладчиков»¹³.

Хотя уже в XIX веке и письменных, и археологических свидетельств для локализации усыпальницы рода Пожарских было накоплено более чем достаточно – для уверенного включения в состав погребенных в ней самого князя Дмитрия Михайловича их все же не хватало. Полагая именно Евфимиев монастырь местом его погребения, А.С. Уваров опирался на многочисленные, но исключительно косвенные свидетельства: известные ему документы прямых сведений о погребении не содержали; в монастыре не было надгробной доски кня-

зя Дмитрия; на его вероятном саркофаге не оказалось надписи.

Но в конце XX в. был найден исключительный во многих отношениях исторический документ – духовная Д.М. Пожарского. В ней обнаружился наказ похоронить его в конкретном месте Евфимиева монастыря. Эта находка имеет особое значение еще и потому, что, кроме прямого указания на Евфимиев монастырь как место погребения князя, текст фиксирует определенную точку по отношению к могиле сына, князя Федора: «А тело мое мерзкое положить у Всемилостиваго Спаса в Суздале, в головах у света моево у князя Федора Дмитриевича». В завещании оставлен большой вклад на отпевание и «на столы» (50 руб.): «Всемилостивому Спасу вклад: шуба государева жалованная на соболях, золотная, да ферезя ... темно-синяя с образцами, да кубков третьих на поставце стоит, да чарка моя путная новая», а сверх того 3 жеребца, 20 кобылиц и 100 рублей деньгами¹⁴.

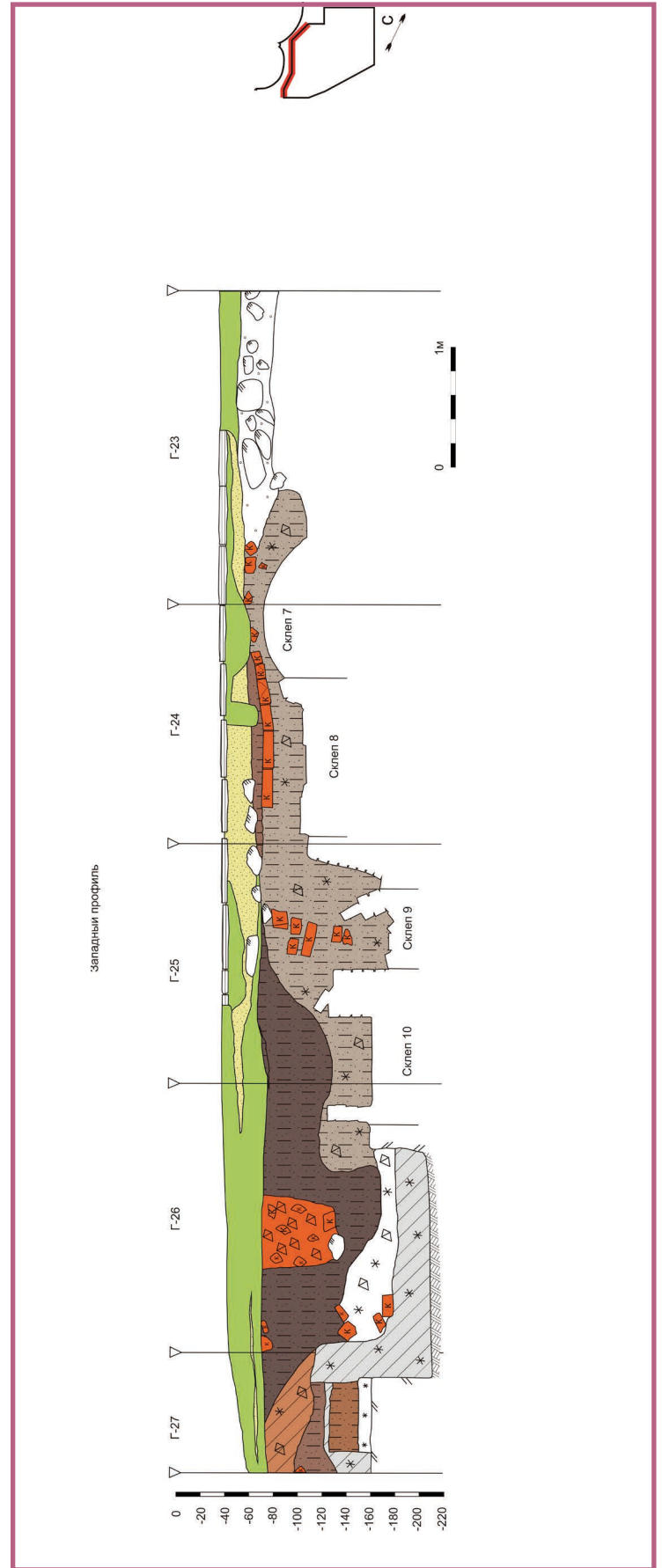
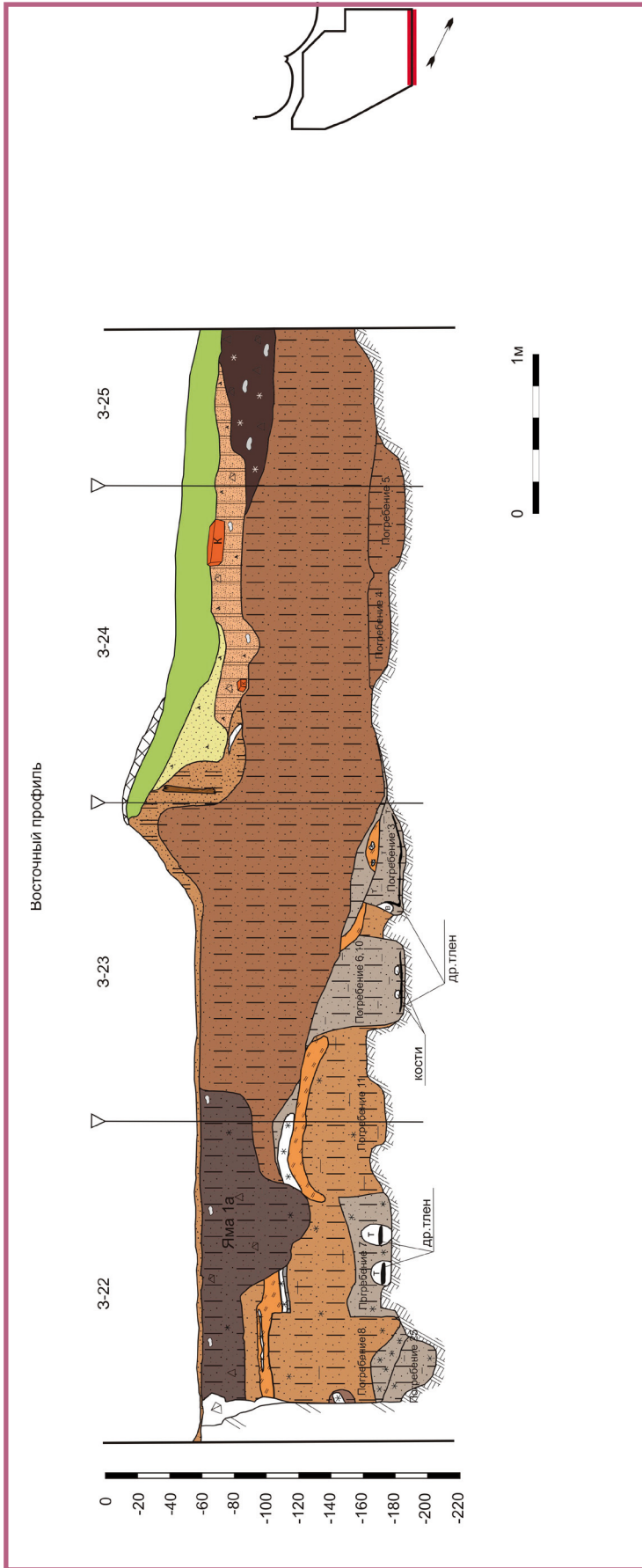
С находкой завещания уверенность, что князь Дмитрий погребен именно в палатке Евфимиева монастыря, упрочилась – ведь погребение князя Федора после раскопок 1851 года было известно точно. Но, как ни странно, именно благодаря появлению духовной родились новые сомнения в ме-

На следующем развороте – Рис. 29. Профили раскопа 1: а – западный, б – восточный, в – северный, г – южный.

12 Погодин М.П., Исследование о месте погребения ... 1859. С. 44.

13 Выписка предоставлена мне М.Ю. Горячевой. Полный текст: «Мерою оная соборная ц[е]рк[о]в[ь] и предел и с папертьми длиннику 13 сажен с половиною поперег 15 сажен... при оных ц[е]рквах при придельной ризничная полата каменная длиною осмии сажен дву аршин с половиною поперег три сажени с полуаршинном, при ней двенатцать окошек с решетки... При той полате к ц[е]рковным олтарям приделок небольшой каменный же длиннику три сажени с половиною поперег три сажени бес четверти аршина. Под тою полатою и в оном приделке тридцать восемь гробниц над умершими каменных разных вкладчиков». – РГАДА. Ф. 280, оп. 3, ед. хр. 553, л. 619 об. - 620. Опись ССЕМ.

14 Эскин Ю.М. Завещание князя Дмитрия Пожарского // Отечественная история. М., 2000, № 1. С. 152.

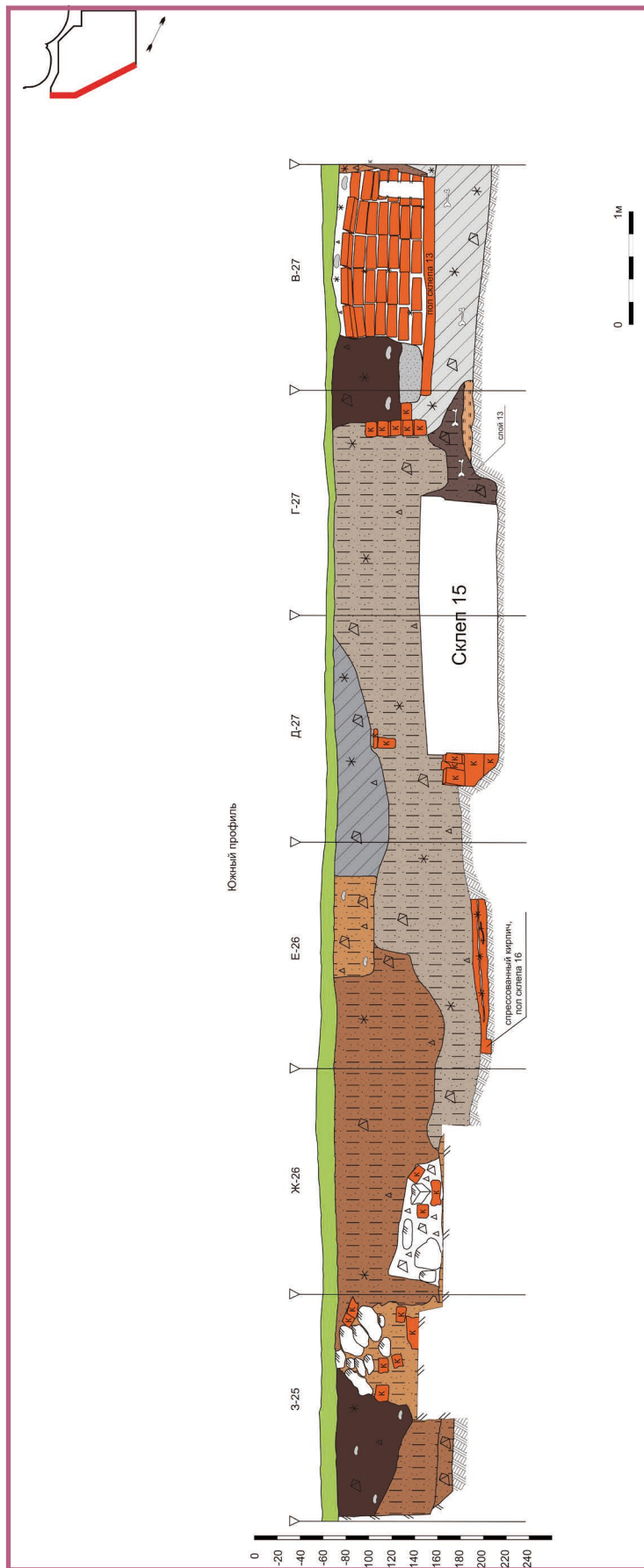
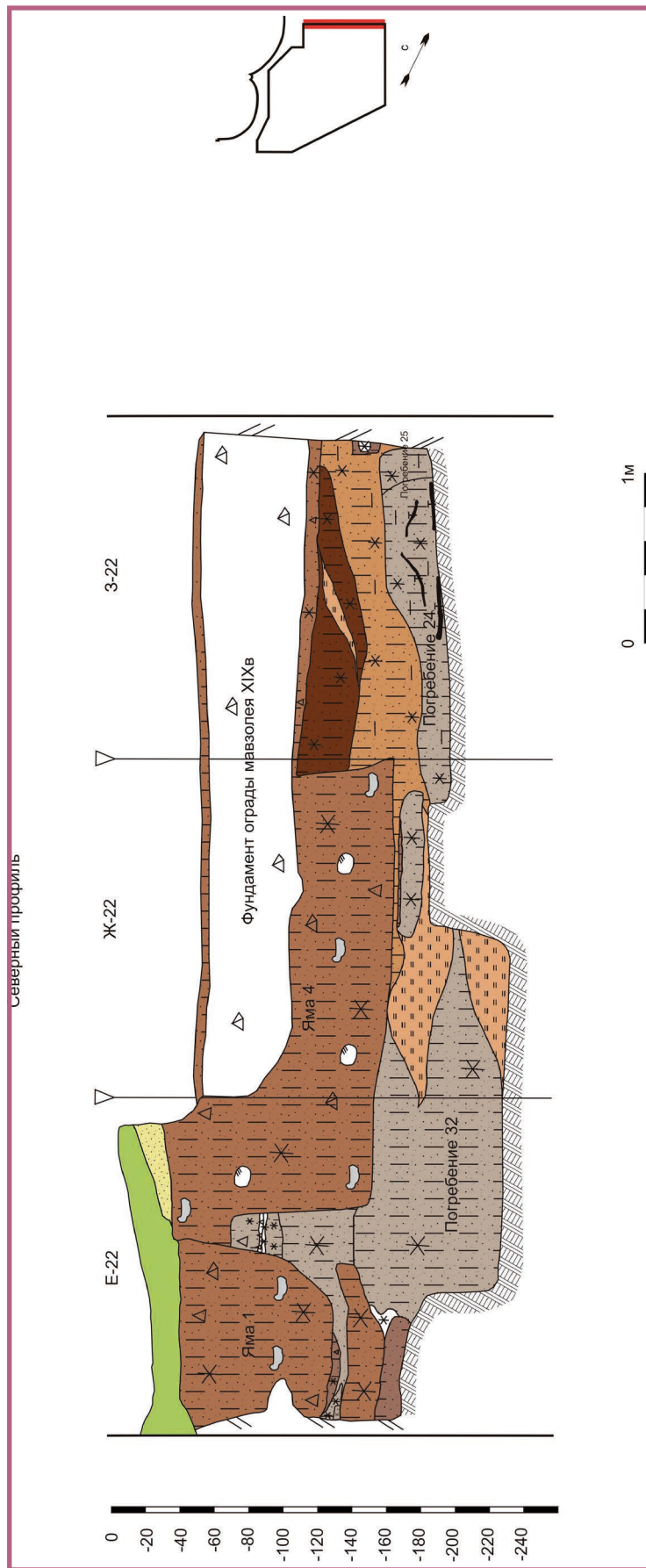

Рис. 30. Шесть гробниц в северной части восточного ряда. Вид с юга после расчистки; на первом плане – два детских погребения (№№ 5 и 6/2008).

Рис. 31. Саркофаг князя Ф.Д. Пожарского под кладкой памятника 1860–1880-х годов; общий вид с востока после уборки части кладки.

Рис. 32. Саркофаг князя Ф.Д. Пожарского: фрагмент надписи на крышке саркофага.

15 Текст сообщен мне Ю.М. Эскиным. Французский исследователь Андрэ Берелович готовит сейчас его публикацию. См. о документе: Антонов А.В., Беликов В.Ю., Берелович А., Назаров В.Д., Тейро Э. (авторы и составители). Записные вотчинные книги Поместного приказа 1626–1657 гг. М., 2010. С. 1269. Благодарю Юрия Моисеевича Эскина за эту информацию.

16 Искусный воевода, он возглавлял многие трудные и вполне успешные военные операции Второго ополчения: в 1612 г. успел занять Ярославль раньше казаков, удачно воевал с ними в Пошехонье, под Кашином и в Москве, в походе к которой возглавлял передовой отряд. Успешно служил на самых опасных участках и после завершения Смуты, в случае необходимости замещая Дмитрия Михайловича во главе войска, выдерживая осады и выигрывая сражения, укрепляя города, собирая средства для казны и даже исполняя отдельные дипломатические поручения. См.: Корсакова В. Пожарский-Лопата князь Дмитрий Петрович // РБС. СПб, 1905. Т. 14 («Плавильщиков - Прим»). С. 247–249.

сте погребения князя Дмитрия в усыпальнице: саркофаг № 2/2008 (№ 3/1851) стоит не там, где его полагалось искать согласно завещанию, а в одном ряду с князем Федором. Поэтому нельзя быть абсолютно уверенным, что одно из утраченных или плохо сохранившихся погребений в головах у князя Федора в действительности не принадлежало Дмитрию Михайловичу, а саркофаг № 2/2008 – его отцу или одному из сыновей (тому же Ивану Дмитриевичу).

Недавно стало достоверно известно о погребении в монастыре еще одного крупного военного и административного деятеля – князя Дмитрия Петровича Пожарского-Лопаты – в духовной он завещал «тело свое погresti у благолепного Преображения Спасова и у преподобного Еуфимия Чюдотворца, что в Суздале, у родителей своих»¹⁵, а в 1637 г. вложил в монастырь вотчину в Тверском уезде (село Кушалино). Лопата был очень близок Д.М. Пожарскому, и не только по родству (они правнучатые братья), но как его единомышленник¹⁶ и душеприказчик. Учитывая, что Дмитрий Петрович умер в сентябре-ноябре 1641 г., то есть на 6–8 месяцев раньше Дмитрия Михайловича (умер в апреле 1642 г.), можно ожидать, что его останки также положили внутри палатки, причем неясно, где именно.

Рис. 36. Общий вид южной части усыпальницы после зачистки материка. Фото с востока.

Рис. 37. Два детских склепа в восточном ряду: а - фото с юга; б - фото с запада (севернее кирпичного склепа виден фундамент памятника 1860–1880-х годов с погребением князя Ф.Д. Пожарского; южнее белокаменного саркофага № 6/2008 – кирпичная выстилка дна склепа № 16/2008 безымянного погребения).

Рис. 38. Детский белокаменный саркофаг № 6/2008, вытесанный из двух надгробий конца XVI – начала XVII вв. с плетеным орнаментом: а – вид сверху в момент обнаружения (крышка – перетесанная тонкая надгробная плита с плетеным орнаментом); б – вид с юго-запада на резьбу боковых граней; в – вид погребения со снятой крышкой.

Рис. 39. Саркофаг № 3/1851 (№ 2/2008), вид с юга.

Рис. 40а. Работы на раскопе 1/2008: обмер склепов 1–3/2008.

Рис. 40 б, в. Работы на раскопе 1/2008: чистка фундаментов памятника 1860–1880-х годов и чистка погребальных сооружений, виды с востока.

Таким образом, если отталкиваться в рассуждениях от того, что погребенный в саркофаге № 2/2008 – пожилой знатный мужчина, предположительно боярин, то среди документально известных персонажей это могут оказаться не только князь Дмитрий или его сын Иван, но, в принципе, и князь Дмитрий Петрович Лопата (хотя по родству он не так уж близок ветви князя Дмитрия Михайловича, их отношения более чем родственны).

Все же и после работ 2008 года идентификацию погребения князя Д.М. Пожарского, предложенную в 1851–1852 гг., можно оценивать как вероятную. Научный подход

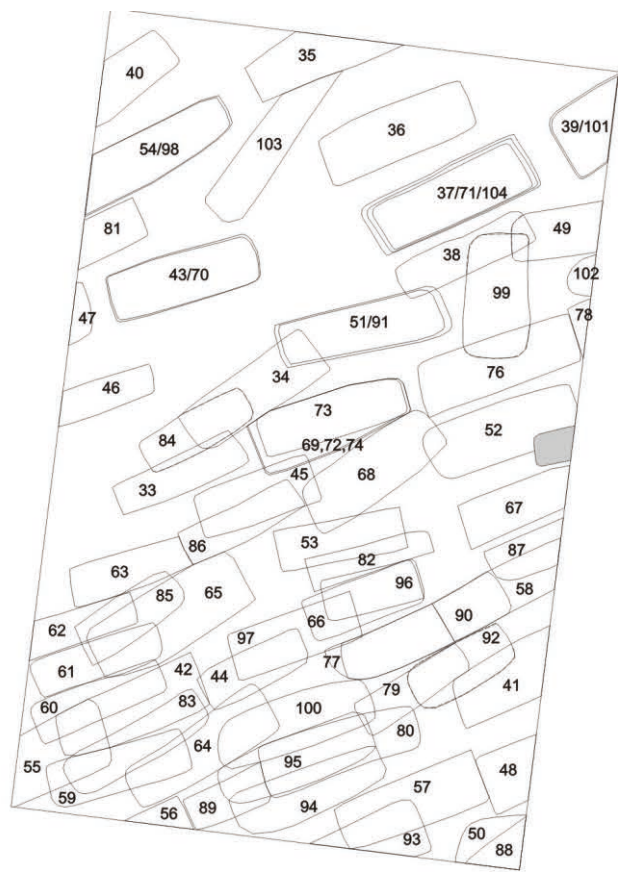
к атрибуции исторического погребения, продемонстрированный А.С. Уваровым и его комиссией, обеспечил надежность выводов; часть их подтвердилась еще до раскопок 2008 года, благодаря открытиям историков. Но ряд деталей, несмотря на повторное вскрытие, по-прежнему нуждаются в прояснении. Эти недоумения могут проясниться в будущем с помощью архитектурно-археологических исследований самого собора, обнаружению новых эпиграфических памятников или документов, или даже повторному вскрытию¹⁷ саркофага № 2/2008 (№ 3/1851) (рис. 40 а-в).

¹⁷ Полезно было бы изучить: стеклянную елейницу (упомянута, но не нарисована в отчете 1851 года). Возможно, это сузит датировку погребения, хотя вряд ли существенно. Если органические останки еще сохранились, повторное вскрытие поможет восстановить облик, уточнить рост покойного и уточнить вопрос о его возможной хромоте, осмотрев кости ног и «батожек», упомянутой Уваровым у правого бедра погребенного. Однако Ю.М. Эскин указал мне, что прозвище князя Дмитрия, «Хромой» известно только из некоторых родословцев, более надежные источники его не упоминают. Действительно, ошибка возможна: в роду Пожарских было еще одно прозвище «Хромой», его носил Григорий Семенович Пожарский в середине XVI в.

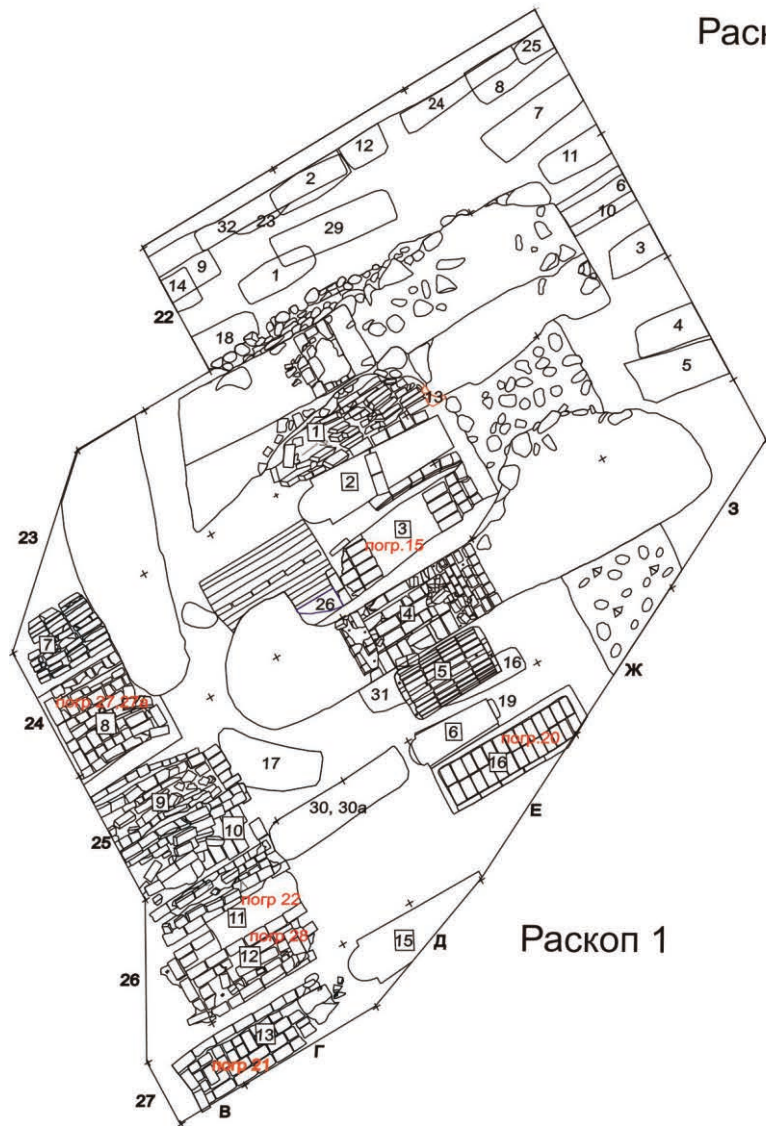

Глава 3

Реконструкция состава
погребенных: антропология,
эпиграфика, генеалогия,
хронология

Раскоп 2

Раскоп 1

Реконструкция состава погребенных: антропология, эпиграфика, генеалогия, хронология

Задача идентификации погребения князя Д.М. Пожарского может быть уверенно решена только при условии максимально точного восстановления истории семейного участка, ближайшей зоны монастырского кладбища и усыпальницы (рис. 41, 42). Нужно сравнить особенности формирования родового некрополя и общего кладбища, а также выяснить возможный поименный состав погребенных. Для этого привлечены материалы антропологии, эпиграфики, генеалогии.

Начнем с физической антропологии, которая, естественно, стала одним из самых важных направлений в исследованиях 2008 года. Осмотр, обмер и полевую аналитику проводила непосредственно на раскопе постоянный антрополог отряда А.В. Рассказова (в то время аспирант Института этнологии и антропологии). При ее участии на раскопах шли все расчистки и выемки костных материалов, которые затем обмерялись и фотографировались с применением необходимого оборудования. Краниологический материал дополнительно изучался в лабораторных условиях (см. приложение № 4). Методический контроль за этими работами осуществляли член-корреспондент РАН А.П. Бужилова и доктор исторических наук М.Б. Медникова.

С раскопанным в 2008 году участком усыпальницы оказались связаны останки не менее чем 72 индивидов. В эту цифру включены не только костяки, оказавшиеся в пятне палатки, но и останки из двух ям-оссуариев, прилегавших к северному фундаменту снаружи. Эти ямы хорошо видны на литографии с видом раскопа А.С. Уварова и, видимо, предназначались для вторичного захоронения разрозненных костей, собранных при его работах (рис. 43 а, б). Поскольку граф не вскрывал участков вне усыпальницы, логично считать, что эти останки взяты из её же слоев. Такую высокую насыщенность погребениями, в среднем более одного погребения на квадратный метр, можно объяснить тем, что на месте усыпальницы хоронили и до ее постройки, а позже могли хоронить в ней, но без каменно-кирпичных склепов. Останки из простых могил, повреждавшихся при постройке склепов, заполняли слои перекопа между ними, а частью попадали в засыпку склепов и в более поздние могилы. Трудно сказать, все ли костяки принадлежат покойным из рода Пожарских и Хованских, но возможная примесь иных семей незначительна: раскопки показали, что в последний период (все погребения в склепах принадлежат к последнему этапу развития семейного участка) сохранялась строгая последовательность, новый склеп никогда не попадал на место ранее существовавшего (наблюдения на других статусных некрополях этого периода, уже упоминавшиеся кладбища Иосифо-Волоцкого и, особенно, Троице-Сергиева монастырей, также показывают высокую степень упорядоченности захоронений, следование строго организованным рядам, сохранение проходов¹.

Столь значительное количество погребений позволяет провести, пусть со значительным допуском, статистическую обработку данных о половозрастном составе погребенных. Он явно не сбалансирован: мужских костяков почти вдвое больше чем, женских (61% и 32%), а детей совсем немного (7%). Однако вне усыпальницы это соотношение еще разительнее: среди 94 костяков² нет ни одного детского, а преобладание мужчин предельно выражено:

¹ См. подробнее: Чернов С.З., Янишевский Б.Е. Некрополь Троице-Сергиева монастыря по материалам археологических исследований 2003 г. // РА. 2008. № 2. С. 150–164.

² Всего на раскопе 2 археологически фиксируется 101 погребение, но не во всех можно было антропологически идентифицировать останки. Погребения хорошо делятся на три перекрывающих друг друга яруса XV–XVII вв.; плотность могил увеличивается с севера на юг.

Рис. 42. Раскоп 2/2008. Общий вид некрополя на уровне зачистки материка.

На следующей странице – Рис. 43 а. Ямы-оссуарии к северу от усыпальницы: изображение ям на литографии с видом раскопок А.С. Уварова (нумерация наша – ЛБ).

84% против 16%, т.е. более чем в 5 раз! Непривычно малое количество детей и резкое преобладание мужчин, видимо, следует считать характерным для кладбищ мужских монастырей. Тем паче, что кладбища монастырей женских дают обратную пропорцию: в московском Зачатьевском монастыре при подсчете более чем 1000 костяков нами выяснено, что женские соотносятся с мужскими как 2:1, а доля детей весьма значительна (рис. 44 а, б; 45 а, б).

Из этого, возможно, следует сделать вывод о предпочтительном помещении умерших младенцев с матерями, на кладбищах женских обитателей, а также об очевидных предпочтениях по половому признаку при погребении в монастырях, хотя они и не доходят до прямого запрета на смешанные кладбища и Церковью отнюдь не предписаны. Интересно, что в родовых усыпальницах эти соотношения существенно сглажены – так, среди Романовых в Новоспасском мужском монастыре (Москва) мы видим почти равное соотношение мужчин и женщин (25 и 21) при сравнительно большом количестве детей (не менее 10%). Видимо, присутствие на кладбище семейных групп увеличивало процент женских погребений даже в мужских монастырях и обеспечивало присутствие там детей. В усыпальнице Пожарских и Хованских это демонстрируют четыре детские гробницы, размещенные попарно, и четыре же надгробные надписи младенцев (случайно это

количественное совпадение или нет – не ясно).

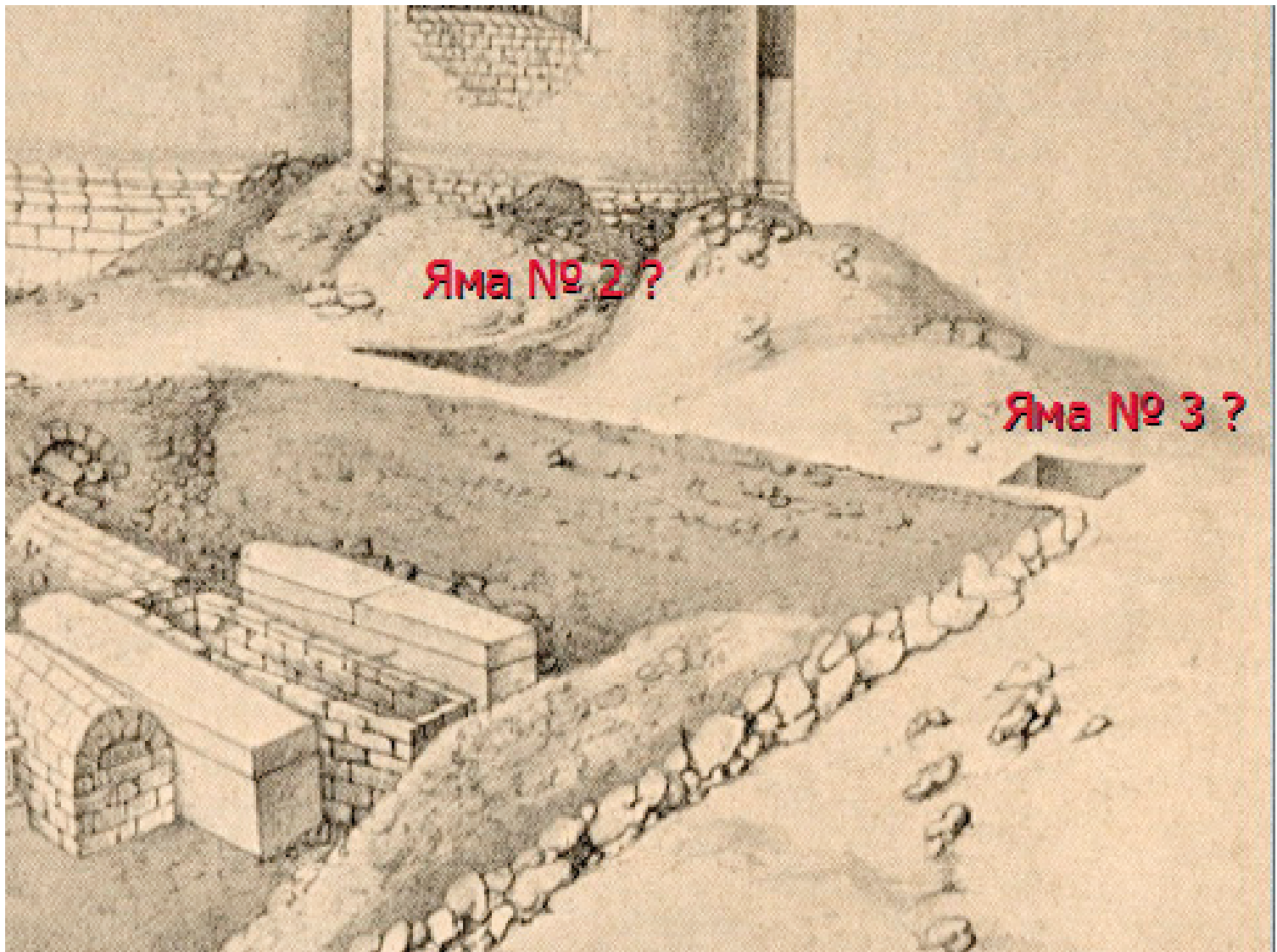
Далее, сравнение участка кладбища и усыпальницы показывает полное совпадение возрастных характеристик. Средний возраст погребенных (без учета детей) довольно зрелый в обеих группах: в усыпальнице для мужчин – 41 год, для женщин – 35 лет; на кладбище для мужчин – 38 лет, для женщин – 40. Но есть и разница: во-первых, в усыпальнице оказалось довольно много останков людей старше 50 лет, а на кладбище их несколько меньше; во-вторых, только в усыпальнице отмечены особо мощные скелеты с большим количеством травм (ударные травмы головы, тяжелые переломы со смещением) и выраженным «комплексом всадника»; вероятно, они принадлежали воинам³ (рис. 46 а-г).

Сильнее всего разница погребений в усыпальнице и вне ее обозначена находками, указывающими на монашеский статус усопших. На кладбище в 11 случаях (т.е. довольно часто, более 10%) встречен такой ясный признак монаха⁴ как четки, железные вериги и кирпич-подголовник (рис. 47 а, б). Внутри же усыпальницы погребений с признаками монашества почти нет (всего один случай укладки кирпича под голову – погребение № 21 в склепе № 13). Складывается впечатление, что большинство погребенных здесь не были пострижены⁵. Однако источники называют, по меньшей мере, три случая погребения монашеству-

3 Из заболеваний часты болезни позвоночника и обычный при преобладании углеводной диеты кариес; отмечены случаи сифилиса и туберкулеза. Подробнее см. приложение № 4.

4 См.: Макаров Н.А. Каменные подушки в погребениях древнерусских некрополей // СА. 1981. № 2. С. 113; Беляев Л.А. Каменные «подушки» монашеских погребений и их ветхозаветный прототип // РА. 2005. № 4. С. 171–175; Беляев Л.А. Камень под головой и лестница в небо: археология, иконография, источник // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. V.2 (5), Вопросы истории и теории христианского искусства. М., 2011. С. 72–84.

5 Следует упомянуть, что сопровождающих погребения вещей вообще не обнаружено, кроме остатков тканей. В пяти захоронениях уцелела отделка мужских рубаш в технике вышивки и плетения на окрашенной шелковой основе; фрагменты женской одежды; головные венчики (в склепе № 8/2008 – с шитым текстом Трисвятого и тремя круглыми клеймами, в которых изображен Голгофский крест с Орудиями Страстей). На кладбище в раскопе 2 в трёх погребениях были нательные кресты (очень плохо сохранившиеся) и остатки головных венчиков. Подробнее см. приложение № 1 и 2.

ющих: мать Дмитрия Пожарского Евфросиния/Мария, во иноцех Евдокия, в схиме Евникия (согласно надписи на ее плите); старица Покровского монастыря Леонида (в миру Дарья), сестра Д.М. Пожарского и супруга Н.А. Хованского (о ее погребении есть письменные свидетельства); сам Н.А. Хованский, схимник Нифонт (согласно надписи на крышке его саркофага).

Обратимся еще раз к вопросу о числе погребенных в усыпальнице и/или вообще на участке родового кладбища Пожарских к юго-востоку от апсид Спасо-Преображенского собора, сопоставив сведения о количестве костяков, полученные при археологическом исследовании, с данными эпиграфики и письменных источников, и попытаемся составить поименный список тех, кто здесь погребен несомненно или мог быть погребен.

Первая группа определяется, прежде всего, упоминаниями имен усопших, вместе с датами преставления и дополнительными сведениями о родственных связях, на надгробных белокаменных «досках». Доску, крепившуюся когда-то на стену здания, нашли в 1867 году при работах на Евфимиевском приделе⁶. Две доски для надгробниц нашли в 1871 году. Наконец, в 1988–1989 гг. при реставрации западной стены монастыря, в ее кладке нашли, вторично использованными, еще 6 досок⁷. Всего к настоящему времени в музее сохраняются 7 таблиц с именами Пожарских и Хованских: 6 новонайденных и одна из трех, упомянутых в литературе XIX в. Две другие утрачены, но известно, что они имели, как и прочие доски (кроме самой поздней) треугольные фронтоны и были очень близкого размера⁸. Утрачены плиты двух родных братьев

⁶ В XIX в. были известны еще 4 надгробных камня из района усыпальницы, но это были намогильные плиты, а не таблицы. Они принадлежали людям известным, но не из рода владельцев усыпальницы: Семейка Иванович Плещеев, во иноцех Иона, †1545; Иаков Гаврилович Наумов, †1589 г.; сын И.Г. Наумова (?); Михаил Новосильцев, схимник, †1600-х годов. См.: Любомудров Н.В. Вновь открытые надписи на надгробных камнях в суздальском Спасо-Евфимиевом монастыре // Владимирские Епархиальные ведомости, 1871, № 13. С. 298–304; Сахаров Л. Историческое описание Суздальского первоклассного Спасо-Евфимиевского монастыря... М., 1905. С. 26–30. (3-е издание; 1-е издание – 1870 г.).

⁷ Им посвящены специальные работы, см.: Курганова Н.М. Надгробные плиты..., 1994. С. 396–404; Она же, Страницы истории..., 2007.

⁸ Размер найденных в конце 1980-х годов таблиц близок 40 x 60 см с незначительными отклонениями. Точные обмеры и описания см. в работе Н.М. Кургановой 1993 года.

Рис. 43 б. Яма-оссуарий № 2 (раскоп 1/2008), вид сверху.

Хованских: князя Никиты Андреевича, зятя князя Дмитрия Пожарского (†1608; его саркофаг с надписью обнаружен в усыпальнице) и боярина князя Ивана Андреевича (†1622 или 1621⁹), свояка и однополчанина князя Дмитрия Пожарского. Изначально досок было, конечно, больше, их время от времени обнаруживают при работах¹⁰.

Вместе на досках и на крышках саркофагов названы 6 имен Пожарских и 5 (учитывая упоминание супруга княгини Анны) – Хованских. Все они умерли в течение примерно 80 лет, между 1587 и 1668 годами. Строго доказывается, что, по крайней мере, двое из них, князя Н.А. Хованский и Ф.Д. Пожарский, лежат внутри усыпальницы. Остальных, вероятно, следует искать там же, тем паче, что все найденные доски (кроме доски 1668 года) предназначены для крепления не на стены здания, а на торцы надгробниц (об их конструкции см. в следующей главе).

Имена Пожарских (по порядку смерти): Михаил Федорович Глухой (отец князя Дмитрия; †23 августа 1587 г.); Никита Дмитриевич, младенец (сын князя Дмитрия, †26 августа 1608 г.); Федор Дмитриевич (сын князя Дмитрия, †27 декабря 1632 г.); схимница Евникея (Ефросиния – Мария – Евдокия Федоровна, жена Михаила Федоровича, мать князя Дмитрия; †7 апреля 1640 г.¹¹); Василий Петрович, младенец (внук князя

Дмитрия(?), †24 апреля 1640 г.); Иван Дмитриевич, окольник (сын князя Дмитрия; †15 февраля 1668 г.). Имена Хованских: Никита Андреевич, схимник Нифонт (муж Дарьи Михайловны Пожарской, сестры князя Дмитрия; †26 мая 1608 г.); Петр Никитич, младенец (сын Н.А. Хованского, †26 августа 1608 г.); боярин Иван Андреевич (брат Н.А. Хованского, †26 мая(?) 1622 или 1621 г.); княгиня Анна, жена И.Н. Хованского (†7 декабря 1632 г.); Иван Никитич Хованский – супруг княгини Анны, упомянутый только на ее плите. Легко заметить типичную для родовых усыпальниц черту – в ней явно представлены 3 поколения семьи (рис. 48).

Письменные источники позволяют думать, что в пределах палатки находились останки многих представителей рода Пожарских XVI в., поскольку достоверно известно, что они погребены в Евфимиевом монастыре. Это: Иван Симеонович (†1527 г.; его погребение в монастыре фиксируется документально); Иван Иванович Меньшой (умер во второй половине XVI в.); инокиня Марфа, в миру Матрена, жена И.И. Меньшого (умерла до 1573 г.); Анна, сестра Федора Ивановича, сына Меньшого (умерла до 1573 г.); Яков, брат Федора Ивановича, сына Меньшого (умер до 1573 г.). Следует добавить еще двоих Пожарских XVII века, так как по ним князь Дмитрий дал вклад в Евфимиев монастырь: Василий Михайлович, инок Вассиан

9 О расхождении дат см. подробнее в приложении № 6.

10 В 2008 г. зафиксированы еще 2 таблицы (благодарю за сообщение архитектора М.Ю. Горячеву), но одну не удалось достать из кладки стены, и ее надпись неизвестна; другая оформлена так же, как в усыпальнице и несет дату 1635 год, 13 (П) день; в этом году умерла Прасковья Варфоломеевна, первая жена князя Дмитрия Михайловича, но день ее смерти, 28 августа, не совпадает с читающимся на плитке. У нас нет доказательств, что она относится к усыпальнице, хотя это и весьма вероятно.

11 Прежние варианты года ее смерти, 1607 и 1632, ошибочны. См. подробнее приложение № 6.

(младший брат князя Дмитрия, †1608 г.¹²; в 1611 г. князь вложил по нему в монастырь паникадило) и Прасковья Варфоломеевна, первая жена князя Дмитрия (†1635 г.). Заметим, что по ней князь дал не только 50 руб. в Евфимиев монастырь, но столько же – в Троицу (вклад 28 сентября 7144 г.); возможность погребения ее вне Суздаля, в Москве или у Троицы, увеличивает факт отпевания ее Патриархом в Москве (2 сентября), где П.В. Пожарская умерла (в противном случае нужно предполагать перевоз ее тела в Суздаль). В список можно смело добавить старшую сестру князя Дмитрия Пожарского Дарью, старицу Леониду Хованскую (†1646 г.); по памяти царя Алексея Михайловича 5 сентября 1646 г. игуменье Покровского девичьего монастыря предписано было отпустить «тело старицы Леониды Хованской, тетки стольника князя Ивана Пожарского, для погребения в Спасо-Евфимиевом монастыре, где погребены их родители»¹³. Добавим и Дмитрия Петровича Лопату Пожарского, который завещал похоронить себя в Спасо-Евфимиевском монастыре (см. выше, в главе 2).

Учтя все это и включив самого князя Дмитрия Михайловича, можно расширить список лиц, достоверно погребенных в палатке, до двух десятков и более. Это не много, но ведь и младшая ветвь рода Пожарских, идущая от князя Михаила Федоровича Глухого и от его отца, Федора Ивановича Немого, коротка, их семьи малочисленны. Если подняться еще на одно колено, до Ивана Третьяка, то его ветвь в пяти поколениях составит всего 12 мужчин, из которых 7, по росписи М.П. Погодина (рис. 49), не оставили мужского потомства. С учетом женщин можно, вероятно, говорить о 25–30 Пожарских этой ветви, а с младенцами, не дожившими до включения в родословие – примерно о 50–70. Правда, синодик Евфимиева монастыря, опубликованный Погодиным, включает более 200 имен одного только «рода князя Дмитрия Михайловича» (это самый длинный список), но следует иметь в виду, что не все Пожарские погребены в Спасо-Евфимиевом монастыре: достоверно известны их вклады в другие обители, прежде всего, в Троице-Сергиев, где некоторых из них и хоронили, особенно в XVI в.¹⁴, что, разумеется, не исключало вклада на помин души и в Евфимиев монастырь¹⁵.

Князья Пожарские – давние прихожане этого монастыря. Их род восходил к местной домонгольской династии, их владения лежали в Суздальской земле, а их вклады в

монастырь прослеживаются уже с начала второй четверти XVI века (1527 г.). Князья Хованские в этих землях, правда, пришлые (их родовое кладбище – в Иосифо-Волоцком монастыре, а отдельные могилы известны и в иных обителях), однако их появление у Пожарских было предопределено браком старшей сестры Дмитрия Пожарского, Дарьи Михайловны и Никиты Андреевича Хованского.

Всего из Пожарских, вклады по которым даны в Евфимиев монастырь, в Описной книге 1660 года названо около 30 имен (включая трех женщин) (рис. 50 а-е). Сверх того ряд лиц известен по другим источникам. Можно предположить погребение в Евфимиевом монастыре для: *Ивана Федоровича Третьяка* (родоначальника ветви); *Василия Ивановича Рубца* (в 1557 г. дал значительные земельные вклады вместе с Федором и Иваном Ивановичами; Василием и Иваном Васильевичами, Тимофеем Федоровичем и Петром Борисовичем, при том, однако, что его вклад существенно больше¹⁶); тех же самых *Тимофея Федоровича (старца Тихона)* и *Ивана Ивановича Большого (Ушатый; Бык;* оставил в том же 1557 г. монастырю сельцо Могучее и деревню Вознесенское¹⁷). Присоединим *Данило Семеновича*, который еще в 1527 г. отдал по брате Иване Семеновиче, погребенном в Евфимиевом монастыре, значительную долю земельных владений (с благословения матери, Евфросинии, вместе с братом Григорием), а по самому Даниле в 1557 г. родители вложили туда же две пустоши с селищами¹⁸. Брат Данилы и Ивана, *Григорий Семенович Хромой*, кроме того, дал от себя в 1558 г. «сельцо с лесом и с рыбными ловлями»¹⁹. Упомянутый выше в 1557 г. как вкладчик по В.И. Рубцу, *Иван Васильевич Черный* по себе дал в монастырь значительную вотчину с селами²⁰, его брат *Петр Васильевич Ноздрун* отказал в духовной (1557–58 гг.) по себе село с деревнями²¹. *Петр Борисович Корова* (известен и по общему вкладу 1557 г.) оставил монастырю значительные земли, которые передала его жена Феодосья Семеновна в 1572 г. вместе с прибавкой по сыну *Ивану Петровичу* и дочери *Варваре*, а также по свекру *Борису Федоровичу* и его жене *Евдокии*²².

Неясно, следует ли предполагать погребение их всех в этом монастыре, также как погребение здесь Петра Тимофеевича Щепы, Семена Борисовича и других князей, которые служили и умирали в Москве и др. местах, но давали вклады от себя землями в Евфимиев монастырь²³, а тем паче не от-

12 Ю.М. Эскин полагает, что он был с детства больным, умер рано и, возможно, принял обеты в монастыре при жизни, а не перед смертью.

13 Описание актов собрания гр. А.С. Уварова. М., 1905, № 198.

14 Ф.И. Немой (инок Феодорит) с женой Маврой и сестрой Анисией инокой Анной и др.

15 По Анисии-Анне он был дан в 10 руб.

16 Савелов Л.М. Князья Пожарские. М., 1906. С.14, № 15

17 Там же. С.15, № 16

18 Там же. С. 16, № 23

19 Там же. С. 17, № 26

20 Там же. С. 17, № 27

21 Там же. С. 18, № 29

22 Там же. С.19–20, № 38.

23 Там же. С. 20–21, № № 41, 43.

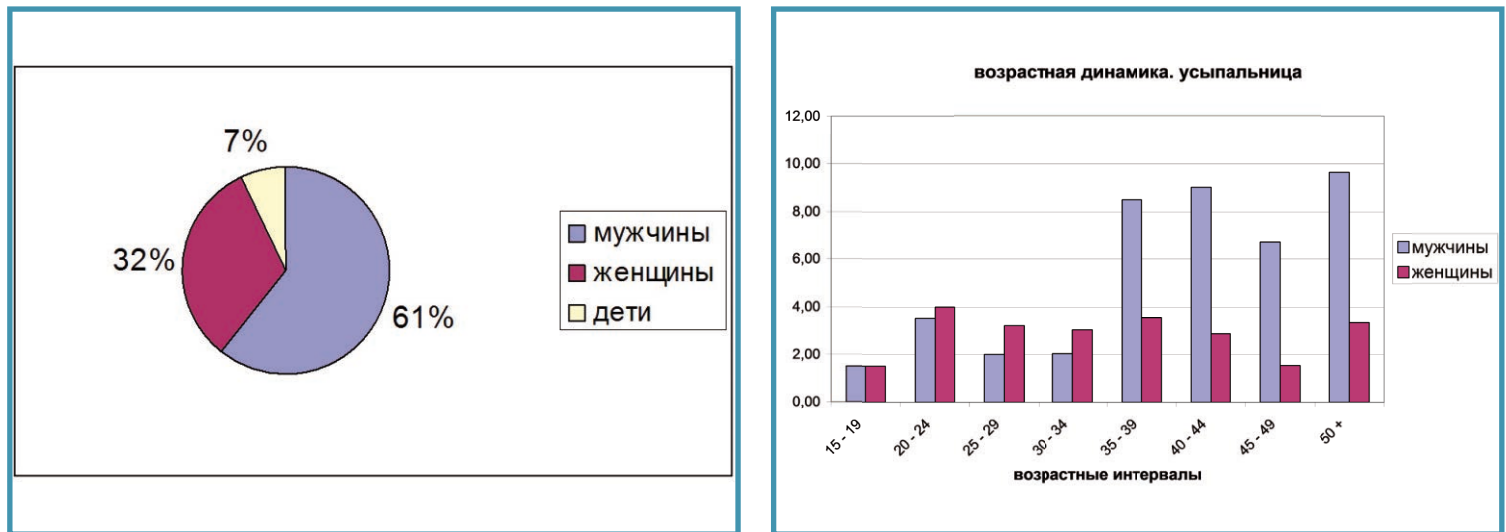

Рис. 44 а, б. Половозрастной состав и возрастная динамика погребенных на участке усыпальницы Пожарских и Хованских (вместе с материалами из прилегающих оссуариев). Диаграммы А.В. Рассказовой.

меченных в документах Пожарских того же периода. Более всего вероятно погребение здесь Ивана Петровича, так как именно он завещал матери отдать в Евфимиев монастырь, фактически, всю свою долю владений. Нужно иметь в виду и возможность погребения лиц, о вкладах которых ничего не известно – например, как ни удивительно, их нет для Федора Дмитриевича, сына Д.М. Пожарского.

Сравнимы ли получающиеся цифры с эпиграфическими и археологическими материалами? Нам представляется, что речь идет о сопоставимых количествах. Л. Сахаров писал о 48 открытых Уваровым захоронениях, «из коих совершенно истлевших 25». Достоверно, видимо, и упоминание «офицерской» описью 1760-х годов 38 надгробниц (этой описи известна двухуровневая постройка: «ризничная палатка» и «приделок» под ней)²⁴. Правда, М.П. Погодин, сравнив отмеченные А.С. Уваровым и обозначенные на его плане саркофаги и склепы (всего 23) с количеством покровов, снятых с «гробов» в палатке (согласно древнейшей Описи 1660 года – 22 или 21), пришел к выводу о том, что таким примерно и было количество погребенных²⁵. С чем, однако, трудно согласиться. Речь должна идти о 24 или 25 погребениях, отмеченных надгробницами, с покрывами и иконами – но общее число захороненных превосходит указанную цифру в 2-3 раза, если судить по количеству вкладчиков-Пожарских, по данным антропологического анализа, по описи 1760 года и даже по отмеченному Л. Сахаровым числу вскрытых Уваровым «истлевших» захоронений. Все ли могилы Пожарских, устроенные в XVI-XVII вв., по-

местились в границах усыпальницы и как они соотносились с прилегавшим с востока объемом галереи – сегодня можно только гадать.

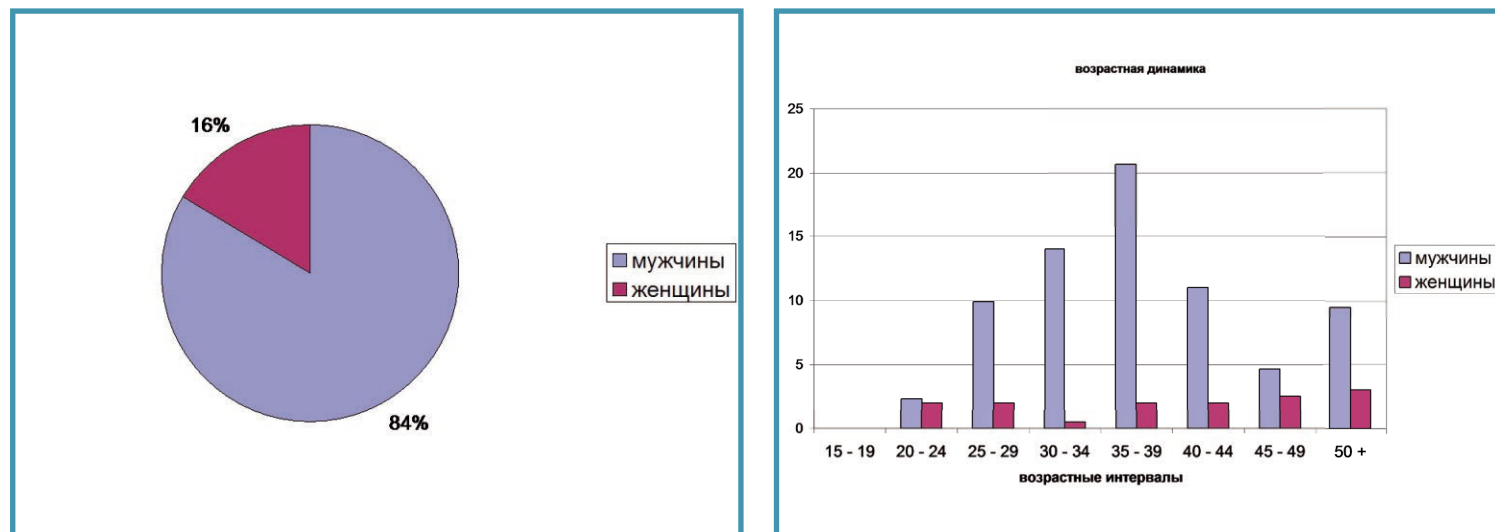
Дату постройки усыпальницы полевыми исследованиями уточнить, к сожалению, не удалось, поскольку стратиграфия существенно испорчена еще в XIX в., а строительные материалы не дают точных дат²⁶. Мы можем высказать только ряд гипотез. Хронология участка не ясна и зависит от многих соображений, прежде всего – от даты Преображенского собора, к апсиде придела которого палатка приложена. А эта дата сама колеблется между 1550-1560-ми (стилевой анализ А.Л. Баталова) и 1592-1594 годами (традиционные письменные источники, содержащие анахронизмы).

Можно ли думать, что палатка могла возникнуть во второй половине XVI в. или, по крайней мере, до конца столетия? На раннюю дату как будто указывает первое из дошедших до нас надгробий, доска отца князя Дмитрия Пожарского (1587 год) и сведения о захоронении в Евфимиевом монастыре многих представителей их рода начиная уже со второй четверти XVI в. Более того: подавляющее большинство вкладов сюда поступает именно от Пожарских как раз в XVI в., а не в XVII веке, когда настоящую ревность к монастырю и к гробам предков выказывает в основном сам князь Дмитрий Михайлович. Дары князя при жизни и по духовной, а также в память о нем от вдовы – вот главные дополнения XVII столетия к ранним вложениям Пожарских в монастырь, не считая вклада по завещанию от Лопаты, представителя другой ветви Пожарских, который был лично тес-

²⁴ «Под тою палаткою и во оном приделе 38 гробниц над умершими каменных разных вкладчиков». Возможность развить исследование на месте в южном и юго-западном направлении помогла бы прояснить ситуацию, но мы ею не располагали.

²⁵ Погодин М.П. Исследование о месте погребения... 1859. С. 43.

²⁶ Возможно, следует обратить внимание на присутствие в заполнении склепа № 7/2008 кирпича (13,5 x 7 x 3,5 см) с клеймом в прямоугольной рамке (5 x 4 см) с одним уступом и с остатками плохо оттиснутого знака в клейме (СЕМ-2008, Р-1, кв. Г-24. № 16). Первые клейма появляются на кирпиче Москвы и связанных с нею областей в середине XVII в., клеймо же из склепа № 7, пожалуй, осторожнее отнести к последней трети XVII в. – если не позже. Однако кирпич найден вне кладки, да к тому же это единственный случай на всем раскопе.

но связан с Дмитрием Михайловичем. То, что вклады иссякают, связано и с угасанием рода, и с отрывом поздних княжат от Суздаля, с их активной службой в Москве и в городах по царским поручениям.

Иногда как указание на существование усыпальницы, по крайней мере, к началу 1610-х годов воспринимают широко известный пассаж «Нового летописца»²⁷ о том, что Пожарский специально заехал в Суздаль помолиться к гробам предков перед выступлением к Москве: «Князь Дмитрий же Михайлович с товарищи и со всею ратью прося у Бога милости и пев молебны у Всемилошного Спаса и у Ярославских чудотворцев и взя Благословление у митрополита Ростовского Кирила и у всех властей, поиде из Ярославил на очищение Московского государства. И отишед от Ярославля семь поприщ и ночеваша ... а сам не с великими людьми пошел в Суздаль помолитца ко Всемилошному Спасу и чудотворцу Евфимию и у гробов проститца»²⁸. Молитва у гробов предков перед походом или важным государственным актом – традиционный, психологически объяснимый обряд, обязательно совершавшийся, например, царями в Архангельском соборе Кремля. Но из текста не следует, что в 1612 году уже была сама усыпальница – предков Пожарского до этого могли хоронить в южной галерее или на открытом кладбище.

Так что, даже учитывая все сказанное, относить возникновение палатки к XVI веку будет неосторожно. Столь раннее существование особой родовой усыпальницы требовало бы особого объяснения. Ведь отдельные усыпальницы для семей бояр в XVI в. крайне редки, это большая и не всегда до-

пустимая роскошь. Достаточно напомнить об упреке, брошенном Иваном Грозным в послании кирилловскому игумену Косме с братией (ок. 1573 г.): «А вы се над Воротынским церковью есть поставили! Ино над Воротынским церковью, а над чудотворцом нет, Воротынский в церкви, а чудотворец за церковью»²⁹. Род Пожарских не был столь знатен, чтобы ожидать появления у него особой погребальной церкви или даже особой палатки при ней.

Археологический материал поддерживает общие исторические соображения: во вскрытой нами части не обнаружено ни надгробий, которые уверенно относились бы к XVI в., ни погребального инвентаря ранних типов, хотя, начнись оформление усыпальницы в этом столетии, их следовало бы ожидать. Тем более, что они есть в непосредственной близости, на раскопе 2/2008, где найдены плиты первой половины XVI века³⁰, а некоторые погребения, возможно, еще древнее³¹ (рис. 51). В слоях обоих раскопов собран керамический материал, свидетельствующий о хозяйственном использовании зоны в XIV веке³²; есть и следы освоения в домонгольскую эпоху³³.

Равно сомнительна и самая поздняя дата, предлагавшаяся для строительства палатки: между 1642 и 1660-ми годами, после смерти князя Дмитрия Михайловича и до составления Описи 1660-х годов. Дату предложила «февральская комиссия» и М.П. Погодин, полагая, что устойчивое упоминание в Описи Ивана Хованского и Ивана Пожарского как «хозяев» палатки, указывает на их роль строителей³⁴. Тем самым допускалось, что князь Дмитрий изначально погребен на открытом кладбище, а палатка

Рис. 45 а, б. Половозрастной состав и возрастная динамика погребенных на участках открытого кладбища (раскоп I южнее и восточнее усыпальницы; раскоп II). Диаграммы А.В. Рассказовой.

27 Время создания «Нового летописца» постепенно отодвинулось к концу 1620-х годов (работы В.Г. Воиной и др., на которые мне указал Ю.М. Эскин), но он составлен при жизни Д.М. Пожарского и у нас нет оснований не доверять эпизоду. Даже если указание летописца искажает ход событий, его нужно воспринимать как отсылку к традиции.

28 Новый летописец // ПСРЛ. СПб, 1910. Т. 14. С. 122–123.

29 Послания Ивана Грозного. М.-Л., 1951. С. 173.

30 Надгробные сооружения (подставки для плит) XVI–XVII вв. отмечены при восьми могилах (кв. 9 и 8, сооружение № 5), причем при трех уцелели фрагментарно сами плиты, орнаментальные композиции которых позволяют отнести их к XVI веку; кирпичные сооружения датируются XVII веком.

31 Самый ранний датированный фрагмент могильной плиты был найден в конце XX в. к северу от собора и несет надпись-граффито: Лета 1512.... См.: Курганова Н.М., Страницы истории... 2007. С. 65–66, рис. 48.

32 Присутствие керамики XIII–XIV вв. в переложных слоях свидетельствует, что освоение участка началось задолго до строительства собора (в среднем красная грубая и серая керамика составляет более 10%). Отмечены следы наземной постройки хозяйственного назначения конца XIV – начала XVI вв.

33 Их неоднократно обнаруживал В.П. Глазов, работавший в монастыре в последней четверти XX века. См., например его: Отчет об археологических наблюдениях за земляными работами в Спасо-Евфимиевом монастыре осенью 1985 г. – Владимирские специальные научно-реставрационные мастерские. Арх С-1-2, Инв. № 17299, 1986. С. 18–19.

34 Погодин М.П. Исследование о месте погребения...1859. С. 41.

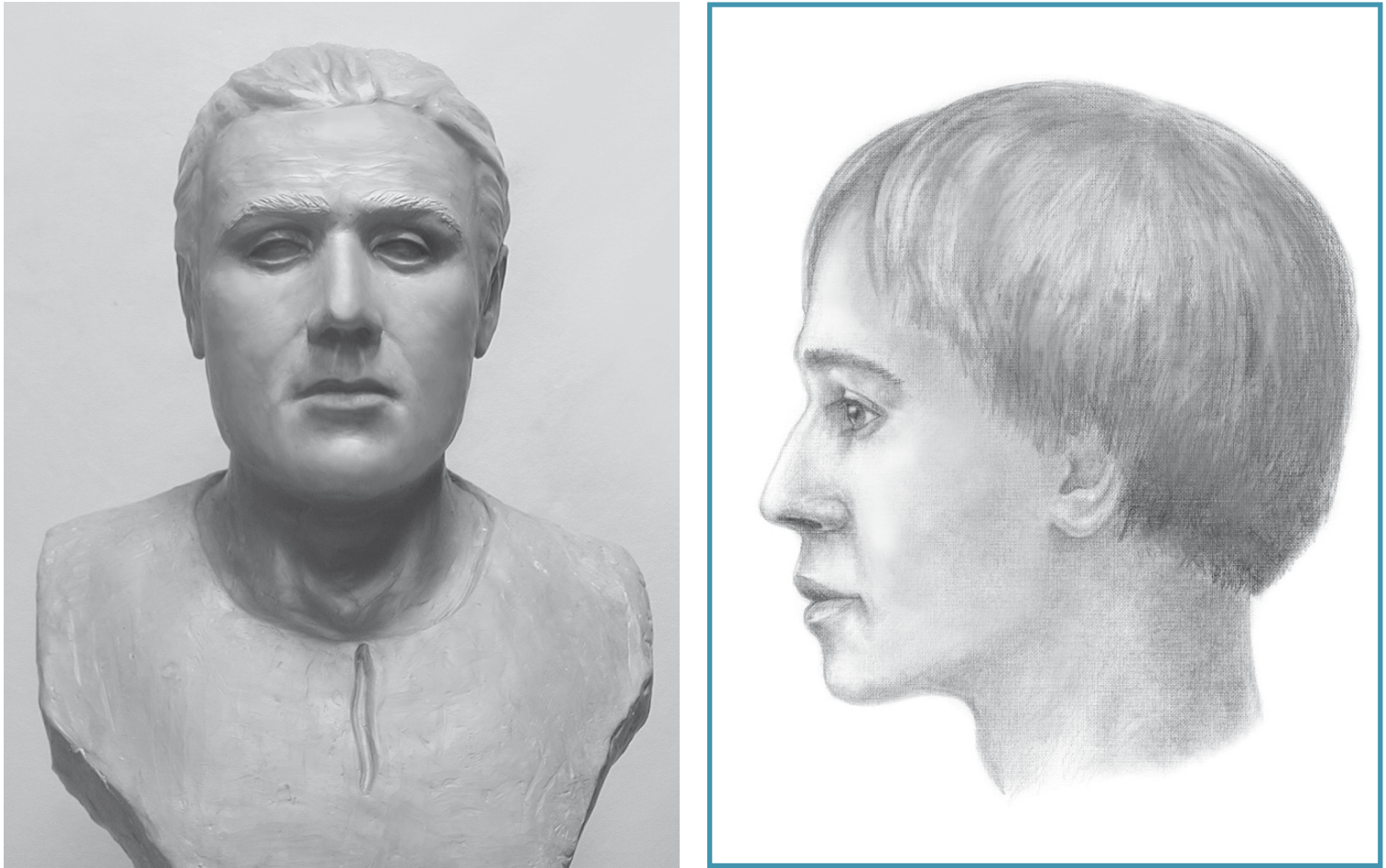

Рис. 46. Скульптурные и графические реконструкции внешнего облика погребенных. Выполнены А.В. Рассказовой на основе изучения черепов: а – погребение № 35; б – погребение № 30; в – погребение № 58 в склепе № 14/2008; г – погребение № 59 в склепе № 14/2008.

возникла после 1642 года. Однако в тексте описи подчеркнута связь палатки не с ныне живущими представителями рода, а скорее с их предками или родителями, ведь Описание, называя оставшихся в живых наследников сооружения, специально подчеркивает: в собор взяты³⁵ образа и гробовые покровы «из полатки от родителей боярина князя Ивана Никитича Хованского да князя Ивана Дмитриевича Пожарского», «с родителей их» (*курсив мой* – Л.Б.). Погребение князя Дмитрия Михайловича изначально на открытом кладбище и постройка палатки после 1642 года крайне мало вероятны еще и потому, что примеров надгробниц, стоящих на кладбище, у нас до недавнего времени не было – они всегда в храмах, подклетах или палатках (возникшее исключение – памятники на первом кладбище Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря на р. Истре конца 1650-х – 1670-х годов, открытые экспедицией ИА РАН в 2012 г., см. иллюстрацию в следующей главе).

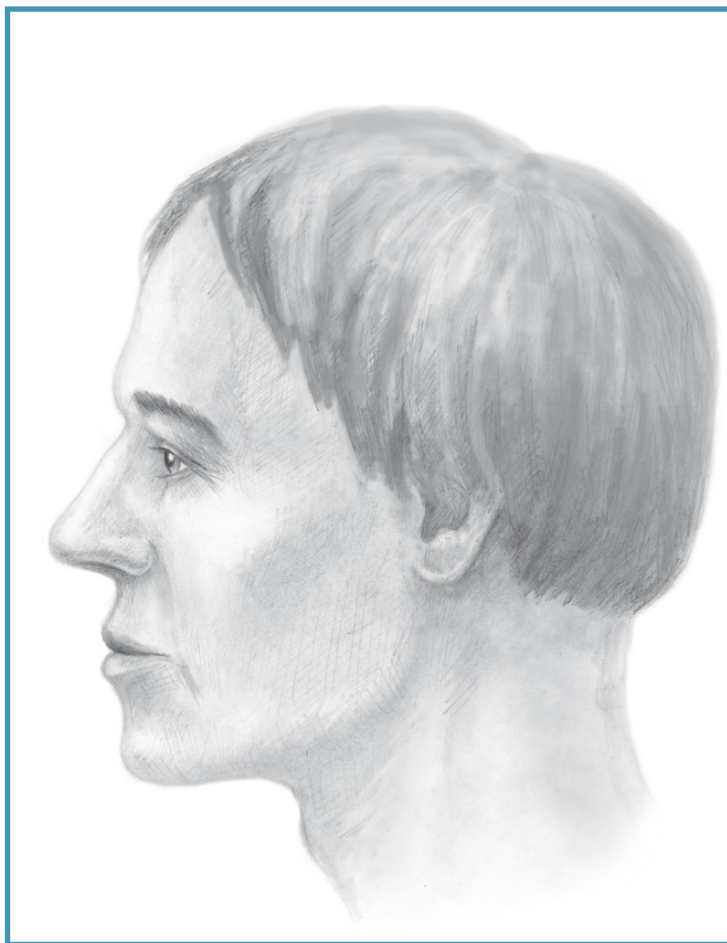
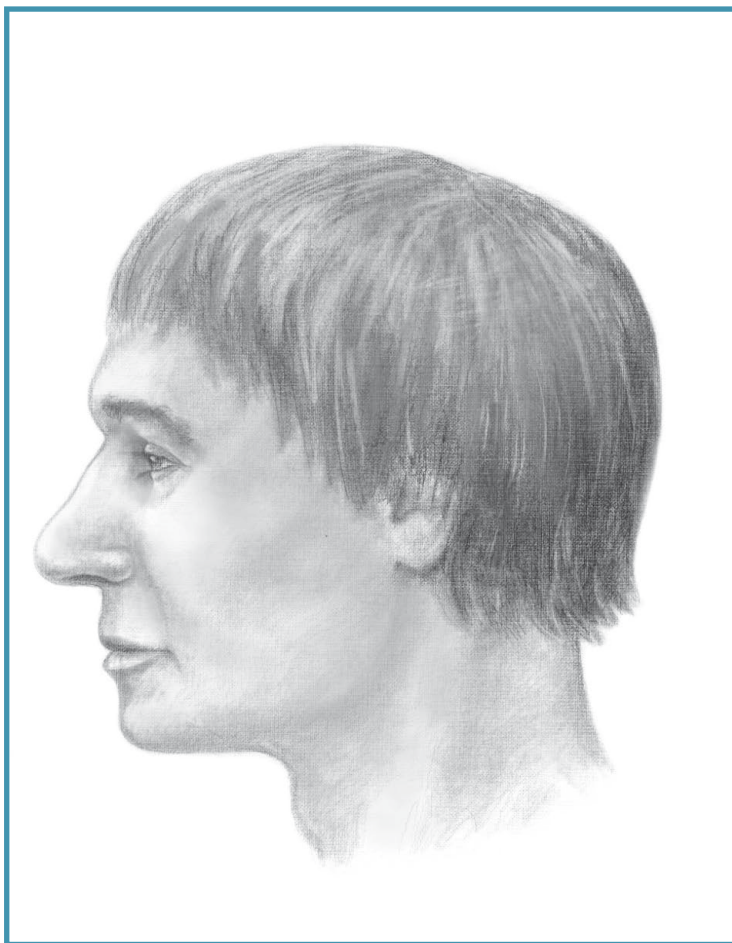
Если палатку **не** возвели в XVI в., при отце князя Михаиле Глухом, то ее появ-

ление вскоре после его смерти (1587) тем более маловероятно. У семьи были другие заботы, вдова с малолетним сыном жила в Москве, где в 1593 г. юный Дмитрий вступил в службу; к тому же суздальские владения Пожарских ушли в опричнину еще в 1560-х годах и частично вернулись только к концу столетия.

Для строительства особой погребальной палатки больше подходит следующий период, начавшийся после брака сестры Дмитрия, Дарьи, и Н.А. Хованского, с конца 1580-х годов и до смерти последнего в 1608 году. Эти годы – время служебного роста князя Дмитрия, который не позднее 1598 г. получит чин стряпчего «с платьем», вместе с другими подпишет соборное определение об избрании на царство Бориса Годунова, в 1602 г. станет стольником, а его мать войдет в свиту Ксении Годуновой, став затем верховой боярыней. Их успехи объяснимы как старыми родовыми связями (мать Дмитрия происходит из рода Беклемишевых), так и родством семьи с кругом высшего дворянства через братьев Щелкаловых³⁶.

³⁵ В этой акции нет ничего необычного – так поступали и в других соборах, когда нужно было очистить церковное место от надгробных памятников; см. подробнее в следующей главе.

³⁶ Сироткин С.В. Заметки к биографии Дмитрия Михайловича Пожарского // Древняя Русь. М., 2001. № 3(1). С. 108–110.

Вскоре последуют первые военные победы князя, в 1608 г. он станет полковым воеводой. Но этого всего явно недостаточно, для того чтобы претендовать на особый статус и строить к востоку от алтаря монастырского собора усыпальницу своей семьи. Единственный серьезный аргумент в пользу появления палатки до 1608 года – погребение самого Никиты Андреевича: белокаменные саркофаги на старомосковских открытых кладбищах редки. Но они все же встречаются, а надгробная таблица князя, как увидим ниже, изготовлена, скорее всего, лет на 30 позже погребения.

Наиболее вероятный момент для строительства усыпальницы – после окончания Смуты, время славы Дмитрия Пожарского. Важное хронологическое указание содержит сама серия ранних «таблиц» для надгробниц. Они несут все признаки *единовременного оформления* всех погребений, совершенных ранее 1632–1635 годов. По декору известные до сих пор таблицы четко делятся на две группы. Пять ранних (1587, 1608, две 1632 и фрагмент 1635 года) имеют

однотипные простые рамки с треугольным фронтоном, в котором, что характерно, не выбран фон. От них резко отличаются две таблицы 1640 года – у них фон фронтона выбран, а в бордюре применен богатый растительный орнамент. Вычурная вязь первых досок однотипна и ближе к стилю середины XVII века, а не последней четверти XVI. Нарезка букв на двух плитках 1640 года отличается еще большей замысловатостью, даже манерностью³⁷.

Допустимо думать, что завершение формирования родового некрополя, создание усыпальницы и новая декорация надгробниц связаны с 1632 годом. Это год смерти Федора, любимого сына князя Дмитрия. Именно тогда, ввиду приближения старости, князь мог отстроить родовую усыпальницу и добиться необходимой «генеалогической полноты». Мы не можем исключить в этом случае и переноса отдельных погребений: привоз умерших (подчас издалека) или перезахоронение погребенных (иногда с других некрополей города) было на Руси принятой практикой.

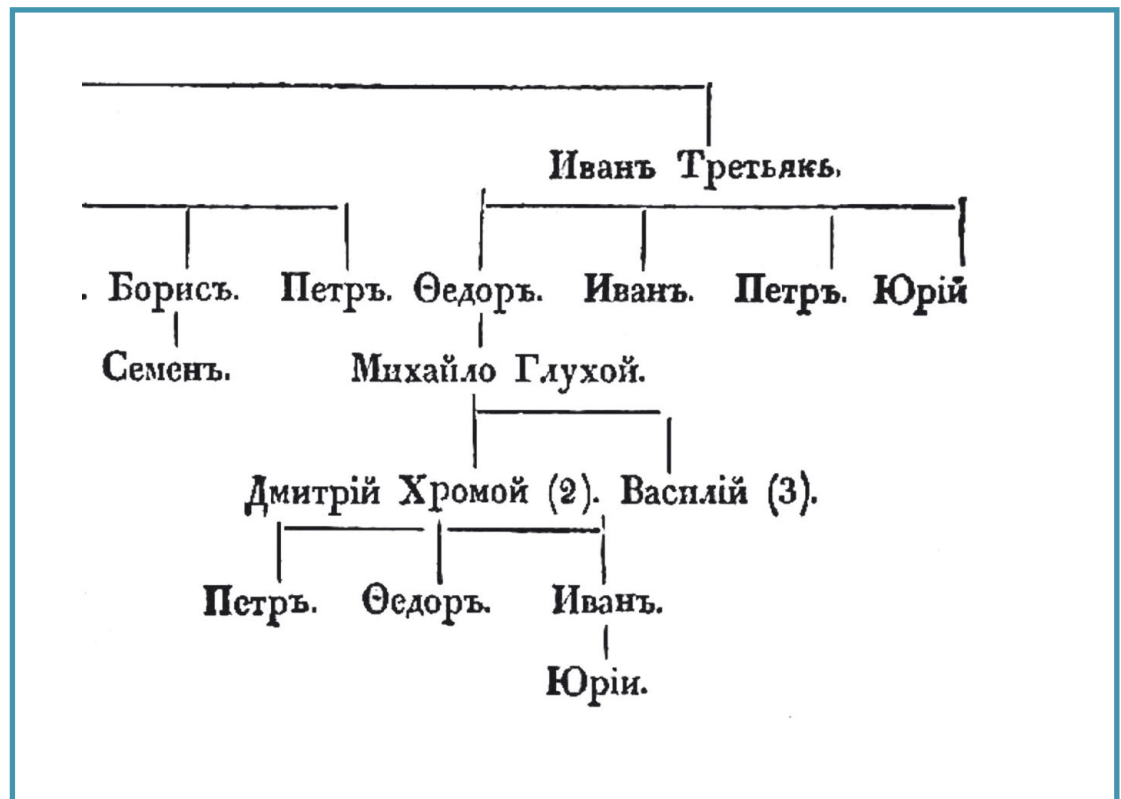
³⁷ Подробнее вопросы палеографии и датировки разобраны в приложении № 6.

Рис. 47 а. Раскоп 2. Монашеские погребения с кирпичом-подголовником: погребение № 64.

Рис. 47 б. Раскоп 2. Монашеские погребения с кирпичом-подголовником: погребение № 58.

Рис. 48. Ветвь потомков рода князей Пожарских, идущая от Ивана Третьяка (генеалогическая таблица по: Погодин М.П. Исследование... 1859. С. 73).

Рис. 49. Первая страница статьи М.П. Погодина в журнале «Москвитянин» (№ 19 за 1859 год).

Ради полноты семьи могли даже нарушить общие правила погребения. Выше уже цитировался приказ царя Алексея Михайловича игуменье Покровского Суздальского монастыря от 5.09.1646 г., согласно которому следовало отпустить «тело старицы Леониды Хованской, тетки стольника князя Ивана Пожарского, для погребения в Спасо-Евфимиевом монастыре, где погребены их родители»³⁸. Старица Леонида – не раз упоминавшаяся здесь, старшая сестра князя Дмитрия Пожарского, Дарья Михайловна, жена Никиты Хованского. Как близкую родственницу их обоих, ее, конечно, следовало хоронить вблизи могил брата и мужа, то есть в Евфимиевом монастыре – но как постриженница Покровского монастыря она должна была покоиться в его стенах. Чем, однако, пренебрегли. Таким образом, мы склоняемся к мысли о постройке усыпальницы в период 1632–1635 гг. (см. подробнее в приложении № 6), считая ее постройку около 1608 года возможной, но гораздо менее вероятной.

Уточнить дату сооружения можно будет с помощью архитектурно-археологических исследований южной части собора и прилегающей зоны, или путем поиска и обнаружения доселе неизвестных документов.

Судьба усыпальницы Пожарских после 1660-х годов давно известна. С угасанием рода в конце XVII в. ее забросили, а примерно через столетие разобрали (1765–1766 гг.). Благодаря тому, что сведения о палатке вызывали интерес у всех, кто занимался историей погребения князя Пожарского уже с 1810-х годов, мы достаточно хорошо представляем период запустения. В середине XVIII века ранний историк Суздаля, ключарь Рождественского собора Анания Федоров, говоря о Евфимиевом монастыре, упомянул, что «в показанной обители есть многие княжеские и вкладчиков гробницы под церковью Преподобного Евфимия»³⁹. Вероятно, он имел в виду именно усыпальницу – других погребений под собором и приделом практически нет (подробнее см. в следующей главе). А.Ф. Малиновский⁴⁰ и другие историки первой половины XIX века тоже знали, что «оная полатка была против алтаря придельной церкви Преподобного Евфимия»; что «в ней погребались князья Хованские и Пожарские»; что «над нею вверху была полатка для хранения ризницы, которая бывшим архимандритом Ефремом в 1765 и 1766 годах разобрана, а фундамент оной и поныне виден...»; наконец, что «имевшиеся на гробах князей Пожарских и

ИЗСЛЕДОВАНИЕ О МѢСТѢ ПОГРЕБЕНІЯ КНЯЗЯ ДМИТРІЯ МИХАЙЛОВИЧА ПОЖАРСКАГО

(изъ донесенія ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи Наукъ).

Въ Суздальскомъ Спасо-Евфимьевскомъ монастырѣ издавна велось преданіе, что тѣло незабвеннаго князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго погребено было въ его стѣнахъ, — *вмѣстѣ съ его родителями.*

Это преданіе засвидѣтельствовано и въ литературѣ: въ 1810 году княземъ Долгорукимъ, который служилъ тогда губернаторомъ во Владимирѣ ¹⁾; въ 1817 г. А. О. Малиновскимъ въ «Биографическихъ свѣдѣніяхъ о князѣ Пожарскомъ», поднесенныхъ, по случаю открытія ему памятника въ Москвѣ, покойному Императору Александрѣ ²⁾; въ 1833 г. путешествовавшимъ по Высочайшему повелѣнію известнымъ статистикомъ, К. И. Арсеньевымъ ³⁾; и наконецъ въ 1849 г. редакторомъ этого изслѣдованія ⁴⁾:

Монахи указывали даже мѣсто, гдѣ по слухамъ, до нихъ дошедшимъ, находилась усыпальница Пожарскихъ.

Монастырскіе документы, до сихъ поръ сохранившіеся, подтверждаютъ устное преданіе ⁵⁾:

(1) 1810 г. марта 31, князь П. М. Долгорукій, въ отвѣтъ на доставленныя ему извѣстія изъ монастыря, написалъ: «читать я со вниманіемъ вашу выписку о гробѣ князя Пожарскаго, и утверждаюсь въ моихъ мысляхъ, что онъ погребенъ въ Спасо-Евфимьевѣ монастырѣ.» См. Сборникъ Румилицоваго музея, подъ № 387. (2) С. 103. «По многимъ соображеніямъ можно безъ ошибки полагать, что онъ похороненъ... въ Суздальскомъ Спасо-Евфимьевскомъ монастырѣ.» (3) Путевыя Записки К. Арсеньева, въ рукописи. (4) Путевыя Записки М. Погодина, въ рукописи. Также Москвитянинъ 1850 г. часть II, № 3. (5) Нѣкоторые изъ сихъ извѣстій сообщены были князю Ивану Михайловичу Долгорукому и государственному канцлеру графу Николаю Петровичу Румилицову. Они хранятся въ его Музее, въ указанномъ Сборникѣ подъ № 387, см. Описаніе его, сост. Востоковымъ, с. 585.

I

Хованскихъ белые камни с надписями им же архимандритом Ефремом употреблены на выстилку при церкви рундуков и на другие церковные починки»⁴¹, в том числе – на ремонт западной стены, в которой до сих пор обнаруживаются таблицы из усыпальницы. От момента разборки до начала собиранія учеными сведений о погребеніях Пожарскихъ оставалось около полувека, а до раскопок Уварова – менее столетія.

38 Описание актов собрания гр. А.С. Уварова. М., 1905, № 198.

39 Федоров А. Историческое собрание о богоспасаемом граде Суздале // Временник общества истории и древностей российских. М., 1855. Т. 22. С. 8.

40 Малиновский А.Ф. Биографические сведения о князе Пожарском. М., 1817. С. 103; ранняя историография: Погодин М.П. Исследование о месте погребения... 1859. С. 39.

41 Погодин М.П. Исследование о месте погребения... 1859. С. 42–43.

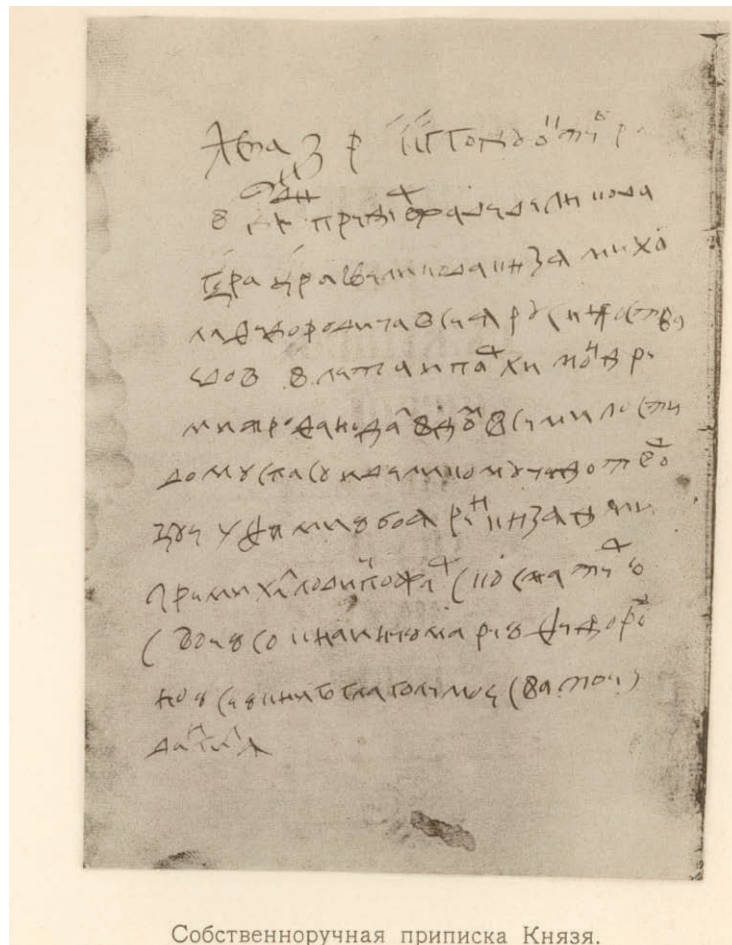
Рис. 50 а. Вклады князей Пожарских в Спасо-Евфимиев монастырь (по: Уваров А.С., Работы по разысканию..., 1910.): Евангелие (верхняя крышка переплета), вложенное Д.М. Пожарским и его матерью в 1614 г.

Евангелие 1615 года. 5

Первая стр. Евангеляя.

Собственноручная приписка Князя.

Риза шитая изъ шубы Князя.

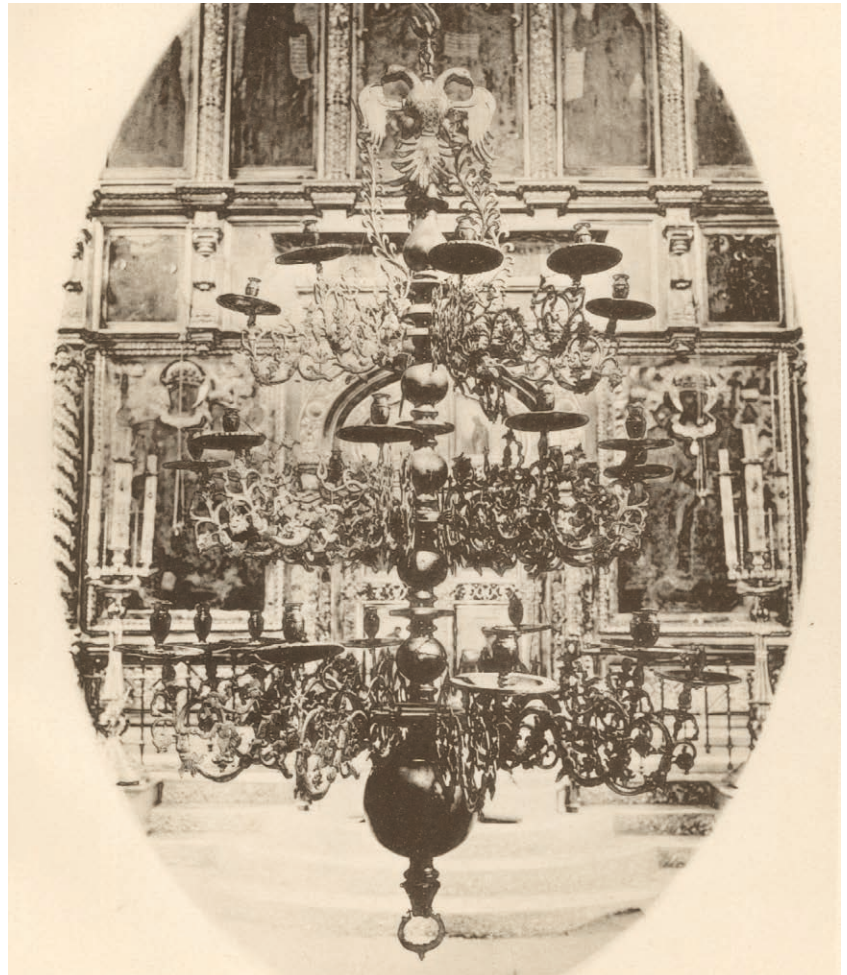
Вкладъ Княгини Феодоры Андреевны на поминъ души мужа.

Рис. 50 б. Вклады князей Пожарских в Спасо-Евфимиев монастырь (по: Уваров А.С., Работы по разысканию..., 1910.): лист того же Евангелия со вкладной записью князя Д.М. Пожарского.

Рис. 50 в. Вклады князей Пожарских в Спасо-Евфимиев монастырь (по: Уваров А.С., Работы по разысканию..., 1910.): ризы, сшитые из шубы, пожалованной князю Д.М. Пожарскому царем Михаилом Федоровичем (вложена по духовной князя) и епитрахиль (вклад его вдовы Феодоры Андреевны Пожарской (Голлицыной) по муже).

Рис. 50 г. Вклады князей Пожарских в Спасо-Евфимиев монастырь (по: Уваров А.С., Работы по разысканию..., 1910.): плащаница (Гроб Господень), вложена Ф.А. Пожарской в 1644 г. по душе покойного).

Рис. 50 д. Вклады князей Пожарских в Спасо-Евфимиев монастырь (по: Уваров А.С., Работы по разысканию..., 1910.): «шапки служебные» (вклад Ф.А. Пожарской в 1640-х годах.); паникадило (вклад князя Д.М. Пожарского).

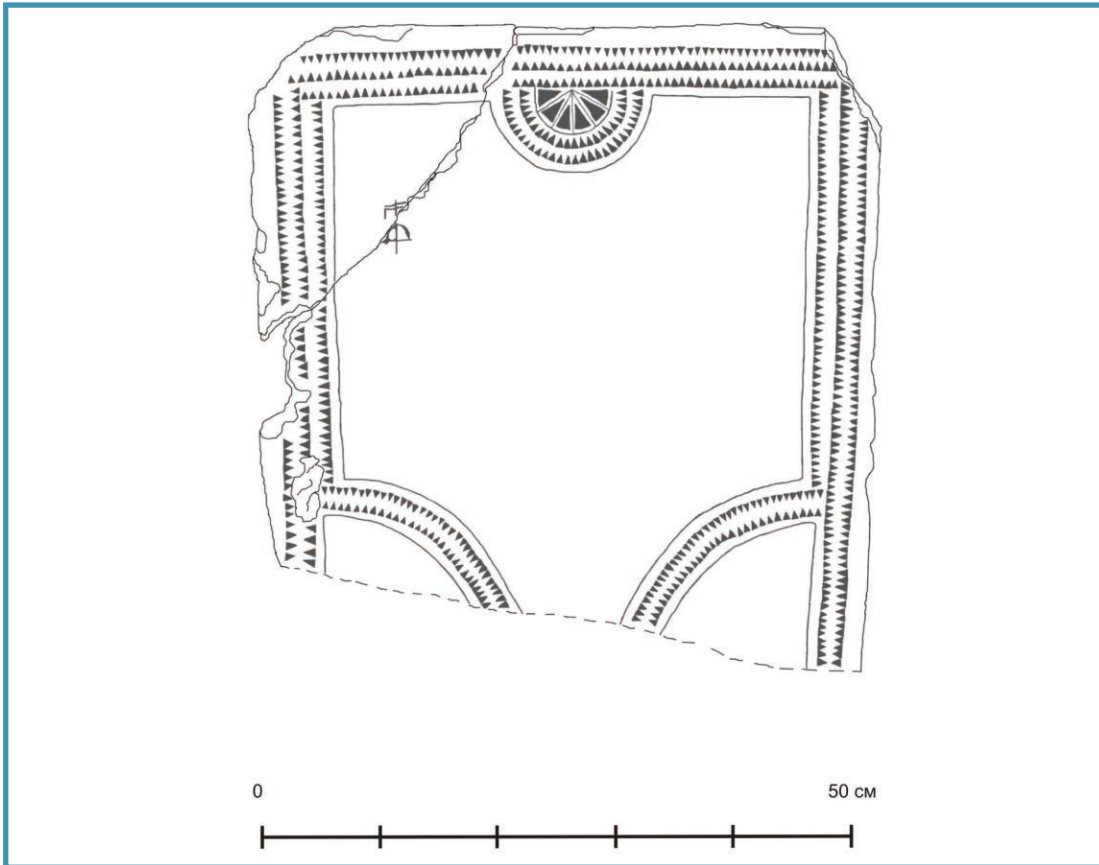

Рис. 51 а. Раскоп 2/2008. Фрагмент орнаментированного надгробия первой половины XVI века. Прорись.

Рис. 51 б. Раскоп 2/2008. Фрагмент орнаментированного надгробия первой половины XVI века.

Глава 4

«Палатка»

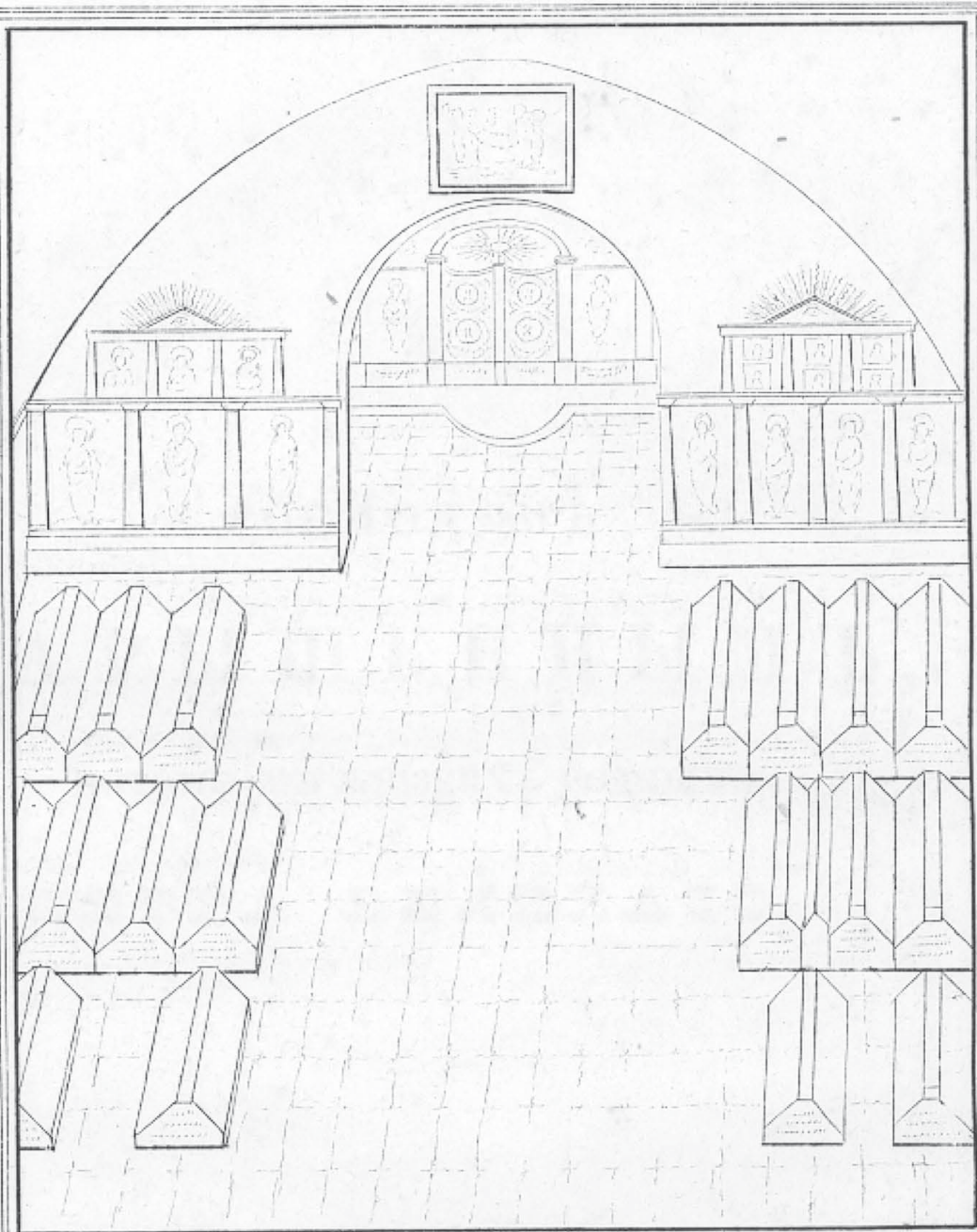
Пожарских и Хованских

и родовые усыпальницы знати

в Московском государстве

XVI–XVII веков

ДОСТОПАМЯТНЫЯ МОГИЛЫ

*въ Московскомъ Велико-Петровскомъ
монастырѣ.*

Ант. Корн. Шренковск.

«Палатка» Пожарских и Хованских и родовые усыпальницы знати в Московском государстве XVI–XVII веков

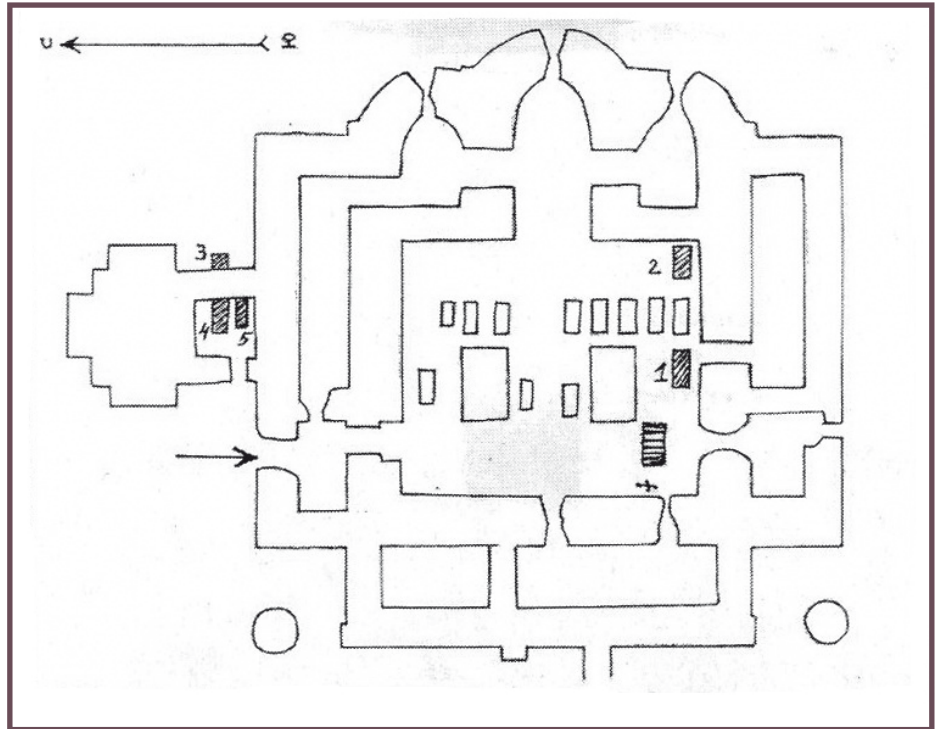
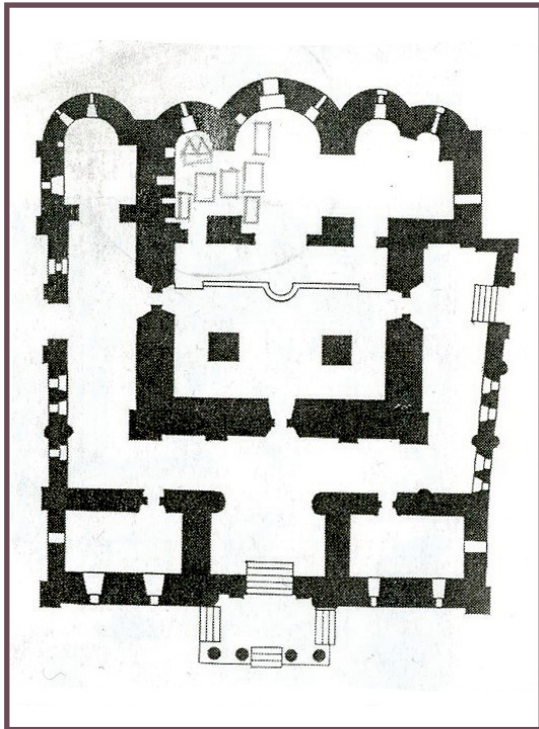
В последней главе мы попытаемся сопоставить сведения, полученные о некрополе Пожарских, с тем, что известно о других родовых усыпальницах Московского царства. Ведь постройку у апсид Спасо-Евфимиевского собора мало рассмотреть в рамках частной, семейной истории, генеалогии и монастырской археологии. Устройство таких сооружений и формирование родовых погребальных участков на церковных кладбищах – важный этап развития исторической памяти, одна из составляющих в сложении национального Пантеона Московского государства, глубинно связанная со всем становлением русской культуры. Для понимания этих процессов наш памятник следует поместить в пространство истории религии и литургии, социальных отношений и общественного сознания, церковного искусства и архитектуры, куда нас неизменно приводит изучение некрополей.

Истоки процесса, конечно, лежат в практике погребения знати, сложившейся на Руси в домонгольский период и генетически восходящей к византийской и, отчасти, романской традиции. Можно указать на очевидные черты сходства статусных кладбищ Московского периода с аналогичными некрополями XII – первой трети XIII вв. И там, и здесь в качестве главной, если не единственной, модели родовой усыпальницы для знатной семьи выступает специально возведенная ею (или обновленная – перестроенная, расширенная и т.п.) церковь с ближайшим участком кладбища. Это может быть городской собор, храм монастыря (главный или особый, погребальный), наконец, специальная пристройка к нему. Господствующий принцип составления таких кладбищ – родовой, но это не значит, что все ветви рода хоронят своих усопших в одном месте – напротив, каждая ветвь и даже малая семья стремится обзавестись собственным, своим церковным кладбищем. Из-за этого, а также по разным техническим, внешним, причинам собрать на кладбище весь род не получается: вместе кладут обычно от одного до, в лучшем случае, трех колен, причем разные семьи одного рода могут формировать собственные монастыри или церковные участки синхронно. Более протяженные линии образуют некрополи монастырей (игуменские, епископские) и правящих династий, которые способны сохранять традицию погребения в одном соборе столетиями – сюда относятся, например, София Новгородская, Успенский собор во Владимире, Рождественский в Суздале, Архангельский в Московском Кремле. Таким образом, здесь традиция Древней Руси прямо продолжилась в удельное время и позже перешла в Московский период¹.

Однако оформление некрополей претерпело существенные перемены, затронувшие сам принцип их формирования. Чтобы это показать, сравним организацию суздальской усыпальницы со статусными княжеско-боярскими кладбищами XVI–XVII вв. в Москве и провинции, а также с великокняжеским и царским некрополем Архангельского собора Кремля. Отметить следует как материальные, так и пространственные элементы: архитектуру зданий, топографию внутреннюю и внешнюю (то есть выделение и сохранение родовых участков, их размещение в пределах или вблизи определенных частей храма, их отношение к кладбищу в целом), виды памятников-надгробниц (включая декорацию, палеографию и формуляр надписей), типы саркофагов и кирпичных «склепов», погребальный инвентарь.

На шмуцтитуле – Рис. 75. Боголюбовская церковь московского Высоко-Петровского монастыря. Погребения Нарышкиных последней четверти XVII в. Гравюра из книги (Крылов И.З. Достопамятные могилы...1841; между стр. 2 и 3).

¹ Развитие некрополей знати на протяжении домонгольского и раннемосковского периода активно исследуется историками искусства; см.: Преображенский А.С. Ктиторские портреты средневековой Руси. XI - начало XVI века. М., 2010 (там же библиография).

2 Это пространственно-литургическое решение имеет предысторию в балкановизантийской традиции. В Москве его смогли развить на основе принципов палладианства, принесенных итальянскими зодчими. Здесь мы не рассматриваем эти важные вопросы, но следует указать на сходство в функциональной обусловленности развития литургического пространства в Москве и на Западе. За 2-3 столетия до этого европейские архитекторы и их заказчики решили проблему синхронизации «нормального культа», движения паломников и службы в «частных» погребальных зонах знатных прихожан, сформировав вокруг базиликального ядра цепочки капелл, соединявшихся в венцы вокруг алтаря и крипты. В Москве аналогичные функции начал исполнять подклет (в известной мере – аналог погребальной крипты).

3 Она хорошо известна в крупных монастырях Руси, прежде всего в Троицком Сергиеве, по крайней мере, с XV в., и даже породила такое явление, как заблаговременное занятие места с помощью укладки плиты с соответствующей надписью. См.: Вишневский В.И. Об одном типе надписей на надгробиях Троице-Сергиевой лавры // Русское средневековое надгробие XIII–XVII вв. Материалы к своду. Вып. 1. М., 2006. С. 280–285.

4 См. Папин И.В. Некрополь Кирилло-Белозерского монастыря // Русское средневековое надгробие XIII–XVII вв. Материалы к своду. Вып. 1. М., 2006. С. 204–211.

5 Папин И.В. Некрополь Кирилло-Белозерского монастыря...2006. Кбм-76 и Кбм-77.

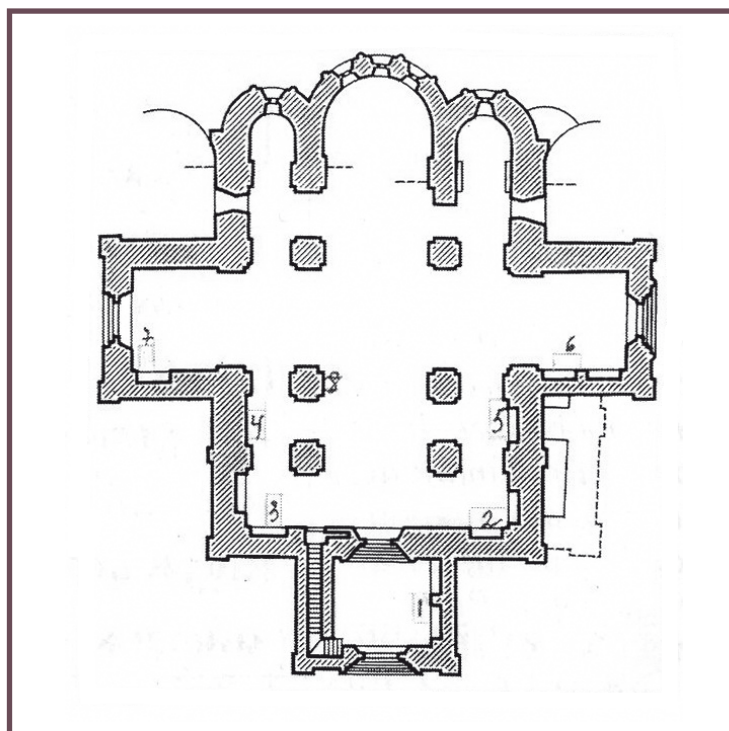
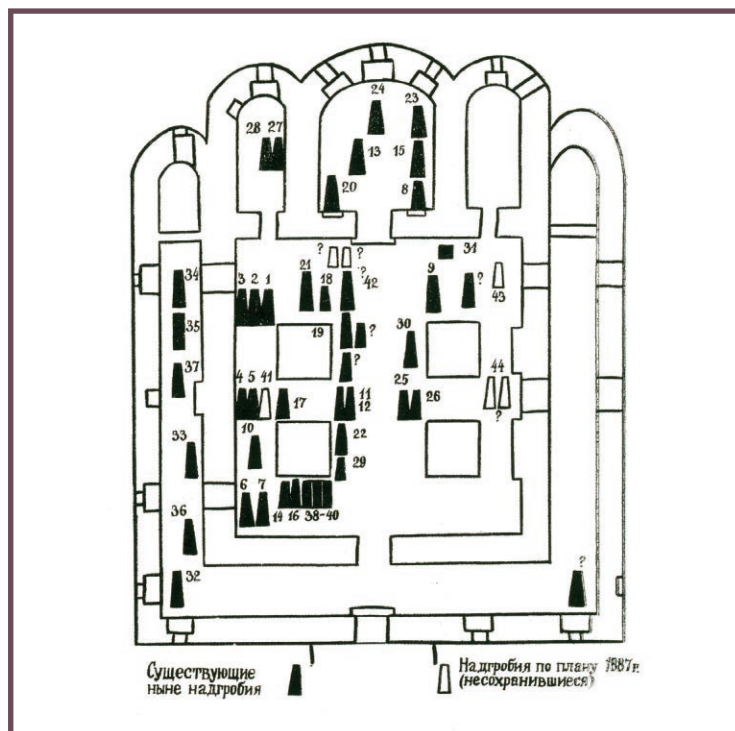
6 О ней писали Н.А. Макаров, Т.Д. Панова, Т.Е. Самойлова, Вл. В. Седов, Е.С. Сизов и многие другие. Достаточно подробный обзор таких примеров и литературы сделан сравнительно недавно; см.: Шалина И.М. Локализация погребений русских чудотворцев в монастырских храмах и ее символическое значение // Преподобный Иосиф Волоцкий и его обитель. М., 2008. С. 126–154.

Изменения в архитектурном пространстве статусных некрополей Московского периода бросаются в глаза. С XVI века храмы поднимают на подклеты и окружают галереями. При этом одним из главных видов некрополя знатных семей становятся погребения под полом наземного этажа, в подклете (собор Покровского Суздальского монастыря; Покровский собор Александровой слободы; собор Спасского монастыря в Ярославле; в Москве, прежде всего, соборы Новодевичьего и Новоспасского монастырей). Появление погребального подклета станет одним из существенных признаков московского статусного некрополя² и снимет проблему излишней насыщенности пространства храма и прилегающей зоны надгробными памятниками (с XV в. она отмечена в крупных монастырях Руси³) (рис. 52–54, 55 а-б).

В последнюю треть XVI в. наблюдаются уже попытки строительства отдельных церквей для погребения в них особенно родовитых семей удельных князей. Ставшая самой известной церковь такого рода – Владимирская, построена, видимо, еще в 1550-е годы для князей Воротынских в Кирилло-Белозерском монастыре и уже упоминалась в предыдущей главе. Для нас она интересна как аналог усыпальницы Пожарских (хотя последняя и не имела престола). Пристроенная с севера к монастырскому

Успенскому собору, она тоже выдвинута далеко за его апсиду, хотя, в отличие от усыпальницы, не закрывает алтарь с востока (рис. 56–59).

Отметим, что обе усыпальницы, хотя возникли с более чем полувековым разрывом, переформлены в один и тот же период после Смуты, до этого заполнялись тоже, в общем, синхронно, и даже перестали использоваться почти одновременно⁴. Во Владимирской церкви не ранее января 1606 и, вероятно, не позднее января 1627 года перезахоронили четырех князей Воротынских, умерших в XVI веке, причем тела двоих перевезли из Кашина в 1606 г. Для всех была нарезана общая памятная доска, на которой собраны краткие эпитафии, не следующие обычному формуляру надгробной плиты, и содержащие к тому же отдельный (центральный) текст в двух картушах, сообщающий о переноске останков из Кашина. Дата нарезки доски не сообщается, но ясно, что она не ранее 1606 и, вероятно, не позднее 1627 года. Собственно надгробия представлены квадратными настенными досками четырех князей XVII в.: древнейшая из них, 1627 года, имеет орнамент, аналогичный большой памятной плите; три другие датированы 1642, 1677 и 1679 годами. По крайней мере, одна плита (А.И. Воротынского, 1642 г.) отмечала погребение в каменном саркофаге с надписной крышкой. Ана-

логию усыпальнице Пожарских составляет даже вытекающая крышка антропоморфного саркофага из плоской плиты XVI(?) в. с плетеным орнаментом⁵. Все это говорит о несомненной близости Владимирской церкви и усыпальницы Пожарских, демонстрирующих близкие формы и близкий алгоритм развития.

Не менее важен вопрос внутренней «топографии» церковных погребений. К настоящему времени по нему накопилась значительная литература, которую специально не рассматриваем⁶. Приведем только главные, бесспорные наблюдения. Сегодня очевидно, что в Московский период в храмах (прежде всего монастырских) и вокруг них складывались две сравнительно устойчивые зоны статусных погребений. На одной хоронили высородных покойников (светских и клириков), на другой изначально клали только святые мощи. В больших общежительных монастырях к середине XVI в. в этой зоне появятся придельные храмы над гробами местных святых – первый среди них, Никоновский у Троицкого собора в Сергиевом монастыре, возник в 1548 г.⁷ Для выделения зон было много разнообразных причин ментального, историко-литургического и функционально-литургического свойства, но для нашей темы довольно указать, что, по крайней мере, в XV–XVII вв. их выделение стало устойчивым.

«Зона знати» начиналась из юго-западного угла и распространялась вдоль обеих стен к востоку и северу; эта зона могла быть достаточно обширной и постепенно достигать, в одну сторону, северной стены, а в другую – алтарной части храма. «Зона святости» – первоначально всегда меньшая – включала часто только одно, но особенно важное, особо почитаемое погребение, помещавшееся в раке или под спудом у юго-восточного угла, к востоку от диаконника, к югу от него (типичный пример – палатка для раки в Спасском на Усть-Угры монастыре⁸), (рис. 60 а, б) и даже в самом диаконнике. Рака или могила могли располагаться перед солеей или на ней, а также в особой наружной пристройке за стеной придела⁹. Юго-восточный угол собора стали постепенно воспринимать как зону, на которую распространяется покров святости, источником которой мыслятся мощи святого. Очень быстро, однако, зоны начали соединяться, поскольку к юго-востоку стали мало-помалу стягиваться и погребения самых знатных и/или благочестивых семей, стремившихся, как когда-то ранние христиане в катакомбах, быть погребенными *ad sanctos*, подле святого.

Эти общие тенденции прослеживаются и в Суздале. Ведь суздальская знать имела давнюю традицию оформления погребений и особые возможности для зна-

Рис. 52. Схема Покровского собора (1513 г.) в Александровской слободе с указанием погребений в подклете под алтарем (по: Курганова Н.М. Страницы истории некрополя... 2007. Ил. 21).

Рис. 53. Схема усыпальницы собора Покровского Суздальского монастыря с указанием погребений, вскрытых при раскопках П.И. Куглюковского в 1972 г. (по: Курганова Н.М. Страницы истории некрополя..., 2007. Ил. 45).

Рис. 54. Схема усыпальницы в подклете Смоленского собора Новодевичьего монастыря в Москве. Середина XVI–XVII вв. (по: Трубишкова О.А. История некрополя..., 1991).

Рис. 55 а. Некрополь Рождественского собора в Суздале: план собора (А.Д. Варзанов) с указанием погребений (по: Курганова Н.М. Страницы истории некрополя..., 2007. Ил. 2 и 3).

7 Подъяпольский С.С. О церкви Кирилла XVI века в Кирилло-Белозерском монастыре // Вологда. Краеведческий альманах. Вологда, 1997.

8 Беляев Л.А. Спасский на Усть-Угры монастырь в XVI столетии: археология, история, архитектура // Реставрация и архитектурная археология. М., 1996. Вып. 2. С. 55–72.

9 Разумеется, есть примеры погребения вдоль северной стены и помещения здесь же раки и/или чтимой могилы (например, в Успенском соборе Ростова Великого, или в каменном соборе XVI в. Данилова монастыря в Москве) – но статистически связь «зоны святости» с юго-востоком несомненна.

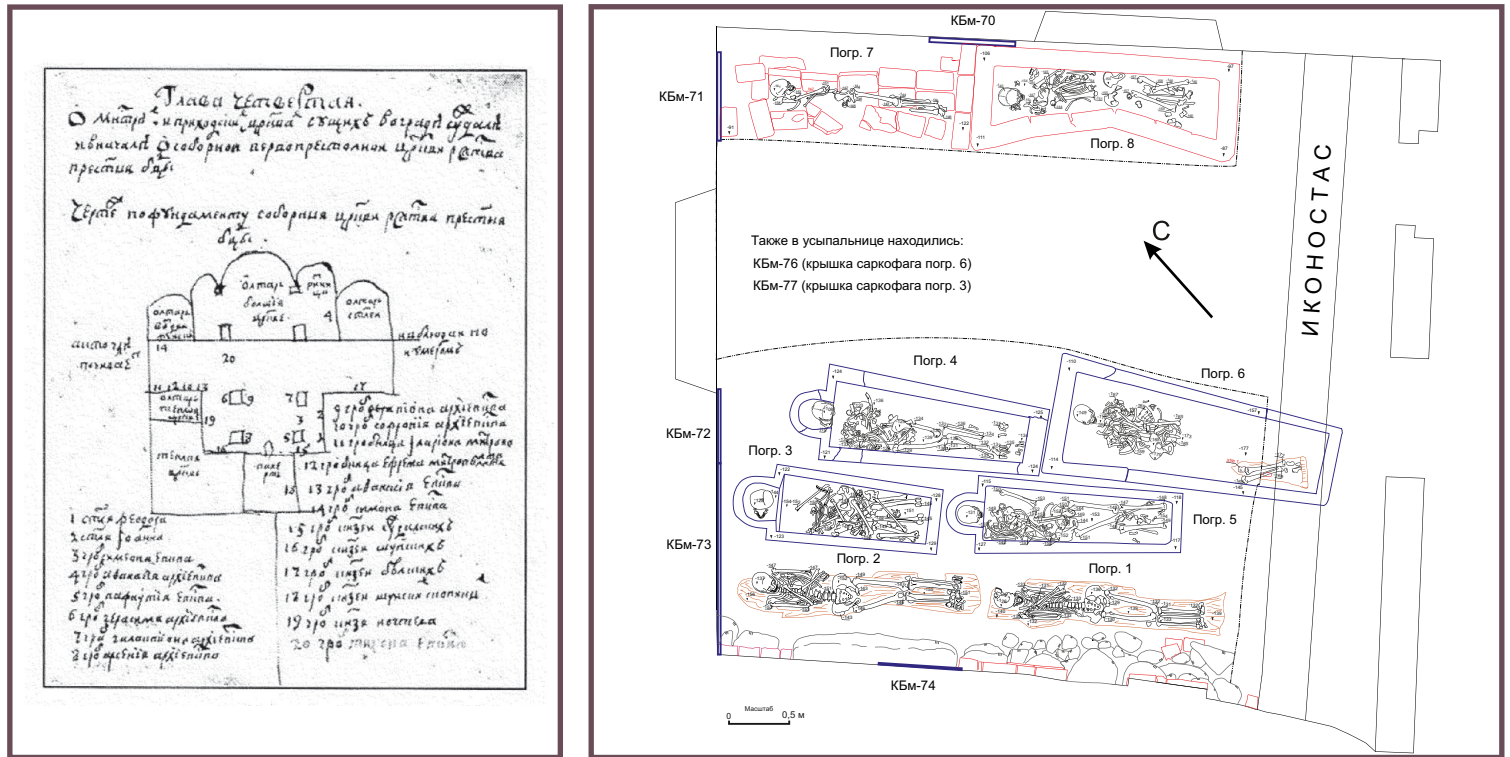

Рис. 55 б. Некрополь Рождественского собора в Суздале: схема собора с указанием погребений, конец XVII века (по: Курганова Н.М. Страницы истории некрополя..., 2007. Ил. 2 и 3).

Рис. 56. Кириллов Белозерский монастырь. Общий план некрополя (по: Папин И.В. Некрополь ..., 2006. Ил. 2).

комства с обычаями статусного некрополя – и московскими, и даже, как увидим далее, зарубежными. В суздальском соборе Рождества Богородицы с домонгольского периода существовал княжеский и епископский (с XVII в. митрополичий) некрополь; в XIV, XV и, особенно, XVI в. быстро развивались кладбища для принявших постриг членов знатных семей в Покровском (широко известном, оказавшем влияние на развитие придворных обитателей Москвы) и (видимо, менее престижное и не столь насыщенное) в Евфимиевом монастырях (рис. 61). Эти три кладбища нужно рассматривать как некое единое погребальное пространство, поскольку в целом ряде случаев женщины из знатных семей принимали постриг и хоронились в Покровском монастыре, в то время как мужская половина семьи находила покой в Рождественском соборе (что очень напоминает ситуацию с «мужским» Архангельским собором и Вознесенским женским монастырем в Московском Кремле). Следы такого разделения известны, кстати, и для семьи Пожарских – в Покровском монастыре существовало когда-то надгробие Евпраксии Пожарской с датой 7089/1581 год. Но в целом у Пожарских, как и во многих других отношениях, иная модель – мы наблюдаем у них обратную тенденцию, тяготение всех погребений к «своему» Спасо-Евфимиевому монастырю, куда,

вопреки обычаю, даже переносят останки монахинь, умерших в иных монастырях (см. выше, в главе 3).

Тем паче интересно рассмотреть поведение Пожарских в рамках местной, суздальской традиции. Правда, в Суздале сохранились лишь следы древних княжеских некрополей, но они драгоценны, и следует высоко оценить работу Н.М. Кургановой, приложившей усилия к сбору их материалов. Начнем с некрополя Спасо-Евфимиева монастыря, где мы встречаем общерусскую «церковную топографию» в ее развитой стадии. У юго-восточного угла собора, на мыслимом месте погребения местного святого, Евфимия, возникает погребальный придел (очень спорную пока историю изменений в планировке собора мы здесь не рассматриваем), а не позднее XVI в. к югу и к востоку от него складывается родовой участок Пожарских и, наконец, в 1630-х годах (наиболее вероятная дата) строится их семейная усыпальница (рис. 62).

Само размещение ее восточнее апсиды необычно и не имеет прямых аналогов в русском церковном строительстве, где не принято возводить никаких пристроек вплотную к алтарной части с востока (что не противоречит сказанному ранее о традиционности хоронить за апсидой или вблизи нее наиболее почитаемых усопших, тем более – святых). Можно вспомнить, правда,

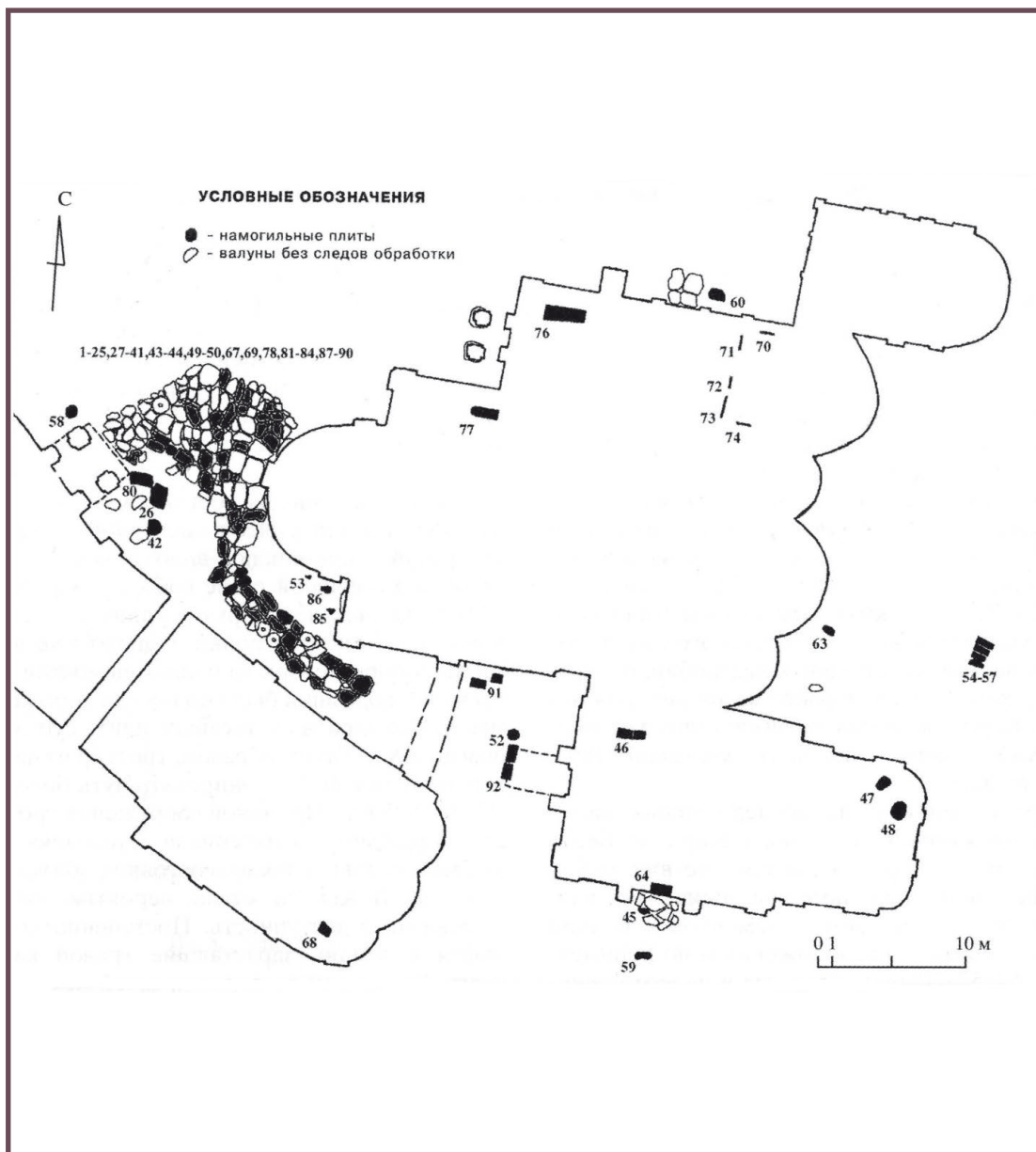

Рис. 57. Кириллов Белозерский монастырь. Владимирская церковь. План изученных погребений по материалам раскопок (предоставлен И.В. Папиным).

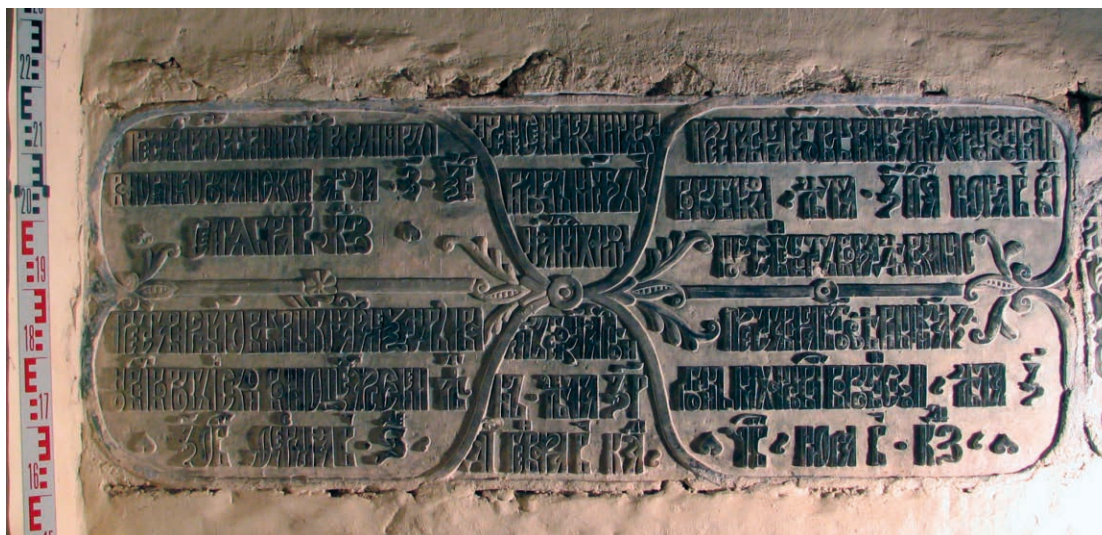

Рис. 58. Кириллов Белозерский монастырь. Владимирская церковь. Памятная стенная плита с перечислением погребенных в церкви князей Воротынских (КБМ 73). После 1606 г. Фото И.В. Папина.

Рис. 59. Кириллов Белозерский монастырь. Владимирская церковь. Надгробие князя А.М. Воротынского († 1642 г.) КБМ 74. Фото И.В. Папина.

Рис. 60 а. Собор середины XVI в. в Спасо-Преображенском на Усть-Угры монастыре по материалам раскопок 1980-х годов: план собора с прилегающей к северо-восточному углу погребальной палаткой (см.: Беляев Л.А. Спасский на Усть-Угры монастырь..., 1996а).

что за алтарем собора Св. Софии в Полоцке (XI в.) открыты три погребальные пристройки XII–XIII вв., существовавшие, по крайней мере, до XV столетия, из которых самая поздняя, охватив весь южный и восточный фасады узкой полосой (10 x 39 м!), заключала в себе серию подпольных гробниц и прямоугольных саркофагов, достигавших уровня пола (исследования Вал.А. Булкина в 1975–1980 гг.) (рис. 63, 64). Такое решение можно объяснить внешними влияниями в одном из самых западных городов Руси – ведь расположение погребальных сооружений к востоку от алтарей чрезвычайно типично для европейской архитектуры Средних веков, в том числе и для Речи Посполитой.

Нельзя исключать фрагментарного переноса в XVII в. этой традиции на москов-

скую почву. Допустимо думать, что развитие погребальных обрядов и сооружений в эпоху первых Романовых испытало слабое влияние «сарматской» *potra funebris*¹⁰ – преувеличенно пышной церемонии захоронения польской (также литовской, украинской, белорусской) знати. Возможно, этим вызвано усложнение оформления надгробных памятников Москвы, отчасти само умножение надписей, даже появление их на крышках саркофагов (о чем будет сказано ниже). Во второй половине XVII в. признаки такого влияния очевидны: на него указывает эпиграфика Нового Иерусалима и вообще силлабические эпитафии Москвы; декоративные мотивы украинского барокко и многое другое в московской придворной и церковной культуре. Но и для первой половины столетия можно указать на

¹⁰ См. об этом явлении: Тананаева Л.И. Сарматский портрет. Из истории польского портрета эпохи Барокко. М., 1979; особенно с. 198–220; там же библиография до середины 1970-х годов.

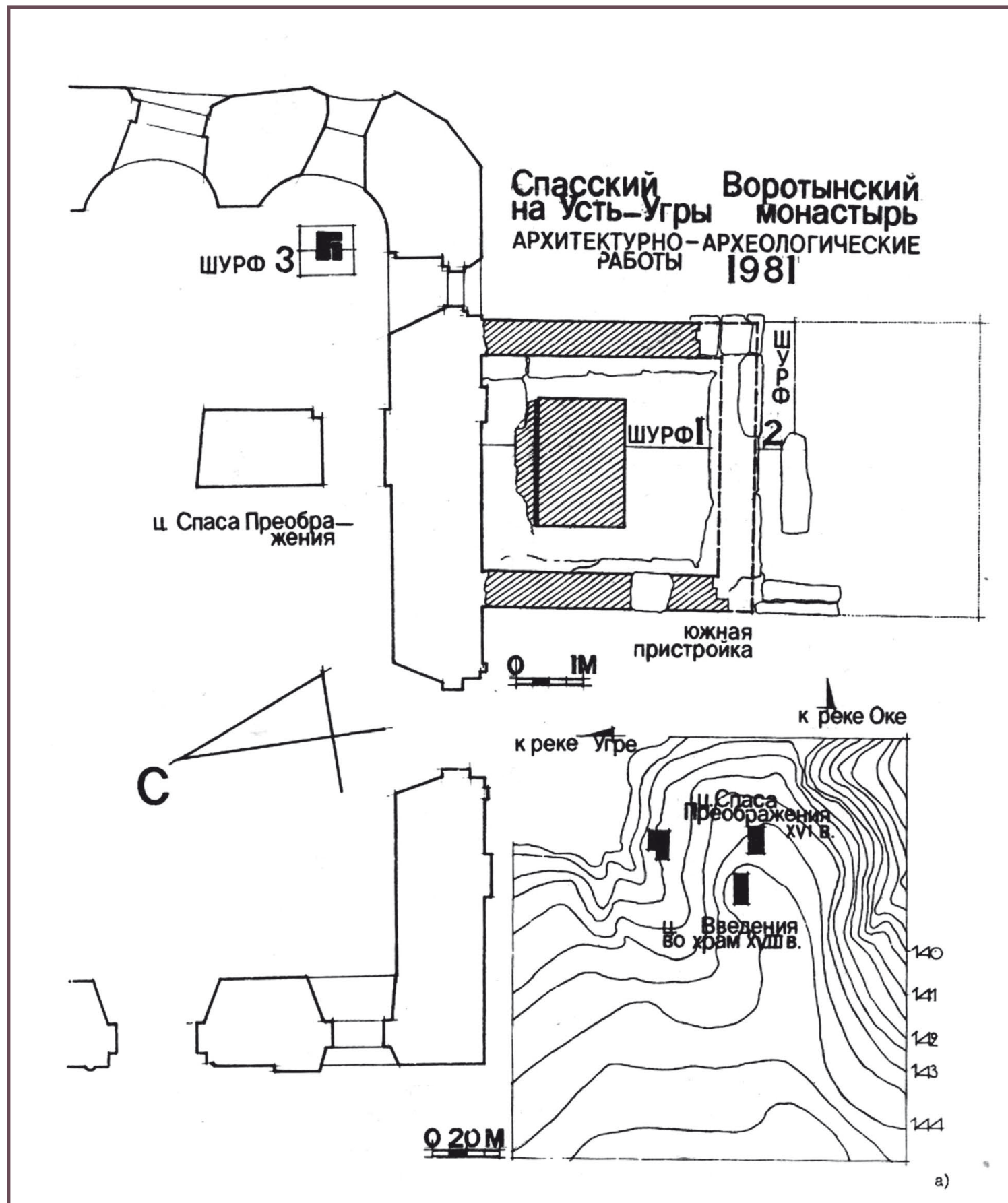
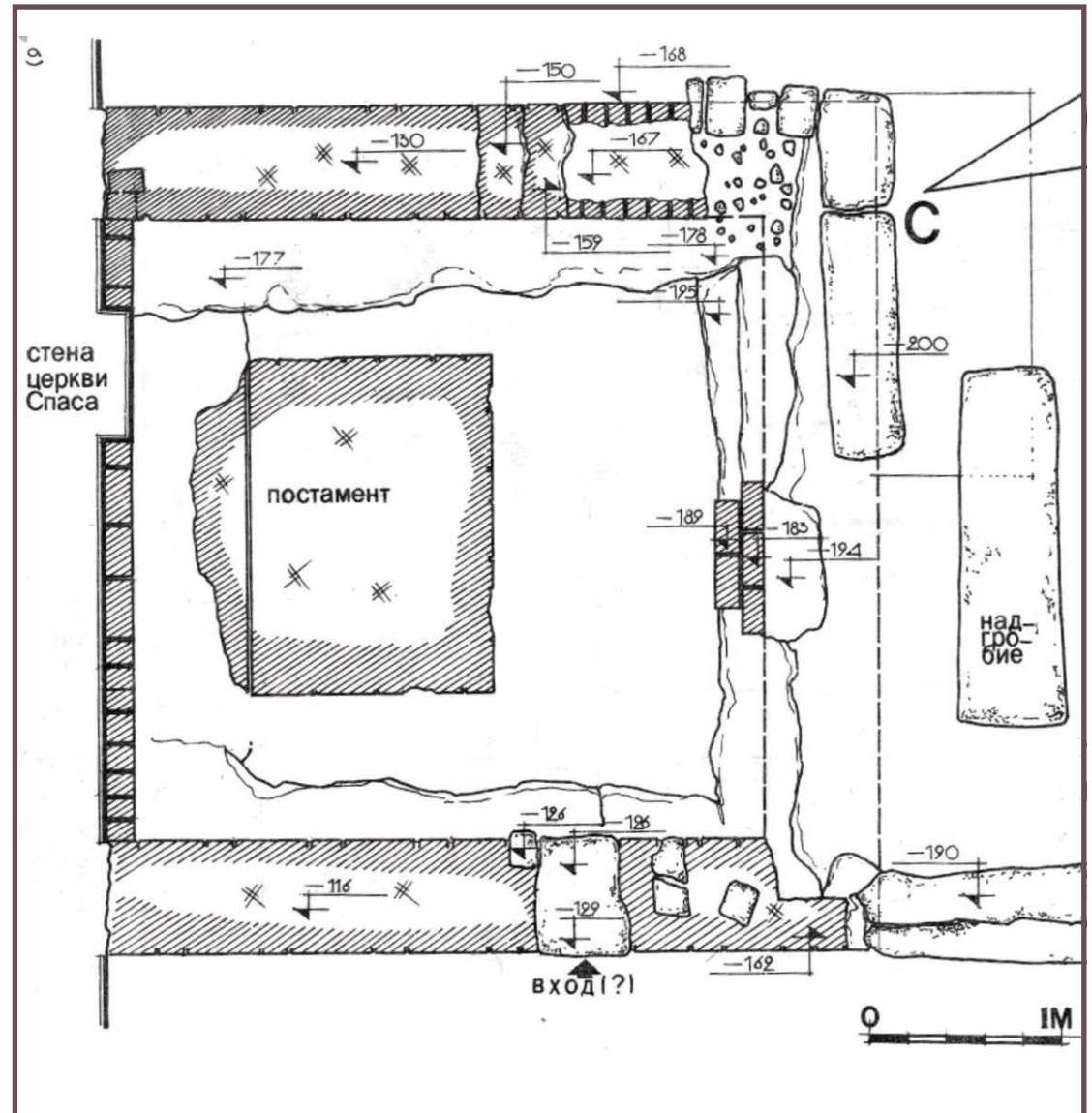

Рис. 60 б. Собор середины XVI в. в Спасо-Преображенском на Усть-Угры монастыре по материалам раскопок 1980-х годов: план палатки с основанием для раки (см.: Беляев Л.А. Спасский на Усть-Угры монастырь..., 1996а).

случаи несомненного знакомства русских с обычаями погребения правящих особ в построенных для этого сооружениях и со специально составленными надписями. Наиболее известный случай – история погребения царя Василия Шуйского в отдельной «каплице» в Варшаве, переговоров с Польшей о выдаче (фактически – о выкупе) тела, последующей перевозки его в Москву и захоронения в Кремле не только останков, но и привезенной «доски» с латинским надгробным текстом, оскорбительным для чести правителей России (недаром надпись на его памятнике не заключена в картуш-тондо, а занимает буквально каждый сантиметр шестигранного торцевого камня и необычно длинна – 13 строк мелкой вязи)¹¹ (рис. 65). Этот «эпизод», в который оказались втянуты высшие лица государства,

включая патриарха Филарета и Михаила Романовых, а также польские и украинские магнаты разных уровней (прежде всего – Адам Кисель), несомненно, широко обсуждали при дворе в Кремле. В Суздале, родовом городе Шуйских, рассказы вернувшихся из плена или участвовавших в переговорах дворян тоже, видимо, были хорошо известны. Наконец, московские служилые люди и дворяне могли, начиная со Смутного времени, и особенно во время войн второй трети XVII столетия, знакомиться с польско-литовской традицией оформления погребений непосредственно, в многочисленных походах и иных перемещениях по Украине и Белой Руси.

Об этих, не таких уж дальних, связях следует помнить. Но размещение усыпальницы Пожарских за алтарем храма можно

¹¹ Цветаев Д.В. Царь Василий Шуйский и места погребения его в Польше. Приложения к историческому исследованию. Том 2. Варшава. 1902. (Цветаев Д.В. Царь Василий Шуйский в Польше // Известия Варшавского университета. Кн. IV–V. Варшава).

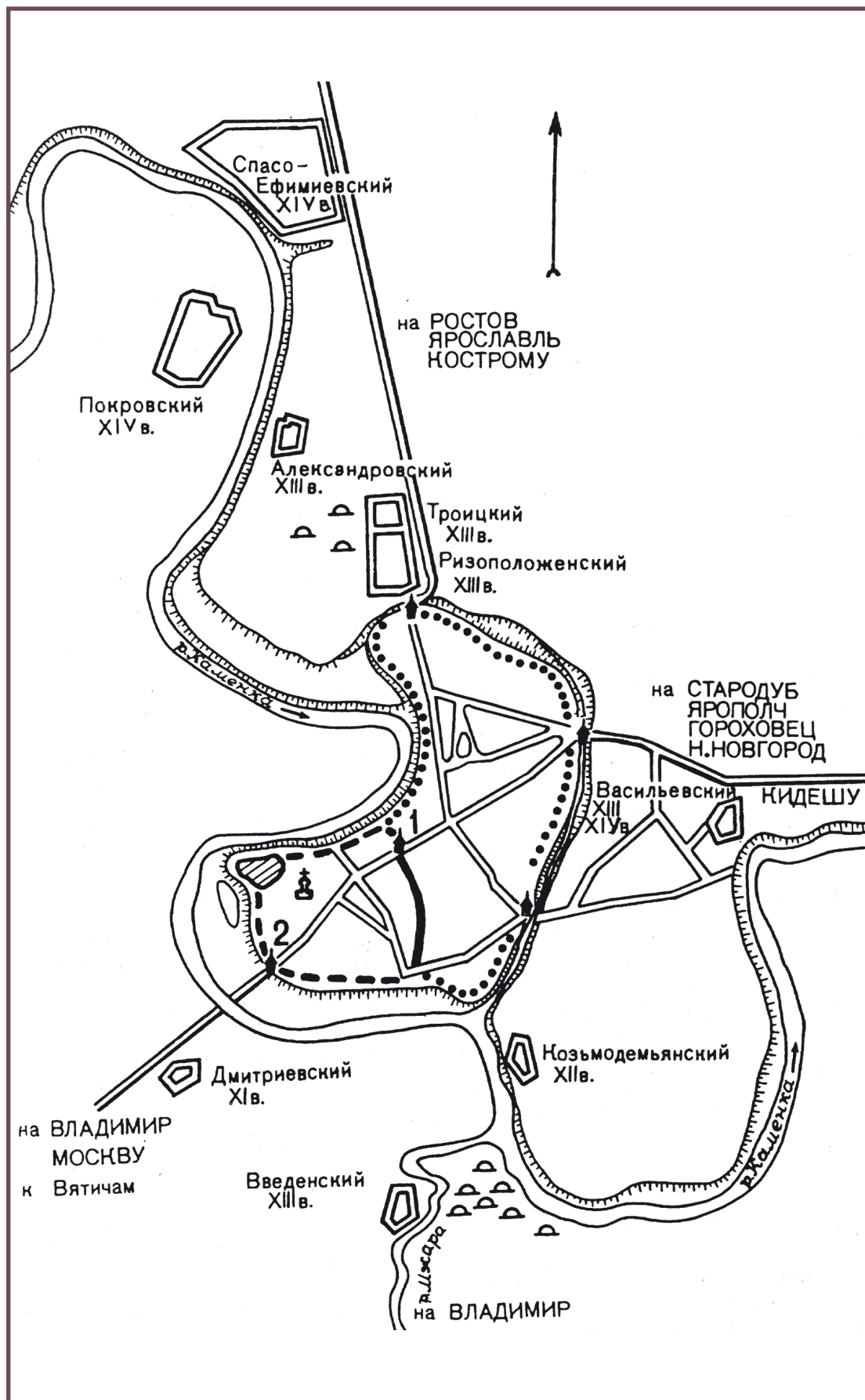
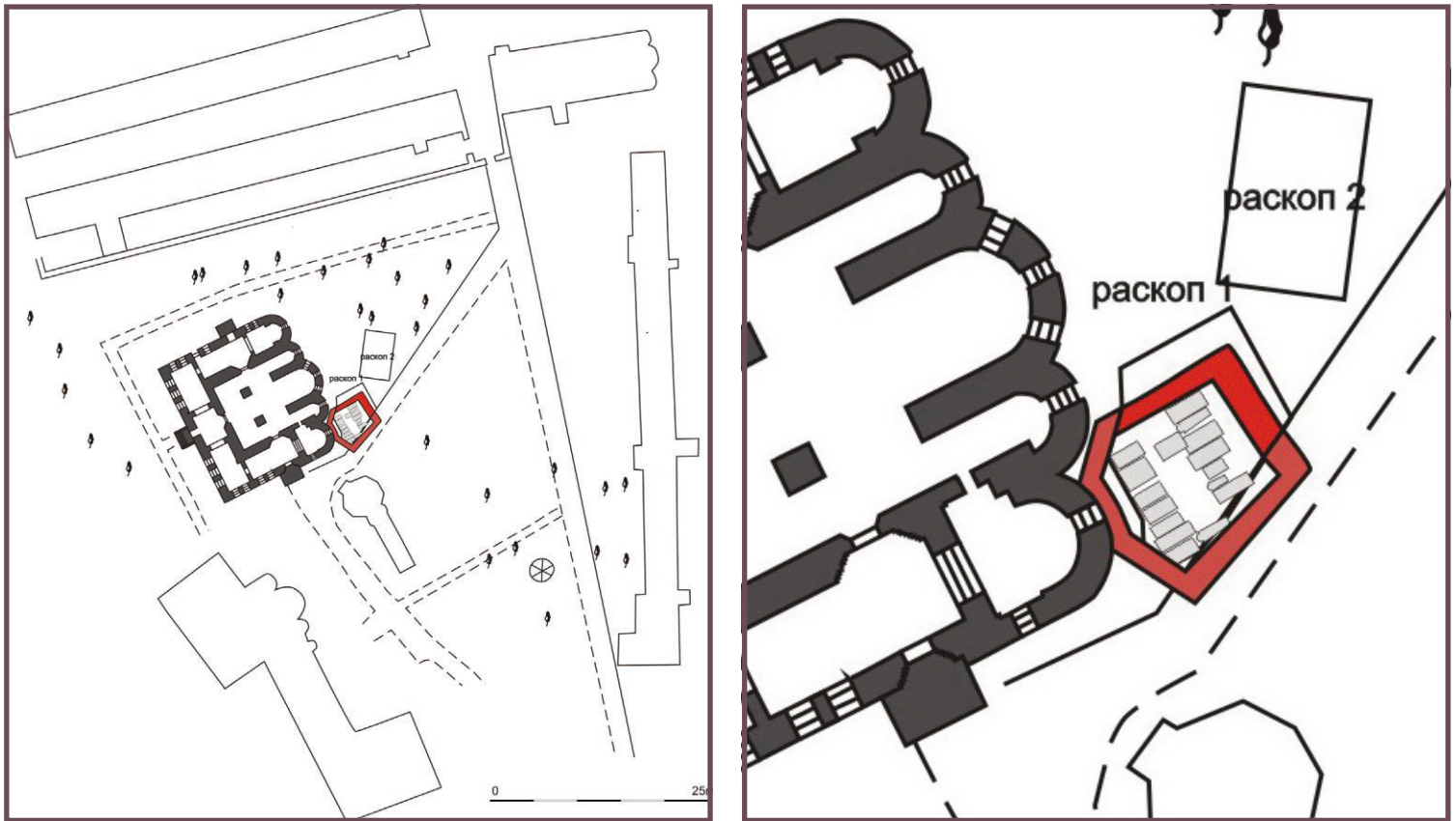

Рис. 61. Монастыри и храмы в ландшафте средневекового Суздаля (по: Седова М.В. Суздаль..., 1997. Рис. 10).

12 В соборе нет аркосолиев или других специальных мест для погребений. В нем сейчас две памятные плиты высших церковных иерархов: Иова, архиепископа Суздальского и Тарусского (†1594), и Павла, митрополита Сибирского и Тобольского (†1692). Их присутствие в храме следует понимать как вполне оправданное исключение. Оба они хорошо известные деятели Церкви, и оба тесно связаны с монастырем. Иов – его архимандрит в 1570-х годах (затем он станет епископом, а с 1589 г. – архиепископом); о его смерти и погребении в монастыре есть письменные свидетельства (А. Федоров отметит, возможно, отталкиваясь от той же самой плиты: «гроб его обретается в Спасо-Евфимиевом монастыре под церковью»). Камень надгробия Иова – в приделе св. Евфимия и, действительно, оформлен так, что его можно признать современным погребению. Павел стал архимандритом монастыря на столетие позже (с 1663 г.; позже был духовником царевны Софьи, построил первый каменный собор в Сибири, в г. Тобольске) и на его вклад Гурий Никитин украсил суздальский Спасо-Преображенский собор росписью (1689 г.), в составе которой есть специальное сообщение об этом. Однако митрополит умер далеко от Суздаля, в районе Соликамска, а его памятник в церкви (у южной стены) создан во второй половине XIX в. и, видимо, просто фиксирует историческую связь митрополита-донатора со «своим» монастырем. См. об этом: Н.М. Курганова, Страницы истории..., 2007. С. 70–72, ил. 53, 54.

объяснить и гораздо проще: ее предопределило изначально, с первой трети XVI в., существование в Спасском монастыре за апсидой придела св. Евфимия их родового участка. Он возник там естественным образом, как реализация потребности топографической близости к захоронениям святых и подражания им в оформлении. Это станет особенно ясно, если учесть, что собор при строительстве для захоронений вообще не готовили, и они в нем, действительно, не совершались. Во всяком случае, таких сведений нет, как нет у собора ни подклета, ни аркосолиев. По-видимому, род Пожарских был самым знатым и богатым землями из тех, кто хоронил своих покойных в самом дальнем монастыре Суздаля, Спасском. И это сделало их право на лучшее для родового участка место – рядом с гробницей святого – неоспоримым. Добившись общенародной славы, представители рода обрели право и на строительство отдельной палатки, а также на особые, статусные формы ее внутреннего оформления. Показательно, что все найденные пока в Спасском монастыре настенные и надгробные таблицы принадлежат исключительно Пожарским и их родственникам Хованским. В самом соборе и приделе не хоронили¹², а

погребальная палатка была только одна – так что остальным вкладчикам было, видимо, просто негде ставить надгробницы и размещать таблицы, они довольствовались местом на открытом кладбище и намогильной горизонтальной плитой, ставшей к XVI в. традиционной (такие плиты найдены нами на раскопе II, на соседнем с усыпальницей участке кладбища – см. об этом в предыдущей главе).

Описание 1760-х годов заставляет предполагать, что усыпальница примыкала к более просторному сооружению, стоявшему к югу и юго-западу от палатки, причем в нем также имелись погребения. Это могла быть протяженная галерея вдоль южного фасада (указанный в описи размер: до 20 м длины при почти 7 м ширины) с выступом от алтаря на примерно 6,40 м (это сопоставимо с шириной раскопанной усыпальницы). Кладбище Пожарских огибало, обнимало юго-восточный угол придела святого Евфимия, отчасти сливаясь с объемом придела, что как бы вводило некрополь в состав храма. На основе данных раскопок, письменных источников и аналогов (как они ни скудны) можно предложить схематическую реконструкцию внешних объемов палатки и ризницы, общего вида

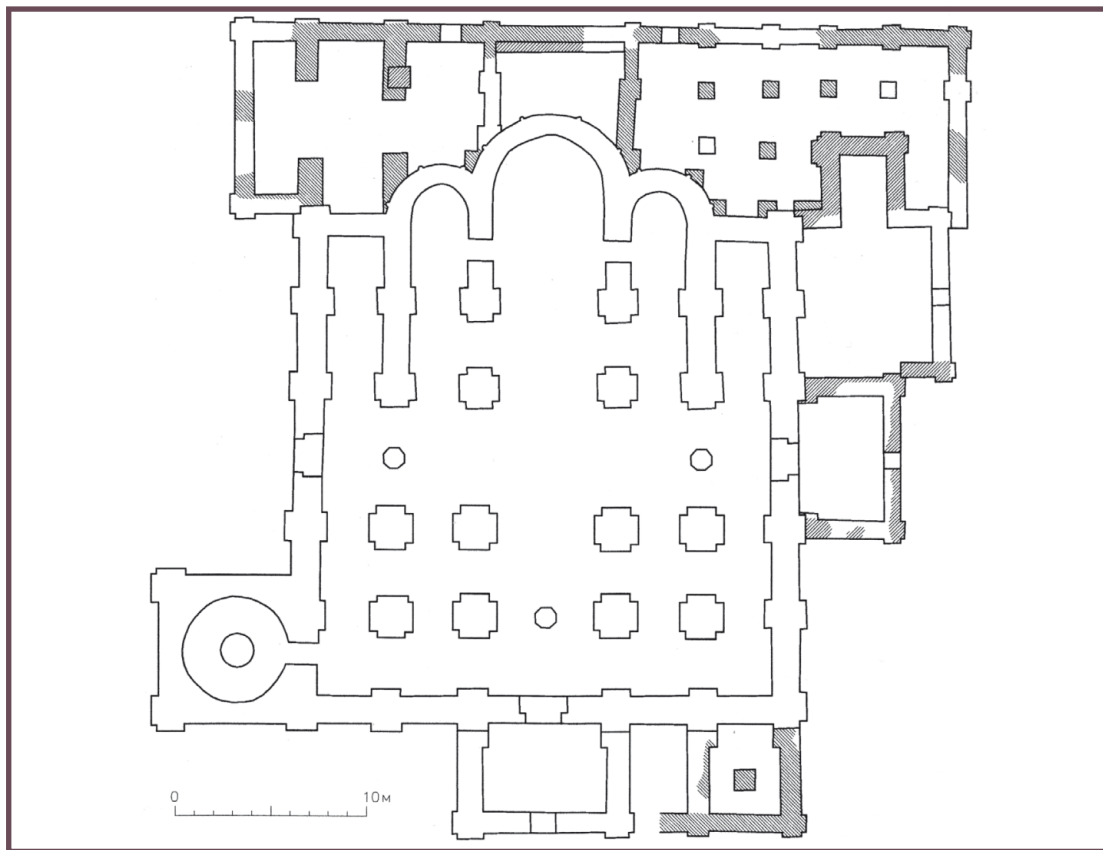

Рис. 62. План собора Спасо-Евфимиева монастыря с контуром усыпальницы князей Пожарских и Хованских.

Рис. 63. Вл.А. Булкин. Реконструктивно-обмерный план Софийского собора в Полоцке (XI в.) с раскопанным в 1970-х годах погребальным комплексом (XII (?) в.) вдоль южного и восточного фасадов.

Рис. 64 а, б. Софийский собор в Полоцке, XI в. Раскопанные части погребального сооружения (XII(?) в.), пристроенного к апсидам собора: обмерный план. Материалы раскопок Вл.А. Булкина в 1970-х годах.

Благодарю автора работ за разрешение воспользоваться неопубликованными материалами, а И.В. Антипова – за помощь в их получении.

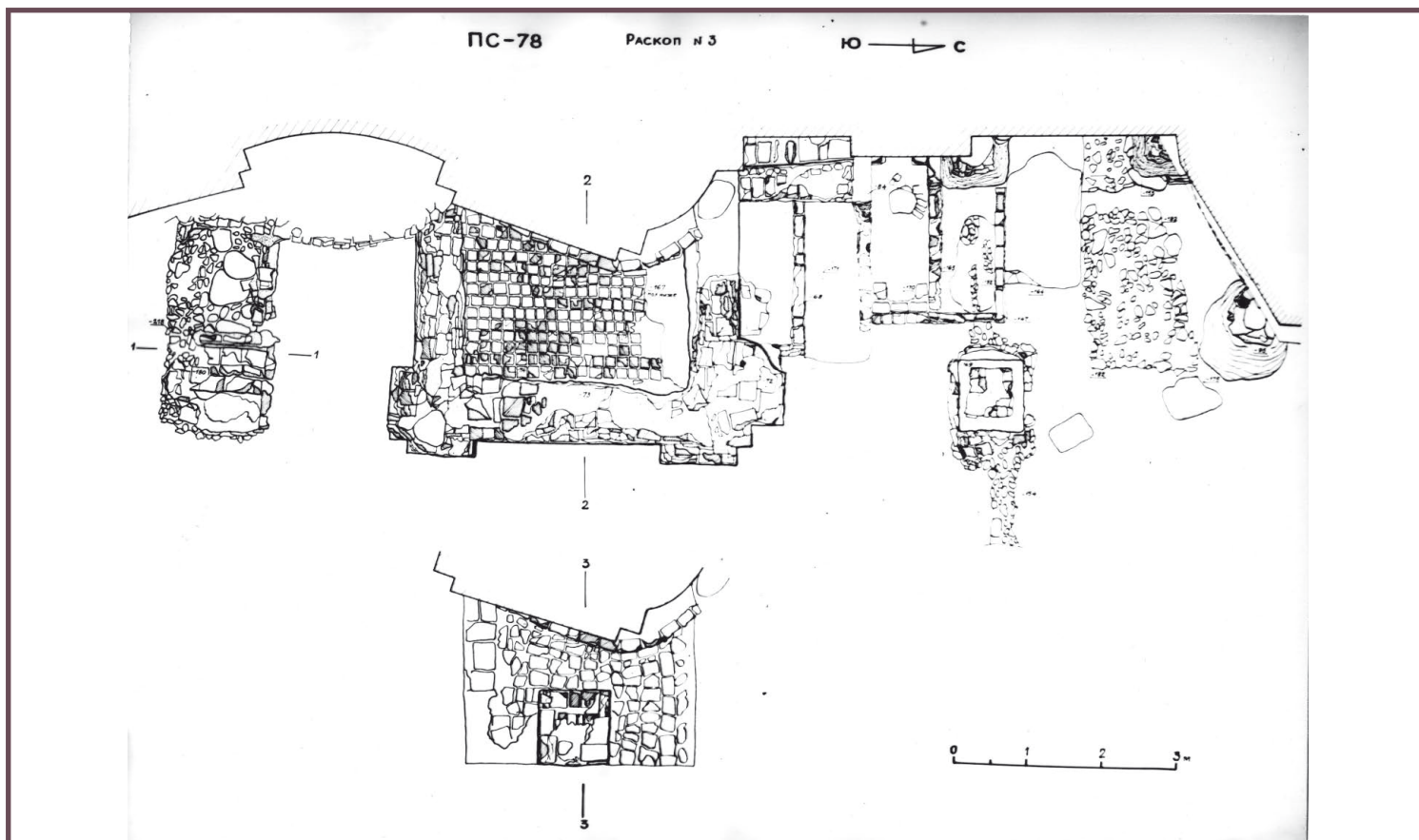

Рис. 64 б, в. Софийский собор в Полоцке, XI в. Раскопанные части погребального сооружения (XII(?) в.), пристроенного к апсидам собора: вид расчищенных гробниц (склепы и плитчатые саркофаги), выходящих в уровень интерьера и южный притвор и гробницы. Материалы раскопок В.А. Булкина в 1970-х годах.

Рис. 65. Архангельский собор Московского Кремля. Слева – надгробие царя Василия Шуйского († 1613, погребен в Кремле в 1635 г.), справа – князей Старицких Владимира Андреевича († 1569), Василия Владимировича († ок. 1574) и Андрея Ивановича († 1536) (ГММК, КПоф-4866-63). Оформление близко к датам погребений (?).

интерьера, отдельных надгробниц и возможной последовательности совершения погребений (рис. 66; 67 а, б; 68 а, б, в). Продвинутое решение вопроса об устройстве этих конструкций может в дальнейшем подробное архитектурно-археологическое исследование южной части собора и прилегающей зоны.

Материалы описи 1660 года и имеющиеся аналоги позволяют представить погребальную палатку изнутри как богато украшенную, насыщенную шитыми тканями покровов, блеском лампад и серебряных иконных окладов. Описная книга монастыря за 1660 год постоянно их упоминает, например: «По стороне правого клироса у сторонних дверей церковных из полатки от родителей боярина князя Ивана Никитича Хованского да князя Ивана Дмитриевича Пожарского образов: четыре образа Пречистых Богородицы Умиление обложены серебром басменным... два образа Пречистые Богородицы Одигитрии обложены серебром... образ Пречистые Богородицы Казанские обложен серебром, образ святые мученицы Парасковей нарицаемые Пятницы обложен серебром басменным... образ Марии Магдалины обложен серебром... образ святого Благоверного князя Владимира...»¹³ и т.д. Художественный облик, эстетика интерьера в усыпальницах московского периода, сейчас выглядящих очень бедными и «голыми», может, несомненно, стать задачей отдельного исследования¹⁴.

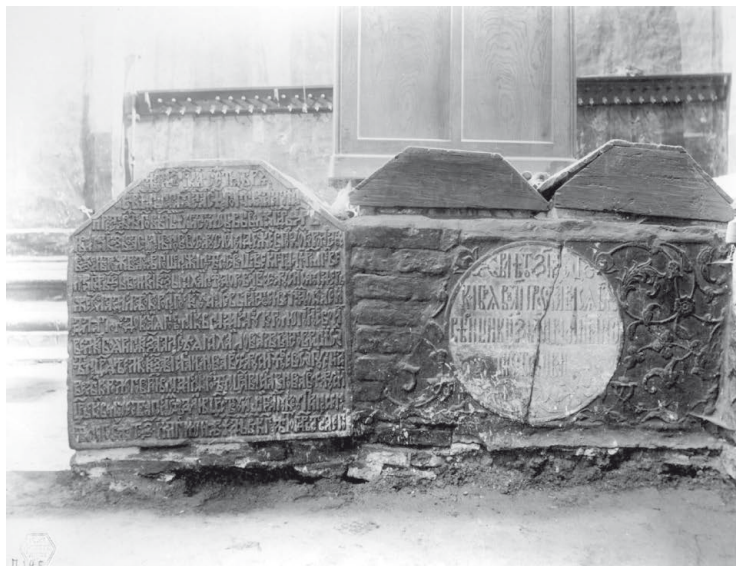
Внутри древнерусского храма погребения стремились располагать вплотную к стене или внутри нее, что понятно: это сохраняло пространство для молящихся, для литургического действия, для движе-

ния прихожан и паломников. Кроме того, чтобы не заполнять ими церковный зал, погребения убирали в особые галереи, приделы и притворы, перенося элементы оформления на стены (фрески, иконные изображения) или на уровень пола (плоские плиты заподлицо с ним). В ранней московской традиции мы иногда видим полное заполнение галерей рядами могил без прекращения передвижений над ними – например, в притворах собора Иосифо-Волоколамского монастыря¹⁵. Тем не менее, с XIV–XV вв. погребения постепенно «отрываются от стен» и начинают заполнять большие зоны уже не в галереях или приделах, а в самой церкви. В конце концов этим начинают тяготиться, принимая меры к капитальной реорганизации пространства церковных некрополей. В Суздале мы встречаемся с этим, прежде всего, в соборе Рождества Богородицы, но частично и на других кладбищах. Изначально рассчитанный на небольшое число погребений в специально устроенных аркосолиях, собор не мог вместить все плиты и надгробницы, которые за веками умножились и сделали недоступной для движения храм в его западной части. В результате в 1682 г. митрополит Илларион «уравни помост церковный, который был без ровности от множества гробниц и камней великих, яко было с нуждою для множественности народу»¹⁶. Неясно, была ли при этом перенесена часть погребений, но старые надгробные сооружения исчезли, а связанная с ними утварь (прежде всего покровы) и иконы были сданы в ризницу собора по особому документу, в котором перечислялось 17 погребений знатнейших родов¹⁷.

13 Описная книга суздальского Спасо-Евфимиева монастыря 1660 года // Ежегодник Владимирского губернского статистического комитета. Владимир, 1878. Т. 2. С. 18.

14 Такое исследование для раннего периода проведено А.С. Преображенским А.С. в упомянутой выше монографии (Ктисторские портреты... 2010). Интересные данные по надгробным иконостасам и иным элементам оформления царских некрополей см.: Шлионская Л. И. Царские гробницы в Новодевичьем монастыре // Труды ГИМ. Вып. 99. М., 1998.

15 Мы можем предполагать это, опираясь на реконструкции С.З. Чернова, см.: Чернов С.З. Некрополь Иосифо-Волоцкого монастыря в свете археологических исследований 2001 года. Старый и Новый приделы // Преподобный Иосиф Волоцкий и его обитель. М., 2008. С. 269–314; Фролов М.В., Смирнов Ю.А., Русаков П.Е. Археологические исследования фундамента первого каменного храма Иосифо-Волоцкого монастыря и погребений, совершенных в его приделах // Там же. С. 103–113.

Эти действия очень типичны для средневековья. Они напоминают о гораздо более ранних, но в целом аналогичных «санациях» городских некрополей, регулярных в Европе¹⁶; такие попытки известны и в Москве середины XVII в.¹⁷ Сведения о переформлении некрополя Рождественского собора важны потому, что они объясняют причины переноса образов и покровов из усыпальницы Пожарских и Хованских в Спасский собор, включая его в общий процесс развития исторических некрополей Суздаля.

С наступлением Московского периода меняется и оформление надгробного сооружения внутри церкви. Место пристенного (лучше сказать – внутрстенного) погребения в аркосолии (арочной нише, иногда игравшей роль оссуария с повторными захоронениями) занимает могила, обозначенная на поверхности плитой или особым сооружением – надгробницей²⁰. Надгробница XVI–XVII вв. могла представлять просто кирпичный параллелепипед, на верхнюю грань которого клали плоскую каменную плиту, не отличавшуюся от обычной могильной. Но часто это был псевдо-саркофаг из кирпича с трехгранным или щипцовым сводом, в торец которого вертикально монтировали таблицу соответствующей формы, то есть пятигранную (с треугольным «фронтоном»), шестигранную (с трапециевидным «фронтоном») или просто прямоугольную. Такие надгробницы были устроены в кремлевском Архангельском соборе и в других храмах, связанных с царской семьей (рис. 69 а, б; рис. 70). Известны и другие формы использования небольших надгробных плит, по форме близких квадрату

с профилированной или резной рамкой и с надписью (обычно обронной, то есть выпуклыми буквами). Таковую «таблицу» могли вмонтировать вертикально в стену храма или притвора, в стенку надгробницы (а не в ее торец – так сделано при погребении ктиторов церкви Иоанна Златоуста в Коровниках, Ярославль) (рис. 71 а-в, 72), положить горизонтально на кирпичное ступенчатое основание, как в погребениях подклета Смоленского собора Новодевичьего монастыря и найденном *in situ* погребении архимандрита Акакия 1670 года, открытом на древнейшем кладбище Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря на р. Истре в 2012 г. (рис. 74 а-г). Все это зависело от местных обстоятельств (например, от того, с какой стороны к памятнику было удобнее подходить) – но установка плиты в торец надгробия была в XVII в. наиболее обычной, распространенной.

В дальнейшем их заново украшали с соблюдением устоявшихся правил и форм. Яркий пример устройства московской погребальной церкви, доживший, по крайней мере, до середины XIX века – некрополь родственников царя Петра Алексеевича по матери, Нарышкиных, в Боголюбовском храме их родового Высоко-Петровского монастыря в Москве²¹ (рис. 75). Надгробницы занимали в пространстве его интерьера (к сожалению, разрушенного в советский период) не менее двух третей, оставляя для службы только середину зала. В конце XVII в. надгробницы известны уже не только в великокняжеских и боярских монастырских некрополях, но и в провинциальных городах над погребениями ктиторов не столь высокого статуса, вплоть до богатых гостей²².

Рис. 66. Усыпальница князей Пожарских и Хованских у Спасо-Преображенского собора. Схематическая реконструкция Л.А. Беляева и О.А. Вороновой (Тиховой).

16 Повесть о блаженной жизни преосвященного Иллариона, митрополита Суздальского. Кон. XVIII в. В[№]5636/ 325, ВСМЗ. Л. 105об, 106. Цит. по: Курганова Н.М., Страницы истории..., 2007. С. 12.

17 Книги переписные Суздаля соборной церкви, что принято от попа Авраама... на лицо. 1683 г. См. об этом: Курганова Н.М., Страницы истории..., 2007. С. 12–13 и др.

18 Арьес Ф. Человек перед лицом смерти. М., 1992; Беляев Л.А. Сакральная топография Москвы: храм – кладбище – город. К постановке вопроса // Культура средневековой Москвы: исторические ландшафты. М., 2006. Т. 3. С. 29–41.

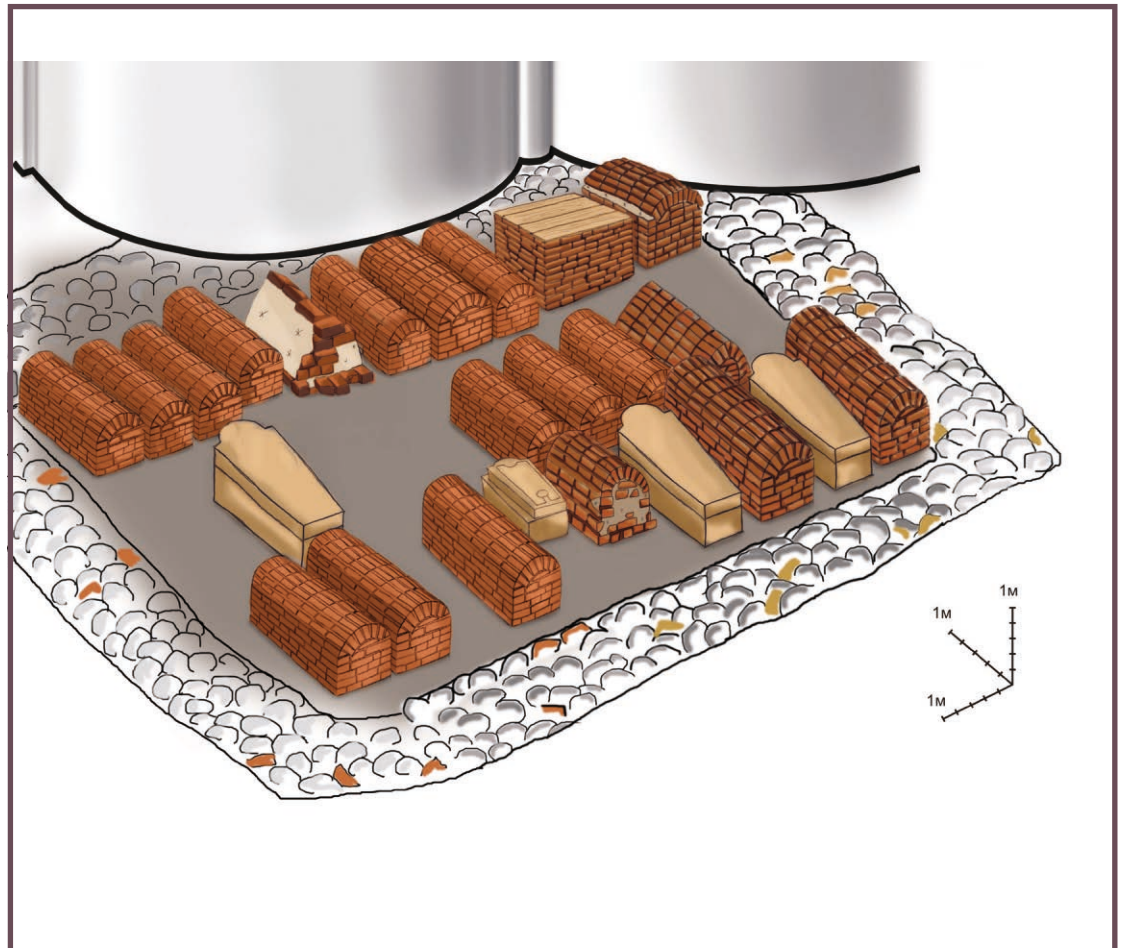
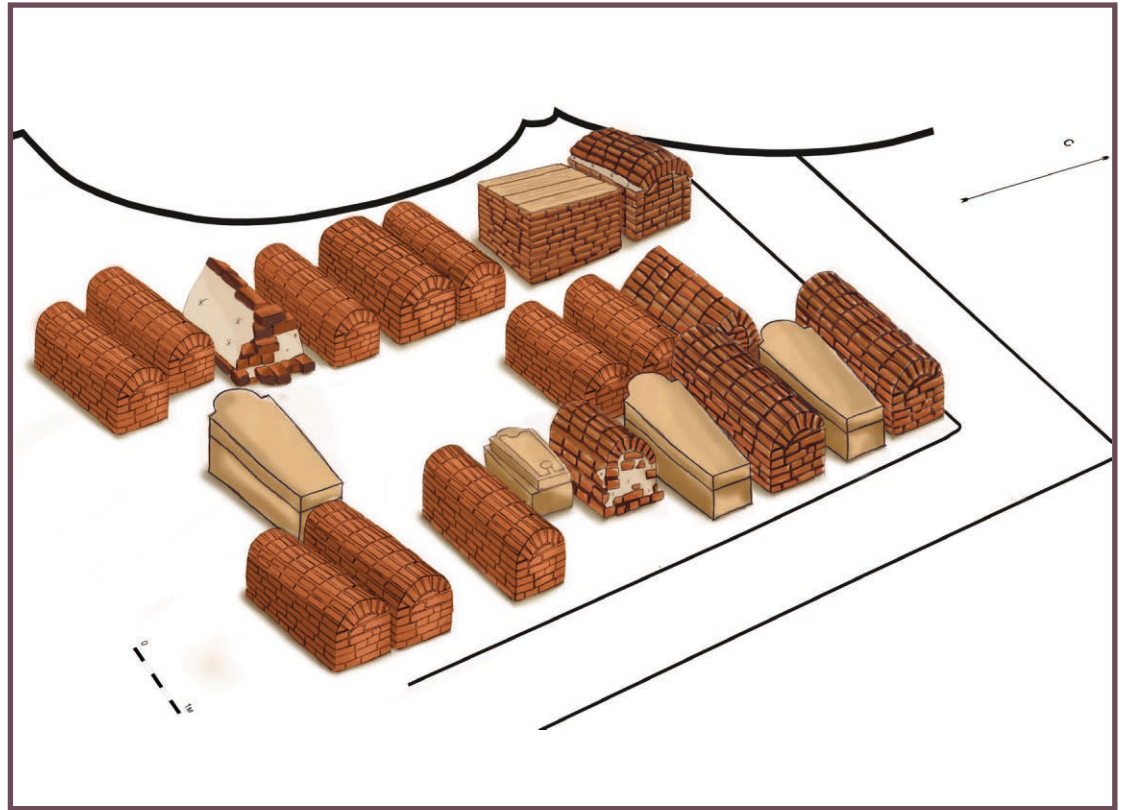
19 Здесь можно найти ясное указание на логичность, насыщенность указов Петра I об уборке надгробий с площадок вокруг храмов и общей реорганизации кладбищ (указы от 10.10.1713; 12.04.1722; 10.10.1723, как и многие другие указы Петра, написаны *ad hoc* и потому выглядят, на первый взгляд, случайными).

20 Возможно, сами саркофаги иногда ставили на пол, но эти случаи очень редки и, в сущности, не доказаны.

21 Крылов И.З. Достопамятные могилы в Московском Высоко-Петровском монастыре. М., 1841. Между страницами 2 и 3.

22 Например, переформленные в конце XVII в. надгробия купцов Неждановских – ктиторов церкви Иоанна Златоуста в Коровниках. См.: Баранова С.И. Надгробница XVII века из церкви в Коровниках (г. Ярославль) // РА. М., 2008. № 4. С. 133–136.

Рис. 67 а, б. Погребальные сооружения в усыпальнице у Спасо-Преображенского собора: подземная часть. Варианты реконструкции Л.А. Беляева и О.А. Вороновой (Тиховой).

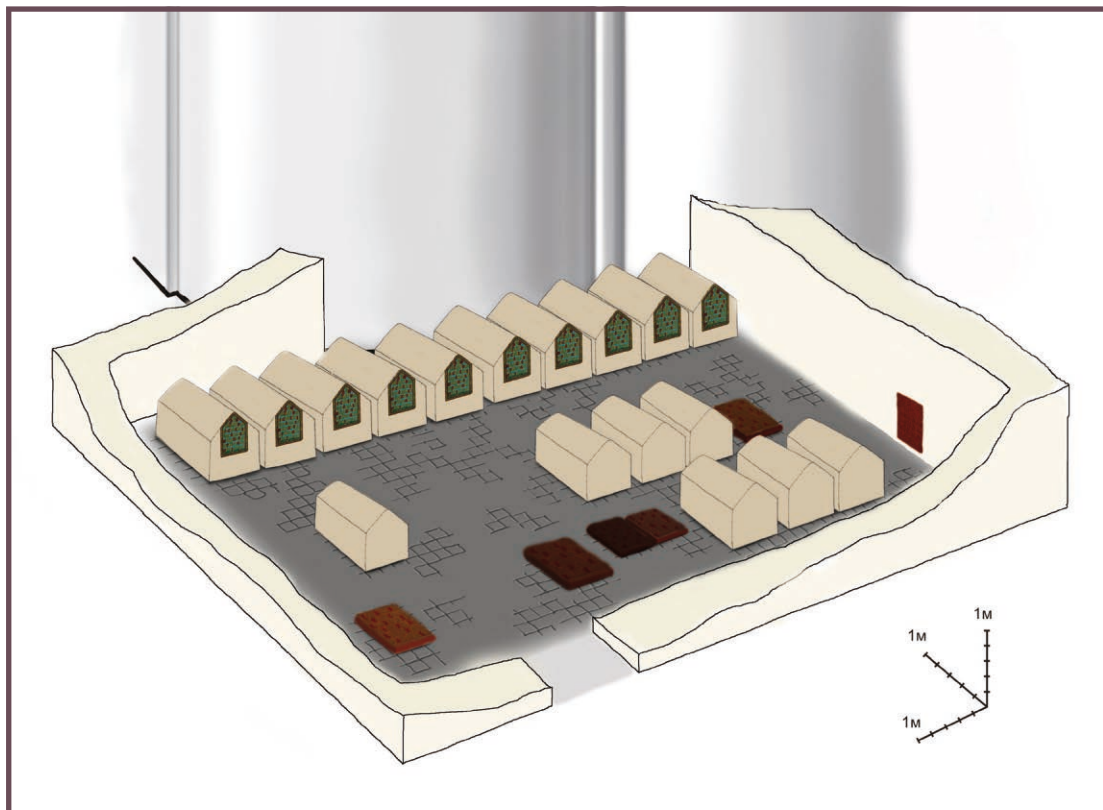

Рис. 68 а. Надгробные сооружения в интерьере усыпальницы. Варианты реконструкции Л.А. Беляева и О.А. Вороновой (Тиховой).

В художественном оформлении надгробниц, в зависимости от положения и возможностей семьи, применяли разные художественные средства, от резных по камню надписей и узоров до декоративных изразцов, вмонтированных в кладку (см. выше, рис. 72). Развитие этого типа сооружений как художественного элемента пока специально не изучали, а давно известные яркие примеры, такие как целиком покрытые резьбой надгробницы Архангельского собора, до сих пор ждут полной фиксации с фундаментальной археологической и архивной проработкой. Как выглядели погребения сразу после отстройки нового собора в 1500-х годов, а тем паче в соборе XIV в. – неизвестно.

К сожалению, подлинных надгробниц XVI–XVII вв. сохранилось немного. Более-менее известные сооружения над погребениями в Архангельском соборе Кремля позволяют говорить о том, что размер таблицы определял и формат надгробницы, причем размер этот в кремлевском некрополе был довольно значительным²³. У надгробниц в приделе Усекновения главы Иоанна Предтечи кирпичный футляр вдвое выше самих таблиц, которые выглядят вставками в поле его западной грани (рис. 76, 77). Все известные мне по старым фотографиям (где они

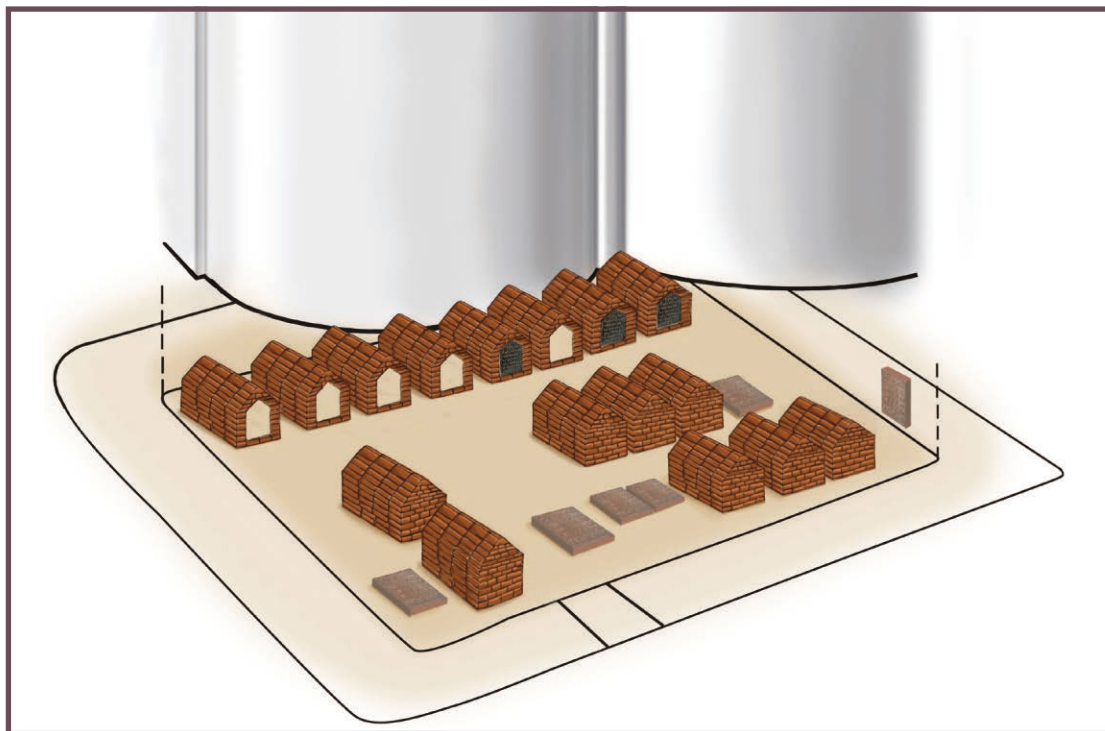
представлены без поздних чехлов) надгробницы Архангельского собора имеют уплотненное перекрытие с довольно широкой площадкой, на которой можно размещать не только покров, но и светильники, иконы (ставившиеся, впрочем, чаще в особые аналои или иконостасы, как в Смоленском соборе Новодевичьего монастыря) и другие предметы (рис. 78 а, б).

Из редких сохранившихся образцов на других некрополях, кроме упомянутой в главе 2 двойной надгробницы из Александровской слободы (рис. 79), укажем важный аналог из Суздаля. Это сохранившаяся, видимо, без существенных изменений, надгробница последнего в роду Шуйских, Ивана Ивановича. Один из братьев царя Василия, он побывал с ним в плену в Польше (см. выше), вернулся живым в Россию (1620 г.), получил почетные назначения при дворе Михаила Романова и даже оказался в свойстве с ним через брак с Марфой Долгоруковой (Михаил был женат на ее сестре Марии). Марфа умерла раньше мужа (1634) и похоронена в Покровском монастыре. И.И. Шуйский пережил ее на 4 года и в 1638 г. погребен в северо-западной части Рождественского собора, как можно узнать из его таблицы – в схиме, с именем Иона²⁴ (рис. 80 а-в).

23 См.: Рогозина М.Г. Ремонтно-реставрационные работы в Архангельском соборе в фотографиях 1905 года Карла Фишера из коллекции ГНИМА им. А.В. Щусева // МК XV. С. 59–61, фото 8–21.

24 Курганова Н.М. Страницы истории... 2007. С. 19, ил. 7.

Рис. 68 б. Надгробные сооружения в интерьере усыпальницы. Варианты реконструкции Л.А. Беляева и О.А. Вороновой (Тиховой).

Таким образом, в нашем распоряжении есть местная суздальская надгробница примерно того же времени, что и усыпальница Пожарских и Хованских. В сечении она невелика, ее размеры заданы (как и в кремлевских надгробницах) габаритами помещенной в ногах пятигранной таблицы, которая выглядит «в свету» шестигранной за счет срезанной верхней части фронтона (он закрыт общей рамкой из раствора). У сооружения образовался широкий протяженный конек – вероятно, для удобства укладки покрова. Становится понятно, почему у пяти известных на сегодня таблиц из усыпальницы фон во фронтоне не выбран: каменотес знал, что верхний угол закроет раствор. Отсюда и дополнительный аргумент в пользу одновременности нарезки пяти ранних таблиц. У двух более поздних фронтонов заполнен резьбой и конек, соответственно, более острый (возможно, надгробница для них нужна более высокая и крупная). Наконец, отчетливое сходство таблицы И.И. Шуйского (начало 1638 г.) и первых по времени таблиц Пожарских и Хованских (до середины 1630-х годов), поддерживает абсолютную датировку момента переоформления усыпальницы, тяготеющую (как показано в главе 3 и в приложении № 6) к 1630-м годам.

В XIV–XVII вв. видоизменяется, в сравнении с домонгольской, и подземная часть статусного некрополя. С XIV в. в Москве

входит в употребление, а в XV–XVII вв. широко распространяется особый тип гроба – цельнокаменный антропоморфный саркофаг²⁵ с плоской (сперва часто двухскатной крышкой), а позже, с конца XVI(?)–XVII в., и склеп – особый кирпичный футляр для деревянного или каменного гроба. Конечно, и саркофаг как таковой, и кирпичные подпольные сооружения для отдельных погребений (хотя бы просто разделительные стенки под полами галерей) хорошо известны византийской и древнерусской традиции, но в Московский период мы имеем дело с иными, новыми формами.

Изучение суздальской усыпальницы внесло много нового в историю этих форм. Детали, казавшиеся при чтении опубликованных А.С. Уваровым материалов фантастическими, оказались реальными. Прежде всего, подтвердилось, что многочисленные кирпичные своды над гробом, склепы, принадлежат именно XVII веку. Поскольку индивидуальные кирпичные своды стали обязательными для кладбищ в черте городов России только после указов Петра I, само их существование в XVII в. для археологов долго оставалось сомнительным, а обнаруженные примеры считали то исключениями, то просто плохо документированными случаями. Но обилие индивидуальных сводов в усыпальнице Евфимиевого монастыря строго доказало, что традиция их соору-

²⁵ Мне неоднократно приходилось подчеркивать, что хронологический рубеж появления антропоморфных каменных саркофагов проходит именно по второй половине XIV века, а не опускается в XII. С первого заявления об этом (Беляев Л.А. Русское средневековое надгробие...1996. С. 104–112) новых аргументов против такой даты не появилось.

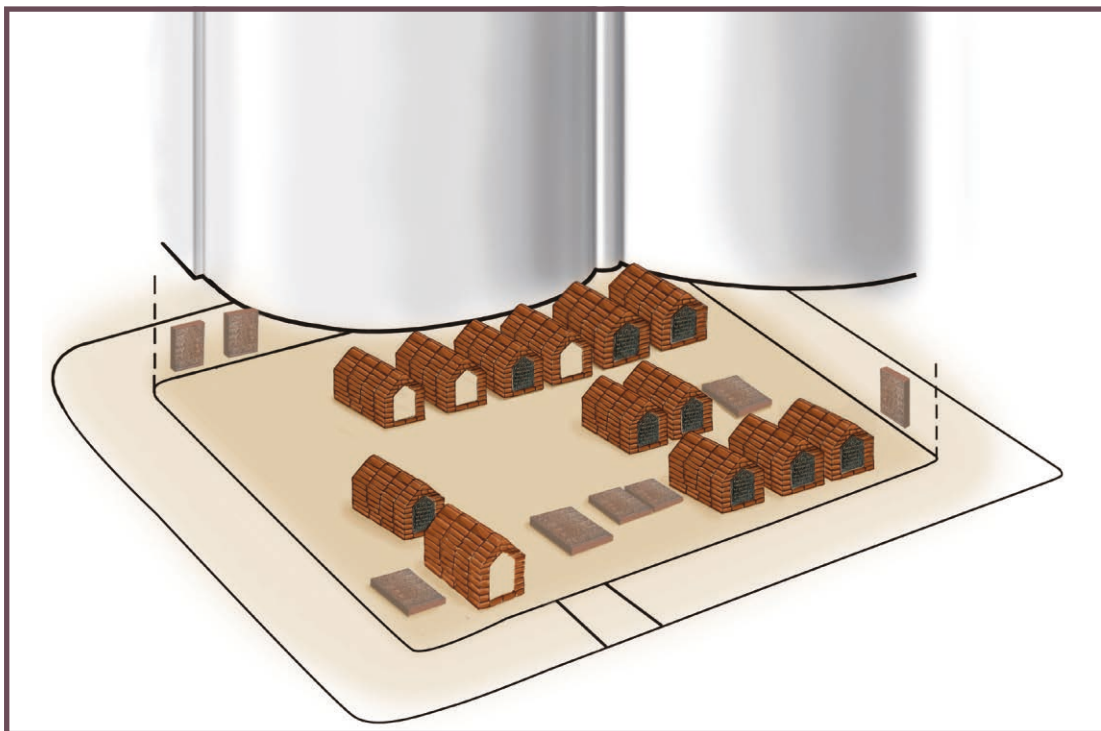

Рис. 68 в. Надгробные сооружения в интерьере усыпальницы. Варианты реконструкции Л.А. Беляева и О.А. Вороновой (Тиховой).

жения уходит вглубь XVII, если не в конец XVI века.

Столь же невероятными выглядели описания склепов с необычными «пщипцовыми» сводами, боковые стенки которых к тому же выходили в уровень пола, где на их края опиралась надгробница. Однако оказалось, что саркофаг № 2/2008 (№ 3/1851) был когда-то, действительно, помещен в кирпичный «футляр» (уцелели остатки его стенок по краям саркофага) (рис. 81). Подтвердились и разъяснились такие частные случаи, как оформление маленького саркофага (№ 6/2008), на литографии к отчету А.С. Уварова имевшего нетипичную орнаментацию (рис. 82). Как оказалось, он сделан из двух надгробий: высокого с каннелюрами и тонкого плитчатого с узорчатой крышкой (то и другое укладывается в конец XVI – первую половину XVII веков, но более узкая датировка затруднительна).

Сравнение деталей погребального обряда в усыпальнице с такими выдающимися некрополями как Архангельский собор²⁶ и собор Вознесенского монастыря в Московском Кремле, или с кладбищами близких к царской семье боярских родов в Новоспасском и Высоко-Петровском монастырях показывает, что, хотя суздальский памятник скромнее, принципиальное сходство не только их базовых элементов, но и многих деталей, подчас неожиданных – очевидно.

Так, если сравнить количественное соотношение надписей на крышках каменных гробов и надгробных надписей вообще (подсчет по каталогу В.Б. Гиршберга), то окажется, что за 100 лет (середина XVI – середина XVII вв.) надписи саркофагов образуют в среднем 8% – 10% от общего количества эпитафий. Соотношение надписей в суздальской усыпальнице близко к этому. Если же взять только Архангельский, Вознесенский и Новоспасский некрополи, то каменные гробы с надписными крышками составят гораздо больший процент, чем в среднем по Москве или Суздалью. Судя по составу саркофагов Вознесенского женского монастыря, здесь после середины XVI в. надписывали все (или почти все крышки); ту же картину для второй половины XVI – середины XVII вв. дает Новоспасский монастырь²⁷. В Архангельском соборе гробы изучены только выборочно, но все четыре саркофага в приделе Усекновения главы Иоанна Предтечи (Ивана Грозного, двух его сыновей и М. Скопина-Шуйского) надписи имеют.

Напротив, крышки саркофагов на других церковных кладбищах обычно гладкие (в кремлевском Спасском монастыре и в Покровском соборе на Красной площади открыто по 2 таких саркофага; в церкви Троицы в Полях – 3; в Богоявленском монастыре за Торгом – не менее 6, и т.д. (рис. 83

26 Беляев Л.А. Архангельский собор и боярские усыпальницы XVI–XVII веков // МК XV. С. 68–79.

27 Усыпальница рода Романовых в Московском Новоспасском монастыре. Кострома, 2005.

Рис. 69. Архангельский собор Московского Кремля. Надгробия и фрески великокняжеского некрополя: великие князья Иван Калита († 1340), Симеон Гордый († 1353) и князь Георгий Васильевич (1563); а – современное фото; б – фотография начала XX в. (ГММК, CD-1286.1). Оформление надгробий – не ранее начала XVI в.

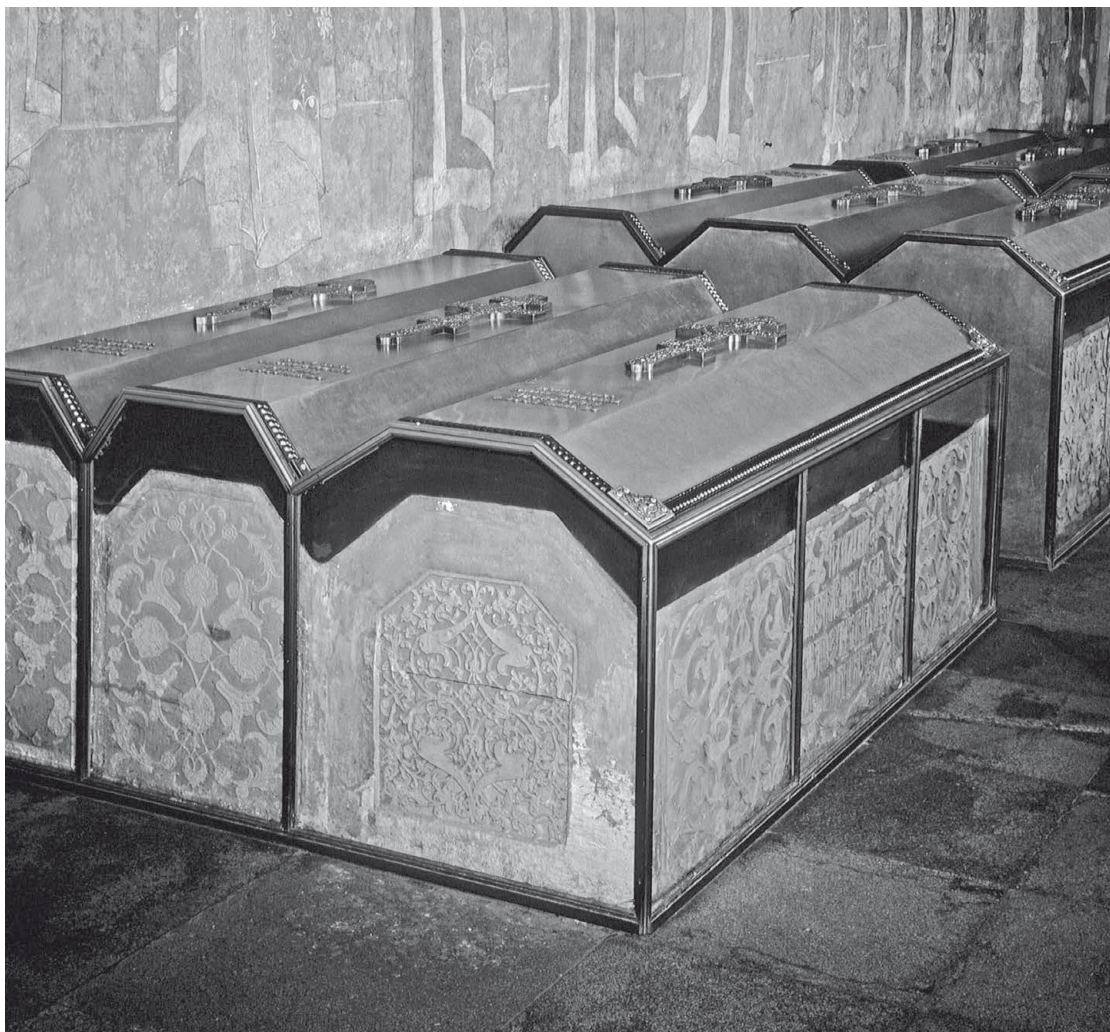

Рис. 70. Архангельский собор. Надгробия великих князей Василия II Темного († 1462), Ивана III († 1505) и Василия III († 1533) и царевича Дмитрия († 1553). Оформление надгробий не ранее начала XVI века. Фотография начала XX века. (ГММК, КПоф-4866-65).

а, б; рис. 84). Сколько известно, надписных саркофагов (и саркофагов вообще) пока не открывали в таких статусных некрополях Московского княжества, как Троице-Сергиев и Иосифо-Волоцкий монастыри. Важно, что некоторые (вероятно, более ранние) саркофаги просто не рассчитаны на врезанную надпись, так как их поверхность не плоская (пример – саркофаг из Знаменской церкви села Савватиево под Тверью, открытый в 2009²⁸ г.) (рис. 85). Видимо, надписывать крышки саркофагов – обычай исключительно великокняжеских, царских и родственных им московских семей, сложившийся достаточно поздно (о крышке с надписью из Владимирской церкви сказано выше). Древнейшие пока надписи на крышках саркофагов – граффити, предположительно появившиеся при перестройке Архангельского собора – относят к первым годам XVI в. Первая известная до сих пор декоративная надпись на крышке саркофага связана с погребением Елены Глинской (1538 г.). Так что обнаружение саркофагов с надписанными крышками в усыпальнице Пожарских и Хованских, можно рассматривать как свидетельство знакомства с принятым при дворе обычаем погребения, как указание на стремление подражать высшему кругу в формах почитания и поминовения предков, и даже, возможно, на привлечение к работе тех же мастеров, которые

работали по заказам двора.

Интересно и присутствие на кладбище уже упоминавшихся выше сложных кирпичных склепов, в которые помещен предполагаемый саркофаг князя Д.М. Пожарского. Кирпичные выкладки в земле, ограждающие погребение от соседних и служащие основанием для надгробниц, известны пока для XVII века только в Новоспасском монастыре. Но и там их, на несколько десятков погребений в саркофагах, всего три, и все они принадлежат знатнейшим женщинам России, аккуратно укладываясь в те же десятилетия XVII века, что и усыпальница Пожарских: 1611 г. (Татьяна Федоровна Романова, княгиня Катырева-Ростовская), 1631 г. («великая старица» Марфа, мать Михаила Федоровича) и 1679 г. (царевна Ирина Михайловна Романова)²⁹ (рис. 86 а-в). Это довольно сложные структуры, где белокаменные саркофаги заключены в кирпичные своды, на которых лежат обычные надгробные плиты. В XVI в. таких сооружений мы не видим даже в Кремле – саркофаги Грозного и его сыновей просто зарыты в землю, а сверху поставлены надгробницы. В грунт могил или яму в полу установлены саркофаги и в других известных мне случаях.

Суммируя наблюдения над суздальской усыпальницей, легко заметить, что ее особенности свойственны, в той или иной степени, всем родовым некрополям знати

²⁸ Автор принимал участие в открытии саркофага, оказавшегося погребением опытного воина.

²⁹ Усыпальница рода Романовых в Московском Новоспасском монастыре. Кострома, 2005. С. 62.

Рис. 71 а-в. Надгробные памятники ктиторов в галерее церкви Иоанна Златоуста в Коровниках (г. Ярославль), украшенные изразцами и с белокаменными досками-таблицами (по: Баранова С.И., *Нагробница XVII века...*, 2008).

Рис. 72. Надгробные памятники ктиторов (купцов Неждановских) в галерее церкви Иоанна Златоуста в Коровниках (г. Ярославль). Схематический план (по: Баранова С.И., *Нагробница XVII века...*, 2008).
Благодарю С.И. Баранову за разрешение воспользоваться оригиналами фотографий.

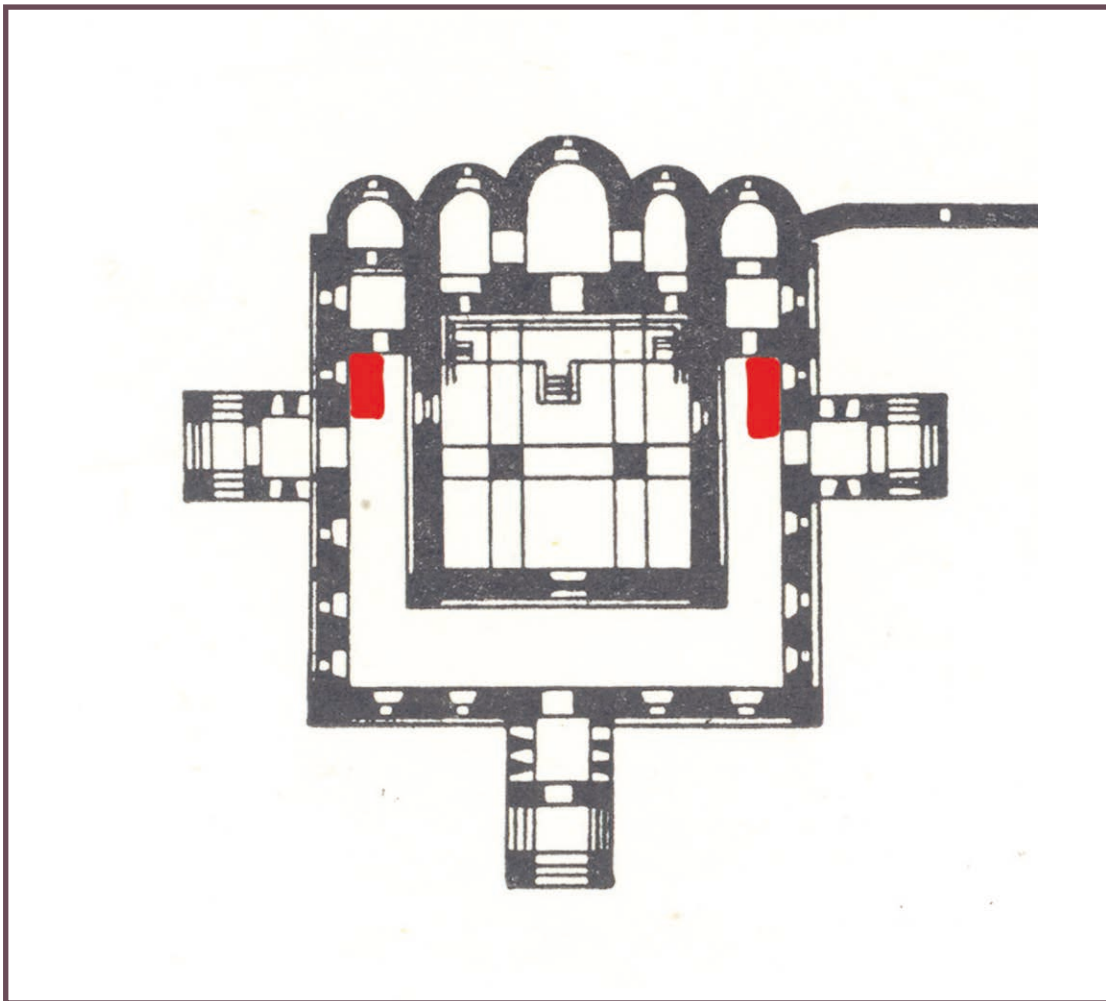

Рис. 73. Надгробный памятник третьего настоятеля Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря с «таблицей» архимандрита Акакия († 1669) и древнейшая часть монастырского кладбища (открыта экспедицией ИА РАН в 2012 г.), общий вид с юго-востока.

XVI–XVII вв. Все они во многом следуют модели Архангельского собора. Мы видим сложные конструкции, превращающие могилы в индивидуальные памятники, где подземная часть соединена с наземной технически, художественно (через копирование формы склепа) и эпиграфически. Эти конструкции заполняют все пространство усыпальницы. Гендерное преваширование выражено в усыпальнице (и вообще в Суздале) не так прямолинейно, как в Архангельском соборе, но все же заметно и на количественном уровне, и на качественном (мужских могил больше и только им принадлежат погребения в белокаменных саркофагах). Наконец, создание усыпальницы, подобно истории некрополя Архангельского собора, Владимирской церкви в Кириллове и других, включает осознанное собирание «родительских гробов» под одной кровлей с их вероятным перезахоронением и постройкой новых памятников, причем во всех этих некрополях могилы группируются, следуя и семейному, и хронологическому принципу.

Сравнение оформления гробниц в усыпальницах Спасо-Евфимиева и на других статусных некрополях позволяет говорить о развитии в Московском государстве XVI–XVII вв. погребальных комплексов, ориентированных на царский обряд и на его центральное сооружение, Архангельский собор Московского Кремля. До какой степени эти явления новы, когда они появляются? Жесткий принцип отбора, по-видимому, формируется в течение XVI века, после того, как при перестройке Архангельского собо-

ра в нем происходит существенная смена внутренней топографии³⁰. На том же этапе мог совершиться перелом в оформлении интерьера, готовившийся ранее, о чем говорит появление в XIV в. новых типов гробов (саркофаг) и, особенно, надгробных плит всех известных форм (а с последней трети XV в. и надписей), до той поры крайне редких. На XVI век приходится, видимо, сложение известных нам типов надгробниц³¹ и появление мемориальных (поминальных) родовых усыпальниц в виде притворов или целых церквей (Владимирская церковь князей Воротынских в Кирилло-Белозерском монастыре, первые большие погребальные подклеты в соборах Новоспасского и Новодевичьего монастырей). Их прообразом, вероятно, служили хорошо известные церкви Кремля: царский Архангельский собор (его так и хочется назвать мужским, по аналогии с соборами женских «княгининых» монастырей, Вознесенского и других³²). Характерной чертой новых некрополей был принцип «генеалогической полноты», предполагавший сбор под сводом одной усыпальницы усопших нескольких поколений (что достигалось подчас за счет переноса умерших, подчас издалека, и перезахоронения уже погребенных, иногда с других некрополей), их перегруппировку и переоформление³³. Окончательно формы новой декорации распространятся в XVII в., после Смуты. Образцы таких некрополей будут сохраняться столетиями и доживут до наших дней.

30 Баталов А.Л., Беляев Л.А. Сакральное пространство средневековой Москвы. М., 2011. С. 313–339.

31 Здесь нет возможности обсуждать вопрос о зависимости форм надгробницы от саркофагообразных памятников и просто саркофагов Восточного Средиземноморья или Западной Европы, о возможной аналогичности процессов у южных славян, особенно в Сербии, с ее известными памятниками типа деревянного «ковчега» короля Стефана, близость которого к оформлению резных надгробниц Архангельского собора бросается в глаза

32 Ясно выраженный характер некрополя Архангельского собора как монастырского нуждается в глубокой интерпретации. Не следует забывать также, что большинство погребенных принимали перед кончиной обет.

33 Характерны в этом отношении переносы и переоформления в подклете и в церкви Смоленского собора погребений семьи Ивана Грозного, Алексея Михайловича Романова, Милославских и иных, историю которых только начали выяснять в последние десятилетия. См.: Шлионская Л.И. Царские гробницы в Новодевичьем монастыре // Труды ГИМ. Вып. 99. М., 1998.

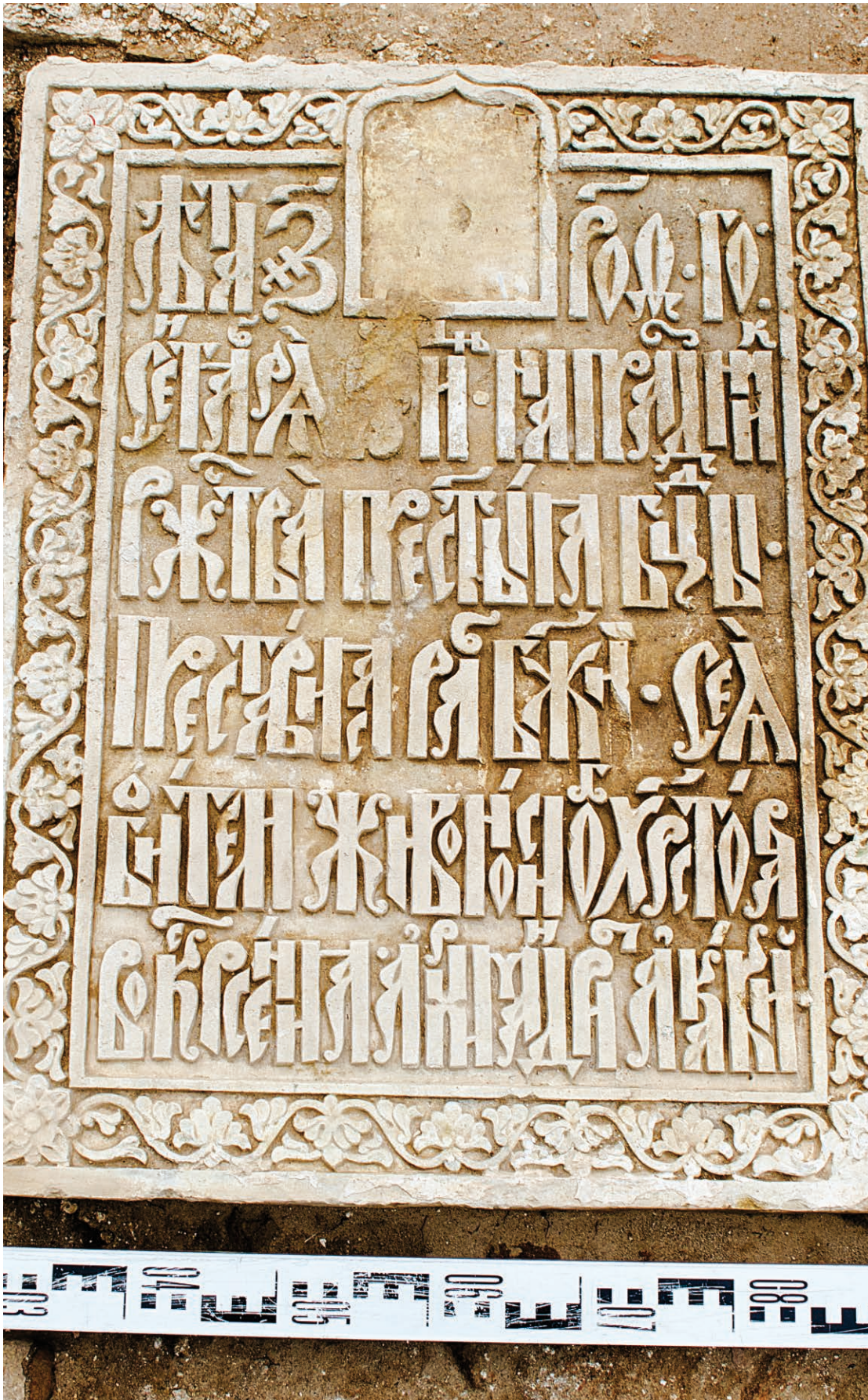

Рис. 74 а. Белокаменная резная плита, монтированная в надгробницу архимандрита Ново-Иерусалимского монастыря Акакия († 1669).

Рис. 74 б-г. Белокаменная резная плита, вмонтированная в надгробницу архимандрита Ново-Иерусалимского монастыря Акакия († 1669). Фрагменты резьбы с остатками росписи

Рис. 75. Боголюбовская церковь московского Высоко-Петровского монастыря. Погребения Нарышкиных последней четверти XVII в. Гравюра из книги (Крылов И.З. Достопамятные могилы...1841; между стр. 2 и 3).

Рис. 76. Архангельский собор Московского Кремля. Надгробия царя Иоанна Грозного и его сыновей (Оформление близко к датам смерти; вид с запада.

Рис. 77 а. Архангельский собор Московского Кремля. Надгробия в приделе Иоанна Предтечи, планы и профили по материалам вскрытия 1963 г. под рук. М.М. Герасимова: погребение князя Михаила Скопина-Шуйского (по: Панова Т.Д. Средневековый погребальный обряд... 1987. Рис. 2 и 5).

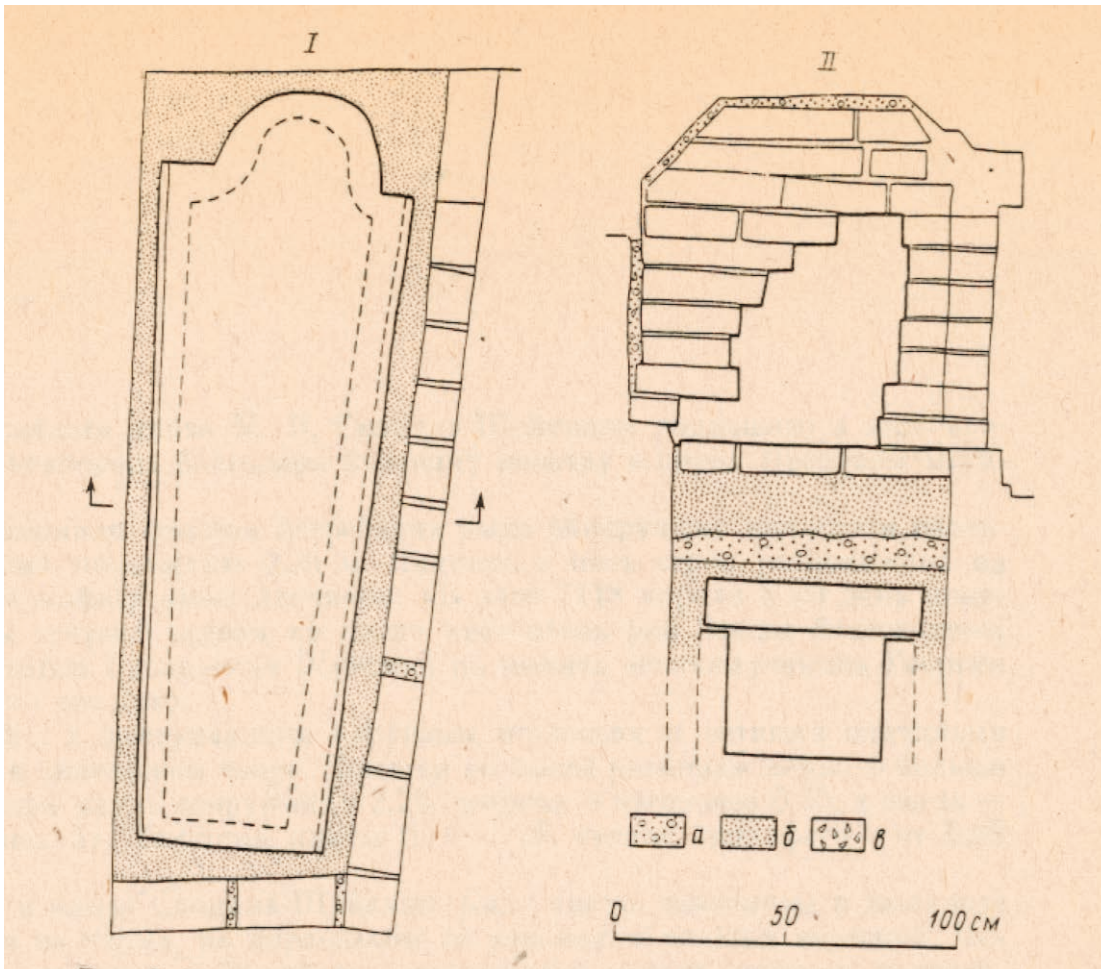
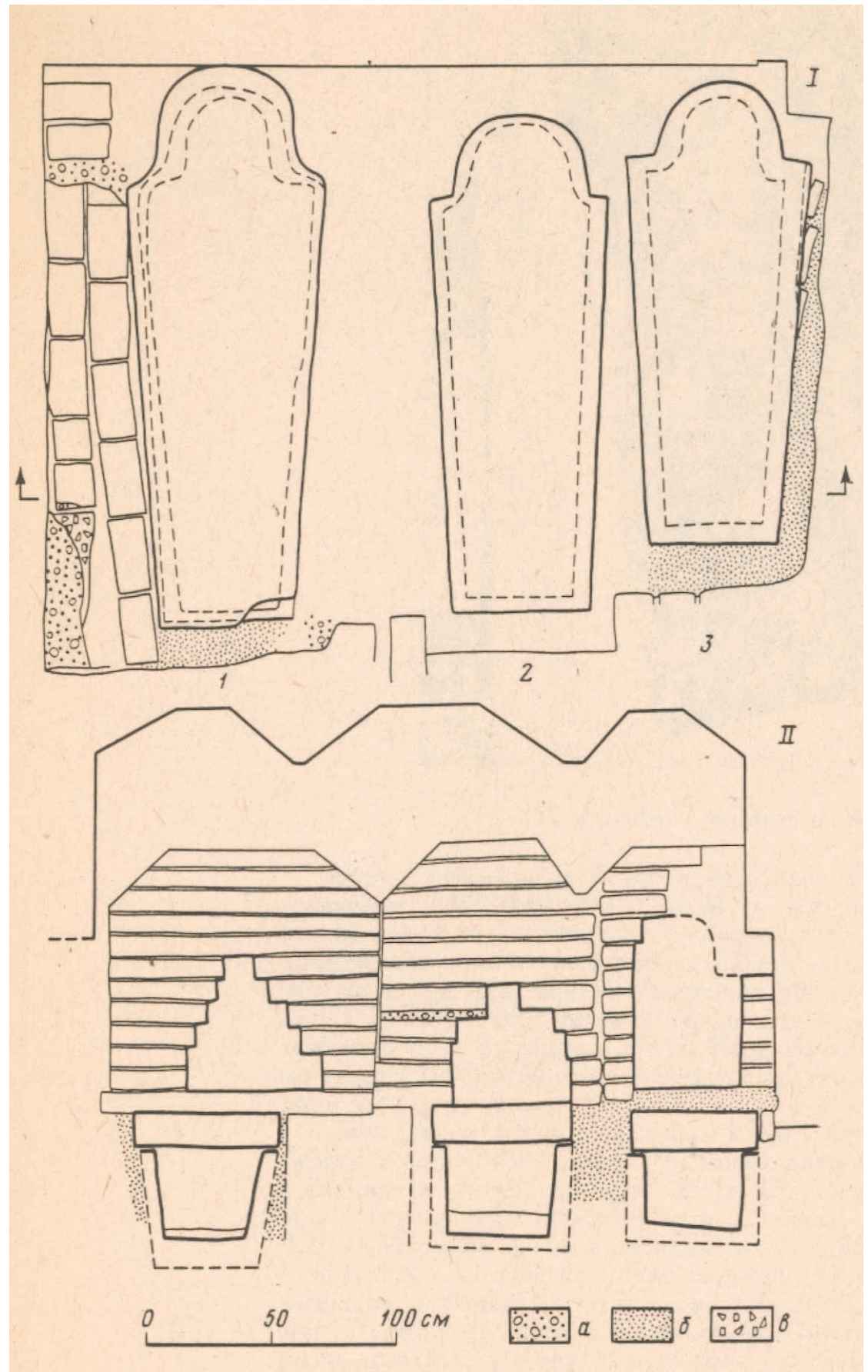

Рис. 77 б. Архангельский собор Московского Кремля.
Надгробия в приделе Иоанна Предтечи, планы и профили по материалам вскрытия 1963 г. под рук. М.М. Герасимова: погребения Ивана Грозного и его сыновей (по: Панова Т.Д. Средневековый погребальный обряд... 1987. Рис. 2 и 5).

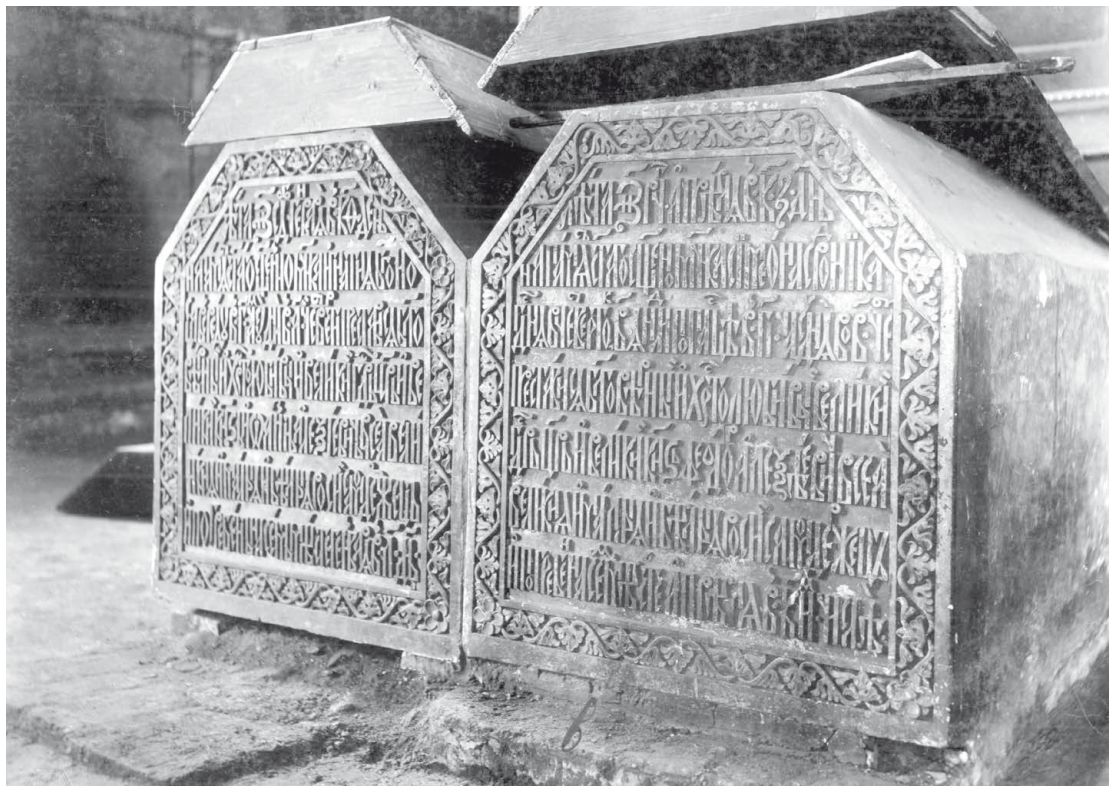

Рис. 78. Архангельский собор Московского Кремля. Надгробия: а – царевичей Федора (1682) и Ивана († 1696) Алексеевичей (ГММК, КПоф-4866-32); б – царя Алексея Михайловича († 1676), царевича Алексея Алексеевича († 1670), царя Михаила Федоровича († 1645) и царевичей-младенцев Василия и Ивана Михайловичей (ГММК, КПоф-4866-27).

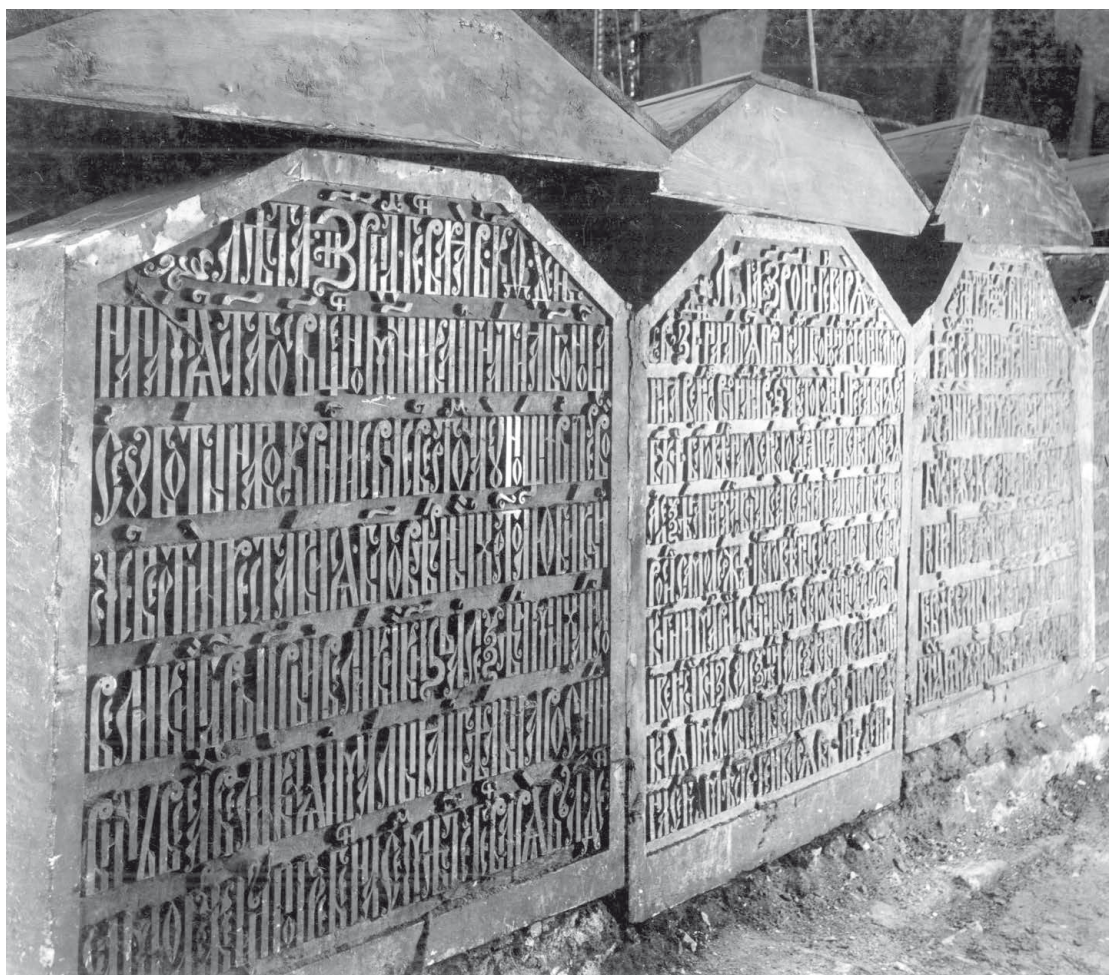

Рис. 79. Двойная детская (?) надгробница в усыпальнице Покровского собора Александровской слободы (по: Курганова Н.М. Страницы истории некрополя... 2007. Ил. 22).

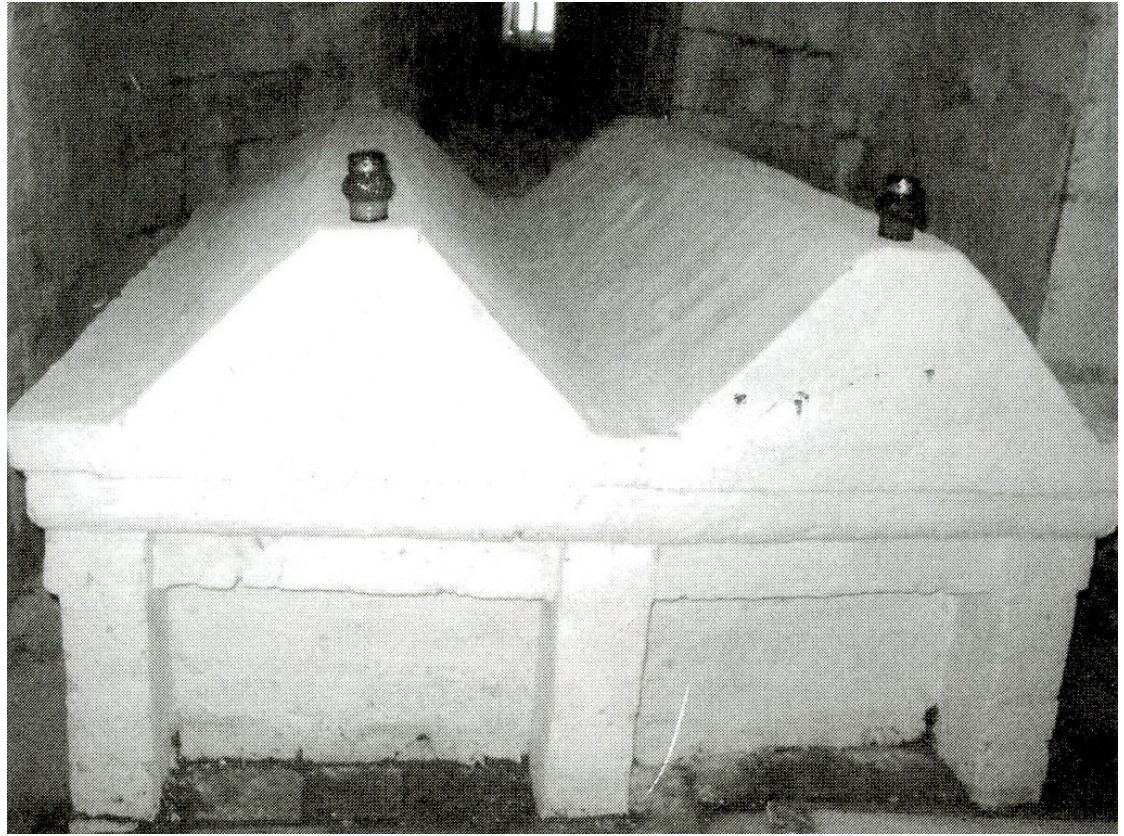

Рис. 80. Надгробие Ивана Ивановича Шуйского (1638 г.) в Рождественском соборе Суздаля: а – вид со стороны надгробной надписи; б, в – виды сбоку (Фото: ГИАХ ВСМЗ).

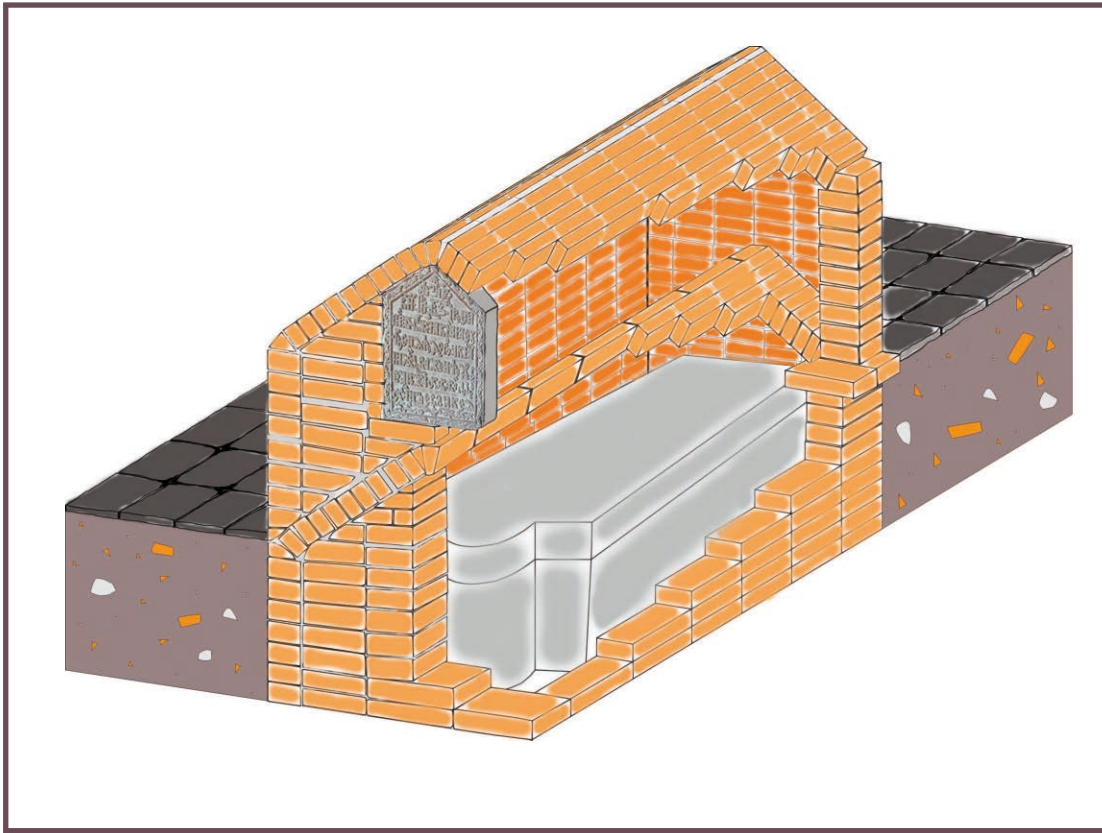

Рис. 81. Саркофаг, склеп и надгробница погребения № 2/2008 (№ 3/1851). Аксонометрический разрез. Реконструкция Л.А. Беляева, О.А. Вороновой (Тиховой) по описанию А.С. Уварова и обмерам 2008 г. Надгробная надпись вкомпанована условно.

Рис. 82. Детский саркофаг № 6 (2008) из усыпальницы Пожарских и Хованских, высеченный из двух белокаменных надгробий конца XVI – первой четверти XVII в.

Рис. 83 а, б. Саркофаги под галереей собора Покрова на Рву. Раскопки ИА РАН, 2002 г.

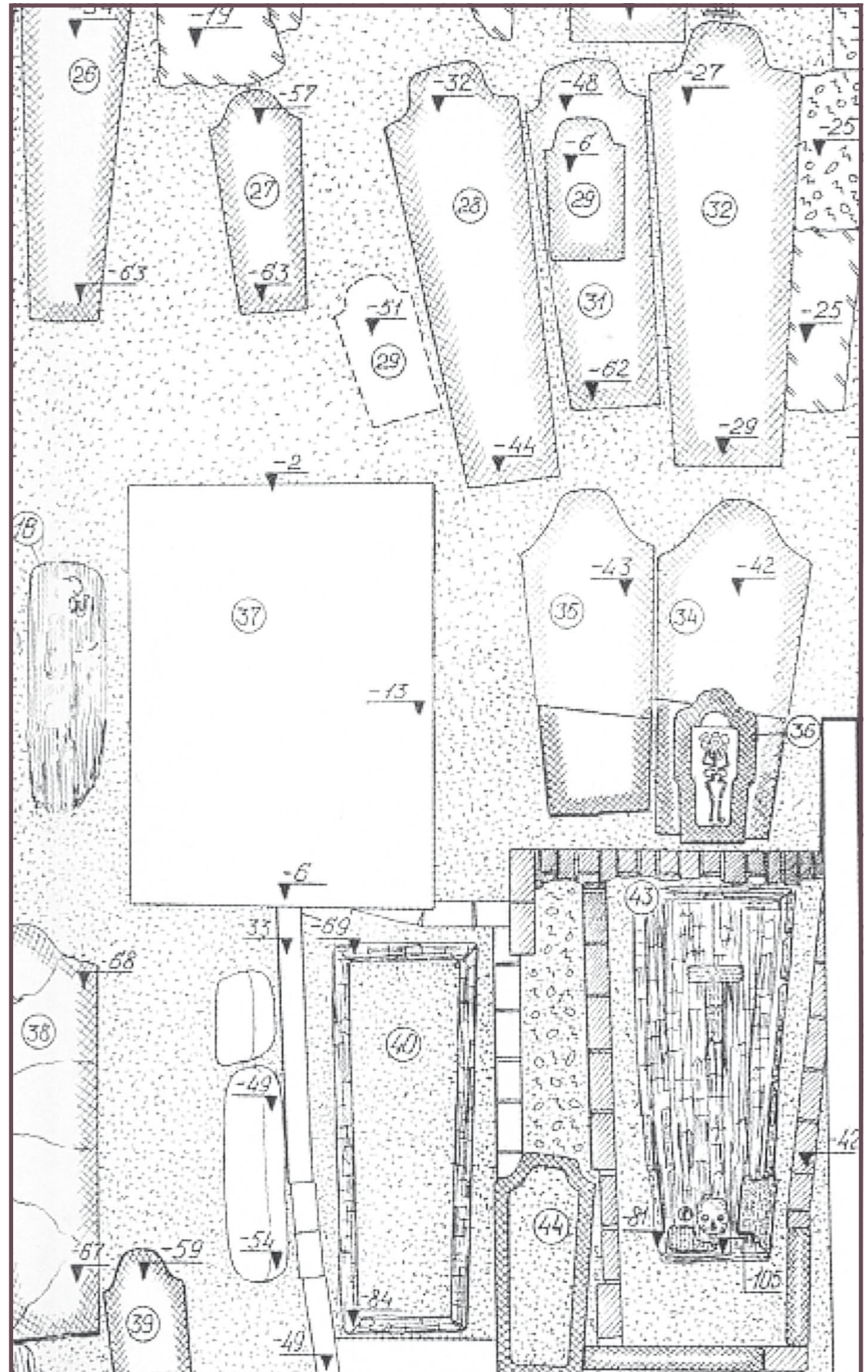

Рис. 84. Саркофаг безымянного погребения вне основного объема храма Троицы в Полях (Москва). Раскопки Центра археологических исследований Москвы, 1999.

Рис. 85. Белокаменный саркофаг в Знаменской церкви с. Савватиева в момент раскрытия (2009 г.).

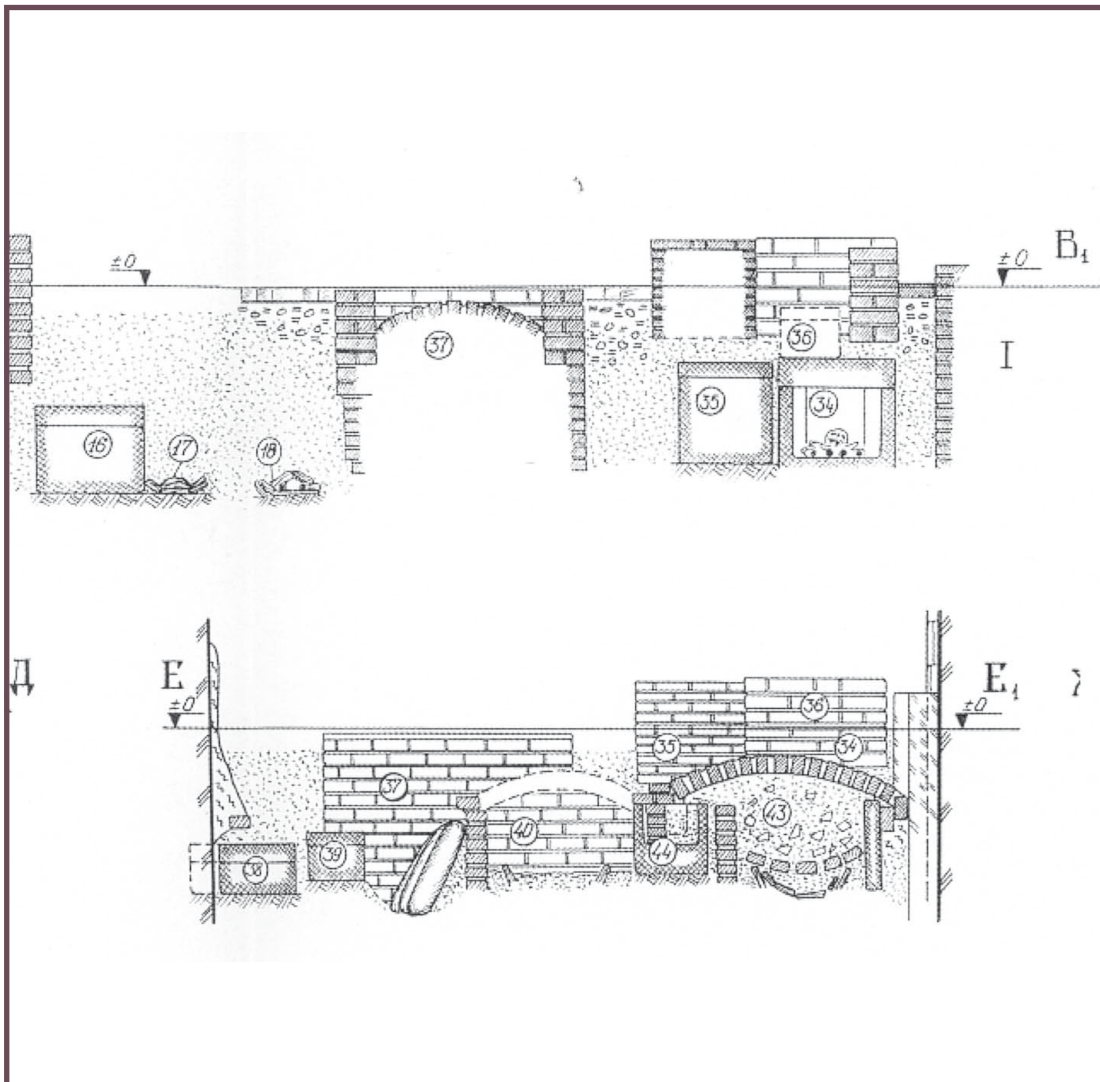
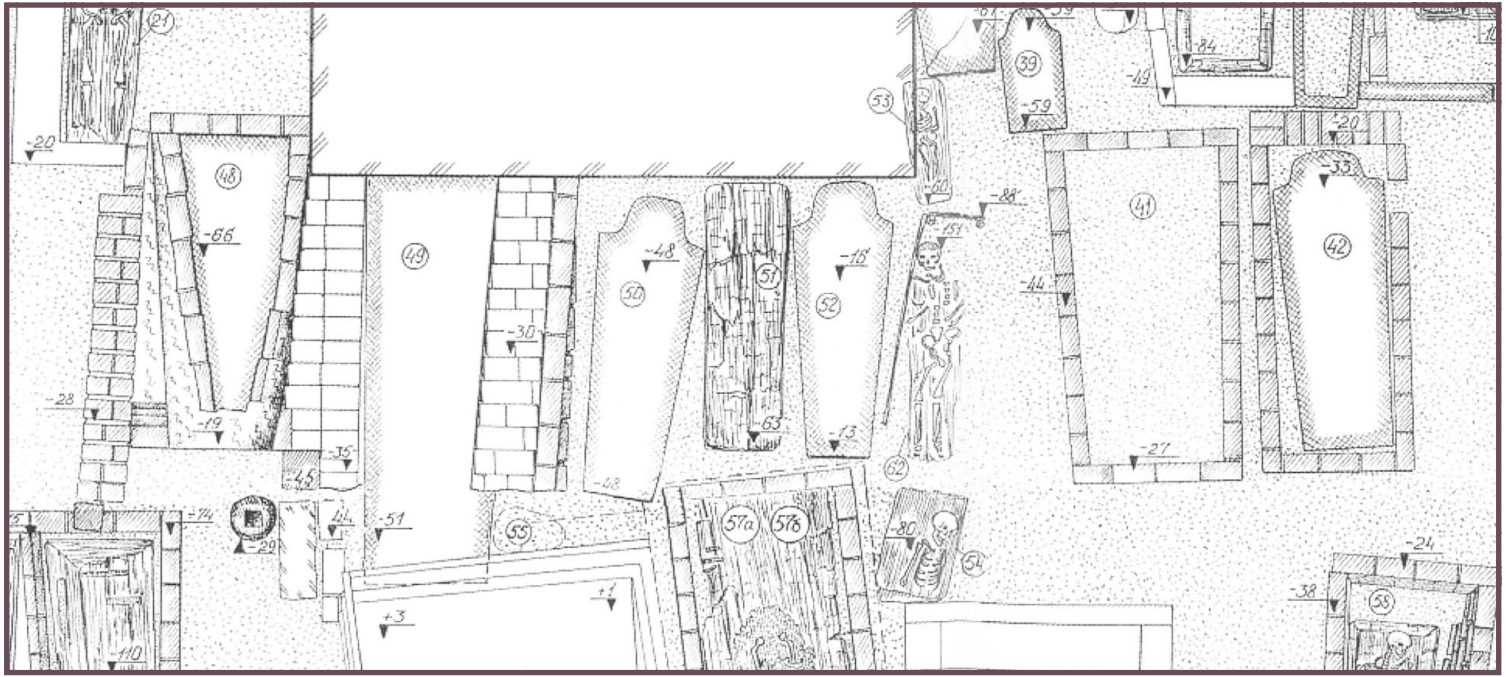

Рис. 86. Погребения в усыпальнице собора Новоспасского монастыря, фрагменты обмеров: а – часть плана с погребением 1611 года (Татьяна Федоровна Романова, княгиня Катыева-Ростовская, № 42–43); б – часть плана с погребениями 1631 («великая старица Марфа», мать Михаила Федоровича № 36–48) и 1679 (царевна Ирина Михайловна Романова, № 37–49) годов; в – разрезы тех же участков (по: Усыпальница рода Романовых, 2005. Приложенные чертежи).

Заключение

ДМИТРИЙ МИХАЙЛОВИЧЪ ПОЖАРСКІИ

ИЗДАМЪ ПЪХЪСЪ.

Заключение

Итак, идентификацию погребения князя Дмитрия Михайловича Пожарского, предложенную в 1851–1852 годах, можно после работ 2008 года, со всеми оговорками, оценить как вероятную (будь она абсолютно надежной – можно было бы повторно вскрыть погребение и воссоздать облик князя, до сих пор известный нам только по крайне условному живописному изображению, см. рис. 87¹).

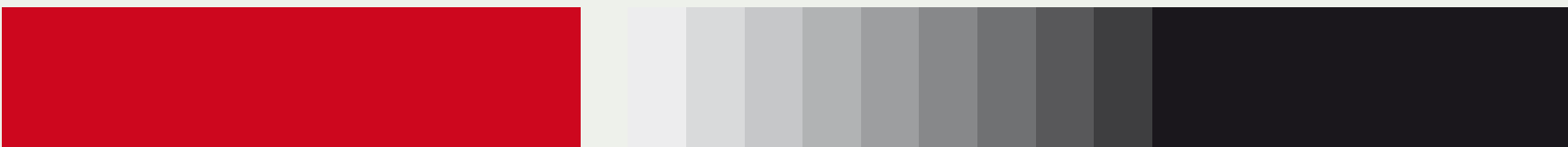
Граф Алексей Сергеевич Уваров не только оперативно изучил остатки усыпальницы. Он бережно отнесся к ней, увидел в ней памятник, многие части которого сознательно сберег или восстановил с целью сохранить материал для проверки выводов. На сотрудников экспедиции и всех, кто видел раскопки, глубокое впечатление произвели два кирпича, уложенные в 1852 году на стыке половин крышки саркофага для предохранения его от осыпания песка внутрь. Все возможные меры для сохранения остатков здания и погребений приняли через 50 лет и сотрудники архитектора А.М. Горностаева. Нам оставалось брать пример не только в серьезности подхода к атрибуции исторических погребений, проявленном нашими выдающимися предшественниками, но и в бережном отношении к памятникам. Мы, в свою очередь, сохранили важнейшие их узлы для дальнейшей проверки выводов (теперь уже наших общих выводов) научными методами будущего. Останки, не связанные с определенными погребальными сооружениями, перезахоронены в оссуарии в центре усыпальницы (сложен нами из собранных при работах кирпичей). Находки прошли полевую консервацию и реставрацию, после чего сданы сотрудникам ГИАХ ВСМЗ (см. акты в приложении № 7). После проведенных исследований над останками отслужена панихида архиепископом Владимирским и Суздальским, Преосвященным Евлогием (рис. 88).

Осталось поблагодарить за поддержку в этой работе руководителя Владимиро-Суздальской экспедиции, в составе которой работал отряд, академика Николая Андреевича Макарова и принявших участие в исследованиях сотрудников экспедиции. Все вместе благодарим руководство Владимирской области, администрацию Президента РФ по Центральному округу, Министерство культуры РФ и «Русское Афонское общество» (за готовность финансировать научно-исследовательский этап работ), Государственный историко-архитектурный Владимиро-Суздальский музей-заповедник (особенно: Алису Ивановну Аксенову за всестороннюю практическую помощь и моральную поддержку, Марию Евгеньевну Родину – за научные консультации и помощь на этапе подготовки книги к печати), рецензентов Владимира Валентиновича Седова и Юрия Моисеевича Эскина, сделавших много ценных замечаний и поправок, а также всех, кто взял на себя труд прочесть работу в рукописи.

Системный анализ материалов и подготовка книги к печати проводились на средства программ «Историко-культурное наследие и духовные ценности России» (2009–2011) и по программе фундаментальных исследований «Традиции и инновации в истории и культуре» Президиума РАН (2012–2014 гг.; проект «Механизмы трансформации в культуре Москвы XIII–XVII вв.: особенности накопления и передачи культурных импульсов (по данным археологии)»).

¹ А. Ф. Малиновский (1817) для первой биографии Д.М. Пожарского соотнес вереницу единообразных фигурок на известной миниатюре из «Книги об избрании Михаила Федоровича» 1670-х годов (тогда в МГАМИД, ныне – в Оружейной палате) с разрядной записью церемонии коронации, вычленил несущего скипетр боярина и определил его как Д.М. Пожарского (похожим образом позже вычленили Авраамия Палицына и др.). Это изображение послужило основой для живописцев XIX в. Благодаря Ю.М. Эскина за рассказ о происхождении «портрета».

Приложения

Приложение 1

**Беляев Л.А., Папин И.В., Капитонова М.А.,
Воронова (Тихова) О.А.**

Материалы отчета: раскопы I–II/2008: Стратиграфия, планиметрия, архитектурная археология, находки

Раскопы I и II копались последовательно, с небольшим перерывом между работами. Методика и последовательность вскрытия на каждом раскопе определялась задачами изучения.

Раскоп I расположен в том месте, где, согласно описям монастыря и данным раскопок А.С. Уварова, в прошлом стояла усыпальница, а после нее – памятник 1880-х годов, то есть против апсиды придельной церкви св. Евфимия и части южной апсиды Спасо-Преображенского собора. Согласно пожеланию музея, раскопки не затрагивали существующую дорожку между собором и звонницей, а также отмостку апсид собора, в результате чего, крайняя южная часть усыпальницы и ее западный край не исследовались.

Эти ограничения определили сложный план раскопа, приближающийся к прямоугольному, но со ступенчато скошенной южной стороной. Первоначально площадь раскопа I составила 79 кв. м, по ходу работ ее удалось увеличить до 86 кв. м. На раскопе была разбита условная сетка со сторонами 2 м и буквенно-цифровой нумерацией квадратов, ориентированная не по сторонам света, а по осям Преображенского собора, как принято при проведении архитектурно-археологических исследований. Собор обращен алтарями к северо-востоку, а линии сетки имеют фактическое направление с СЗ на ЮВ и с ЮЗ на СВ; нумерация квадратов велась в направлении с СЗ на ЮВ; точкой отсчета при разбивке сетки стала южная поверхность южной стены Тюремного двора (к северу от собора). С ЮЗ на СВ нумерация линий сетки буквенная, начатая от точки примыкания восточной сте-

ны тамбура входа в подклет ц-ви Евфимия к южной стене собора. Таким образом, раскоп I заложен в линиях сетки с В на З и с линии 22 по 27).

При разбивке раскопа II за основу взят контур будущего памятника с дополнительной полосой шириной в 1 м по периметру. Раскоп ориентирован традиционно, по линии С–Ю и разбит на квадраты со сторонами 2 м; квадраты пронумерованы с № 1 по № 24 в ленточном порядке. Суммарная площадь вскрытия на раскопе – 77 кв. м.

РАСКОП I

Краткая характеристика слоев

В раскопе I выявлены следующие основные слои, номера которых мы используем при описании¹. Слой 1 – почвенный горизонт, покрытый сверху 3–5 сантиметровым слоем дерна; плотная темно-серая гумусированная супесь с малой примесью строительного мусора; толщина слоя до 0,38 м. Слой 2 – обратная засыпка после археологического исследования 1851 г.: темно-коричневый суглинок с включениями извести, кирпичной крошки, белого камня, мелких валунов, материкового суглинка; средняя мощность 0,6–0,8 м (с учетом заполнения могильных ям и неровностей – до 1,2 м). Слой 2а – вторичное заполнение пространства между надмогильными сооружениями усыпальницы; темный серо-коричневый суглинок, более насыщенный строительным мусором, чем слой 2; слой 2б – темный серо-коричневый суглинок перекопа XX в. в слое 2. Слой 3 – желтый песок от подсыпки южного края остатков фундамента памят-

¹ Нумерация слоев в многократно перекопанном раскопе велась по мере их обнаружения, и не соответствует хронологии их образования. Поскольку она вошла в отчет, мы не считаем возможным менять номера, чтобы не создавать путаницы.

ника 1970-х годов; толщина до 0,25 м. Слой 4 – привозной насыпной слой в основном в южной части раскопа, также связанный с памятником 1970-х годов; коричнево-желтая супесь с песком, включениями извести, кирпичной крошки и т.п.; слой 4а – коричневый суглинок; слой 4б – серо-коричневый суглинок, насыщенный строительным мусором. Слой 5 – темно-серая супесь с обилием извести; аналогичен слою 2, но темнее. Слой 6 – бурый суглинок без примесей; впервые появился в кв. 3-22 на отметке 89². Слой 7 – ярко-коричневый суглинок за пределами построек, в северной части раскопа, без примеси строительного мусора. Слой 8 – розовато-белая известь с примесью мелкой кирпичной крошки. Слой 9 – серая заиленная супесь (погребенная почва). Слой 10 – серо-коричневый суглинок заполнения склепов и ранних могильных ям; слой 10а – светло-серая супесь с известью. Слой 11 – серая супесь в западном секторе. Слой 12 – светло-коричневая супесь. Слой 13 – коричневатый суглинок материковых выбросов. Слой 14 – чистый рыже-коричневый суглинок (материк).

Особенности стратиграфии раскопа I

Поверхность раскопа до начала работ представляла ровный задернованный газон; северо-восточную³ часть раскопа (кв. Е-3/22-23) занимал юго-западный угол неглубокого котлована от разобранного памятника Д.М. Пожарскому 1974 года (оставалась песчаная подсыпка (слой 3), насыщенная боем кирпича и белого камня, фрагментами стекла, проволоки, рубероида). Ниже шел слой 1, особенно мощный у основания памятника (до 50 см), с уклоном к востоку и югу (перепад высот до 30 см), с включениями битого кирпича XX в. В нижней части слоя 1 (кв. Г-24) найдено несколько довольно крупных валунов без связующего (ил. 1, 2).

По границе линий Г и Д в направлении С-Ю выявлена светлая от извести полоса шириной 0,35–0,4 м – заполнение траншеи электрического кабеля; в нем обнаружена большая берцовая кость человека (кв. Г-26); по западному краю траншеи расчищен ряд лежащих без связующего среднего размера валунов; в северной части валуны упали в засыпку траншеи кабеля (ниже расчищено кирпичное перекрытие кабеля из двух рядов кирпичей XX в. на песчаной подсыпке; траншея кабеля пробита также апсидиолу часовни). Вместе со слоем 1 выбраны (кв. Д-26) две округлых ямы новейшего време-

ни для установки информационного щита, глубиной до 40 см; низ ям заполняли кирпичи и небольшие валуны; в западной яме найден фрагмент кости черепа человека; в слое того же квадрата найдены железная пряжка и железный язычок от пряжки.

Слой 1 в разных частях раскопа подстилала два слоя. В северной половине раскопа – слой 2 с плотно утрамбованной поверхностью: темно-коричневый суглинок с включениями извести, кирпичной крошки, белого камня, мелких валунов (в северо-западной части остатки строительства особенно многочисленны и образуют слой 2б). В южной половине – насыпной привозной слой 4 (при его разборе в кв. Ж-25 обнаружены резиновые обувные подошвы и тянутые гвозди). Местами отмечен также желтый песок (слой 3).

В кв. Ж-23 и северной части квадрата Е-23 под слоем песка открылись остатки часовни – фундамент из некрупных валунов, пролитых белой известью (ил. 3). В северной половине квадратов линии 23 на этом фундаменте сохранился выравнивающий ряд кирпичей; встречаются половинки, в том числе поставленные на ребро. В кв. Ж-22 найдена фаланга пальца человека; еще две кости человека (вертикально в слое) – внутри часовни (кв. Е-24, Ж-24).

Слой 2 (отметки верха в северной части раскопа 92, в южной (кв. Е-25) – 93/94) – также перемешанный. Это обратная засыпка (в кв. Д-25 кости человека расположены в слое вертикально) раскопа А.С. Уварова, поврежденная при строительстве часовни. В восточном секторе (кв. Г-25) разбор слоя 2 дал, кроме человеческих костей, небольшие осколки желтовато-белого мрамора (от облицовки часовни(?)), собранные на кирпичных надгробницах и склепах, – по ним можно судить об уровне, до которого разбирали часовню. В северной стенке (в основном квадраты Ж и 3-22) виден слой кирпичного боя со следами связующего – это основание ограды часовни (в раскоп вошел его южный край на ширину 5–7 см). Возросло количество извести, особенно в северном секторе на отметке 110 (пятна до 0,6 м в поперечнике); в центре кв. Е-22 выявлен след от ящика с раствором (?) (почти квадратное пятно светлой извести со стороной 1,0–1,2 м, толщиной 2–3 см). В западном секторе, в линии квадратов Г/Д-24 слой 2 открывала мешаная белая известь с кирпичом.

Слой 2 углубляется до отметок, близких 130 и 170 (соответственно, северная часть раскопа за пределами часовни и его

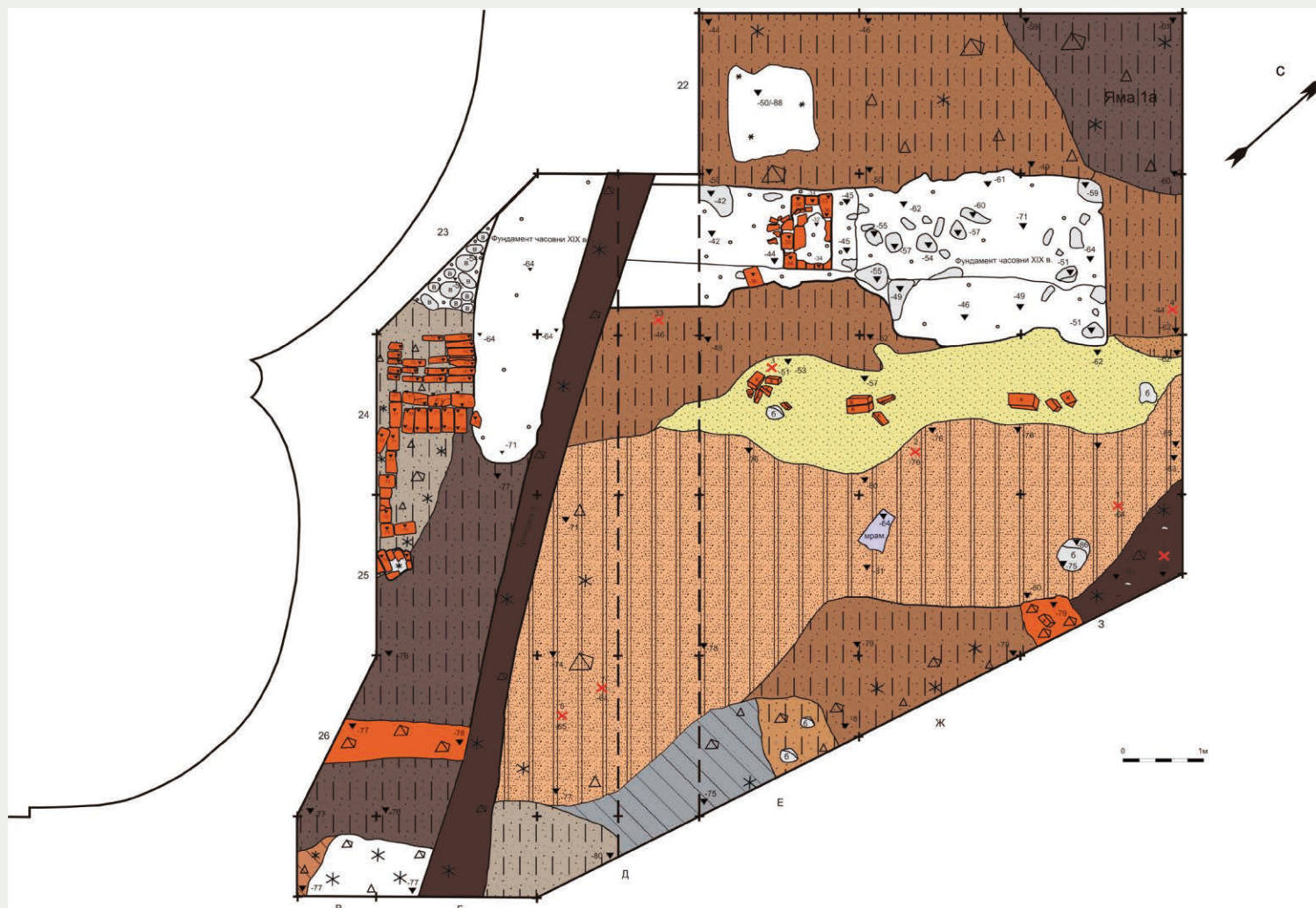
2 Все нивелировочные отметки обоих раскопов отрицательные. При описании знак минуса везде опущен. Все нивелировочные отметки даны в сантиметрах, что специально не оговаривается.

3 Для упрощения использованы обозначения сторон света, отвечающие литургической ориентации храма (северо-западная стенка раскопа = северная; северо-восточная = восточная и т.д.), но при описании погребений и в других специально оговоренных случаях ориентация дана точнее.

Ил. 1. Вид с северо-запада на раскоп I. Зачистка 1.

Ил. 2. Раскоп I. Зачистка 1.

Ил. 3. Вид с северо-запада на расчистку фундамента северной стены часовни-мавзолея Д.М. Пожарского на уровне выявления. (Р.1; кв. Е-23/3-23).

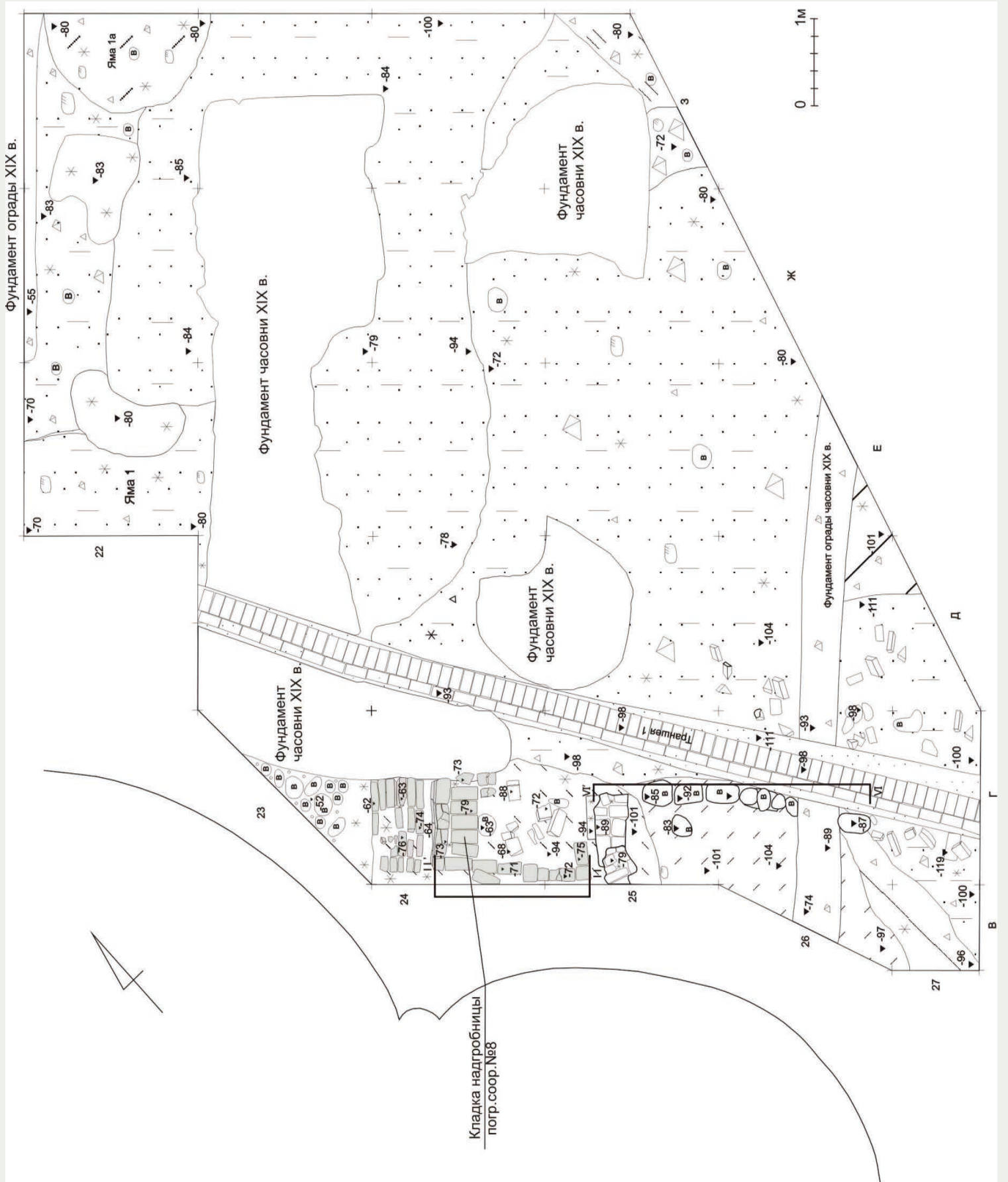
Ил. 4. Вид с колокольни на раскоп I. Зачистка 2.

На следующем развороте:
Ил. 5. Раскоп I. Зачистка 2.

Ил. 6. Раскоп I. Зачистка 2 с разрезами II–II' и IV–IV'.

юго-восточный угол (кв. 3-23), где слой 2 подстигается слоем 7 (чистый коричневый суглинок). В зачистке по низу слоя 2 в северной части раскопа (отметка 130) был выявлен контур подпрямоугольной, вытянутой в направлении 3-В ямы 2 (отметки верха 132/133⁴), связанной с массовым перезахоронением костей – как мы полагаем, при раскопках 1851 года.

Поскольку верхний пласт раскопа состоял в значительной степени из строительного мусора и сооружений, его общая зачистка производилась дважды: после прохождения слоя 1 и после снятия свиты слоев 3, 4 и, в северном секторе раскопа, слоя 2.

Слои 3 и 4 образовались при подсыпке под основание памятника Д.М. Пожарскому 1974 г. и, в общем, однородны (в слое 4 больше строительного мусора), но из них выступают более ранние сооружения. После выборки слоя 3 вдоль южного края фундамента часовни возникла канавка, на дне которой, иногда вплотную к фундаменту, лежит нижний слой подсыпки 1974 г. – коричневый суглинок (4а), в южной части подстилающий слой 4. В южной части восточного сектора слой 4 включает мусор от разрушения края фундамента усыпальницы (валуны, кирпич), смешанный с желтым песком слоя 3. В квадрате Г-24 выступает западная часть фундамента часовни (пролитая известью валунная забутовка с кирпичным боем) и тут же, у западной стенки раскопа, кирпичная кладка без связующего образует остатки кирпичной надгробницы (на границе кв. Г-24/Г-25 у восточного края кирпичной кладки и у фундамента часовни на отметке 147 обнаружено скопление костей человека (№ 3): кости лопатки, ключица и др.). В юго-западной части (линия квадратов 26) расчищены беспорядочно лежащие кирпичи и известняк (развал кладки) (ил. 4, 5, 6).

Таким образом, сооружения усыпальницы в западной части лежат почти на современной поверхности и в уровне верха фундамента часовни. Более того, проливки строительства к западу от апсиды часовни, отмостки вдоль апсид собора и проливка извести от строительства усыпальницы близки по отметкам (ил. 7, 8).

Сохраненные слои, не повреждавшиеся ни при погребениях внутри усыпальницы, ни при раскопках 1851 г., ни при строительстве 1860-х годов и более позднем не могут быть описаны столь же подробно, поскольку от них остались крайне незначительные

фрагменты. Укажем на участок слоя 6 (бурый суглинок) в кв. 3-22 на отметке 89 (род линзы в слое 2, заполнение временного понижения дневной поверхности (лужа(?)). В том же квадрате слой 7 – почти чистый суглинок (материковый выброс из более поздних погребений) – продолжается до отметок 132/141 и подстигается слоем 10 (сероватый суглинок заполнения могильных ям). В северной части раскопа слой 9 (темно-серая заиленная супесь) сохранился пятнами (отметки низа 151/154). Это погребенная почва и уровень дневной поверхности к началу строительной деятельности. В северо-восточной части отмечен уровень первого строительного горизонта: пятна розоватого песка и гумуса, линзы с углистым заполнением; в кв. Е-26 выявлен слой рыже-коричневой материковой глины (слой 14, отметка 186). В кв. Е-22, у фундамента, небольшое треугольное пятно белой извести (слой 8, отметка 140, толщина 3 см) маркирует уровень строительства Преображенского собора. Известь подостлана слоем коричнево-серой гумусированной супеси (слой 9) толщиной 8–9 см (погребенная почва), еще ниже – коричневый суглинок материка (ил. 9–13; также см. глава 2, ил. 18).

Следует отметить, что в слоях обнаружены фрагменты белокаменных надгробий: на границе кв. Г и Д, в завале кирпича и камней (на уровне дна склепов) – верхний угол со жгутовым орнаментом и розеткой; в кв. В-26 (отметка 70) – мелкие фрагменты.

В кв. Е-26 в стенке бровки (отметка 173) найдена монета 1837 года – 1 копейка, маркирующая работы А.С. Уварова.

Северная стена раскопа (ил. 14, 15).

Южная стена раскопа (ил. 16–19, 15).
Западная и восточная стены раскопа (ил. 20–25).

Описания комплексов на раскопе I

Ямы

Яма 1 в кв. Е-22. Северный и западный края выходят за пределы раскопа. Заполнение: слой 2; много человеческих костей.

Яма 2 в кв. Е/Ж-22, у северного фаса северной стены фундамента часовни (ил. 26). Подпрямоугольная форма (2,7 x 0,75 м), вытянута в направлении 3-В. Заполнение: слой 2 и скопление человеческих костей № 1. По характеру их расположения ясно, что это преднамеренное перезахоронение останков. Определены останки более чем 23 индивидов; кости размещены в соответствии с монастырской традицией и с

⁴ В двойных нивелировочных отметках сооружений и погребений, которые даны через косую (100/120), первая цифра означает «верх» (в погребениях – запад; «изголовье») объекта, вторая – «низ» (в погребениях – восток, «изножье»).

анатомическим порядком: черепа собраны в западной части ямы, длинные кости рук и ног – в центральной и восточной частях; позвонки, ребра и др. мелкие кости в основном в центральной части. Между костями и на уровне дна ямы (отметка 175) видны следы древесного тлена, свидетельствующие о возможном перезахоронении останков в деревянном вместилище, либо о выстилке дна ямы деревом (единого направления древесных волокон выявить не удалось). В яме также обнаружен кирпич с остатками связующего (известь, на фрагментах которой сохранялись следы покрасок – красной, черной, коричневой, зеленой, желтой).

Яма 3 в кв. 3-22, снаружи от фундамента часовни, у ее СВ угла. Примыкает с востока к яме 2 и частично разрушила ее восточный край. Форма подпрямоугольная, отметки верха 120/125, глубина около 20 см. Заполнение: слой 2 с обилием битого кирпича и камней; встречены кости человека. Видимо, столбовая яма.

Яма 4 в кв. Ж-22, к северу от ямы 2. Северная часть выходит за пределы раскопа. Заполнение: слой 2.

Еще одно скопление костей человека (№ 3) обнаружено на границе кв. Г-24/Г-25 у восточного края кирпичной кладки, прямо у фундамента часовни на отметке 147: кости лопатки, ключица и др.

Фундамент памятника Д.М. Пожарскому («часовня», XIX в.)

Поверхность фундамента северной стены расчищена после снятия дёрна в кв. Е-23, на отметках 35/45 см: кирпичная кладка на густом известково-цементном растворе из целого и ломаного кирпича. На отметках 50/60 см расчищена полностью

северная стена, северо-восточный угол и апсида. Форма абриса повторяет контуры саркофага Д.М. Пожарского (погребальное сооружение № 2), находящегося в центре часовни. Апсида разрушена траншеей под кабель, сохранилось только основание.

Южная стена и юго-восточный угол расчищены полностью на уровне 90/100 см. Саркофаг Ф.Д. Пожарского (погребальное сооружение № 4) вписан в кладку фундамента, надложен кирпичом и перекрыт разгрузочной аркой из кирпича на известковом растворе. Памятник занимал площадь около 41,6 кв. м.

Расчистка фасов фундамента показала, что он сложен из целого и битого кирпича и разного размера булыжников (проливка раствором неравномерна); северная и восточная стенки поставлены на остатки фундамента усыпальницы из небольших и мелких валунов (от последнего осталась тонкая полоса толщиной в 1–2 валуна) (ил. 27–38). При расчистке западной части склепа 8 в месте примыкания фундамента (отметка 176) обнаружено отверстие от сваи.

Помимо фундаментов памятника-часовни, сохранился фундамент ее ограды сложенный из кирпичного боя, почти не связанного известковым раствором.

Усыпальница князей Хованских и Пожарских

Фундамент усыпальницы сохранился фрагментарно и только в нижней части. Он прослежен при расчистке фасов фундамента северной и восточной стенок часовни. Сложен из бутового камня на глине. Раскопками А.С. Уварова установлено, что фундамент ограничивал участок с тремя рядами склепов, саркофагов и могил. Часть погребений разрушили при строительстве памятника, и нами открыто только 16 погребальных сооружений различной степени сохранности. Следуя примеру наших предшественников, мы отказались от тотального вскрытия погребений в склепах, которое потребовало бы их разборки. Однако погребения уже разрушенных склепов изучались (ил. 39–42).

Погребальное сооружение № 1 (ил. 43)

Первое с севера в восточном ряду, угловое. Развал кирпичного склепа. Размеры: длина 225 см, ширина 90 см, высота на момент обследования ок. 40 см. Отметки: верхние точки свода 133/139; пол 172/188. Стенки и свод сложены из кирпича 8/9 x 14 x 29/30 см⁵. Судя по характеру залегания

Ил. 7. Вид с юго-запада на фундамент часовни-мавзолея Д.М. Пожарского XIX в. Зачистка 3.

На разворотах 118–119, 120–121, 122–123:

Ил. 8. Раскоп I. Зачистка 3.

Ил. 9. Раскоп I. Зачистка 4.

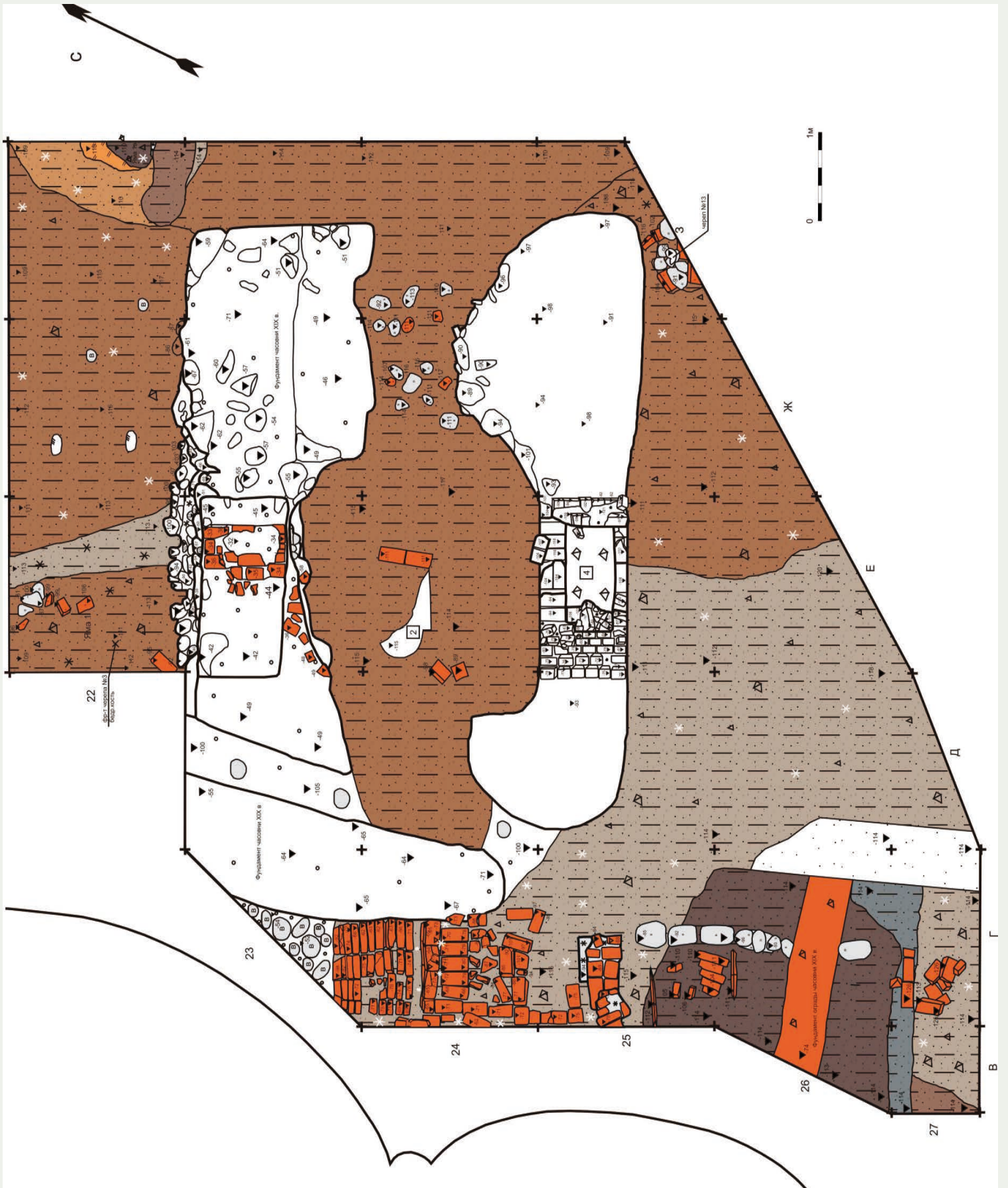
Ил. 10. Раскоп I. Зачистка 5.

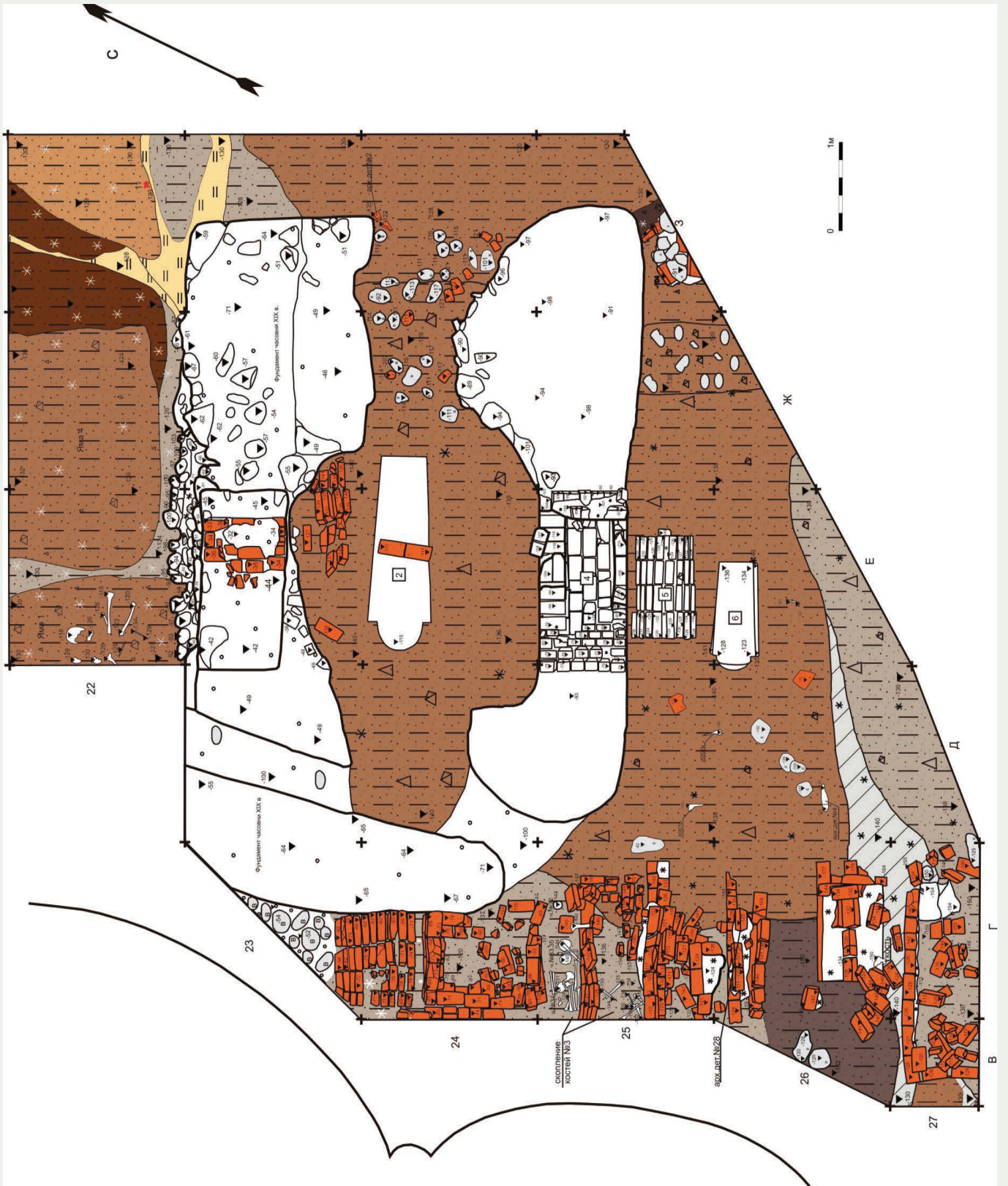
Ил. 11. Раскоп I. Зачистка 6.

Ил. 12. Раскоп I. Зачистка 7.

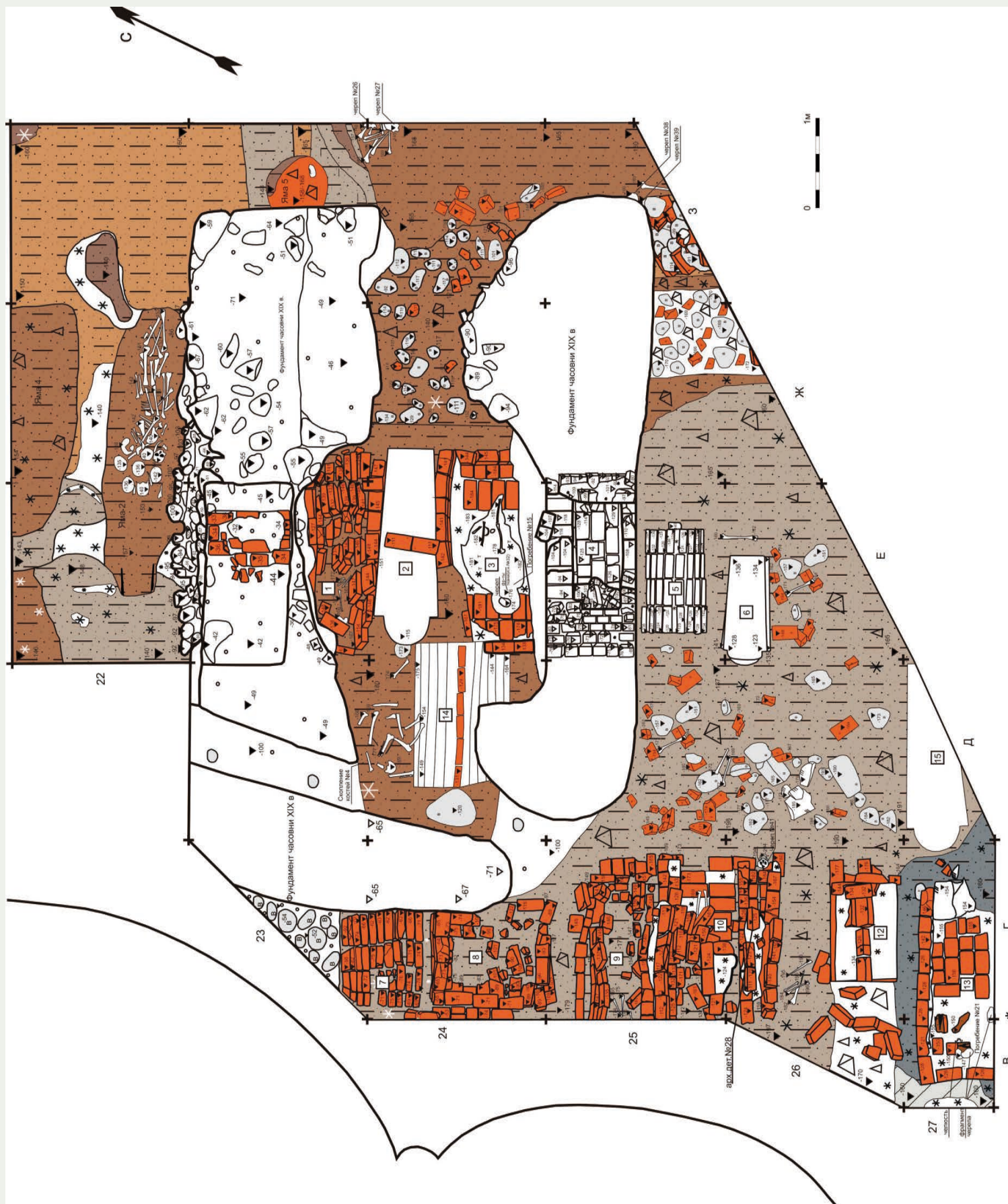
Ил. 13. Раскоп I. Зачистка 8.

⁵ Размеры кирпичей указаны в сантиметрах, в последовательности от меньшего к большему (толщина – ширина – длина). Если какой-либо из размеров значительно варьирует, дается минимальное и максимальное значение, через косую черту; если размер не поддается точной фиксации, сохранившаяся длина дается [в квадратных скобках] или ставится многоточие.

Ил. 14. Северная стенка раскопа I.
Вид с юго-востока.

рухнувших кирпичей, свод был коробовым. Сооружение не вскрывалось, но череп был доступен осмотру через просвет развалившегося свода.

Погребальное сооружение № 2 (ил. 44, 45)

Определено А.С. Уваровым как погребение Д.М. Пожарского (саркофаг № 3 по Уварову). Второе в восточном ряду с севера, в белокаменном саркофаге, в центре фундаментов памятника.

Саркофаг антропоморфный, с выделенным оголовьем, слегка сужен к ногам, вытесан из цельного куска известняка и закрыт плоской крышкой по форме основания (расколота поперек на две примерно равные части). Надписей и орнамента нет. Размеры: длина 179 см, ширина в плечах ок. 70, в ногах – 50; высота 54,5 см; крышка: длина с оголовьем 212 см, боковая грань 185, ширина по центру оголовья 44,7, ширина в плечах 71,5, в ногах – 53 см, толщина крышки в верхней части 16, в нижней – 17 см. Отметки крышки: 126 в ногах, 115 в головах; дна (соответственно) 175 и 185,5 см. Крышка саркофага составлена из двух половин (что традиционно), притесанных «по косяк», причем соединение прикрыто двумя кирпичами. Видимо, они положены после вскрытия саркофага А.С. Уваровым. Нами саркофаг не вскрывался (см. об этом в главах 2 и 3).

По сторонам от саркофага выявлены ряды кирпичей, лежащих ложком вплотную к южной стенке саркофага; в отличие от оранжевого кирпича в склепе № 1, они

малиновые и уложены на очень белой извести (в кладке склепа 1 связующего не видно). Вероятно, это остатки «футляра» склепа и надгробницы, которая укрывала саркофаг и подробно описана А.С. Уваровым.

Погребальное сооружение № 3 (ил. 46)

Кирпичное надгробное сооружение. Примыкает с юга к белокаменному саркофагу № 2, продолжая восточный ряд погребений усыпальницы. Сохранилось дно; частично – северная, восточная и западная стенки. Отметки: верх западной стенки 134/138, северной 141/142, восточной 144/145; дно (сохранилось почти полностью) 174 (в головах) и 184 (в ногах). Длина по полу 227 см, ширина не менее 70. Кладка на белом известковом растворе, кирпич 9,5 x 14,5 x 29. Северная стенка, сохраняя на высоту 3–4 ряда кладки, отпала от основания и привалена к южной стенке саркофага 2. Южная стенка разрушена при строительстве фундамента часовни.

Внутри сооружения расчищены вскрытые еще А.С. Уваровым остатки погребения № 15: разрозненные и частью смещенные кости скелета (фрагменты черепа, длинных костей рук и ног, ребер, пальцев рук) (ил. 47, 48). В западной части погребения найдены остатки женского головного убора-волосника (инд. нах. № 32).

Погребальное сооружение № 4 (ил. 49–51)

Белокаменный антропоморфный саркофаг с выделенным оголовьем. Длина крышки ок. 210 см, ширина в самой широ-

кой части ок. 74, общая высота в головах 77,5 см (саркофаг 57,7 см, крышка 20,5 см). Саркофаг заложен кладкой южной стены фундамента часовни и, поскольку фундамент не разбирался, доступен обмеру не полностью. Орнамента нет.

На крышке выгесана углубленная надпись в четыре строки четкой вязью (полный текст восстанавливается по описанию А.С. Уварова):

[ЛЪТА] 7131 ГО ДЕКОБ[ря]
... ПРЕСТАВИС[я] РАБ Б(О)ЖИЙ
БЛАГОВЕРНИЙ КНЯЗ ФЕДОР
ДМИТРЕВИЧ ПОЖАРСКОЙ

Погребальное сооружение № 5 (ил. 52–53)

Хорошо сохранившийся детский кирпичный склеп к югу от саркофага № 4. Склеп в плане прямоугольный, перекрыт цилиндрическим сводом; торцы заложены кладкой, не перевязанной со стенками склепа и сводом. Размеры: длина 134 см, ширина ок. 77, высота 78. Отметки: верх свода 121/123, низ склепа 195/197. Кладка на белом известковом растворе; кирпич 7,5/8 x 14 x 28/29 см. Склеп не вскрывался.

Погребальное сооружение № 6 (ил. 54–57)

Белокаменный детский саркофаг к югу от погребального сооружения № 4. Основание и крышка для него перетесаны из двух намогильных плит: низ – из высокой плиты с орнаментом в виде коротких канелюр; верх – из плоской, с типичным жгутовым орнаментом. У обеих плит слабо выделено оголовье (ширина 38,5 см). Длина саркофага 109 см, ширина по лицевой поверхности 45,5, по дну 44,5, высота 33,5 – в изголовье, 30,5 см в ногах. Размеры крышки: длина 115,5 см, ширина в плечах 48, в ногах 37, толщина от 12 до 9,5 см (в ногах). Общая высота 46/41 см. Отметки верха сооружения 134/125, низа 175/172.

Мы подняли крышку для того, чтобы подложить под нее новую доску: растрескавшийся камень проваливался внутрь саркофага еще при А.С. Уварове. При поднятой крышке сделана фотография, но останки не расчищались.

Важно отметить, что детский склеп № 6 стоит на северной стенке более раннего кирпичного склепа (см. погребальное сооружение № 16).

Погребальное сооружение № 7 (ил. 58)

Кирпичный склеп прямоугольной формы; длина 118 см, высота 116.

Отметки верха 62/69. Кирпич 8,5 x 14(?)

x 30, но попадает и длина 31–32 см. Восточная часть склепа разрушена при строительстве фундамента усыпальницы XIX в.

Погребальное сооружение № 8 (ил. 59–61)

Кирпичное надгробное сооружение в западном ряду. В плане почти квадратное: длина 143 см, ширина около 145 см, высота 144 см. Внутреннее пространство склепа под ним делится перегородкой на две примерно равные половины. Кирпич 8/8,5 x 15/15,5 x 30/31 см.

В северной половине сооружения расчищено почти сохранное детское погребение № 27а. В нем обнаружены фрагменты ткани, в т.ч. с золотным шитьем. В южной части склепа, в беспорядке по всему дну склепа собраны фрагменты не менее 5 черепов. Между надгробными сооружениями № 8 и № 9 также отмечено скопление костей.

Общая надгробница над сооружениями № 7 и 8 сохранила 5 кирпичей (8,5/9 x 15 x 30/30,5 см) на серой известковой проливке.

Погребальное сооружение № 9 (ил. 62)

Кирпичный прямоугольный склеп; длина 200 см, ширина ок. 70, высота 95. Кирпич 9 x 14/14,5 x 29/30 см, следов связующего почти нет. Перекрытие (коробовый или ложный свод) обрушено. Надгробница склепа из кирпича 8 x 14 x 28 см, но встречается и длина 30 см. Завал кирпичей свода не разбирался.

Погребальное сооружение № 10 (ил. 63)

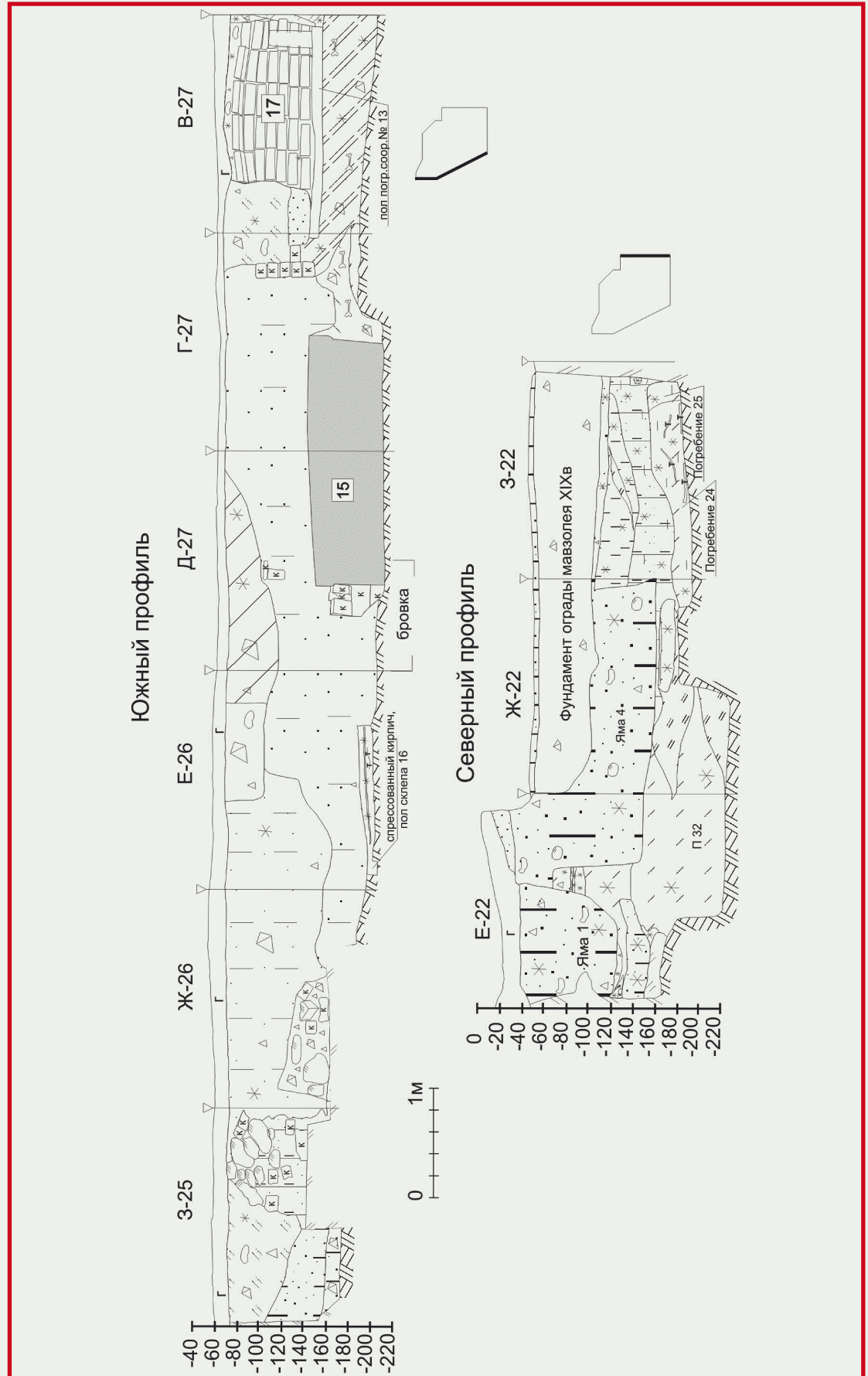
Кирпичный склеп прямоугольной формы, сохранился не целиком. Изначальная длина не менее 178 см, высота 138. Кирпич 8 x 14/14,5 x 30 см. Кладка на белом известковом растворе, утратившем качества связующего. Остатки склепа не разбирались. Под юго-восточным углом склепа № 10 найден череп человека с челюстью (№ 41).

Важно отметить, что склепы № 9 и № 10 имели общее основание – подобие кирпичной платформы.

Погребальное сооружение № 11

Кирпичное надгробное сооружение прямоугольной формы. Длина 202, сохранившаяся высота 77 см. Кирпич 7,5/8 x 14,5 x 30. Частично разрушено при сооружении склепа № 12 или ранее. Отметки: верх 144, дно 208/213. В восточной части склепа обнаружены остатки погребения № 22 (фрагменты длинных костей ног), остальной скелет не сохранился (ил. 48).

Ил. 15. Северный и южный профили.

Ил. 16. Фрагмент южной стенки раскопа. Кв. 3-25, Ж-26. Вид с севера.

Ил. 17. Фрагмент южной стенки раскопа. Кв. 3-25, Ж-26, Е-26–27. Вид с северо-запада.

Ил. 18. Фрагмент южной стенки раскопа. Кв. Е-27, Д-27. Вид с севера.

Ил. 19. Фрагмент южной стенки раскопа. Кв. Д-27, Г-27, В-27. Вид с севера.

Ил. 20. Фрагмент западной стенки раскопа. Кв. Г-22, Д-22. Вид с юго-востока.

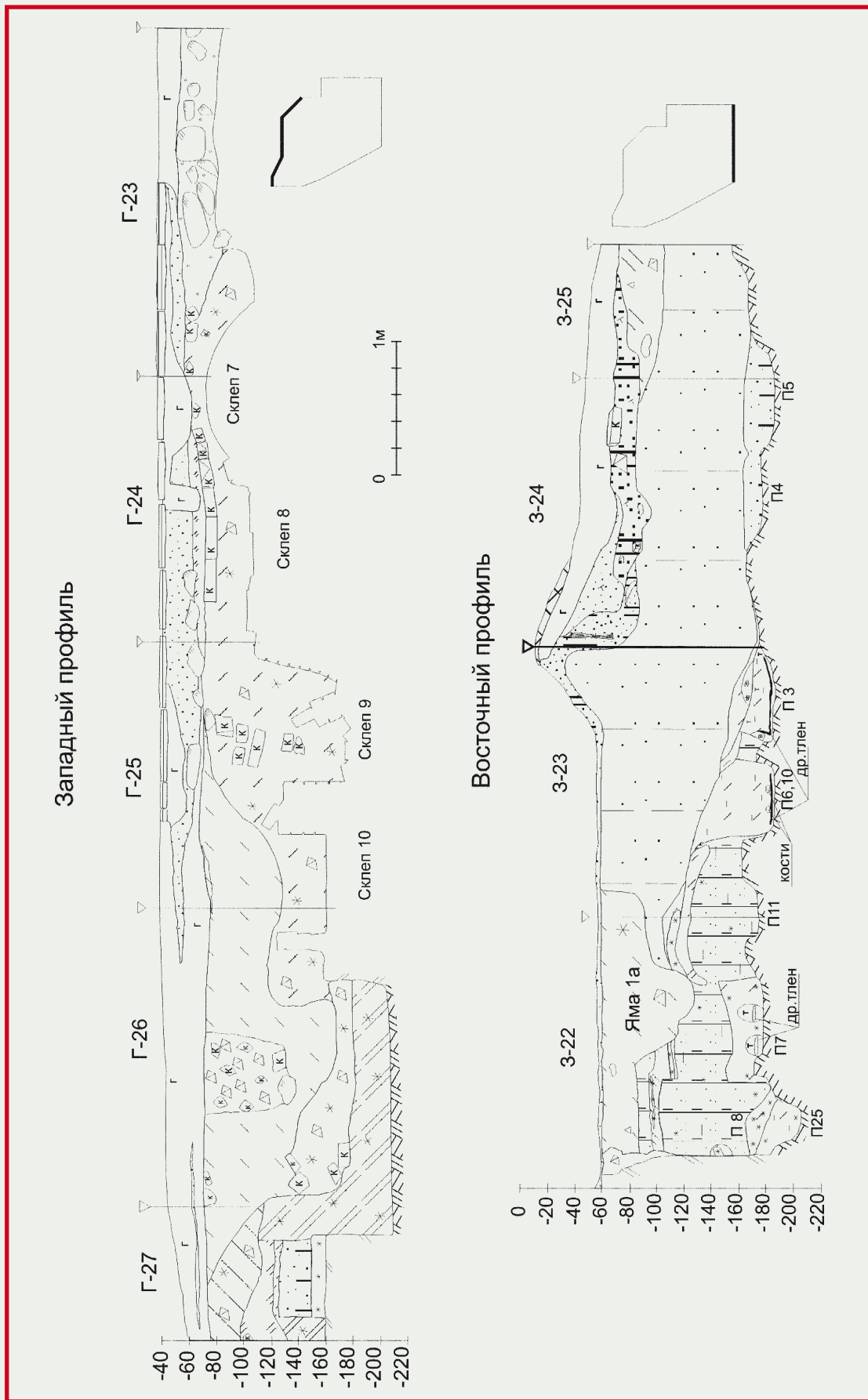

Ил. 21. Фрагмент западной стенки раскопа. Кв. Г-23. Вид с юго-востока.

Ил. 22. Фрагмент западной стенки раскопа. Кв. В-26, Г-25. Вид с востока.

Ил. 23. Западный и восточный профили.

Ил. 24. Восточная стенка раскопа
1. Вид с северо-запада.

Ил. 25. Фрагмент восточной
стенки раскопа. Кв. З-23-24-25.
Вид с запада.

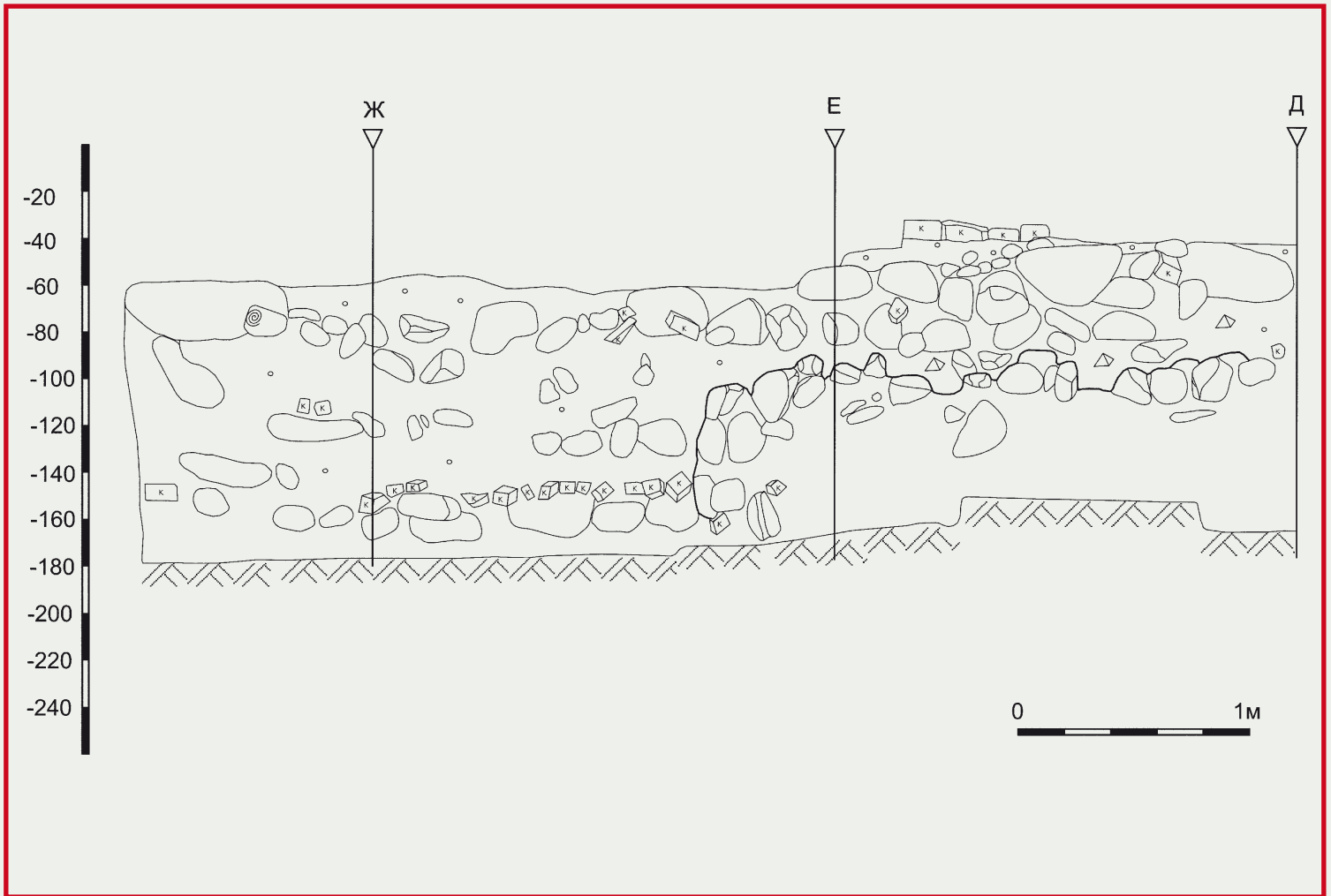
Ил. 26. Кв. Е-22, Ж-22. Яма 2. Расчистка второго уровня костей. Вид с севера.

Ил. 27. Фундамент часовни-мавзолея Д.М. Пожарского. Фрагмент северного фаса северной стенки.

Ил. 28. Фундамент часовни-мавзолея Д.М. Пожарского. Фрагмент северного фаса северной стенки.

Ил. 29. Северный фас северной стены часовни-мавзолея Д.М. Пожарского.

Ил. 32. Фундамент часовни-мавзолея Д.М. Пожарского. Фрагмент южной стенки.

Ил. 30. Фундамент часовни-мавзолея Д.М. Пожарского. Южный фас южной стенки.

Ил. 31. Фундамент часовни-мавзолея Д.М. Пожарского. Фрагмент южной стенки.

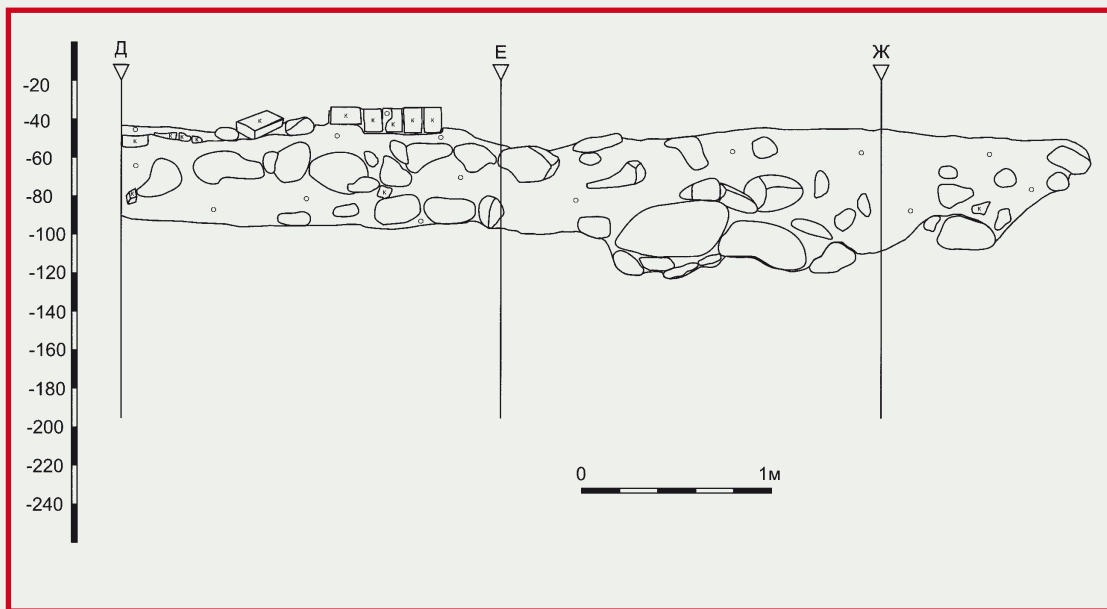

Ил. 33. Фундамент часовни-мавзолея Д.М. Пожарского. Фрагмент внутренней части южной стенки.

Ил. 34. Кв. Ж25, 324. Южный фас фундамента усыпальницы Пожарских и Хованских.

Ил. 35. Южный фас северной стены часовни-мавзолея Д.М. Пожарского.

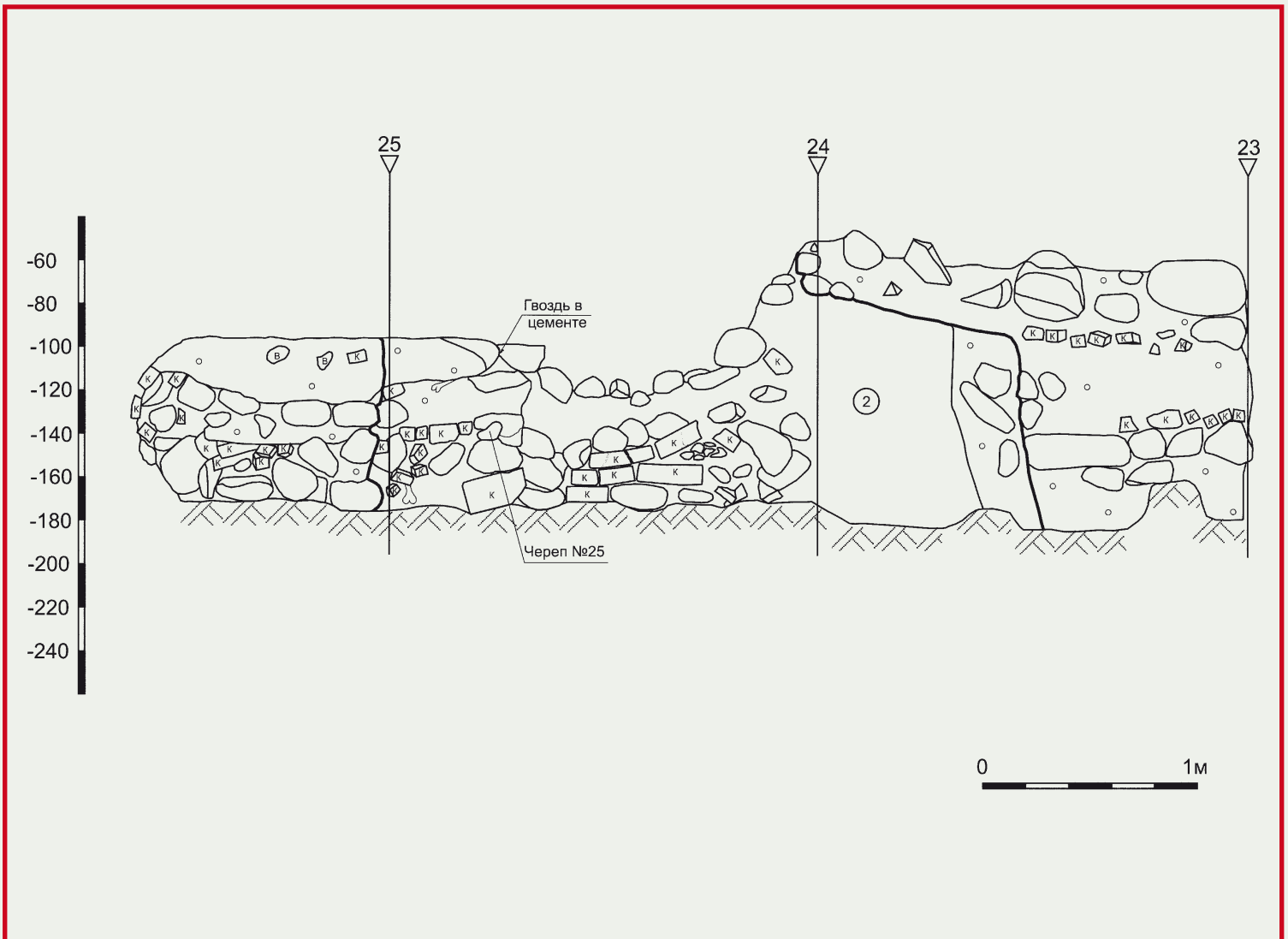
Ил. 36. Фундамент часовни-мавзолея Д.М. Пожарского. Фрагмент восточной стенки.

Ил. 37. Фундамент часовни-мавзолея Д.М. Пожарского. Восточная стенка.

Ил. 38. Западный фасад западной стены часовни-мавзолея Д.М. Пожарского.

Погребальное сооружение № 12 (ил. 64)

Кирпичный склеп с двускатным щипцовым завершением. Длина 147, высота стенок 57 см. Отметки: верх свода 128/132, верх стен 144, дно 177/184. Стенка и свод склепа из кирпича 8,5 x 14 x 30/31; в кладке южной стенки есть кирпич 8 x 14 x 29. На кирпичах есть известь, но склеп сложен с минимальным количеством раствора (большинство швов оказались пустыми) или из вторичных материалов. При строительстве этого склепа (или ранее) повреждено сооружение № 11.

В ходе разборки слоя кладка склепа № 12 распалась. Внутри обнаружен скелет грудного ребенка – погребение № 28 (ил. 48). Грунта в заполнении практически нет, останки залегают в слое белой извести. Костяк вытянут на спине, руки согнуты в локтях. Обнаружены многочисленные фрагменты древесного (?) тлена и несколько фрагментов текстиля.

Погребальное сооружение № 13 (ил. 65)

Остатки кирпичного склепа: дно и часть северной и западной стен. Длина 232 см. Основной кирпич 8 x 14,5 x 28/28,5, в кладке стены также кирпич 9 x 14 x 30 см. Раствор известковый, сероватый. Отметки верха сохранившейся кладки стены: верх 125/127, низ 153/156. Восточная стенка разрушена (при установке в усыпальницу белокаменного саркофага № 15(?)). Интересно, что дно склепа в восточной части дополнили двумя фрагментами белокаменных намогильных плит, уложенных в один уровень с кирпичом дна склепа (род ремонта(?)). Южная стенка склепа уничтожена при строительстве кирпичного склепа № 17. В сооружении № 13 расчищены остатки погребения № 21 – сохранились лишь фрагменты черепа (ил. 48). Выявлен древесный тлен (гроба(?)). Под голову погребенного помещен кирпич («подушка»), 8 x 13 x 26 см.

Погребальное сооружение № 14 (ил. 66)

Кирпичный склеп. В плане прямоугольный, перекрыт двускатным сводом. Западный край разрушен при прокладке траншеи электрокабеля, но при строительстве часовни он, видимо, не был поврежден. Отметки: верх свода 129/132, верх стенок 184/185,5, дно 241; длина 232 см; ширина не менее 110 см. Кладка стен и свода склепа на белом известковом растворе, кирпич 9 x 14,5 x 30 см. Склеп помещен в центральный ряд усыпальницы и вплотную примыкает с запада к погребальным сооружениям № 2

(белокаменный саркофаг) и № 3. Часть кладки западной стенки склепа № 3 опирается на свод сооружения № 14 – следовательно, оно сооружено несколько раньше.

Погребальное сооружение № 14 привлекло особое внимание уже тем, что оно полностью сохранило тот тип свода с двускатной «кровлей» и двумя «фронтонами», который описан А.С. Уваровым над предполагаемым погребением князя Д.М. Пожарского. Кроме того, погребальное сооружение № 14 располагается как раз в головах у Федора Дмитриевича Пожарского и, следовательно, именно оно могло принадлежать самому князю Дмитрию.

Уваров не пишет о вскрытии склепа № 14, который при нем, видимо, был оставлен в целости – ведь духовная князя не была еще известна. У нас же шанс осмотреть внутренность склепа появилась, поскольку его западная часть ранее была пробита валунами часовни. Через отверстие удалось сделать внутреннее фото, показавшее остатки досок (от гроба(?)) и разрозненные кости. Не разбирая свода, мы спустились внутрь сооружения и идентифицировали три мужских и один женский костяки. Мы убедились, что «склеп» не содержит саркофага и потому вряд ли следует придавать ему особое значение.

Погребальное сооружение № 15 (ил. 67)

Белокаменный антропоморфный саркофаг из монолита известняка с выделенным полукруглым оглавьем. Длина 211 см, высота 46,5 – в ногах, 49,5 – в головах; выступ оголовья 18,5 см. Крышка слегка выступает в ногах за край саркофага; ее длина 220 см, ширина в плечах 70, ширина оголовья 48,5, толщина 18,5/16,5 см. Остальные размеры снять не удалось, так как часть саркофага уходит в бровку.

На крышке вырезана вглубь надпись несложной вязью в 5 строк (ил. 68):

ЛЪТА 7116-ГО

ПРЕСТАВИС РАБ Б(О)ЖИЙ КН(Я)ЗЬ НИ

КИТА ОНДРЕЕВИЧ ХОВАНСКОЙ

ВО ИНОЦЕХ ИНОК СХИМНИК НИФОНТЬ

НА ПАМЯТ С(ВЯ)ТАГО АП(О)СТ(О)ЛА КАРПА

Сохранилась горизонтальная и вертикальная графа разметки по две на каждую строку текста. Память апостола Карпа отмечается 26 мая (по старому стилю). Поверхность крышки расслоилась и была законсервирована.

С востока к саркофагу примыкает кирпичная кладка без связующего, на которую опирается выступающий край крышки

саркофага. Пространство между кладкой и восточным торцом саркофага не заполнено землей. Саркофаг не вскрывался.

Погребальное сооружение № 16

Кирпичный склеп (длина 219 см, ширина 73–78 см). Сохранилось дно и часть нижнего ряда кладки стен (отметка южной 198, северной 203). Дно (практически горизонтальное, отметка 211) образовано двумя рядами кирпича на белом известковом растворе. Расположенный севернее белокаменный саркофаг № 6 опирается на остатки северной стены склепа № 16, что говорит о сравнительно давнем нарушении последнего, но остатки кладок стен, видимо, разобрали при археологических исследованиях 1851 г. На дне обнаружены остатки погребения № 20 (несколько разрозненных переотложенных костей).

Кроме захоронений в погребальных сооружениях внутри стен усыпальницы изучены и выявлены погребения в грунте.

Погребение № 13

Выявлено в кв. Ж-23 между северо-восточным углом фундамента внутренней стены усыпальницы и восточной стенкой погребального сооружения № 1 в виде пятна древесного тлена и остатков полустгнивших досок. Волокна дерева ориентированы в направлении СВ–ЮЗ, что отвечает ориентировке основной массы погребений. Преобладающая часть погребения перекрыта фундаментом усыпальницы и погребальным сооружением № 1, и вскрыть его было невозможно.

Погребение № 16 (ил. 69, см. ил. 48)

Частично изучено в кв. Е-25 между погребальным сооружением № 5 и детским белокаменным саркофагом № 6. Северо-западная четверть могилы находилась под юго-восточным углом кирпичного склепа, поэтому могильную яму вскрыли не полностью. Она имела прямоугольную форму (длина 98 см, ширина около 30 см) со скругленными углами; сохранилась на глубину 10 см. Заполнение: слой светлого серо-коричневого суглинка с включениями извести. Расчищена нижняя часть костяка мужчины 30–45 лет в анатомическом порядке. Судя по положению длинных костей, погребение имело юго-западную ориентировку.

Погребение № 17 (см. ил. 48)

Изучено в кв. Д-22, к югу от юго-западного угла фундамента часовни, в не-

глубокой (15–20 см) яме прямоугольных очертаний, юго-западный угол которой прорезан восточной стенкой погребального сооружения № 9. Максимальная длина сохранившейся части ямы 120 см, ширина 45 см. На дне ямы расчищен скелет взрослого человека. Верхняя часть костяка не сохранилась; погребенный лежал на спине вытянуто, головой на запад-юго-запад (в отличие от других погребений). Руки немного согнуты в локтях, кисть левой – в области таза, правой – на крестце (фаланги пальцев не сохранились). Ноги вытянуты, слегка раздвинуты, кости стоп отсутствуют. Находок в заполнении погребения нет. Подчеркнем, что погребение № 17 ориентировано не так, как все кладбище, а в направлении ЗЮЗ–ВСВ.

Погребение № 19

Выявлено в кв. Е-26 у восточной стенки белокаменного саркофага № 6. Это только край могильной ямы (отметка ок. 206), само захоронение почти полностью перекрыто саркофагом № 6 и не вскрывалось.

Погребение № 26

Частично изучено на границе кв. Д/Е-24 (отметка 163), на участке между южной стенкой кирпичного погребального сооружения № 14, западной стенкой кирпичного склепа № 3 и фундаментом часовни. Расчищены две малые берцовые кости, лежащие в направлении З–В; вокруг них – пятно древесного тлена (дно гроба). Основная площадь погребения перекрыта сооружениями № 3 и № 14; дальнейшая расчистка не проводилась.

Погребение № 30 (см. ил. 48)

Выявлено в кв. Д-26 на отметке 200/205 между погребальным сооружением № 11 и детским белокаменным склепом № 6. Погребение расчищено в яме (в глубину прослежена на 39 см), имевшей в плане форму прямоугольника со скругленными углами (размер 165 x 50 см). Заполнение: серо-коричневый суглинок с включениями извести. Костяк хорошей сохранности лежал на спине в вытянутом положении (мужчина 35–45 лет); ориентировка юго-западная; череп расположен прямо, лицевым отделом вверх; руки сильно согнуты, кисти уложены на груди; ноги вытянуты. В области шеи найден фрагмент ткани (№ 45), еще один кусок ее (№ 46) сохранился в районе локтя правой руки погребенного.

На следующем развороте:

Ил. 39. Общий архитектурный план раскопа I.

Ил. 40. Архитектурный план с разрезами А-А', I-I', II-II', D-D'.

22

23

24

25

26

27

Фундамент часовни XIX в

Фундамент часовни XIX в

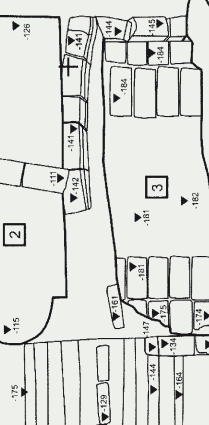
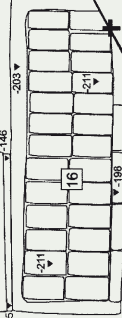
B

Г

Д

Е

Ж

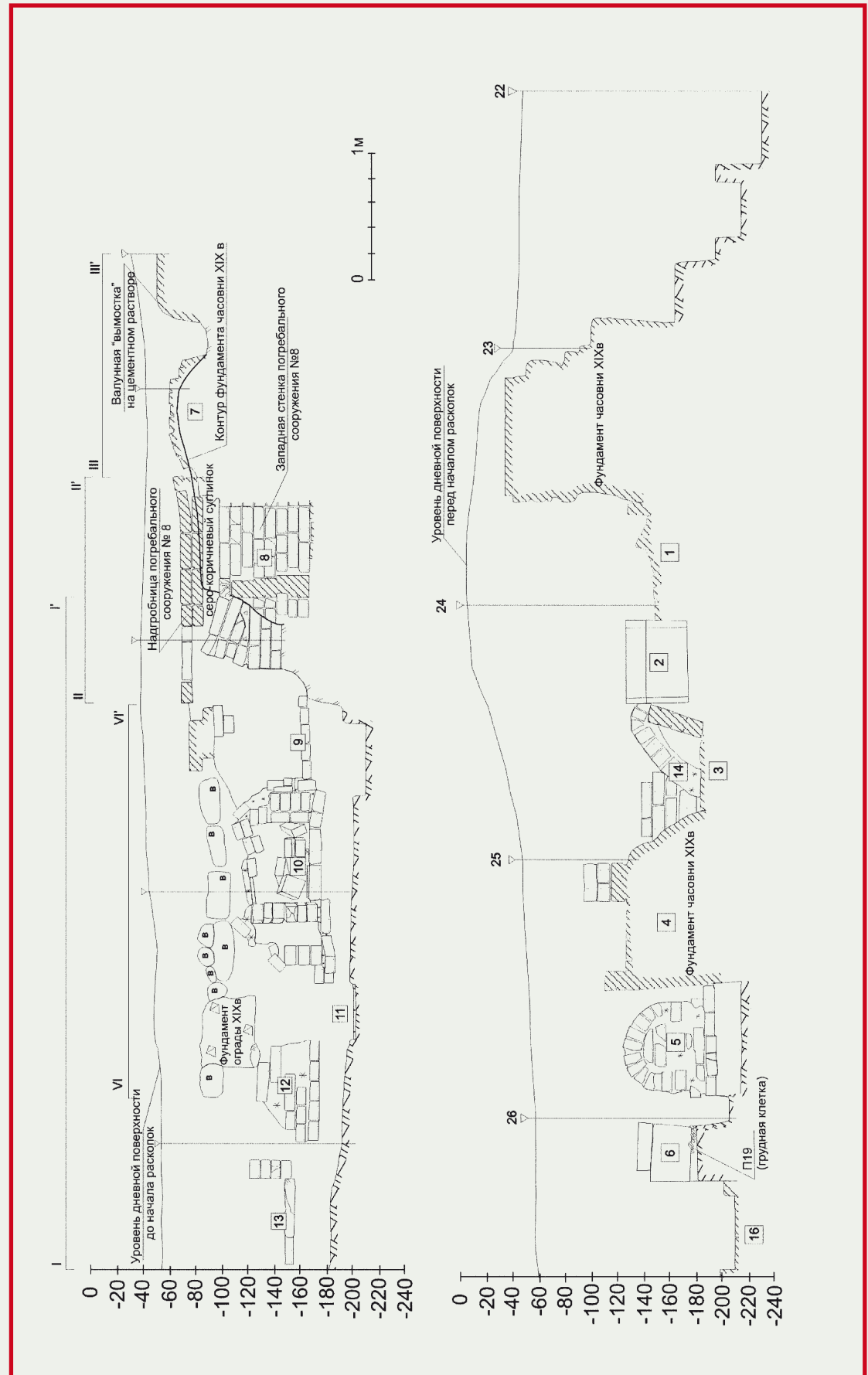
Ил. 41. Разрез А-А' и комбинированный разрез В-В'.

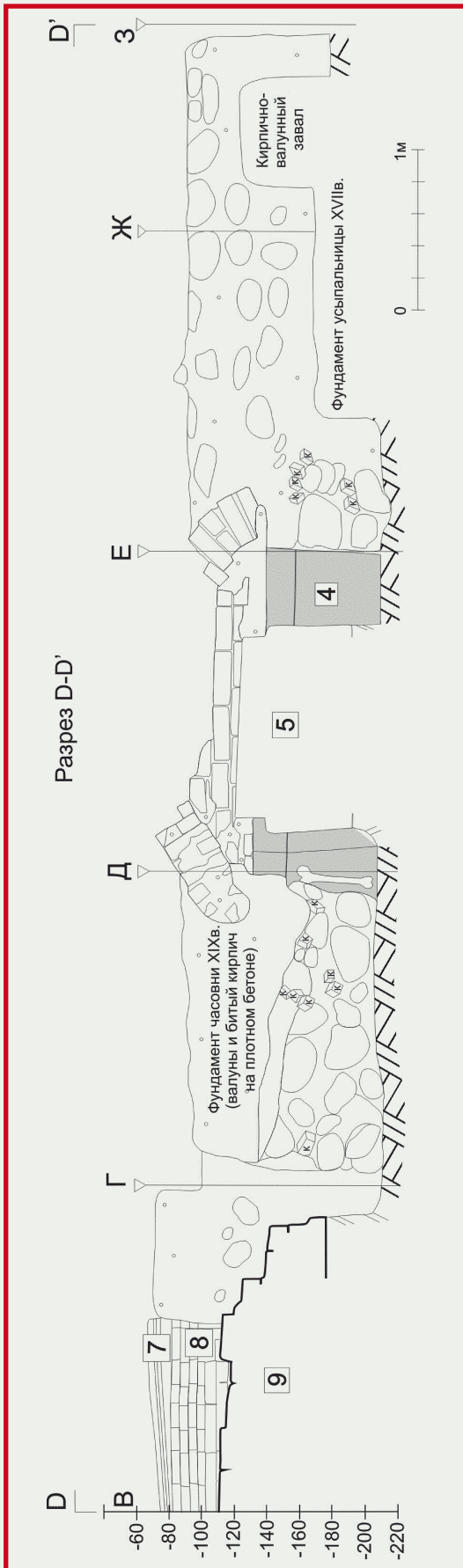
Ил. 42. Разрез D-D'.

Ил. 43. Расчистка погребального сооружения № 1. Вид с севера.

Ил. 44. Погребальное сооружение № 2/2008 (по Уварову: № 3/1851, саркофаг Д.М. Пожарского?) на уровне выявления. Вид с севера.

Ил. 45. Расчистка погребального сооружения № 2 (по Уварову саркофаг Д.М. Пожарского). Вид с юго-запада.

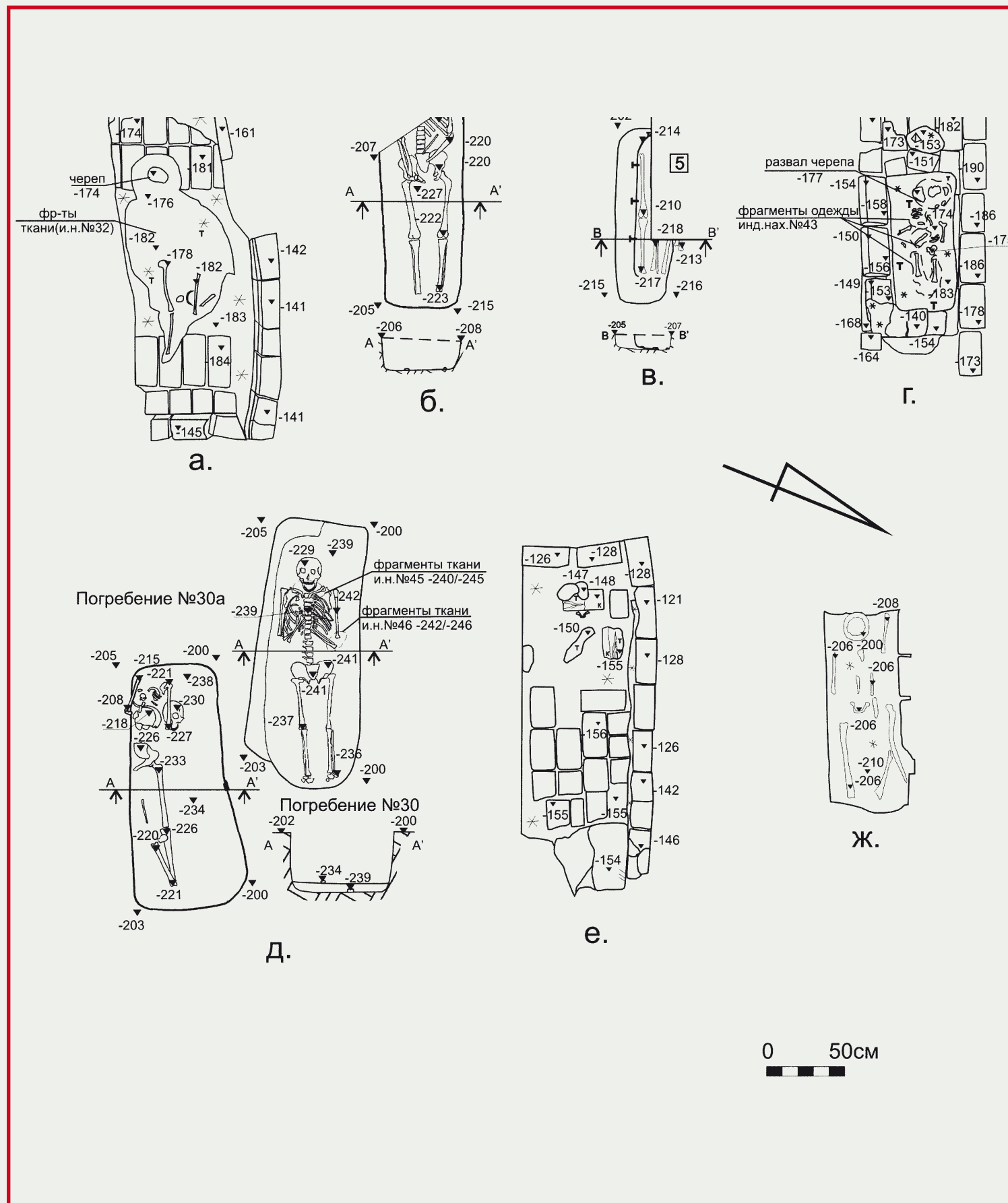

Ил. 46. Погребальное сооружение № 3 на уровне выявления. Вид с запада.

Ил. 47. Погребальное сооружение № 3. Расчистка погребения № 15. Вид с севера.

Ил. 48. Погребения усыпальницы.

Ил. 49. Расчистка кладки-перекрытия фундамента южной стены часовни-мавзолея XIX в. над погребальным сооружением № 4 (саркофагом Федора Дмитриевича). Вид с запада.

Ил. 50. Кладка-перекрытие фундамента южной стены поверх погребального сооружения № 4 (саркофаг Федора Дмитриевича Пожарского). Вид с запада.

Ил. 51. Кладка-перекрытие фундамента южной стены часовни-мавзолея XIX в. над погребальным сооружением № 4 (саркофаг Федора Дмитриевича Пожарского). Вид с юго-запада.

Ил. 52. Погребальное сооружение № 5 (кирпичный склеп). Вид сверху, с севера.

Ил. 53. Северный фас погребального сооружения № 5 (кирпичный склеп). Вид с запада.

Ил. 54. Погребальное сооружение № 6 (саркофаг). Вид с севера.

Ил. 55. Южный фас погребального сооружения № 6 (саркофаг). Вид с юга.

Ил. 56. Западный фас погребального сооружения № 6 (саркофаг). Вид с запада.

Ил. 57. Восточный фас погребального сооружения № 6 (саркофаг). Вид с востока.

Ил. 58. Погребальное сооружение № 7 (кирпичный склеп). Вид с запада.

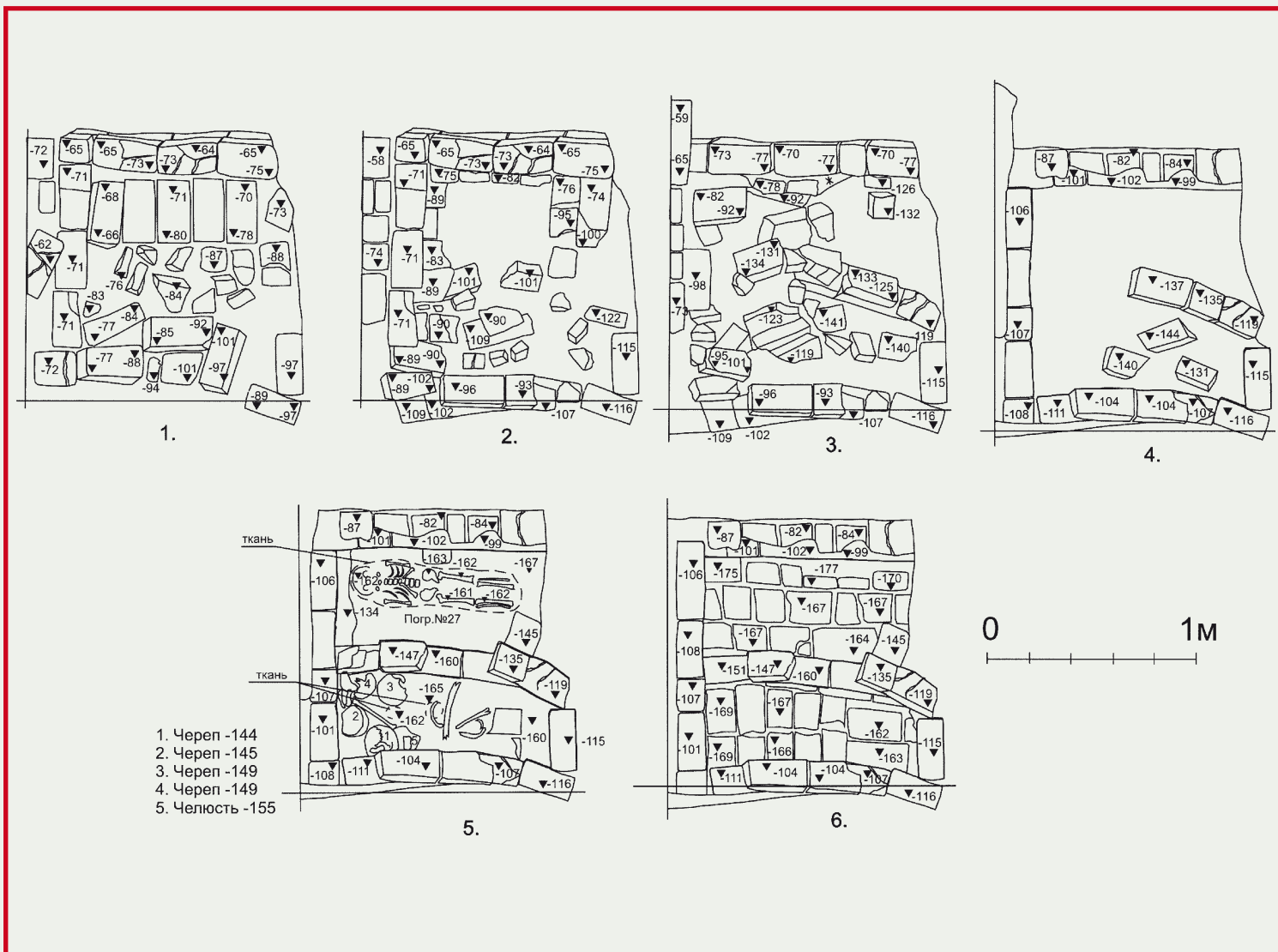
Ил. 59. Расчистка погребального сооружения № 8 (кирпичный склеп). Вид с запада.

Ил. 60. Погребальное сооружение № 8 (кирпичный склеп). Зачистка пола склепа. Вид с запада.

Ил. 61. Этапы расчистки погребального сооружения № 8 (кв. Г-24).

- 1. Череп -144
- 2. Череп -145
- 3. Череп -149
- 4. Череп -149
- 5. Челюсть -155

Ил. 62. Погребальное сооружение № 9 (кирпичный склеп). Вид с запада.

Погребение № 30а (см ил. 48)

Изучено в кв. Д-26, под погребением № 30, чуть южнее последнего. Погребение прорезано могильной ямой погребения № 30 и сохранилось не полностью. Удалось зафиксировать лежащие в анатомическом порядке кости таза и левой ноги, фрагменты черепа и плечевые кости подростка 15–18 лет. Кроме того, в заполнении погребения обнаружен фрагмент черепа не относящийся ни к погребению № 30, ни к погребению № 30а.

Погребение № 31

Выявлено в кв. Д/Е-25, между фундаментом южной стены усыпальницы XIX в. и северо-восточным углом намогильного сооружения № 5. Поскольку погребение почти полностью находилось под фундаментом усыпальницы и погребальным сооружением (доступен только угол могильной ямы), оно не вскрывалось.

Погребения раскопа I на кладбище вне усыпальницы (ил. 70)

Погребение № 1 (ил. 71, 72) в кв. Е-22, к северу от фундамента усыпальницы, между ямами 1 и 2 (отметка 140, слой 2). Могильная яма вытянута в направлении З–В, в плане прямоугольная со слегка скругленными углами (ширина 63 см, длина не менее 118

см – в восточной части она прорезана ямой 2; глубина сохранности 30–40 см). Дно ямы имеет заметный уклон к востоку (отметка восточной части 161, западной – 175). Заполнение: серо-коричневый суглинок с примесью извести (слой 2а); найдено 8 фрагментов фресок и 3 фрагмента керамики. В центре расчищено два уровня древесного тлена от гроба прямоугольной формы (ширина 40 см, длина не менее 115 см), отмечающие крышку гроба (верхний уровень, перекрывавший кости) и дно (нижний, подстилывавший их). Зафиксированы и продольные стенки гроба. Костяк (женщина 55–65 лет) лежал на спине в вытянутом положении, головой на юго-запад. Левая рука вытянута, правая – чуть согнута в локте, кисть ее покоится в зоне тазовых костей; ноги, вероятно, были вытянуты, но берцовые кости и кости стоп отсутствуют – вероятно, уничтожены ямой 2. Часть костей полностью истлела, череп раздавлен. При зачистке дна ямы в районе таза погребенной, в слое тлена, обнаружен 1-й позвонок человека от другого погребения.

Погребение № 2 (ил. 73, 74) в кв. Ж-22, вдоль северной стенки раскопа, в слое 2; отметки 150/154. Яма почти прямоугольна (205 x 80 см), чуть сужена к ногам; прослежена на глубину 20 см. Заполнение: рыхлый серо-коричневый суглинок с включениями извести, фрагментов белого камня и кирпичной крошки; обнаружена стенка чернолощеного сосуда. Вдоль стенок ямы зафиксированы чуть заметные волокна дерева от гроба. Костяк (мужчина, старше 60 лет) хорошо сохранился. Погребенный лежал на спине в вытянутом положении, головой на юго-запад; череп слегка повернут на правый бок; руки согнуты в локтях под углом 90 градусов, кисти лежат у таза; ноги вытянуты, стопы раздвинуты в разные стороны. На костях прослежены пятна известкового раствора. Под головой погребенного лежал слегка подгесанный кирпич, выполнявший роль подушки (инд. нах. № 34). Большую часть костей погребенного покрывали пятна жидкой извести – видимо, гроб вскрывали в ходе строительных работ XIX века.

Погребение № 3 (см. ил. 70)

Изучено в кв. 3-23, к востоку от фундамента часовни (отметка 171). В раскоп вошла западная половина ямы. Яма прямоугольная в плане; ширина 46 см, длина в раскопе 65–78 см. Заполнение: рыхлый светло-коричневый суглинок с пятнами серой супеси и вкраплениями извести (слой

Ил. 63. Погребальное сооружение № 10 (кирпичный склеп). Вид с запада.

Ил. 64. Погребальное сооружение № 12 (кирпичный склеп). Вид с запада.

Ил. 65. Кв. Г-27. Погребальное сооружение № 13. Расчистка погребения № 21. Вид с юга.

2). По периметру и в заполнении отмечены волокна древесного тлена (остатки гроба). Ориентировка погребения юго-западная. Костяк фактически не сохранился: в северо-западном углу найден фрагмент свода черепа и часть нижней челюсти (женщина(?) 45–55 лет); к югу от черепа лежал довольно крупный кусок известняка. Других находок в погребении не обнаружено.

Погребение № 4

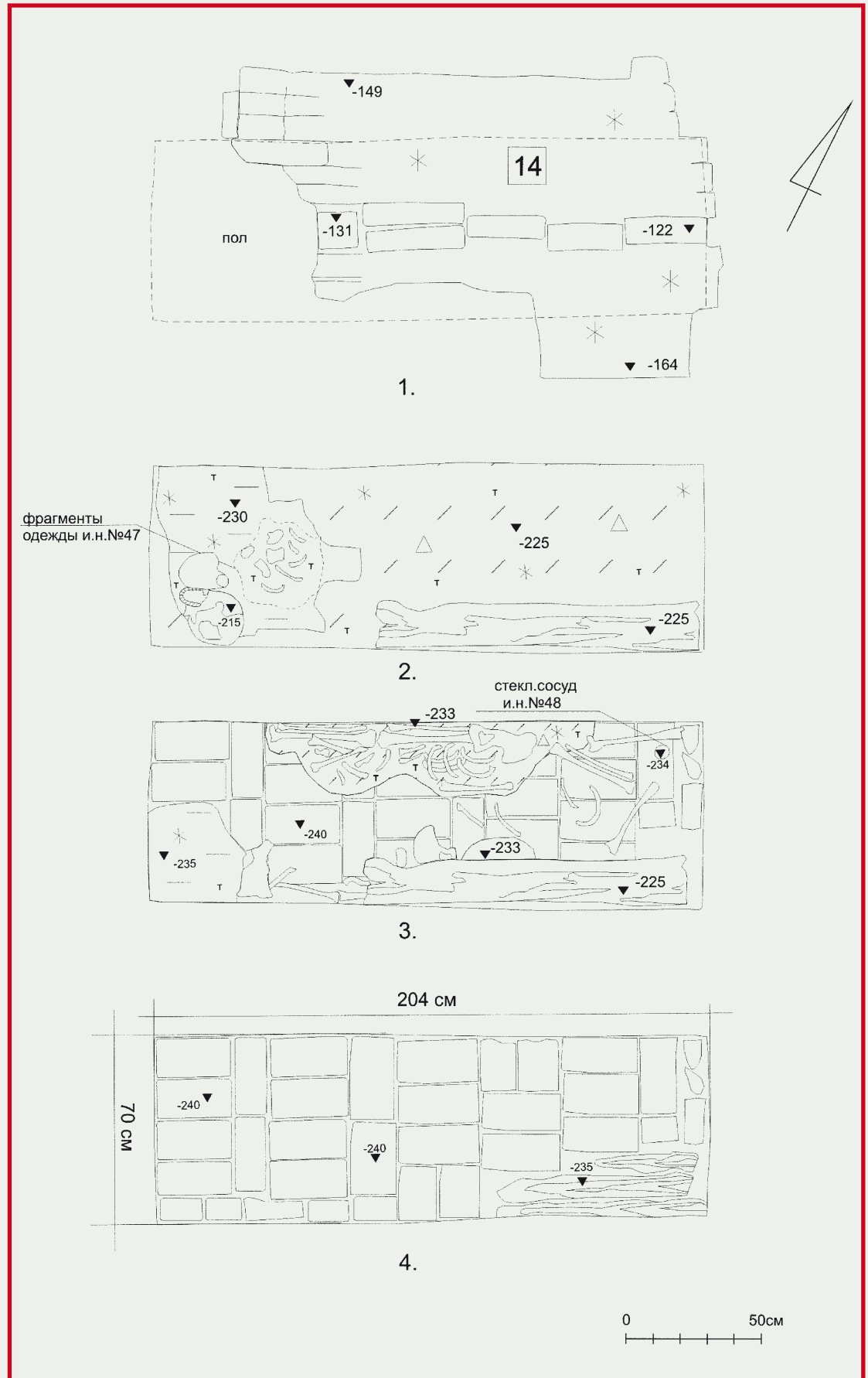
Выявлено в кв. 3-24, к югу и рядом от погребения № 3, на отметке 178. Яма вытянута в направлении З–В. Восточная часть ямы осталась за пределами раскопа. Неглубокая (60 см) яма имеет прямоугольную форму; ширина 55 см; длина вошедшей в раскоп части 10 см. Заполнение: светло-

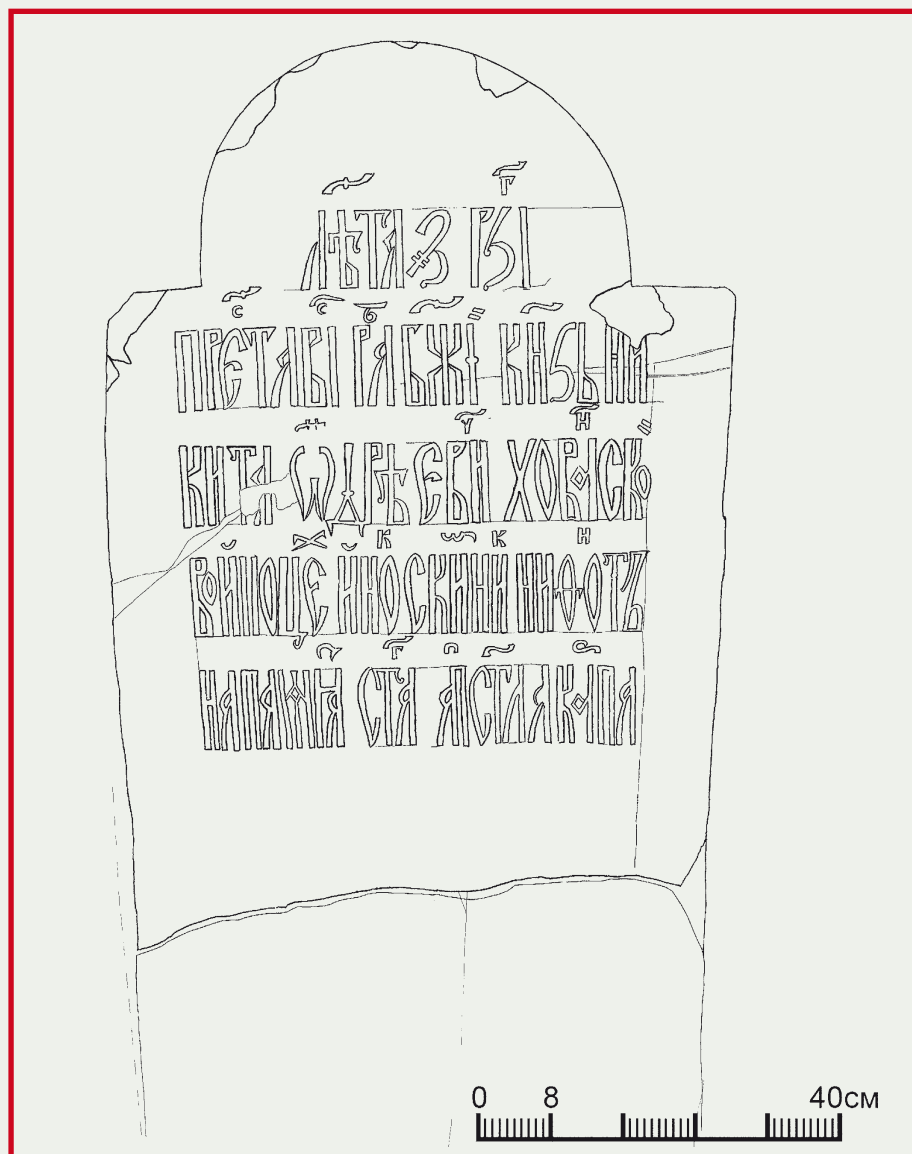
коричневый суглинок с пятнами серой супеси, редкими вкраплениями извести и остатками древесного тлена. В изученной раскопом части ямы костяк не сохранился. Находок нет.

Погребение № 5. Выявлено в кв. 3-24; почти вплотную примыкало с юга к погребению № 4. Могильная яма имеет четкие прямоугольные очертания. Восточная часть погребения осталась за пределами раскопа (длина расчищенной части могильной ямы 110 см, ширина 80 см, глубина не более 10 см). Заполнение: аналогично заполнению погребений № 3 и № 4. На дне зафиксированы пятна древесного тлена от гроба (волокна ориентированы по оси погребения). Кости истлели, сохранился толь-

Ил. 66. Этапы расчистки погребального сооружения № 14 (кирпичный склеп).

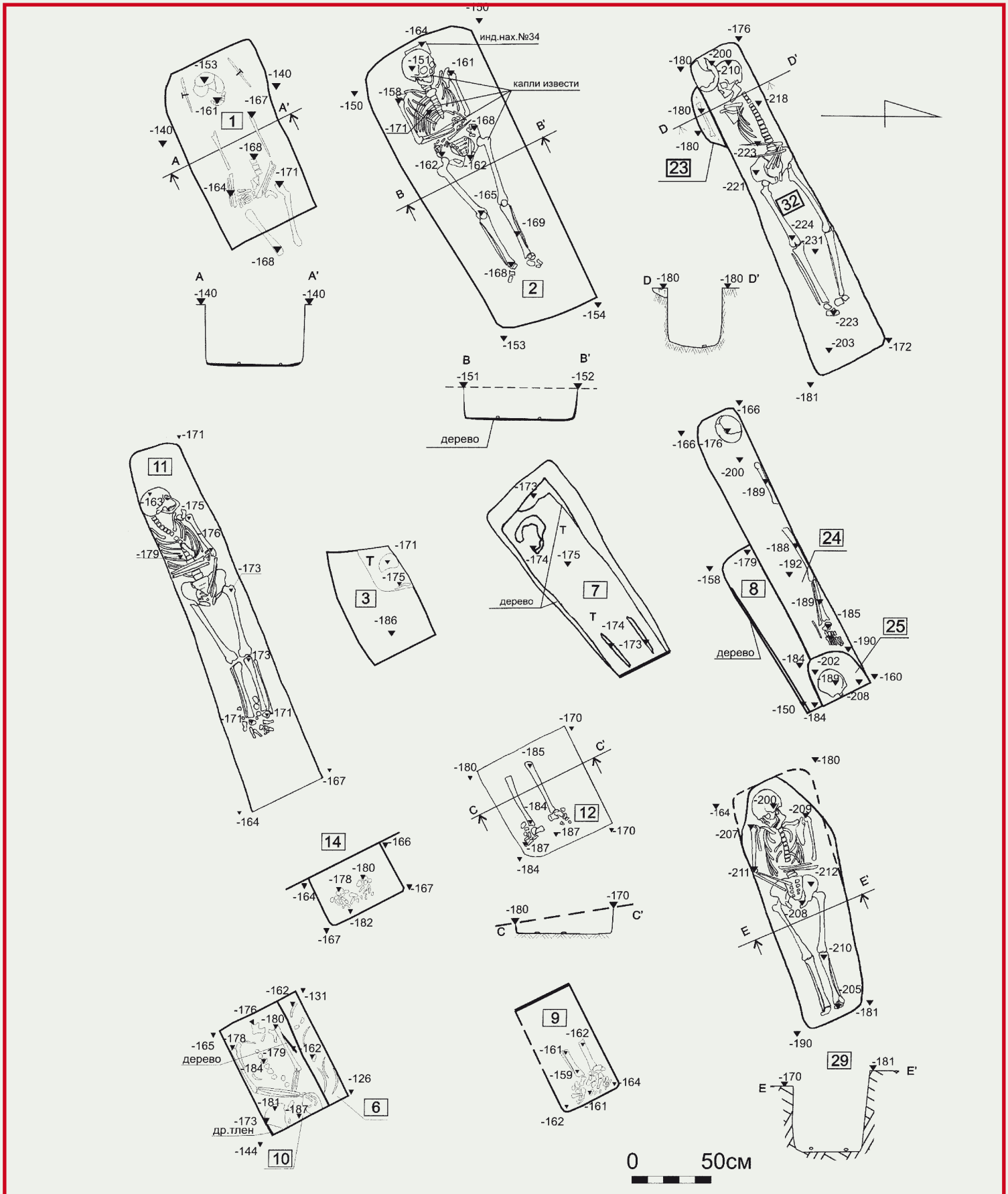

Ил. 67. Погребальное сооружение № 15 (саркофаг). Вид сверху.

Ил. 68. Погребальное сооружение № 15 (саркофаг Никиты Андреевича Хованского). Надпись на верхней плите. Прорисовка.

Ил. 69. Кв. Е-25, Е-26, Ж-25, Ж-26. Расчистка погребения № 16. Вид сверху, с севера.

Ил. 70. План погребений на раскопе I.

Ил. 71. Кв. E-22. Расчистка погребения № 1 на уровне остатков крышки гроба. Вид с севера.

Ил. 72. Кв. E-22. Расчистка погребения № 1. Вид с юга.

Ил. 73. Кв. E-22. Расчистка погребения № 2. Вид с севера.

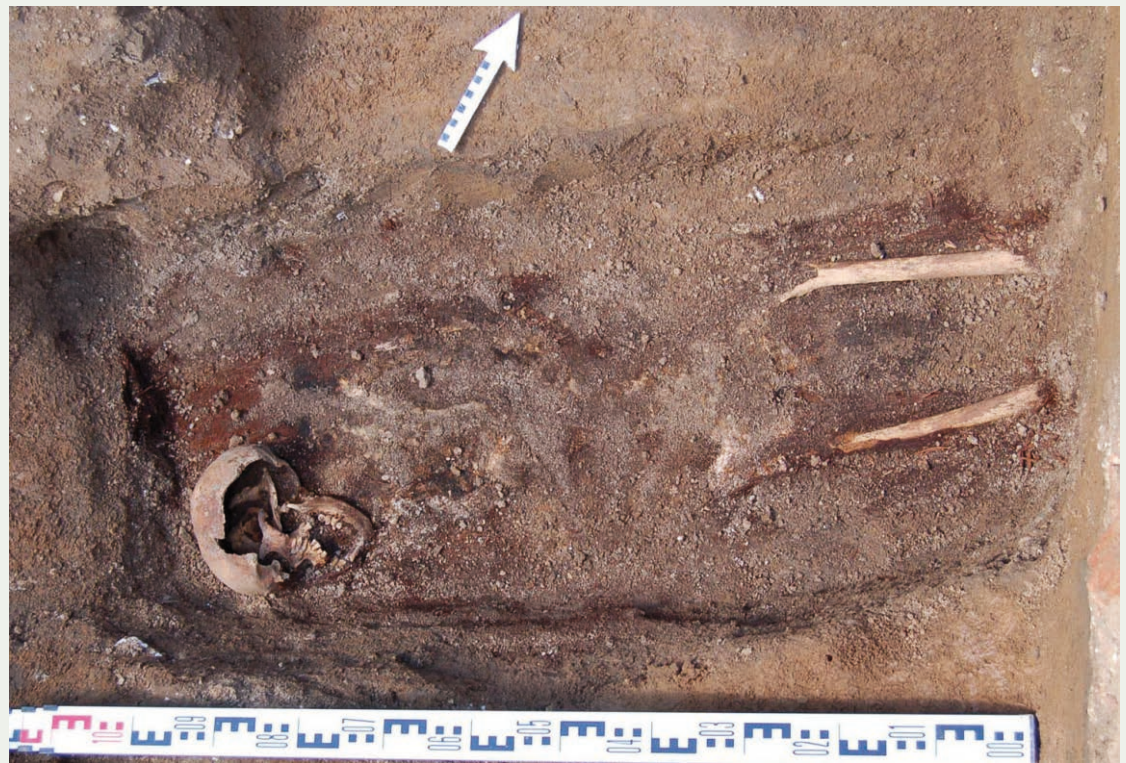
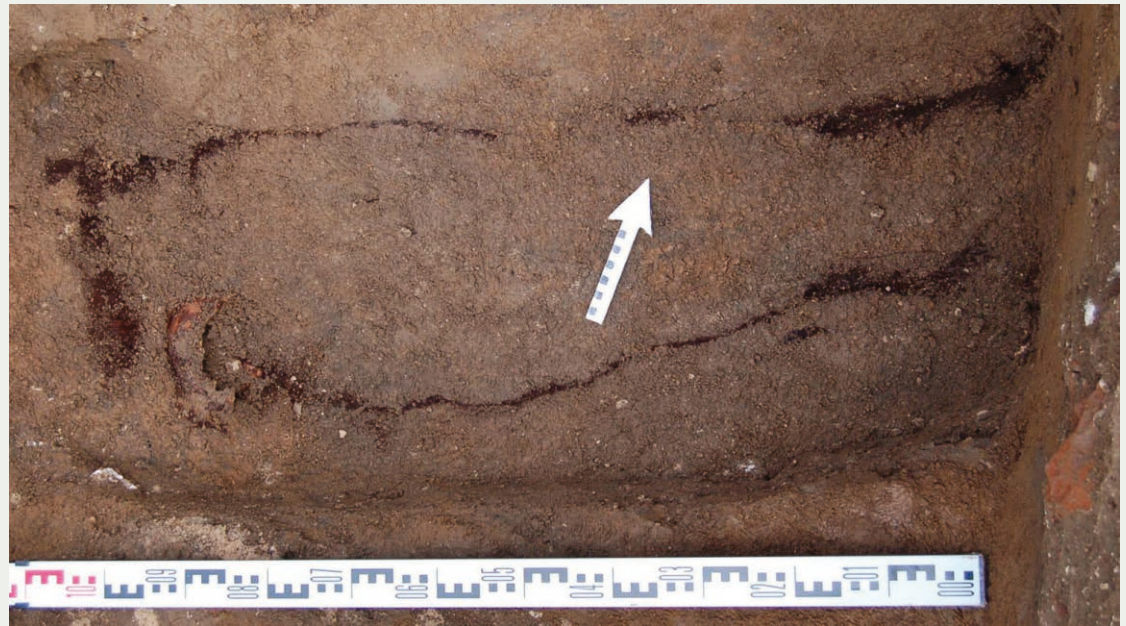
Ил. 74. Кв. E-22, Ж-22. Погребение № 2. Кирпич-«подушка» (инд. нах. № 34) под черепом. Вид с востока.

Ил. 75. Кв. 3-22. Погребение № 7 на уровне выявления. Вид с юга.

Ил. 76. Кв. 3-22. Расчистка погребения № 7. Вид с юга.

Ил. 77. Кв. Ж-22, 3-22. Расчистка погребения № 11. Вид с юга.

Ил. 78. Кв. E-22, E-23. Погребения №№ 10, 11 (восточная часть), 7, 8. Вид с востока.

Ил. 79. Кв. E-22, Ж-22. Расчистка погребения № 29. Вид с севера.

Ил. 80. Кв. Д-25, Д-26. Расчистка погребения № 30. Вид с юго-востока.

Ил. 81. Фрагменты одежды из погребения № 30 (инд. нах. № 45). Вид с юга.

Ил. 82. Кв. Е-22, Ж-22, З-22. Зачистка по материку. Вид с запада.

Ил. 83. Кв. 3-22-25. Зачистка по материку. Вид с севера.

Ил. 85. Кв. Д-24, Е-24. Зачистка по материку. Вид с севера.

Ил. 84. Кв. 3-24-25. Зачистка по материку. Вид с востока.

Ил. 86. Кв. Е-25-26, Ж-25-26. Зачистка по материке. Вид с юга.

Ил. 87. Территория раскопа II до начала работ. Вид с юга.

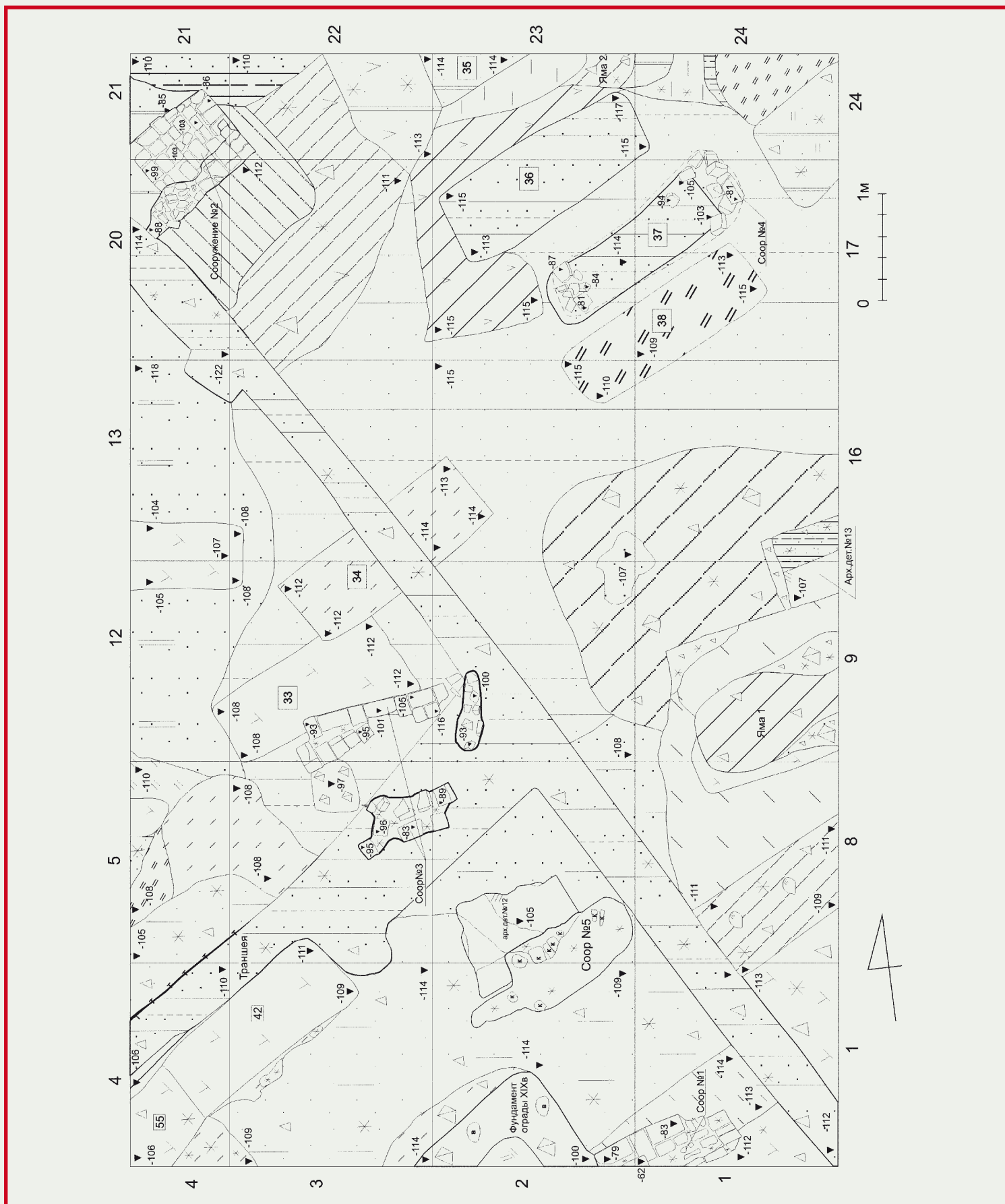
Ил. 88. План зачистки 3.

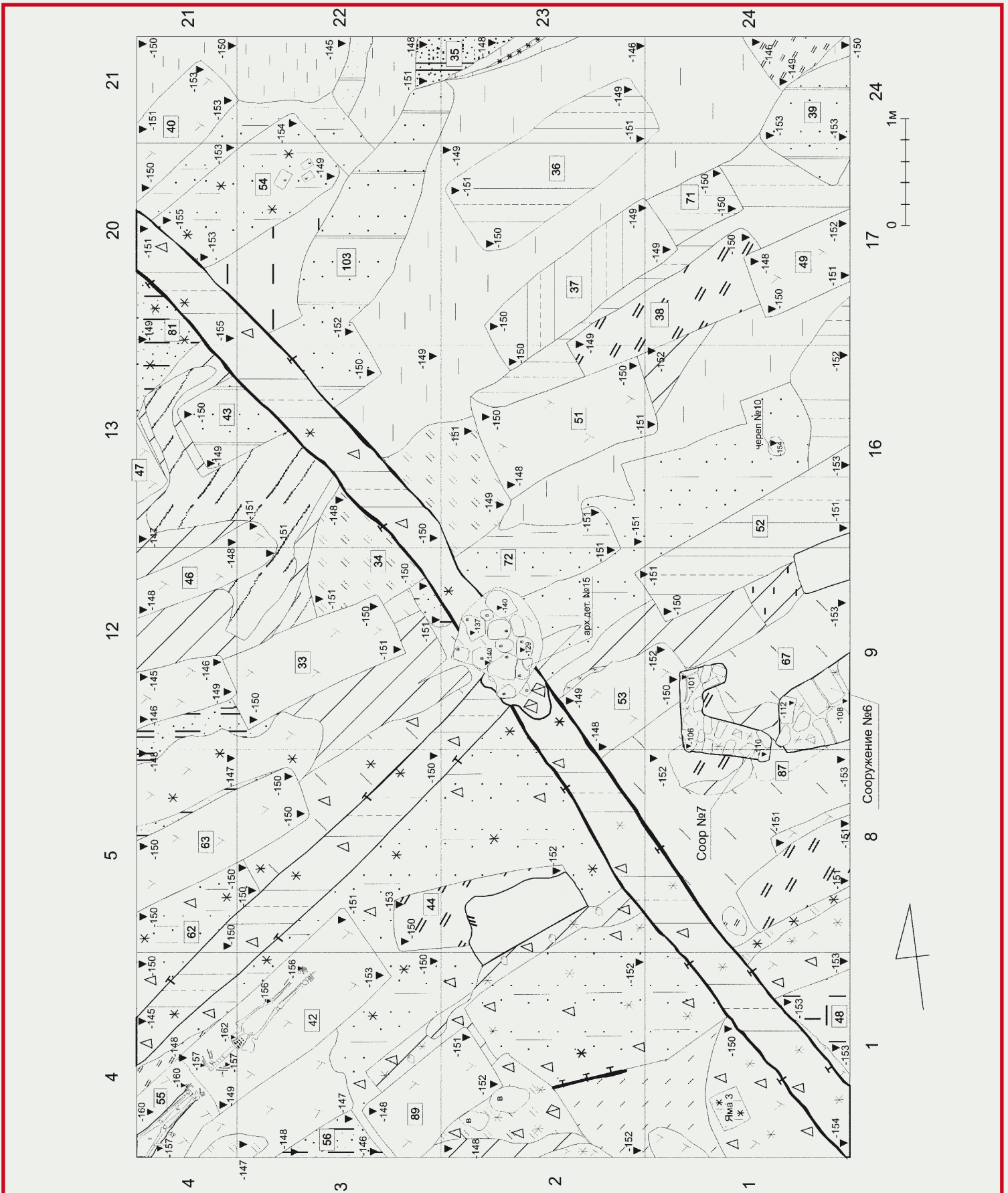

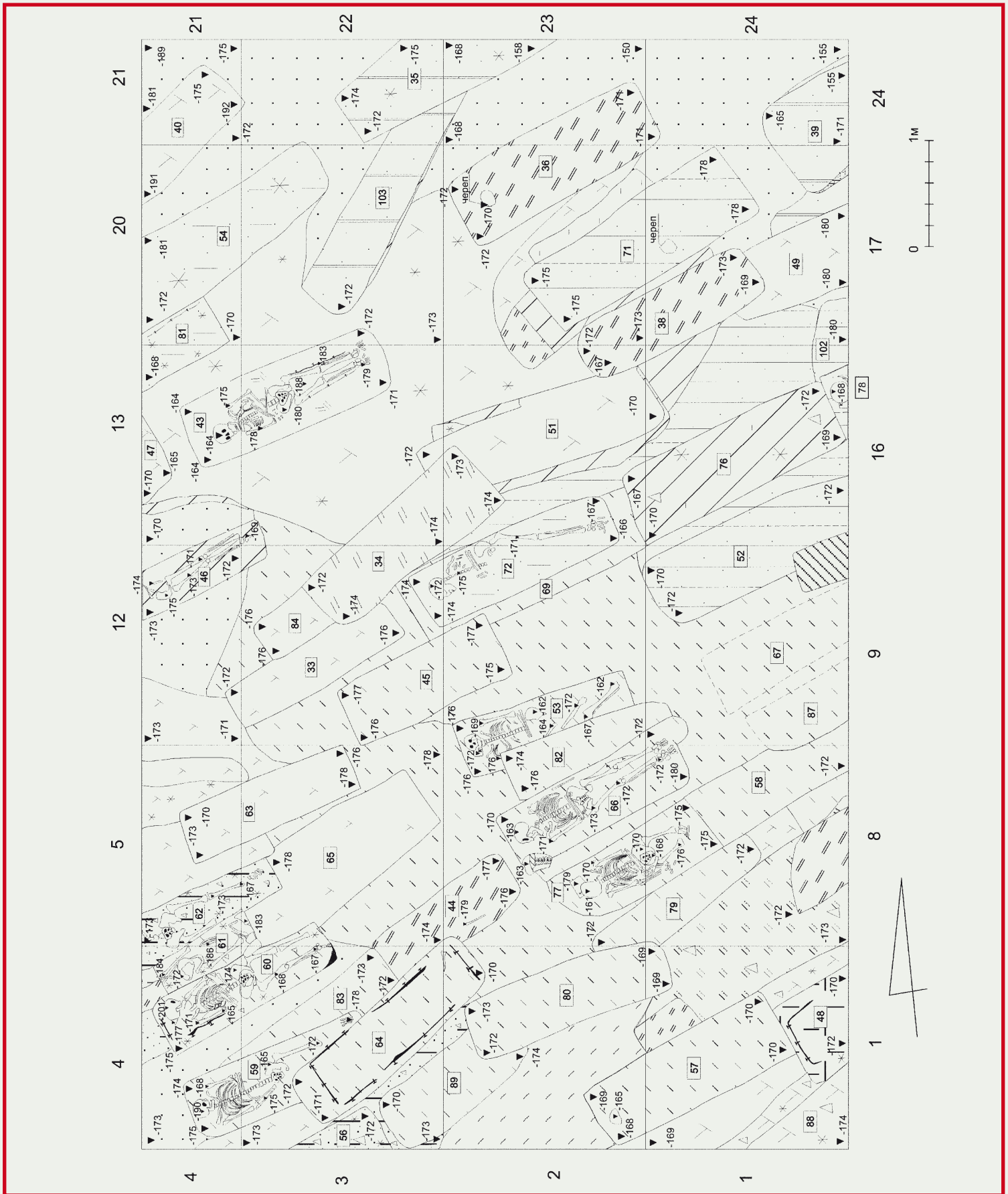
На следующем развороте:

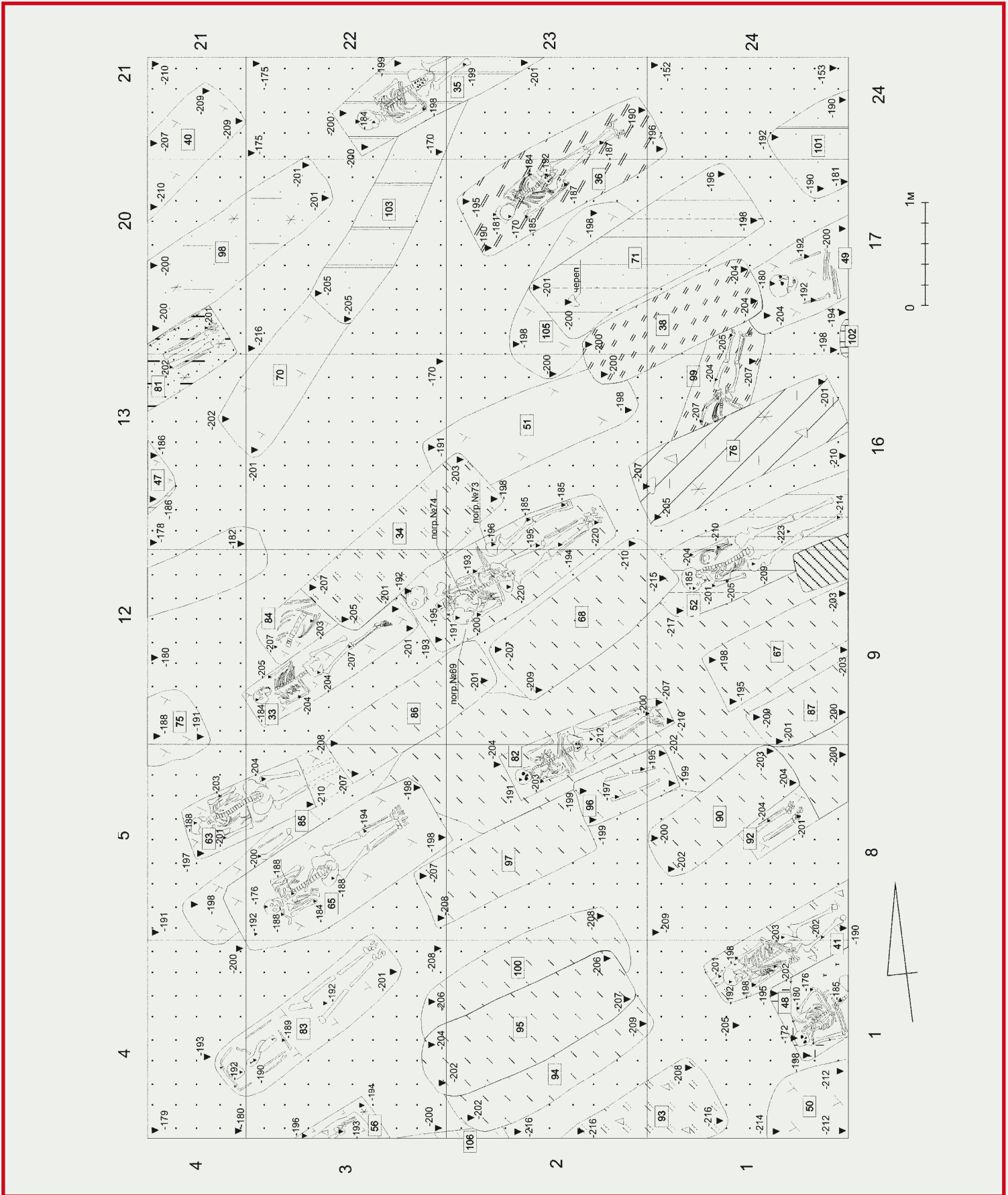
Ил. 89. План зачистки 5 с элементами зачистки 4.

Ил. 90. План зачистки 6.

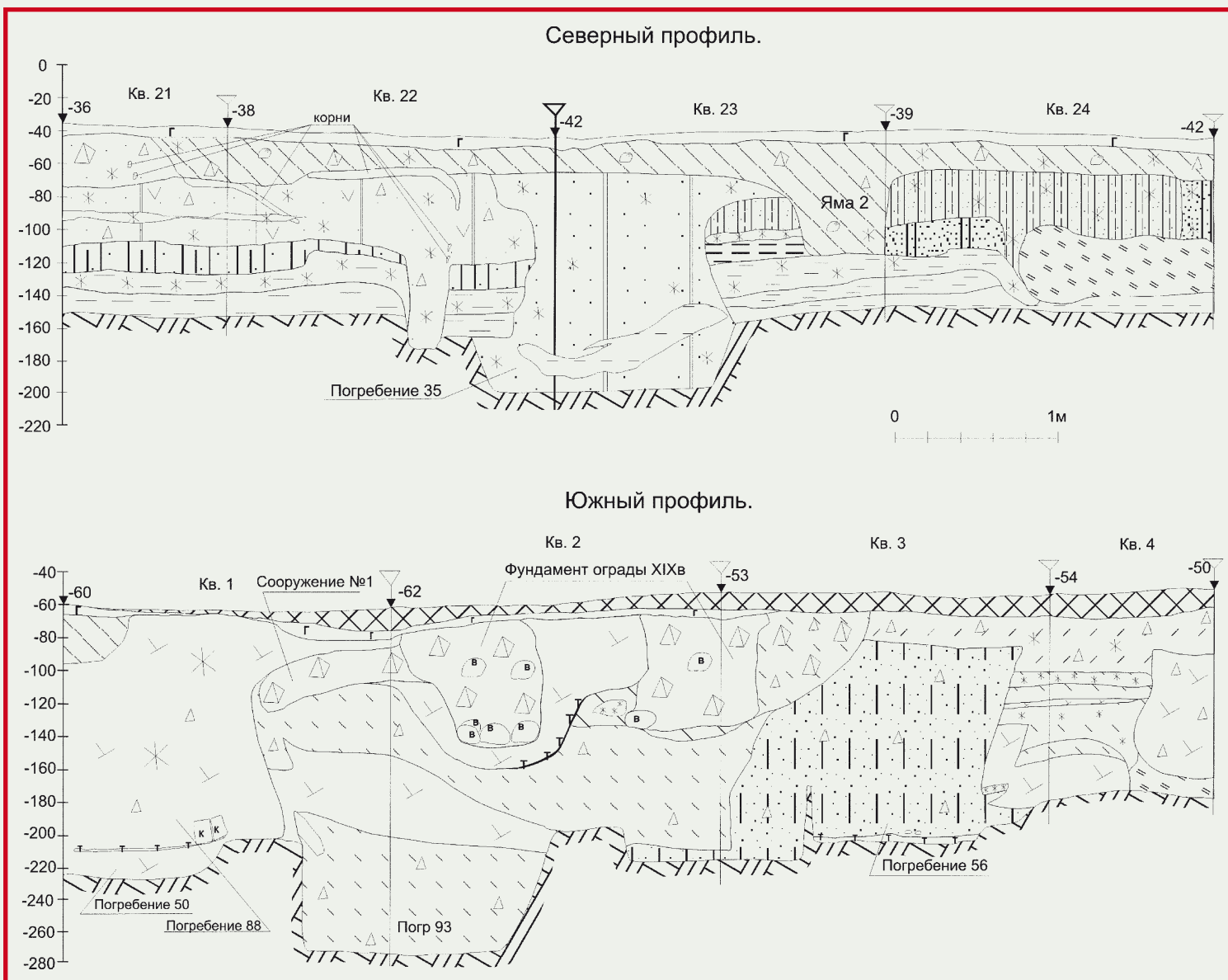
Ил. 91. План зачистки 7.

Ил. 92. Кв. 21-24. Северная стенка раскопа.

Ил. 93. Южная стенка раскопа.

Ил. 94. Северный и южный профили раскопа.

ко фрагмент черепа (мужчина(?) 45–55 лет). В заполнении могильной ямы обнаружены фрагменты красноглиняной и чернолощечной керамики.

Погребения № 6 и № 10 в кв. 3-23. Первое (отметки 126/131) представлено разрозненными костями (мужчина(?) 25–35 лет): фрагменты ребер, челюсти, фаланги пальцев. Его разрушило погребение № 10, но оно сохранилось не полностью: изучена средняя часть захоронения в могильной яме (ширина 40 см); восточная часть осталась за пределами раскопа, западная перерезана фундаментом усыпальницы. Заполнение: серо-коричневый гумусированный суглинок с небольшими камнями. На отметках 176/186 в яме расчищены кости (мужчина старше 60 лет) в анатомическом порядке. Зафиксированы кости рук, согнутых в локтях таким образом, что кисти покоятся в области тазовых костей; позвоночник; фрагменты таза, лопаток, ребер и нижней челюсти. Ориентировано на юго-запад. На дне ямы расчищены остатки истлевших досок от дна деревянного гроба; хорошо видна также его южная стенка.

Погребение № 7 (ил. 75, 76) в кв. 3-22 в северо-восточной части раскопа на отметке 156, в одном ряду с погребениями № 4, 5, 6. В раскоп вошло западной частью, которая перекрыта, но не уничтожена ямой 3. Костяк (женщина 40–55 лет) лежал в прямоугольной яме со скругленными углами (глубина до 20 см; ширина 42–56 см, длина изученной части 14 см), на спине, головой на юго-запад; череп повернут на левый бок и раздавлен. Судя по положению бедренных и больших берцовых костей, ноги были вытянуты. Остальные кости не сохранились. По низу могильной ямы и вдоль ее стенок расчищен слой древесного тлена от дна и стенок гроба; крышка фиксировалась по отдельным древесным волокнам, перекрывавшим кости погребенной. Заполнение ямы – мешаный серо-коричневый суглинок с включениями извести.

Погребение № 8 (см. ил. 70) в кв. 3-22, к северу от погребения № 7 (контур с отметки 158) и параллельно ему. Яма прямоугольная; ширина вошедшей в раскоп западной части ямы 55 см, длина 115 см; сохранилась в глубину на 30 см. Заполнение: слой серо-коричневого суглинка с известью (слой 2); в нем найден фрагмент красноглиняного грубого сосуда XIV в. По периметру и по низу

ямы расчищены остатки истлевших досок деревянного гроба: хорошо сохранилась южная стенка и плохо – западная (с обратным уклоном в сторону погребения). Костей нет, но, судя по форме, ориентировке и наличию древесного тлена, яма могильная.

Погребение № 9 (см. ил. 70) частично изучено в кв. Е-22, в северо-западном углу раскопа, у западной стенки квадрата (под ямой 1). В раскоп попала восточная часть могильной ямы; контуры выявлены на отметках 162/164; яма вытянута СВ–ЮЗ. Заполнение: серый суглинок с включениями извести и древесных остатков (слой 2); найдены три фрагмента красноглиняной гладкой керамики и две кости животных. На отметке 157/162 в расчищенной половине ямы выявлены берцовые кости и кости стоп (мужчина 25–40 лет) в анатомическом порядке; стопы повернуты в левую сторону. Под костями отмечены пятна гумуса.

Погребение № 10 – см. выше, с погребением № 6.

Погребение № 11 (ил. 77, 78)

Выявлено в кв. 3-22/3-23, вдоль северной стены фундамента часовни (отметка 167/171), в западной половине южный край ямы прорезан северо-восточным углом фундамента часовни. Могильная яма прямоугольная, северо-западный угол слегка скруглен; размер по верху 237 x 50 см; стенки вертикальные, дно ровное; глубина не более 50–80 см). Заполнение: серо-коричневый суглинок с вкраплениями извести. Костяк хорошей сохранности, в вытянутом положении, головой на юго-запад. Череп располагался на боку, лицевым отделом повернут к правому плечу; нижняя челюсть смещена; позвоночник немного выгнут; левая рука сильно согнута, правая лежит более свободно; ноги вытянуты, колени сомкнуты; порядок костей стоп нарушен. Между костями и под ними прослеживались волокна древесного тлена. Находок нет.

Погребение № 12

Частично изучено в кв. Ж-22, вдоль северной стенки раскопа. Контуры прямоугольной ямы, размеры которой составили 70 x 62 см, зафиксированы на отметке 170/174. Заполнение: светло-коричневый суглинок (слой 7). От костяка сохранились только берцовые кости и кости стоп, остальная часть погребения прорезана ямой. Погребенный (мужчина 25–40 лет), видимо,

лежал на спине, головой на юго-запад. Вокруг сохранившейся части костяка расчищено пятно древесного тлена (остатки гроба). Находок нет.

Погребение № 14

Частично изучено в кв. Е-22 (отметка 164/167) после снятия погребения № 9, перебивавшего погребение № 14. В раскоп вошел восточный край ямы (ее ширина 50 см, длина вошедшей в раскоп части 35 см; глубина 70–150 см). Заполнение: серо-коричневый суглинок (слой 2). Расчищены кости стоп погребенного, лежащие в анатомическом порядке. Находок нет.

Погребение № 18

Выявлено в кв. Е-22 к югу от погребений № 9 и № 14; южный край ямы прорезан фундаментом северной стены часовни. Контур ямы имел форму прямоугольника (отметка 141/154), глубина 120–140 см. В раскоп вошел только восточный край. Заполнение: серый суглинок. На дне ямы расчищены кости левой стопы в анатомическом порядке. Их положение свидетельствует, что погребение имеет юго-западную ориентировку, как и большинство захоронений.

Погребение № 23

В кв. Е-22 на отметке 180 расчищены плечевые кости человека, лежащие в направлении СЗ–ЮВ. Кости подстилало пятно древесного тлена, представляющего, вероятно, остатки гроба. Контур могильной ямы не прослеживался. Погребение нарушено более поздним погребением № 32.

Погребение № 24 (см. ил. 70)

Зафиксировано в кв. 3-22, в северо-восточном углу раскопа, под погребением № 8 (отметка 176/190). Яма вошла в раскоп не полностью: северная часть осталась за его пределами. Прямоугольная яма (длина 198 см) заглублена в материк. Заполнение: серо-коричневый суглинок. Погребенный лежал на спине в вытянутом положении, головой на юго-запад: во вскрытой части ямы расчищен неполный скелет мужчины 20–30 лет: фрагмент черепа и кости правой ноги (бедренная, берцовая и кости стопы). Вещи отсутствуют.

Погребение № 25 (см. ил. 70)

Выявлено в кв. 3-22 при расчистке могильной ямы погребения № 24, в ее юго-восточном углу, выявлен контур могильной ямы № 35 (отметка 189/190) со скругленны-

ми углами; глубина 180 см. В раскоп попал только западный край ямы с черепом мужчины 30–40 лет (лежал прямо, лицевым отделом вверх).

Погребение № 29 (ил. 79)

Изучено в кв. Е/Ж-22 к северу от фундамента часовни на отметке 180/190. Могильная яма прямоугольной формы, длина 160 см, ширина 40–55 см; прослежена на глубину 40–50 см; стенки вертикальные, дно ровное. Заполнение: серо-коричневый суглинок. Погребенный (мужчина 25–35 лет) лежал на спине, головой на юго-запад (в сравнении с основной массой захоронений более смещен к западу). Кости хорошей сохранности. Череп лежал на боку (на височных костях), лицевым отделом повернут к правому плечу; руки согнуты в локтях; правая уложена в районе живота, кисть левой расположена в области тазовых костей; ноги вытянуты и сомкнуты в коленях; кости стоп отсутствуют. При расчистке погребения между костями встречены волокна древесного тлена.

Погребение № 30 (ил. 80, 81)

Погребение № 30а

Погребение № 32 (см. ил. 70)

Изучено в кв. Е/Ж-22, к юго-западу от погребения № 12, на отметке 172/180. Могильная яма имеет форму прямоугольника; длина 220 см, ширина не менее 47 см (северный край остался за пределами раскопа). Глубина разобранный части составила 20–30 см. Заполнение: серо-коричневый суглинок с включениями извести. Костяк мужчины 25–35 лет сохранился практически полностью. Погребенный лежал на спине в вытянутом положении, головой на юго-запад. Череп повернут вправо. Руки, вероятно, были слегка согнуты и уложены в районе живота; ноги вытянуты, левая чуть согнута в колене; кости стоп и левые ребра отсутствуют. В ходе разбора ямы найден череп человека, не относящийся к погребению № 32. Находок в заполнении нет.

Материк раскопа I. (ил. 82–86)

РАСКОП II

Раскоп II разбит северо-восточнее раскопа I, на месте воссоздания часовни-мавзолея Д.М. Пожарского. За основу взят контур будущего сооружения с расширением в 1 м по

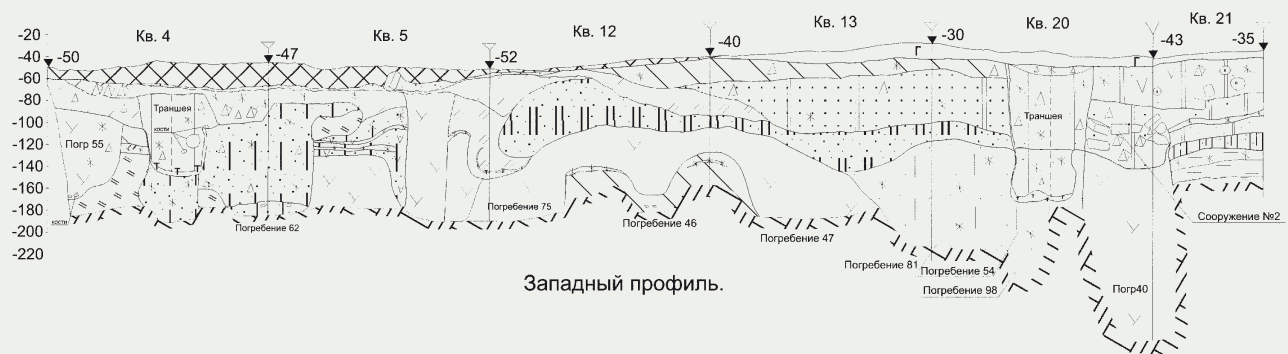
Ил. 95. Западная стенка раскопа.
Кв. 4, 5, 12.

Ил. 96. Фрагмент западной стенки раскопа.
Кв. 13-21.

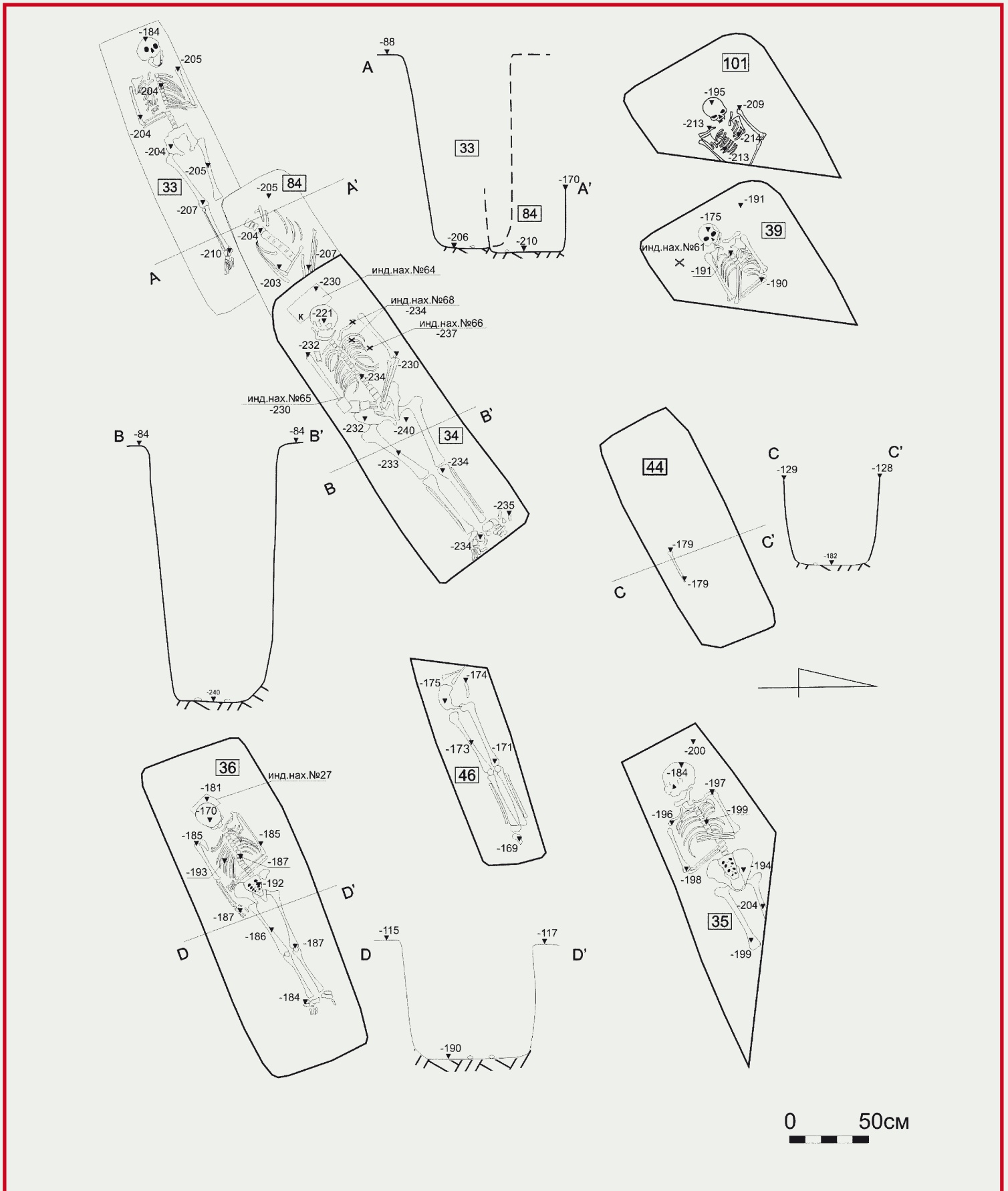
Ил. 97. Фрагмент восточной стенки раскопа.
Кв. 24, 17, 16, 9, 8

Ил. 98. Восточный и западный профили раскопа.

Ил. 99. План материка раскопа II.

Ил. 100. Погребения некрополя. Раскоп II.

Ил. 103. Погребение № 36. Вид с севера.

Ил. 101. Погребение № 34. Вид с северо-востока.

Ил. 102. Погребение № 34. Фрагмент железных вериг (инд. нах. № 65). Вид с запада.

периметру. Центральная ось контура ориентирована по линии С-Ю. Общая площадь раскопа 77 кв.м (ил. 87)

Дневная поверхность участка задернована (газон), но часть раскопа пришлась на зону демонтированного памятника Д.М. Пожарскому 1974 г. со следами отвала раскопа I.

Общая стратиграфия раскопа II

Культурный слой в раскопе II достигал мощности 160–250 см. В юго-восточных квадратах (кв. 2–7 и частично в кв. 10–12) при выборке первых пластов удалялся растащенный отвал раскопа I и срезанный бруствер от памятника 1970-х годов. Балластные слои на части раскопа: дерн и культурные напластования XIX–XX века (слой тёмной серо-коричневой супеси с обильными примесями строительного мусора) имеют мощность от 8–10 до 30–45 см. С этим слоем связаны три неглубокие ямы с тем же заполнением.

Ниже лежит мощный слой монастырского некрополя, неоднородный по составу (плотность могильных перекопов неравномерна по площади раскопа). В северной части – это слой коричневой и серо-коричневой супеси с примесью кирпичной крошки и извести, а также с прослойками погребённого дерна.

В южных квадратах супесь переходит в суглинок с теми же примесями и с прослойками материковых выбросов, что обусловлено большей плотностью погребений. Толщина слоя от 80 до 120 см. В верхней части слой содержит остатки семи надгробных сооружений – оснований под памятники. Все они из кирпичей (частью по известковому раствору, частью положены прямо на грунт).

Слой некрополя прорезает Т-образная траншея («яма 2») шириной 40–50 см, которая тянется почти через весь раскоп (кв. 1, 7, 8, 10, 11, 13, 14, 19, 20 и кв. 4, 5, 6, 10, 11). Глубина траншей от 60–70 см. Заполнение: серо-коричневый суглинок с примесью кирпичной крошки и извести; на уровне 162/163 см зафиксированы остатки дерева; дерево и тлен прослежены и на дне траншеи (ил. 88, 89).

В кв. 2 зафиксирован северо-восточный угол фундамента ограды вокруг часовни XIX в. из кирпичного боя и крошки с небольшой примесью битого белого камня и мелкого булыжника. Фундамент отмечен на уровне 69/77 см и заглублен в слой некрополя на 70 см.

Слой некрополя, более мощный в южных квадратах, заканчивается могильными ямами в материке. В северной же части под ним сохранились более ранние напластования. Так, в северо-западном углу раскопа была исследована постройка 1; хотя в центре она прорезана поздним погребением № 40, но сохранился контур постройки со сторонами 290 и 280 см. Заполнение: светло-коричневая супесь с кирпичным боем, крошкой и известью; контур постройки – тёмно-серая супесь с редкой примесью кирпичной крошки, извести и угля. Постройка явно наземная (хозяйственного назначения?) (ил. 90, 91)

Профили раскопа II (ил. 92–98)

Материк в раскопе II (ил. 99)

Погребения монастырского некрополя на раскопе II

Нумерация погребений начиналась с номера 33^б, продолжая нумерацию раскопа I.

Погребение № 33 (ил. 100) в кв. 11, 12, контур на отметке 88/89 см (зачистка 2). Яма 204 x 90 см, прямоугольная со слегка скругленными углами; ЮЗ-СВ; сохранилась на глубину 125/126 см. Заполнение: коричневый суглинок с переотложенным материком с примесью кирпичной крошки и извести. Неполный скелет средней сохранности. Отсутствуют: левые берцовые кости, кости левой стопы; правая половина грудной клетки разрушена. Костяк мужчины 40–50 лет; руки согнуты в локтях и скрещены в районе солнечного сплетения. В заполнении человеческие кости: на отметке 110 см верхняя челюсть и бедренная кость, на 120/130 позвонок и нижняя челюсть (от обнаруженного выше черепа(?)). В южной стенке ямы видна кладка сооружения № 3 – кирпич в известковом растворе.

Погребение № 34 (ил. 101, 102; см. ил. 100) в кв. 10, 11, 13, 14; контур на отметках 84/92 см (зачистка 2; выше выявлена западная часть, при подчистке – остальной периметр). Яма 218 x 70–100 см; ЮЗ-СВ; прямоугольная со слегка скругленными углами; сохранившаяся глубина 148–156 см. Заполнение: коричневый суглинок с переотложенным материком с примесью кирпичной крошки и извести. Скелет взрослого человека, сильно фрагментирован: сохранились левая плечевая кость, грудные позвонки, фрагменты ребер. Костяк (судя по массивным костям – мужчины); руки слегка со-

^б При описании погребений особо не оговариваем следующие общие характеристики. Труположение в могильной яме (каменные и деревянные гробы, кирпичные склепы – варианты этого обряда). Положение тел (все тела уложены на спину в вытянутом положении). Ориентировка (всегда каноническая – восточно-западная, головой на запад; варианты указываются). Отсутствие инвентаря (его наличие рассматривается как исключение и оговаривается). Описание идет в таком порядке: номер погребения; номера квадратов; уровень выявления надгробного сооружения, контуров могильной ямы или костяка. Размер и форма ямы; отклонение в ориентировке; отметка дна (или прослеженная глубина). Заполнение ямы. Сохранность костей; комплектность скелета; половозрастная характеристика. Инвентарь (если есть). Повреждения ямы, присутствие других костей. Примечания.

гнуты в локтях, кисти – в районе таза. Под черепом кирпич-«подушка» (инд. нах. № 64). Найдены части железных вериг (инд. нах. № 65) и нательного креста (инд. нах. № 66).

Погребение № 35 (см. ил. 100) в кв. 22, 23; контур на отметках 105/110 см. Яма ЮЗ–СВ; сохранившаяся глубина 86–90 см. Заполнение: светло-коричневая супесь с примесью кирпичной крошки и извести. В раскоп попала юго-западная часть, остальное уходит в северный борт раскопа. Скелет хорошей сохранности (отсутствуют кости стоп, берцовые кости, левая бедренная). Костяк мужчины 20–30 лет; руки согнуты в локтях, кисть левой руки – на груди, кисть правой – на поясе.

Погребение № 36 (ил. 103; 100) в кв. 18, 23; контур на отметках 113/115 см. Яма прямоугольная со слегка скругленными углами, 190 x 72 см; ЮЗ–СВ; отметка дна 192/194 см. Заполнение: серо-коричневая супесь с примесью кирпичной крошки и извести. Скелет хорошей сохранности, почти полный. Костяк мужчины 25–35 лет; правая рука вытянута вдоль тела, левая согнута в локте. Под черепом кирпич-«подушка» (инд. нах. № 27).

Погребение № 37 в кв. 17, 18 выявлены остатки надгробного сооружения (сооружение № 4) из кирпича, положенного на грунт. Сооружение и могильная яма (220 x 54 см) прямоугольные; ЮЗ–СВ; отметка погребения 114 см. Заполнение: светлая серо-коричневая супесь с примесью кирпичной крошки и извести. Погребение № 37 разрушено более поздним погребением № 71.

Погребение № 38 в кв. 15–18; контур на отметках 109/115 см. Яма прямоугольная, 202 x 70 см; ЮЗ–СВ. Заполнение: коричневый суглинок с переотложенным материком, с примесью кирпичной крошки и извести. Костяк не обнаружен ни при выборке, ни на дне ямы.

Погребение № 39 (см. ил. 100) в кв. 24; контур на отметках 109/112 см. Яма ЮЗ–СВ; сохранившаяся глубина 66–80 см. Заполнение: светло-коричневая супесь с примесью кирпичной крошки и извести. Расчищены: кости рук, грудная клетка, череп. Костяк мужчины 30–40 лет; руки слегка согнуты в локтях. В раскоп попала только юго-западная часть погребения № 39, остальное уходит в северный и восточный борты раскопа.

Погребение № 40 (см. ил. 104) в кв. 21, под надгробным сооружением № 2 (кирпичная кладка на грунте). Контур ямы на отметках 111/113 см; дно на отметках 290/297 см. Заполнение: коричневая супесь, по периметру немного кирпичного боя и извести. Расчищены берцовые кости и кости стопы молодого взрослого человека (по массивности костей – мужчина 20–35 лет). Западная часть погребения уходит в западный борт раскопа.

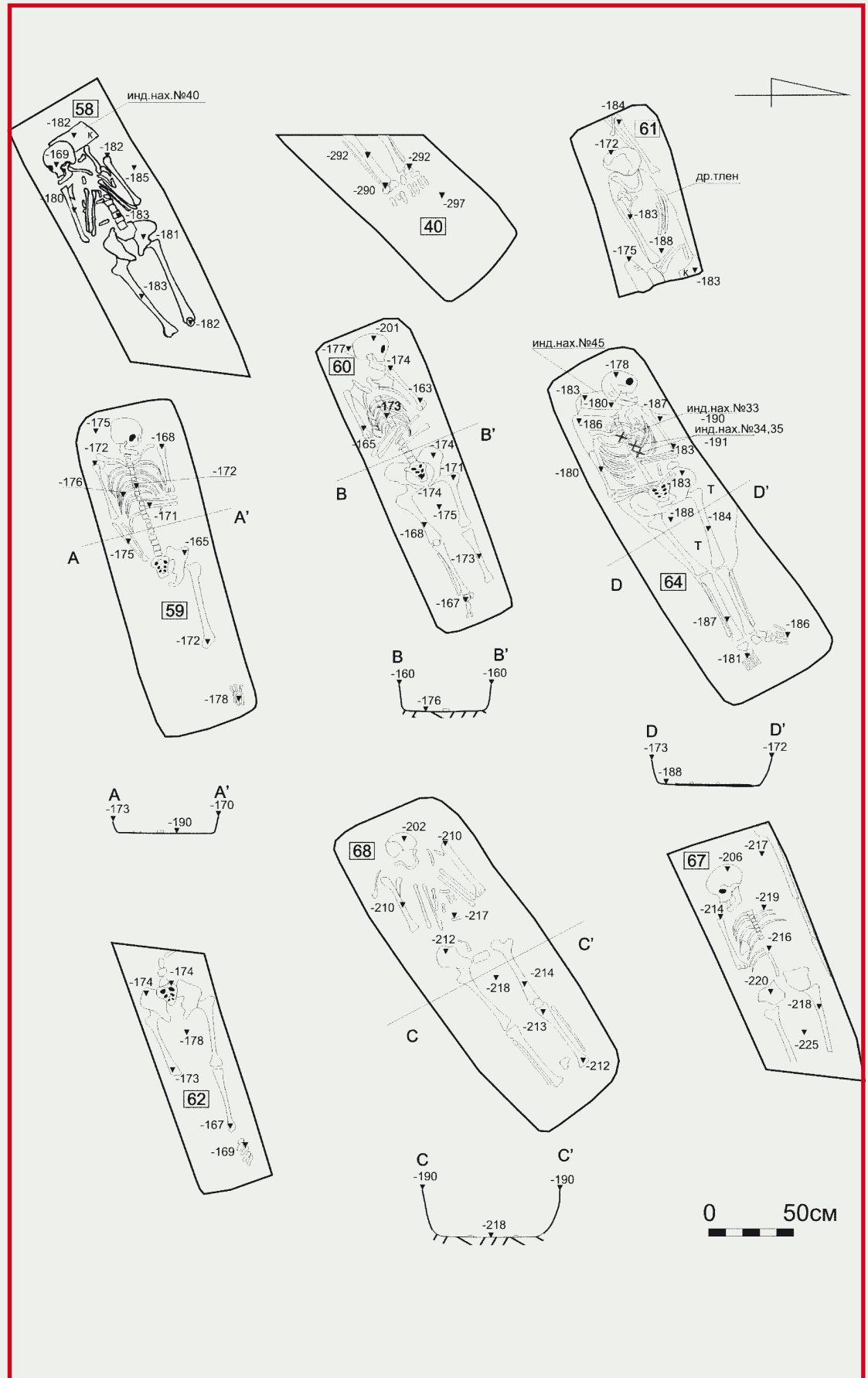
Погребение № 41 (см. ил. 105) в кв. 8; контур на отметке 108/111 см. Глубина ямы около 95 см. Заполнение: темно-серый суглинок с известковой прослойкой по периметру. Скелет средней сохранности (отсутствуют берцовые кости и кости стоп). Костяк мужчины 50–60 лет; правая рука согнута, кисть в районе шеи; левая рука сползла ниже; череп повернут вправо. Восточная часть погребения уходит в восточный борт.

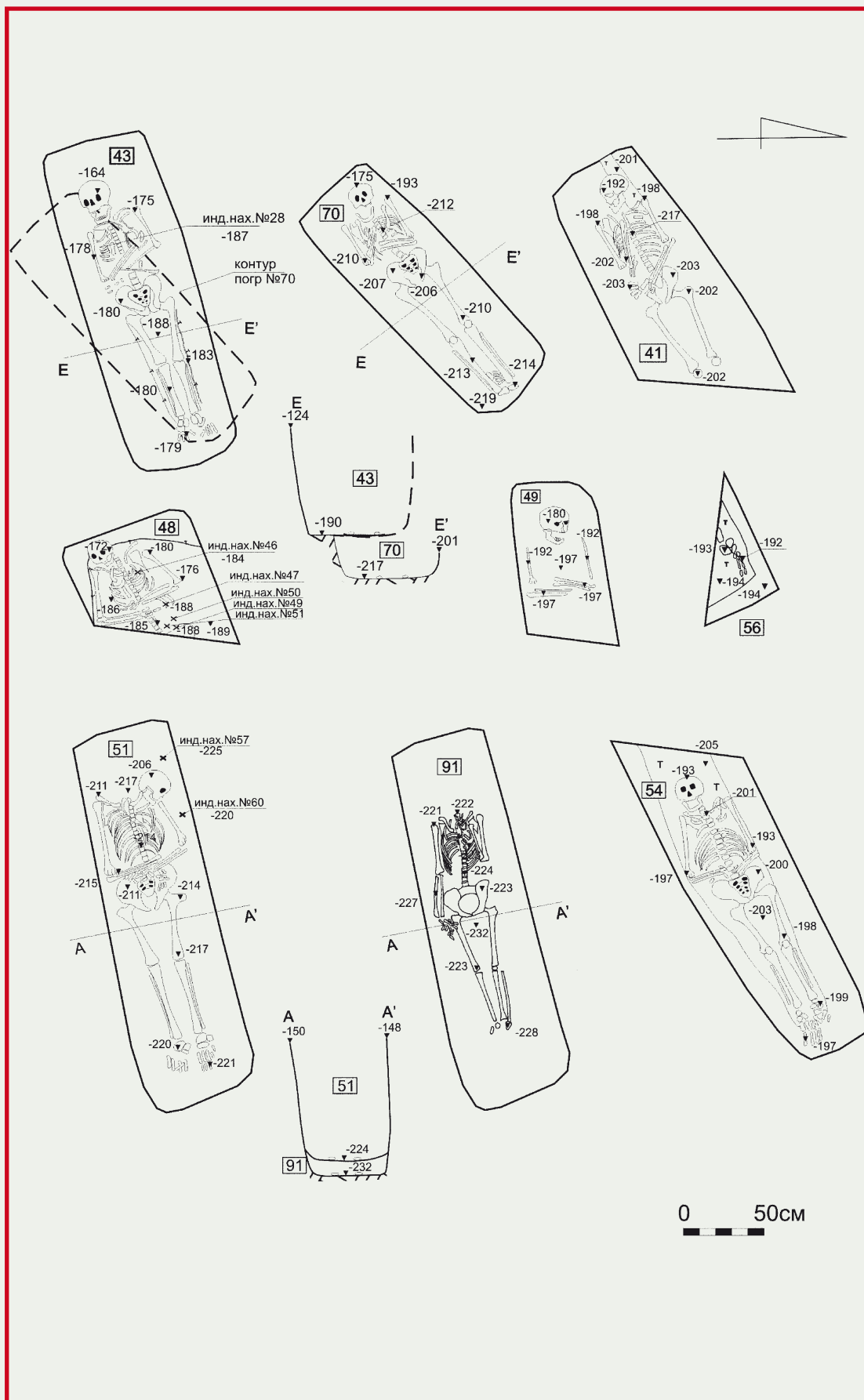
Погребение № 42 (см. ил. 106) в кв. 3, 4 на отметках 106/109 см. Яма прямоугольная, 206 x 78 см; ЮЗ–СВ; отметка дна 169/170 см. Заполнение: коричневый суглинок с большой примесью материковой глины. Сохранность: бедренные, берцовые кости и кости стопы мужчины 40–50 лет (судя по массивности). Восточная часть нарушена погребением № 55.

Погребение № 43 (ил. 107; 105) в кв. 13, 14, 19 на отметках 124/127 см. Яма прямоугольная, 200 x 58–74 см; ЮЗ–СВ; сохранившаяся глубина 62–74 см. Заполнение: коричневая супесь перемешанная с таким же суглинком, примесью кирпичной крошки и извести. Полный скелет хорошей сохранности. Костяк (мужчина 35–45 лет); руки согнуты в локтях, кисти на груди. В районе правых ребер – фрагмент железного изделия (инд. нах. № 28). При зачистке дна погребения обнаружено лежащее ниже погребение № 70.

Погребение № 44 (см. ил. 100) в кв. 2, 7 под надгробным сооружением № 5. Отметка кладки 87/88 см; верхний слой – кирпич второго использования на густом известковом растворе – лежит на белокаменной плите (архитектурная деталь № 12); верхняя грань разрушена, но орнамент боковых хорошо читается. Яма прямоугольная; ЮЗ–СВ. Заполнение: коричневый суглинок с переотложенным материком с примесью

Ил. 104. Погребения некрополя. Раскоп II.

Ил. 105. Погребения некрополя.
Раскоп II.

кирпичной крошки и извести. От костяка сохранилась левая берцовая кость.

Погребение № 45 в кв. 6, 10, 11; отметка 128/130 см. Яма («яма 2») прямоугольная; ЮЗ-СВ; отметки дна 176/182 см. Заполнение: серо-коричневый суглинок в смеси с материковой глиной и примесью (кирпичный бой, крошка, известь). Костяк не обнаружен: яма нарушена погребением № 86.

Погребение № 46 (см. ил. 100) в кв. 12. Контур ямы на отметках 124/128 см; ширина 50 см; отметки дна 176/182 см. Заполнение: коричневый суглинок перемешанный с материковой глиной с примесью небольшого количества кирпичной крошки и извести. Костяк женщины 45–55 лет. Сохранность скелета плохая (большеберцовые, бедренные кости, фрагменты тазовых костей, левые локтевая и лучевые кости, поясничные позвонки). Западная часть погребения уходит в западный борт.

Погребение № 47 расчищено на отметке 126/127 см; ширина ямы 40 см. Заполнение: коричневая супесь; по периметру немного кирпичного боя и извести. Расчищены только пальцы ног. Большая часть погребения уходит в западный борт.

Погребение № 48 (см. ил. 105) в кв. 1; отметки 129/130. Яма ЮЗ-СВ; сохранившаяся глубина 66–72 см. Заполнение: коричневый суглинок с примесью кирпичной крошки и извести. Костяк мужчины 35–45 лет; руки согнуты в локтях и скрещены в зоне солнечного сплетения; кости ног и тазовые кости отсутствуют. В районе груди найдены пуговица (инд. нах. № 46) и крючок-петелька (инд. нах. № 47) из медного сплава. Часть ямы уходит в восточный борт

Погребение № 49 (см. ил. 105) в кв. 17; отметки 128/132 см. Яма шириной 68 см; ЮЗ-СВ; отметки дна 208/210 см. Заполнение: коричневый суглинок, переотложенный с материковой глиной. Сохранность скелета плохая: череп, плечевые, локтевые и лучевые кости, правая половина нижней челюсти. Костяк мужчины 30–40 лет; руки согнуты в локтях и скрещены в зоне солнечного сплетения. Яма уходит в восточный борт раскопа.

Погребение № 50 в юго-восточном углу кв. 1; выявлено при зачистке дна погребения

№ 88. Яма почти полностью за пределами раскопа. Заполнение: коричневый суглинок, переотложенный, с материковой глиной; есть фрагменты древесного тлена. Костяк не расчищался.

Погребение № 51 (см. ил. 105) в кв. 16, 19; отметки 148/151 см. Яма 172 x 74 см; ЮЗ-СВ; отметка дна 240/241 см. Заполнение: серо-коричневый суглинок. Почти полный костяк мужчины 40–50 лет; череп скатился к правому плечу, руки согнуты в локтях и скрещены в зоне солнечного сплетения. У правой руки найден фрагмент нательного креста (инд. нах. № 60). Внутри погребения № 51 выявлен контур могильной ямы погребения № 91.

Погребение № 52 Контур ямы намечился на отметках 127/130 см, полностью проявлен на отметке 150/153 см. Яма 232 x 58 см; ЮЗ-СВ; отметки дна 217/223 см. Заполнение: тёмный серо-коричневый суглинок с переотложенным материком. Сохранность плохая; нет костей предплечья. Костяк мужчины старше 60 лет.

Погребение № 53 (см. ил. 106) в кв. 9,10; отметки 153/154 см, отметка дна 180 см. Яма нарушена траншеей («ямой 2»). Заполнение: коричневый суглинок. Скелет неполный. Костяк мужчины старше 60 лет; руки согнуты в локтях; череп скатился к правому плечу. Под черепом находился кирпич («подушка»).

Погребение № 54 (см. ил. 105) в кв. 19, 20, 22; отметки 147/154 см; перекрыто постройкой 1. Яма шириной 78 см; ЮЗ-СВ; отметки дна 202/205 см. Полный скелет хорошей сохранности. Костяк мужчины 40–50 лет; руки согнуты в локтях и скрещены на поясе; под ним отмечен древесный тлен.

Погребение № 55 (см. ил. 106) в кв. 3; отметки 106/109 см. Яма ЮЗ-СВ; отметка дна 169/170 см. Заполнение: коричневый суглинок с примесью кирпичной крошки и извести. Прослежен контур гроба – полоска древесного тлена. Нижняя часть скелета; сохранность средняя. Костяк мужчины 30–50 лет. Яма уходит западной частью в юго-западный угол раскопа; прорезает западную часть погребения № 42.

Погребение № 56 в кв. 3; отметки 147/148 см. Яма ЮЗ-СВ, отметка дна 194 см. Заполнение: коричневый суглинок с тле-

ном. Древесный тлен отмечен и под костяком. Расчищены кости правой стопы. Большая часть ямы уходит в южный борт.

Погребение № 57 (ил. 108, 109; 106) в кв. 1, 2; отметки 145/149 см. Яма ЮЗ–СВ; отметки дна 185/191 см. Заполнение: коричневый суглинок с примесью кирпичной крошки и извести. Бедренные кости и стопы не сохранились; кости ног смещены; лицевая часть черепа разрушена. Костяк мужчины 30–40 лет; череп скатился к правому плечу; руки согнуты в локтях и скрещены в области таза. В зоне ребер фрагмент нательного креста (инд. нах. № 31). Под черепом кирпич («подушка») (инд. нах. № 32).

Погребение № 58 (см. ил. 104) в кв. 8, 9; контур на отметке 175 см. Яма ЮЗ–СВ; отметки дна 185/187 см. Заполнение: серо-коричневая супесь с примесью кирпичной крошки и извести. Скелет неполный (отсутствует нижняя часть ног, начиная с большеберцовых костей), средней сохранности. Костяк мужчины 35–45 лет; руки согнуты в локтях, кисти скрещены в области груди (возможно, были связаны). Череп скатился к левому плечу; под черепом кирпич («подушка») (инд. нах. № 40). Восточная часть ямы уходит в восточный борт. Яма подрезала погребение № 77 (юго-западнее); под погребением № 58 выявлено погребение № 90.

Погребение № 59 (см. ил. 104) в кв. 3; выявлено на отметке 170 см (зачистка 6) Яма прямоугольная; ЮЗ–СВ; отметка дна 180 см. Заполнение: коричневый суглинок с примесью кирпичной крошки и извести. Костяк мужчины 20–30 лет, хорошей сохранности, но неполный (нет большеберцовых и правой бедренной костей; частично разрушена верхняя челюсть). Череп скатился к правому плечу (повернут вправо); правая рука вытянута вдоль тела, левая согнута в локте. Погребение № 59 перебито погребением № 64, подстилает погребения № 42 и № 55, перекрывает погребение № 83.

Погребение № 60 (см. ил. 104) в кв. 3, 4, 6; выявлено после выборки погребения № 42. Яма ЮЗ–СВ; отметка дна 175/177 см. Заполнение: коричневый суглинок с примесью кирпичной крошки и извести. Практически полный скелет мужчины 30–40 лет. Череп повернут вправо; руки согнуты в локтях и скрещены в области солнечного сплетения.

Погребение № 61 (см. ил. 104) в кв. 4–6; выявлено на уровне погребения № 60. Яма ЮЗ–СВ; отметки дна 185/188 см. Заполнение: коричневый суглинок с примесью кирпичного боя и крошек извести. Сохранность скелета: фрагмент черепа, плечевая локтевая и лучевая кости правой руки, ребра (анатомический порядок нарушен); нижняя часть костяка отсутствует. Судя по массивности костей – мужчина. Погребение нарушено нижележащими погребениями. В заполнении правые большая и малая берцовые кости другого индивидуума. При зачистке дна выявлен контур погребения № 65.

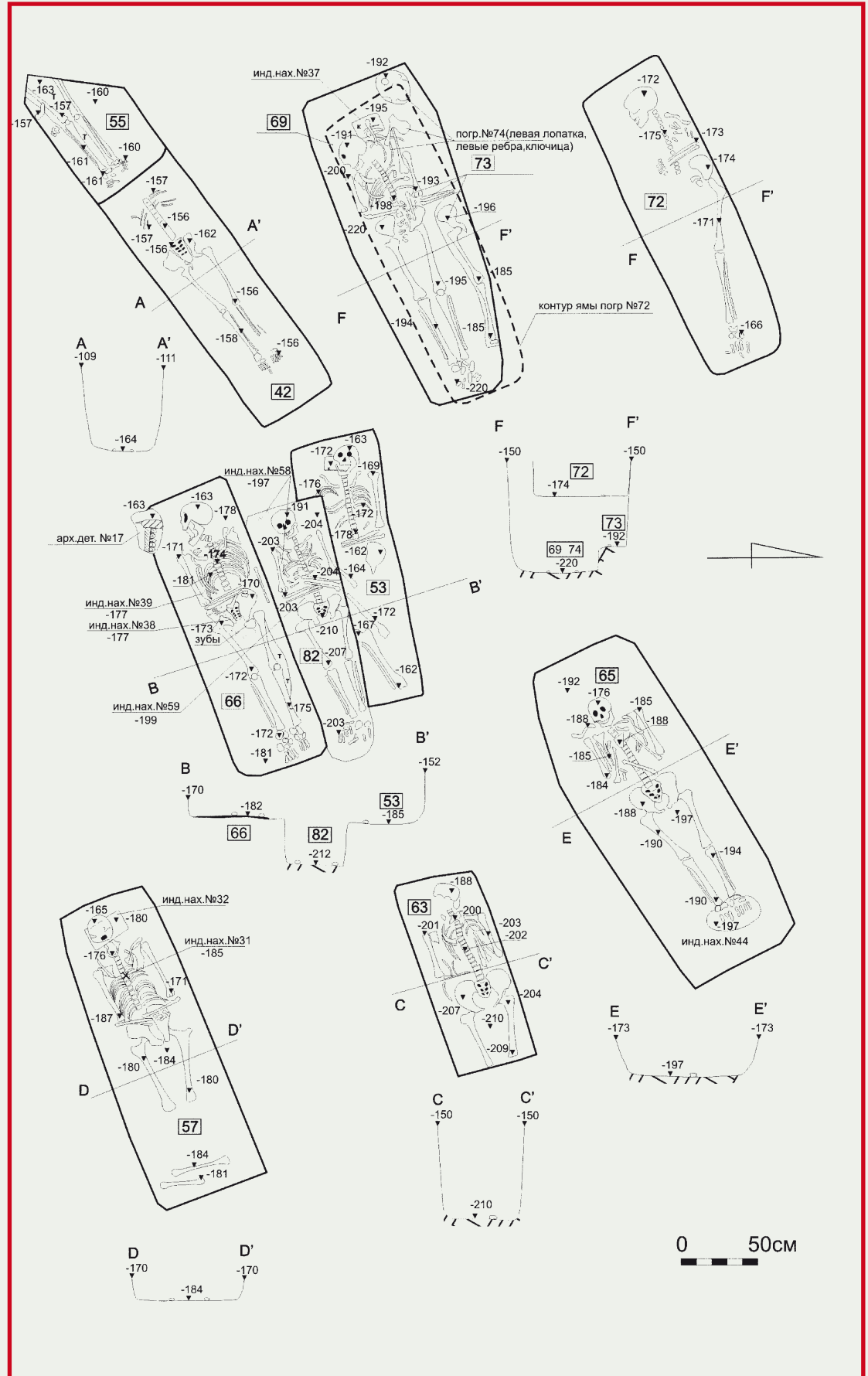
Погребение № 62 (см. ил. 104) в кв. 5, 6; контур на отметке 150 см (зачистка 5). Яма ЮЗ–СВ; сохранившаяся глубина 28–30 см. Заполнение: коричневый суглинок с переотложенным материком. Нижняя часть костяка (мужчина 20–30 лет) плохой сохранности. Часть ямы уходит в западный борт; ее юго-восточный угол разрушен погребением № 65.

Погребение № 63 (см. ил. 106) в кв. 5; контур на отметке 150 см (зачистка 5). Восточная часть ямы (отметка дна 210 см) срезана траншеей («яма 2»). Заполнение: коричневый суглинок с переотложенным материком. Полный скелет мужчины 30–40 лет; руки согнуты в локтях (правая под прямым углом, левая – под острым).

Погребение № 64 (см. ил. 104) в кв. 2, 3. Яма прямоугольная, ЮЗ–СВ; отметки дна 197/200 см. Заполнение: коричневый суглинок с переотложенным материком, примесь кирпичной крошки и извести; под костяком отмечен древесный тлен. Полный скелет мужчины 30–40 лет; руки слегка согнуты в локтях, кисть правой в районе таза, левой – на груди. Под черепом кирпич («подушка») (инд. нах. № 45); в районе грудной клетки 3 пуговицы медного сплава (инд. нах. № № 33–35). Погребение № 64 перебивает погребения № 59 и № 44.

Погребение № 65 (см. ил. 106) в кв. 5, 6; проявилось после выборки погребений № № 60, 61 и 62. Яма ЮЗ–СВ; отметки дна 194/198 см. Заполнение: коричневый суглинок с переотложенным материком, примесь кирпичной крошки и извести. Полный скелет мужчины 35–45 лет; костяк средней сохранности; руки согнуты в локтях, кисти – в районе груди. В районе ног – железные обувные

Ил. 106. Погребения некрополя. Раскоп II.

Ил. 107. Погребение № 43. Вид с востока.

Ил. 108. Погребение № 57. Вид с юго-востока.

Ил. 109. Погребение № 57. Фрагмент нательного креста (инд. нах. № 31).

Ил. 110. Погребение № 66. Вид с юго-востока.

Ил. 111. Погребение № 66. Пряжка медного сплава (инд. нах. № 38) и бусины от четок (инд. нах. № 39).

гвозди (инд. нах. № 44). Погребение № 65 нарушило погребения № 61 и № 62.

Погребение № 66 (ил. 110, 111; см. ил. 106) в кв. 7; выявлено на отметке 160 см при выборке пласта 6. Яма прямоугольная; ЮЗ-СВ; отметки дна 178/181 см. Заполнение: коричневый суглинок с переотложенным материком с примесью кирпичной крошки и извести. Полный (отсутствует левая плечевая кость) скелет женщины 40-50 лет; сохранность средняя. Правая рука согнута в локте, левая вытянута вдоль тела. В районе таза найдено несколько сложенных вместе зубов; 8 бусин от четок (инд. нах. № 39); пряжка медного сплава (инд. нах. № 38). Справа от черепа – фрагмент белокаменной плиты с орнаментом (архитектурная деталь № 17).

Погребение № 67 (см. ил. 104) в кв. 9; выявлено на отметке 170 см (при выборке пласта 6). Яма ЮЗ-СВ, отметки дна 228/233 см. Заполнение: серо-коричневый суглинок с переотложенным материком с примесью кирпичной крошки и извести. Скелет средней сохранности, неполный. Костяк мужчины 35-45 лет. Часть ямы уходит в восточный борт.

Погребение № 68 (см. ил. 104) в кв. 10; отмечено ниже погребений № 52, 53, 69, 72, 74, 73, при выборке до материка, на отметке 180 см. Яма прямоугольная; ЮЗ-СВ; отметка дна 202/218 см. Заполнение: темная серо-коричневая супесь с примесью кирпичной крошки и извести. Кости скелета очень плохой сохранности; много утрат. Костяк мужчины старше 60 лет; руки со-

гнуты в локтях (кисти, видимо, были связаны).

Погребения №№ 69, 72, 73, 74 (см. ил. 106) в кв. 10, 15; отмечены на отметке 170 см (зачистка 6). Яма прямоугольная, ЮЗ–СВ; отметка дна 210 см. Заполнение: коричневатый суглинок с переотложенным материком с примесью кирпичной крошки и извести. При выборке заполнения ямы зафиксированы контуры перерезающих друг друга погребений.

Погребение № 69 сохранилось лучше других. Полный костяк (мужчина 35–45 лет) лежал на спине в вытянутом положении; череп повернут вправо. Под головой кирпич – «подушка» (инд. нах. № 37). Погребение № 72 (мужчина 40–50 лет) находилось выше; сохранился только череп (почти целый, но перевернут). От погребения № 74 сохранились ребра и левая плечевая кость с лопаткой. От погребения № 73 (выше № 74) (мужчина 30–45 лет) сохранились: правое бедро, берцовые кости, кости предплечья, стопы, таз.

Погребение № 70 (см. ил. 105) обнаружено ниже погребения № 43 (отметка дна его ямы 214/219 см). Яма ЮЮЗ–ССВ. Заполнение: серо-коричневая супесь. Полный скелет мужчины 30–40 лет; сохранность средняя; руки согнуты в локтях, кисти лежат на груди.

Погребение № 71 (см. ил. 112) в кв. 17–18; выявлено при выборке погребения № 37, которое им разрушено. Заполнение: коричневая супесь с переотложенным материком с примесью кирпичной крошки; отметка дна 217 см. Этому погребению принадлежит надгробное сооружение № 4 (сложено из кирпичей, скрепленных известковым раствором; кирпич отмечен и в заполнении погребения). Скелет средней сохранности, с утратами (разрушен лицевой отдел черепа). Костяк женщины 20–30 лет; руки согнуты в локтях и сложены на поясе. В районе груди найден костяной нательный крест (инд. нах. № 41), в ногах – две обувные железные подковки (инд. нах. № 42 и № 43). Под костяком древесный тлен.

Погребение № 76 (см. ил. 112) в кв. 15–16; выявлено на отметке 170 см (зачистка 6). Яма прямоугольная; ЮЗ–СВ; отметки дна 223/225 см. Заполнение: темная серо-коричневая супесь с прослойками погребенного дёрна, примесью кирпичной крошки

и извести. Скелет средней сохранности, с утратами. Костяк мужчины 40–50 лет; руки согнуты в локтях и сложены на поясе.

Погребение № 77 (см. ил. 112) в кв. 7–8; выявлено на отметке 170 см (зачистка 6). Яма ЮЗ–СВ; юго-западный угол скруглен; отметка дна 179/185 см. Заполнение: коричневатый суглинок с примесью кирпичной крошки и извести. Полный скелет хорошей сохранности (разрушена восточная часть). Костяк мужчины 25–35 лет; правая рука вытянута вдоль тела, левая – согнута в локте. Под черепом кирпич («подушка») (инд. нах. № 52).

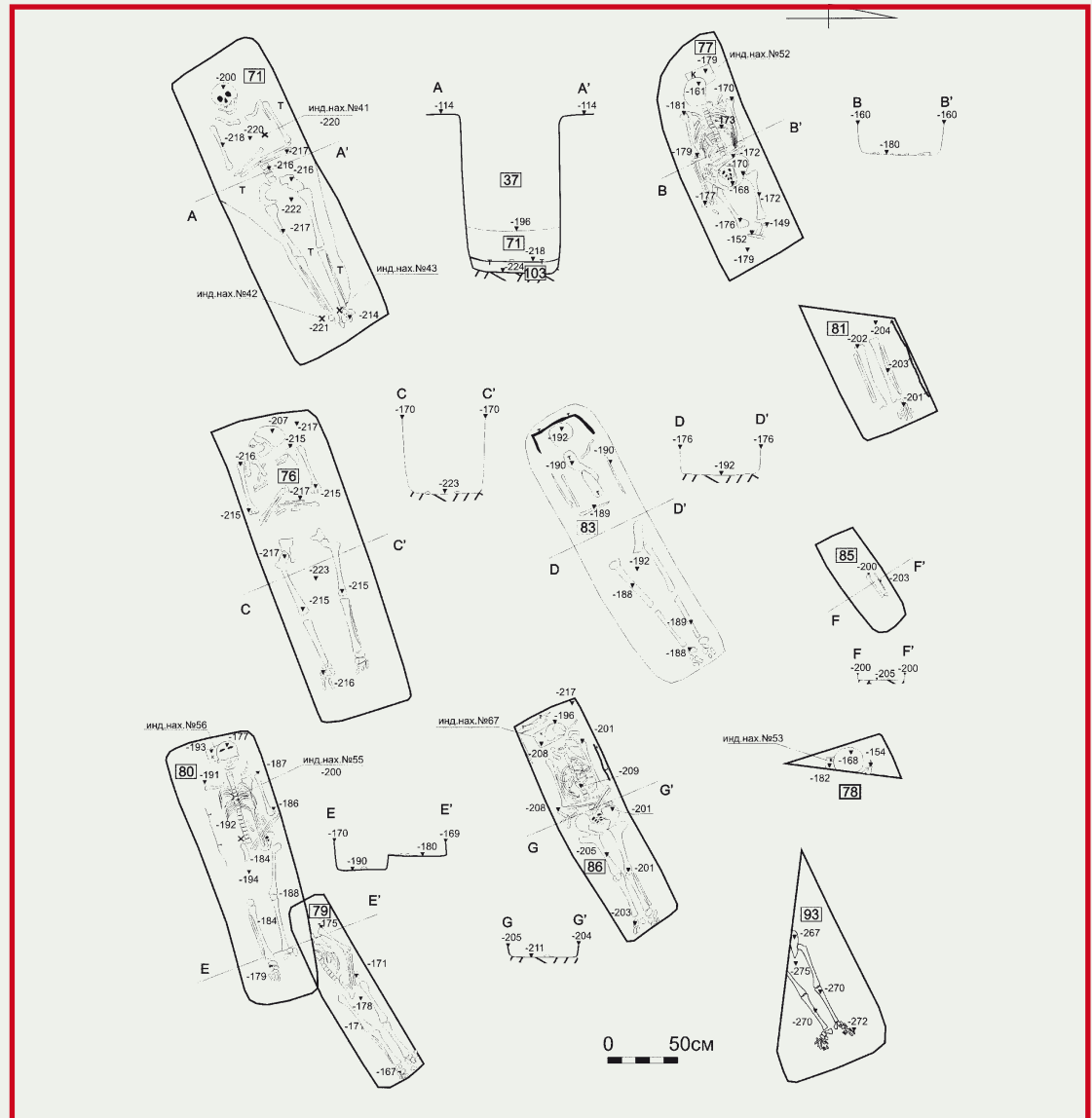
Погребение № 78 (см. ил. 112) в кв. 16; выявлено на отметке 170 см (зачистка 6). Яма большей частью уходит в восточный борт, в раскопе только юго-западный угол; отметка дна 189 см. Заполнение: темная серо-коричневая супесь с прослойками погребенного дёрна, примесью кирпичной крошки и извести. Сохранность: череп женщины (?) 35–45 лет плохой сохранности. Под черепом кирпич («подушка») (инд. нах. № 53).

Погребение № 79 (см. ил. 112) в кв. 1, 2, 7, 8; выявлено на отметке 170 см (зачистка 6). Яма прямоугольная, ЮЗ–СВ, отметка дна 180 см. Заполнение: коричневатый суглинок с прослойками погребенного дёрна, примесью кирпичной крошки и извести. Скелет хорошей сохранности, но неполный: отсутствуют череп, кости правой руки, ребра, правая половина таза. Костяк женщины 20–30 лет; руки чуть согнуты в локтях. Западная часть погребения № 79 разрушена погребением № 80. Ниже проявились контуры погребения № 92.

Погребение № 80 (см. ил. 112) в кв. 1, 2, 7, 8; выявлено на отметке 170 см (зачистка 6). Яма прямоугольная; ЮЗ–СВ; отметки дна 194/198 см. Заполнение: серо-коричневый суглинок с прослойками погребенного дёрна, с примесью кирпичной крошки и извести; с юга от костяка – полоска тлена. Скелет средней сохранности, неполный. Костяк мужчины 40–50 лет; руки чуть согнуты в локтях. Под черепом кирпич («подушка») (инд. нах. № 56).

Погребение № 81 (см. ил. 112) в кв. 13, 20; выявлено на отметке 170 см (зачистка 6). Яма ЮЗ–СВ; отметка дна 204 см. Заполнение: коричневая супесь с прослойками погребенного дёрна, с примесью кирпичной

Ил. 112. Погребения некрополя. Раскоп II.

крошки и извести; с севера от костяка – полоска тлена. Расчищены берцовые кости и кости левой стопы. Большая часть погребения выходит за пределы раскопа.

Погребение № 82 (ил. 113, 114; см. ил. 106) в кв. 1, 2, 7, 8; выявлено на отметке 170 см (зачистка 6). Яма прямоугольная; ЮЗ-СВ; отметка дна 204/205 см. Заполнение: серо-коричневый суглинок с прослойками погребённого дёрна, примесью кирпичной крошки и извести; с юга от костяка – полоска тлена. Полный скелет хорошей сохранности. Костяк мужчины 20–30 лет; руки согнуты в локтях. На черепе – оторочка ворота рубахи (инд. нах. № 59); в районе груди и к юго-западу – железные кованые гвозди (инд. нах. № 58).

Погребение № 83 (см. ил. 112) в кв. 4, 3; расчищено после выборке погребений № № 42, 55, 59, 64. Яма прямоугольная; ЮЗ-СВ; отметки дна 194/196 см. Заполнение: коричневый суглинок; в восточной части полоска тлена. Скелет плохо сохранился: костяк мужчины 25–35 лет; руки согнуты в локтях.

Погребение № 84 (см. ил. 100) в кв. 11; выявлено после выборки погребений № 33 и № 34. Яма прямоугольная со скруглёнными углами; ЮЮЗ-ССВ; отметки дна 208/210 см. Заполнение: серо-коричневая супесь с прослойками погребённого дёрна. Полный скелет средней сохранности. Костяк мужчины старше 60 лет; руки согнуты в локтях. Погребение № 84 нарушено погребениями № 33 (с юга) и № 34 (с северо-востока).

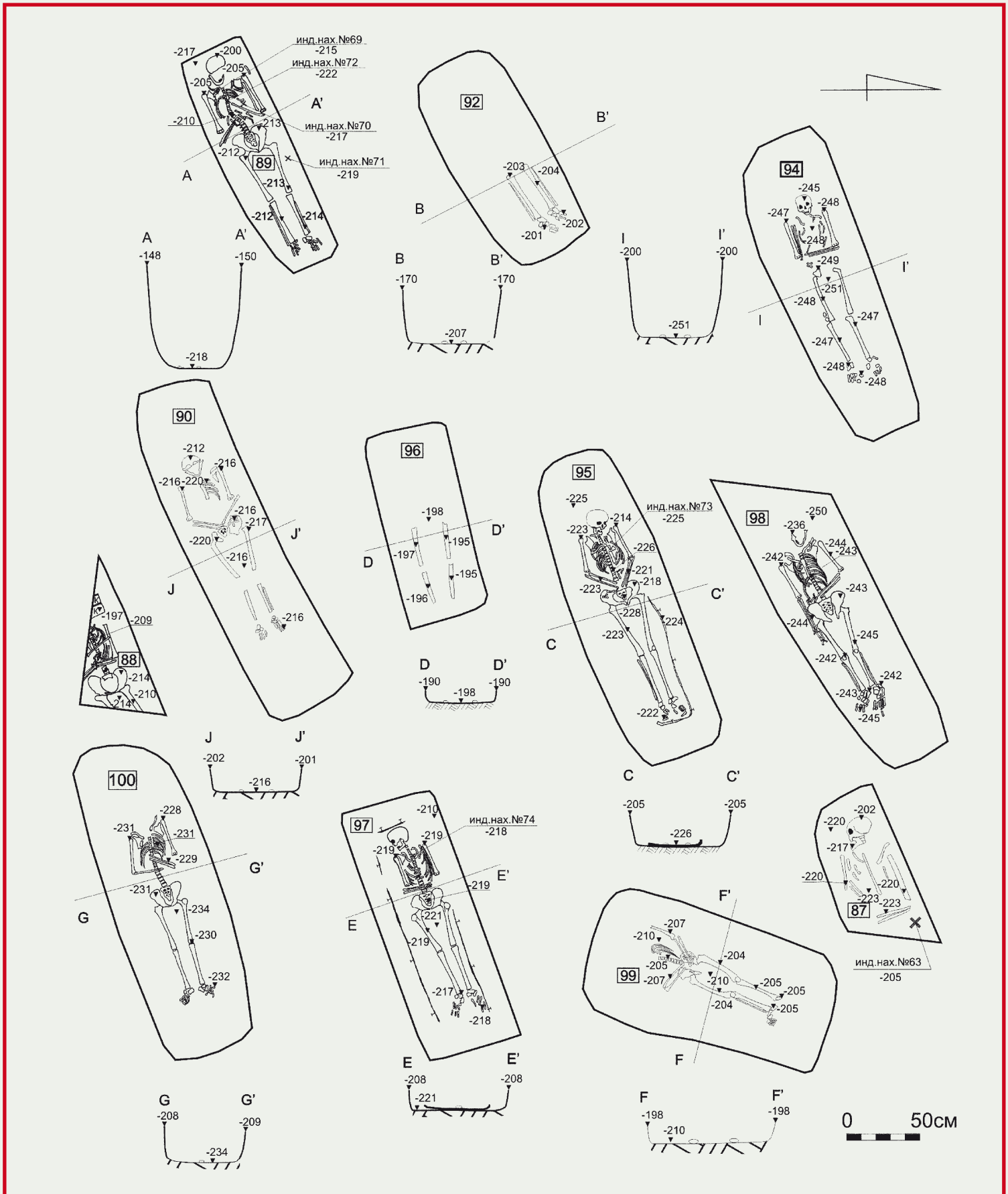

Ил. 113. Погребение № 82.
Вид с северо-востока.

Ил. 114. Погребение № 82. Фрагмент золотной вышивки с изображением Голгофы (параман?), выявленный на черепе погребенного.

Ил. 115. Погребение № 86.
Вид с северо-востока.

Погребение № 85 (см. ил. 112) выявлено после разборки погребений № № 61, 62, 63 и 65. Яма прямоугольная; ЮЮЗ–ССВ; отметка дна 210 см. Заполнение: коричневый суглинок. Обнаружено плохо сохранившееся правое бедро (судя по массивности – мужское); возможно, из заполнения. Погребение нарушено, в основном погребением № 65, а также погребениями № № 61, 62 (с востока) и погребением № 63 (с севера).

Погребение № 86 (ил. 115; см. ил. 112) в кв. 5, 11, 10; выявлено после выборки погребения № 45. Яма прямоугольная; ЮЗ–СВ; отметка дна 217 см. Заполнение: серо-коричневый суглинок с прослойками погребённого дёрна, примесью кирпичной крошки и извести; в юго-западном углу и вдоль северного края ямы – тлен. Практически полный скелет (разрушен лицевой отдел черепа). Костяк мужчины 25–35 лет; руки чуть согнуты в локтях, кисти – в районе таза. Под черепом кирпич («подушка») (инд. нах. № 67).

Погребение № 87 (см. ил. 116) в кв. 8, 9, выявлено после выборки погребения № 58. Яма ЮЗ–СВ; частью уходит в западную стенку; отметка дна 223/226 см. Заполнение: серо-коричневый суглинок с прослойками погребённого дёрна, примесью кирпичной крошки и извести. Скелет с утратами и плохой сохранности. Костяк мужчины 25–35 лет; череп повернут вправо, руки согнуты в локтях. В заполнении: фрагменты двух черепов (мужчина старше 60 лет; свод женского(?)) и фрагмент железного изделия (инд. нах. № 63).

Погребение № 88 (см. ил. 116) в кв. 1; выявлено после выборки погребения № 50. Отметки дна ямы 214/217 см. Заполнение: серо-коричневый суглинок с прослойками погребённого дёрна и древесного тлена. Расширена часть скелета: тазовые кости, позвонки, грудная клетка, кости предплечий и правая плечевая кость. Костяк мужчины 30–45 лет; руки согнуты в локтях, кисти – в районе пояса. Большая часть могильной ямы уходит за пределы раскопа.

Погребение № 89 (см. ил. 116) в кв. 2, 3; выявлено на отметке 180 см. Яма прямоугольная; ЮЗ–СВ; отметка дна 217 см. Заполнение: коричневый суглинок с примесью кирпичной крошки и извести. Практически полный скелет (разрушен лицевой отдел черепа). Костяк женщины 30–40 лет; руки согнуты в локтях, кисти – в рай-

Ил. 116. Погребения некрополя. Раскоп II.

Ил. 117. Рекультивация раскопа. Вид с северо-востока.

оне груди. На груди и на тазовой кости – два железных кованых гвоздя (инд. нах. № 71); в районе правой ключицы – пуговицы с петельками медного сплава (инд. нах. № 69), в области грудной клетки – фрагменты одежды (инд. нах. № 70) и костяная бусина (инд. нах. № 72).

Погребение № 90 (см. ил. 116) в кв. 5, 11, 10; выявлено после выборки погребений № № 58 и 77. Контур ямы совпадает с контуром погребения № 77; отметка дна 220/222 см. Заполнение: серо-коричневый суглинок. Скелет плохой сохранности, много утрат. Костяк женщины 35–45 лет; руки чуть согнуты в локтях; кисти лежат в районе таза.

Погребение № 91 (см. ил. 105) в кв. 15; контуры проявились при зачистке дна погребения № 51. Отметка дна ямы 243 см. Заполнение: серо-коричневая супесь. Скелет средней сохранности; череп отсутствует. Костяк мужчины 35–45 лет; правая рука вытянута вдоль тела, левая согнута в локте. Погребение нарушено при формировании погребения № 34.

Погребение № 92 (см. ил. 116) в кв. 8. Яма прямоугольная со скруглёнными углами; ЮЗ–СВ; отметка дна 217 см. Заполнение: коричневый суглинок с примесью кирпичной крошки и извести. Сохранились кости ног подростка 14–16 лет. Погребение № 92 разрушено погребениями № № 41 (с юга) и 79 (с запада).

Погребение № 93 (см. ил. 112) в кв. 1, под погребением № 57. Отметка дна ямы 278 см. Заполнение: коричневый суглинок с примесью кирпичной крошки и извести. При выборке отмечено большое количество костей в переотложенном состоянии. От костяка мужчины 30–45 лет сохранились кости ног и правая половина таза. Большая часть ямы уходит в южный борт.

Погребение № 94 (см. ил. 116) в кв. 2; выявлено после выборки погребения № 89.

Яма прямоугольной формы; ЮЗ-СВ; отметка дна 251/253 см. Заполнение: коричневый суглинок с примесью кирпичной крошки и извести. Практически полный скелет хорошей сохранности. Костяк мужчины 35–45 лет; правая рука согнута в локте; плечевые кости прижаты к плечу, левая – под прямым углом.

Погребение № 95 (см. ил. 116) в кв. 2, 3; выявлено на отметке 190 см. Яма прямоугольная; ЮЗ-СВ; отметка дна 228/234 см. Заполнение: коричневый суглинок с примесью кирпичной крошки и извести. Практически полный скелет хорошей сохранности (разрушен лицевой отдел черепа). Костяк мужчины 25–35 лет; череп склонён к левому плечу, руки согнуты в локтях, кисти – в районе таза. С севера и востока костяк окаймлен полосой тлена. На правой части грудной клетки зафиксированы фрагменты одежды (инд. нах. № 73).

Погребение № 96 (см. ил. 116) в кв. 7, 8; выявлено под погребением № 66. Яма прямоугольная; ЮЗ-СВ; отметка дна 197/198 см. Заполнение: коричневый суглинок с примесью кирпичной крошки и извести. Сохранились берцовые и бедренные кости плохой сохранности. С юго-запада яма прорезана погребением № 97.

Погребение № 97 (см. ил. 116) в кв. 6, 7; выявлено после выборки погребений № 44 и 66. Яма прямоугольная; ЮЗ-СВ; отметка дна 223/224 см. Заполнение: коричневый суглинок с примесью кирпичной крошки и извести. Полный скелет хорошей сохранности – костяк мужчины 25–35 лет; левая рука согнута в локте и плечевые кости прижаты к плечу; правая согнута под прямым углом. В районе шеи и груди – фрагменты одежды (инд. нах. № 74).

Погребение № 98 в кв. 19, 20; контуры проявились при зачистке дна могильной ямы погребения № 54. Отметка дна 245/250 см. Заполнение: коричневый суглинок с тонкими прослойками погребённого дерна с примесью кирпичной крошки и извести. Скелет хорошей сохранности – костяк мужчины 30–40 лет; правая рука вытянута вдоль тела, левая согнута в локте. Край ямы уходит в западный борт.

Погребение № 99 (см. ил. 116) в кв. 16, 17; выявлено после выборки погребений № 38, 49 и 76. Яма прямоугольной формы;

Ю-С; отметка дна 210 см. Заполнение: темно-серая супесь. Скелет хорошей сохранности, частично фрагментирован (нет черепа и правого плеча); костяк мужчины 30–45 лет; руки согнуты в локтях, кисти – в районе таза. Погребение нарушено погребениями № 38 (с севера) и 49 и 76 (с юга).

Погребение № 100 (см. ил. 116) в кв. 2, 3, 7; выявлено после разборки погребений № 69, 79, 80, 95. Яма прямоугольная; ЮЗ-СВ; отметка дна 235 см. Заполнение: коричневый суглинок с вкраплениями погребённого дерна. Скелет средней сохранности; череп отсутствует. Костяк мужчины 30–40 лет; руки согнуты в локтях. Погребение нарушено погребениями № 80, 95 (с юга), 69 (с запада), 79 (с востока).

Погребение № 101 в кв. 24; выявлено после зачистки дна могильной ямы погребения № 39; контуры погребений совпадают. Отметка дна ямы 216 см. Заполнение: серо-коричневая супесь. Верхняя часть костяка мужчины 25–35 лет; руки согнуты в локтях.

Рекультивация раскопов

После завершения полевых археологических исследований на раскопе I было принято решение о сохранении фундаментов часовни XIX в. и погребальных сооружений усыпальницы XVI–XVII вв. Рекультивация проводилась в три этапа. По окончании исследований в центральной части была сложена обкладка из кирпичей (обмеренных в процессе исследований, но не взятых в коллекцию). В эту выгородку уложили, как в монастырский оссуарий, все собранные человеческие останки, после чего накрыли ее сеткой. Затем была проведена консервация засыпкой: перемещено около 40 куб.м. специально привезенного для этой цели мелкозернистого песка, который укладывали в раскоп пластами с проливкой каждого пласта водой для лучшей усадки и заполнения всех полостей. Песком были закрыты все погребальные сооружения и фундаменты усыпальницы XVI–XVII вв. и мавзолея XIX в. В завершение вся территория раскопа была закрыта грунтом и выровнена при помощи техники. Рекультивация раскопа завершилась досыпкой грунта из отвала с тщательной ручной трамбовкой пластов и нивелировкой поверхности с помощью техники (ил. 117).

Рекультивация раскопа II не проводилась, так как вслед за исследованиями была начата закладка фундаментов памятника.

Приложение 2

Глазунова О.Н., Капитонова М.А.

Спасо-Евфимиев монастырь, 2008 г. Опись индивидуальных находок

РАСКОП I

№	наименование	материал	местонахождение
1	пило кованое	железо	Кв. 325, сл.1, гл. -64 см
2	выплеск	свинец	Кв. Ж24, сл.1, гл. -76 см
3	запор кованый	железо	Кв. Е24, сл.1, гл. -51 см
4	навершие ограды кованое	железо	Кв. 324, сл.1, гл. -44 см
5	пластина треугольная кованая	железо	Кв. 325, сл.1, гл. -35 см
6	пряжка	железо	Кв. Д26, сл.1, гл. -65 см
7	язычок от пряжки	железо	Кв. Д26, сл.1, гл. -64 см
8	пластина кованая	железо	Кв. Е25, сл.4, гл. -75 см
9	крюк кованый	железо	Кв. Е24, сл.4, гл. -72 см
10	скоба	железо	Кв. Ж25, сл.4, гл. -81 см
11	кольцо кованое	железо	Кв. 322, сл.2, гл. -123 см
12	бусина	стекло	Кв. Д26, сл.1, лоток
13	клин кованый	железо	Кв. Е25, сл.1, лоток
14	ограды кованой фрагмент	железо	отвал
15	изделия фрагмент	серебро	Кв. Ж24, соор. № 1, заполнение, гл. -149 см

16	булавки фрагмент	медный сплав	Кв. Е22, пог. № 1, заполнение мог. ямы, гл. -152 см
17	одежды фрагмент	ткань	Кв. Г27, сл.2, гл. -102 см
18	одежды фрагмент		Кв. Г27, сл.2, гл. -118 см
19	шерсти животного клочок		Кв. Д26, сл.2а, гл. -207 см
20	наконечник стрелы кованый черешковый	железо	отвал
21	светца кованого фрагмент	железо	Кв. Г24, сл.1, лоток
22	ножа черешкового фрагмент	железо	Кв. Г27, сл.1, лоток
23	обработанная кость (заготов- ка)	кость живот- ного	Кв. Г24, сл.1, лоток
24	игрушки чернолощёной фрагмент	керамика	Кв. 322, сл.2, лоток
25	изделия фрагмент	железо	Кв. Ж26, сл.2, лоток
26	пряжка	железо	отвал
27	крючок кованый	железо	Кв. 325, сл.4, лоток
28	лампадки фрагмент	стекло	Кв. Ж24, сл.3, лоток
29	доньшка лампадки фрагмент	стекло	Кв. Ж26, сл.2, гл. -199 см
30	монета «1 копейка» 1837 г. выпуска	медный сплав	Кв. Е26, сл.2а, гл. -173 см
31	лезвия изделия фрагмент	железо	Кв. Ж22, пог. № 12, заполне- ние, гл. -176 см
32	женский головной убор (во- лосник)	ткань, плете- ние	Кв. Е24, пог. соор. № 3, пог. № 15, гл. -176 см, в районе черепа
33	наконечник стрелы кованый черешковый	железо	Кв. Д23, сл.1, гл. -46 см
34	кирпич-«подушка»	глина	Кв. Ж22-322, пог. № 2, гл. -164 см, под головой
35	дна сосуда с датой «1862 г.» фрагмент	стекло	Кв. Д26, сл.1, гл. -93 см
36	ножа черешкового фрагмент	железо	Кв. Г24, сл.1, гл. -58 см
37	развал кувшина чернолощё- ного	керамика	Кв. Е26, Ж25-26, сл.2а, гл. -202 – -211 см

38	монета «полушка»	медный сплав	Кв. Д26, сл.2, гл. -158 см
39	ручки для черешкового железного изделия фрагмент	кость	Кв. Д26, сл.1, лоток
40	лампадки фрагмент	стекло	отвал
41	крюк	железо	Кв. Д24, сл.2, лоток
42	одежды фрагмент	ткань	Кв. Г24, пог. соор. № 8, пог. № 27, гл. -162 -- -165 см
43	одежды фрагмент	ткань	Кв. Г26, пог. соор. № 12, пог. № 28, гл. -175 -- -183 см
44	ножа черешкового фрагмент	железо	Кв. Е26, сл.10, гл. -196 см
45	одежды фрагмент	ткань	Кв. Г25-Г26, Д25-Д26, пог. № 30, гл. -240 -- -245 см, в районе шеи
46	одежды фрагмент	ткань	Кв. Г25-Г26, Д25-Д26, пог. № 30, гл. -242 -- -246 см, в районе левого локтя
47	одежды фрагмент	ткань	Кв. Д24, пог. соор. № 14, гл. - 237см
48	слезница	стекло	Кв. Д24, пог. соор. № 14, гл. -234 см, в районе ног
49	одежды фрагмент	ткань	Кв. Г24, пог. соор. № 8, пог. № 27а, гл. -162 -- -167 см

РАСКОП II

№	наименование	материал	местонахождение
1	светца кованого фрагмент	железо	Кв. 10, пл.1, гл. -57 см
2	пуговица	медный сплав	Кв. 17, пл.1, гл. -64 см
3	основа пуговицы	дерево	Кв. 17, пл.1, гл. -62 см
4	гребня фрагмент	кость	Кв. 19, пл.2, гл. -84 см
5	изделия кованого фрагмент	железо	Кв. 23, пл.1, гл. -54 см
6	костыль	железо	Кв. 19, пл.1, гл. -47 см
7	изделия кованого фрагмент	железо	Кв. 12, пл.1, гл. -57 см

8	изделия кованого фрагмент	железо	Кв. 16, пл.1, гл. -59 см
9	изделия кованого фрагмент	железо	Кв. 2, пл.2, лоток
10	подковка обувная	железо	Кв. 22, пл.3, гл. -91 см
11	изделия кованого фрагмент	железо	Кв. 16, пл.3, гл. -96 см
12	монета	серебро	Кв. 14, пл.3, гл. -104 см
13	оселка фрагмент	камень	Кв. 3, пл.3, гл. -97 см
14	изделия кованого фрагмент	железо	Кв. 3, пл.2, гл. -81 см
15	петли фрагмент (от двери или ставни)	железо	Кв. 8, пл.2, гл. -78 см
16	изделия кованого фрагмент	железо	Кв. 15, пл.3, гл. -105 см
17	изделия кованого фрагмент	железо	Кв. 16, пл.3, гл. -109 см
18	ножа черешкового фрагмент	железо	Кв. 14, пог. № 35, заполнение, гл. -135 см
19	изделия кованого фрагмент	железо	Кв. 3, пл.5, гл. -132 см
20	изделия кованого фрагмент	железо	Кв. 5, пл.5, гл. -139 см
21	изделия кованого фрагмент	железо	Кв. 1, пл.4, гл. -121 см
22	изделия кованого фрагмент	железо	Кв. 3, пл.3, гл. -94 см
23	изделия кованого фрагмент	железо	Кв. 16, пл.3, гл. -90 см
24	изделия кованого фрагмент	железо	Кв. 16, пл.3, гл. -97 см
25	изделия красноглиняного фрагмент с орнаментом	керамика	Кв. 8, пл.4, гл. -99 см
26	заготовка пряслица из стенки чернолощёного сосуда	керамика	Кв. 15, пл.4, гл. -118 см
27	фрагмент кирпича-«подушки»	глина	Пог. № 36, гл. -181 см, под черепом
28	изделия кованого фрагменты	железо	Пог. № 43, гл. -184 см, в районе шеи
29	обувной подковки фрагмент	железо	Пог. № 54, гл. -177 см
30	изделия кованого фрагмент	железо	Пог. № 71, гл. -198 см
31	нательного креста фрагмент	свинцово-оловянистый сплав	Пог. № 57, гл. -185 см

32	кирпич-«подушка»	глина	Пог. № 57, гл. -180 см
33	пуговица	медный сплав	Пог. № 64, гл. -190 см
34	пуговица	медный сплав	Пог. № 64, гл. -191 см
35	пуговица	медный сплав	Пог. № 64, гл. -191 см
36	слезницы фрагменты	стекло	Пог. № 65, гл. -194 см
37	кирпич-«подушка»	глина	Пог. № 69, гл. -195 см
38	пряжка	медного сплава	Пог. № 66, гл. -177 см
39	бусина	стекломасса	Пог. № 66, гл. -177 см
40	кирпич-«подушка»	глина	Пог. № 58, гл. -182 см
41	крест нательный	кость	Пог. № 71, гл. -220 см
42	обувная подковка (правая)	железо	Пог. № 71, гл. -221 см
43	обувная подковка (левая)	железо	Пог. № 71, гл. -221 см
44	гвозди обувные (32 шт.)	железо	Пог. № 65, гл. -197 см
45	кирпич-«подушка»	глина	Пог. 64, гл. -180, -183 см
46	бусина	медный сплав	Пог. № 48, гл. -184 см
47	пуговицы	медный сплав	Пог. № 48, гл. -188 см
48	изделия кованого фрагмент	железо	Кв. 15, пл.6, лоток
49	пуговица	медный сплав	Пог. № 48, гл. -188 см
50	предмет железный	железо	Пог. № 48, гл. -190 см
51	пряжка	железо	Пог. № 48, гл. -192 см
52	кирпич-«подушка»	глина	Пог. № 77, гл. -179 см
53	кирпич-«подушка»	глина	Пог. № 78, гл. -182 см
54	изделия кованого фрагмент	железо	Пог. № 80, гл. -189 см
55	бусина	кость	Пог. № 80, гл. -200 см, в районе груди
56	кирпич-«подушка»	глина	Пог. № 80, гл. -193 см
57	скоба от гроба	железо	Пог. № 51, гл. -225 см
58	гвозди обувные	железо	Пог. № 82, гл. -196,-197 см

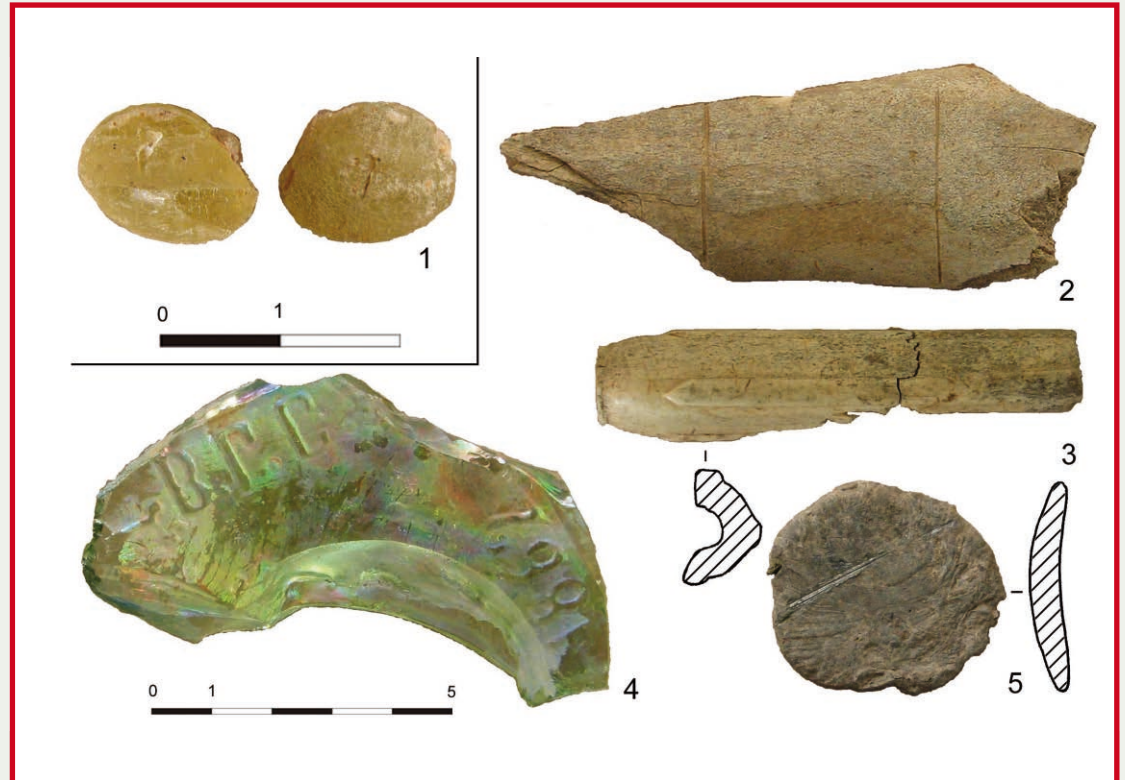
59	фрагмент одежды	ткань	Пог. № 82, гл. -199 см
60	креста нательного в рамке фрагмент	кость, свинцово-оловянистый сплав	Пог. № 51, гл. -220 см
61	венчика сосуда фрагмент	керамика	Пог. № 39, заполнение, лоток
62	венчика сосуда фрагмент	керамика	Кв. 19, 22, постройка 1, периметр, лоток
63	изделия кованого фрагмент	железо	Пог. № 87, гл. -205 см
64	кирпич-«подушка»	глина	Пог. № 34, гл. -230,-231 см
65	фрагмент вериг	железо	Пог. № 34, гл. -230 см
66	креста нательного фрагмент	свинцово-оловянистый сплав	Пог. № 34, гл. -237 см
67	кирпич-«подушка»	глина	Пог. № 86, гл. -208 см
68	пуговицы (2 шт.)	медный сплав	Пог. № 34, гл. -234 см
69	пуговица с петлёй	медный сплав	Пог. № 89, гл. -215 см, в районе правой ключицы
70	фрагменты одежды с петлями	ткань, медный сплав	Пог. № 89, гл. -217 см, в районе левой стороны грудной клетки
71	гвозди	железо	Пог. № 89, гл. -219 – -220 см
72	бусина	кость	Пог. № 89, гл. -222 см, в районе груди
73	фрагменты одежды	ткань	Пог. № 95, гл. -225 см, в районе правой стороны грудной клетки
74	фрагменты одежды	ткань	Пог. № 97, гл. -218 см, в районе шеи и груди

Ил. 1. Раскоп I. 1 – пряжка железная из слоя дерна (№ 26); 2 – фрагмент кованой железной ограды (№ 14); 3 – наконечник железной черешковой стрелы (№ 20); лампадка стеклянная (№ 40).

Ил. 2. Раскоп I. 1 – бусина стеклянная (№ 12; слой 1); 2 – обработанная кость (№ 23; слой 1); 3 – фрагмент костяной ручки (№ 39; слой 1); 4 – дно стеклянного сосуда с датой "1862 г." (№ 35; слой 1); выплеск свинцовый (№ 2; слой 1).

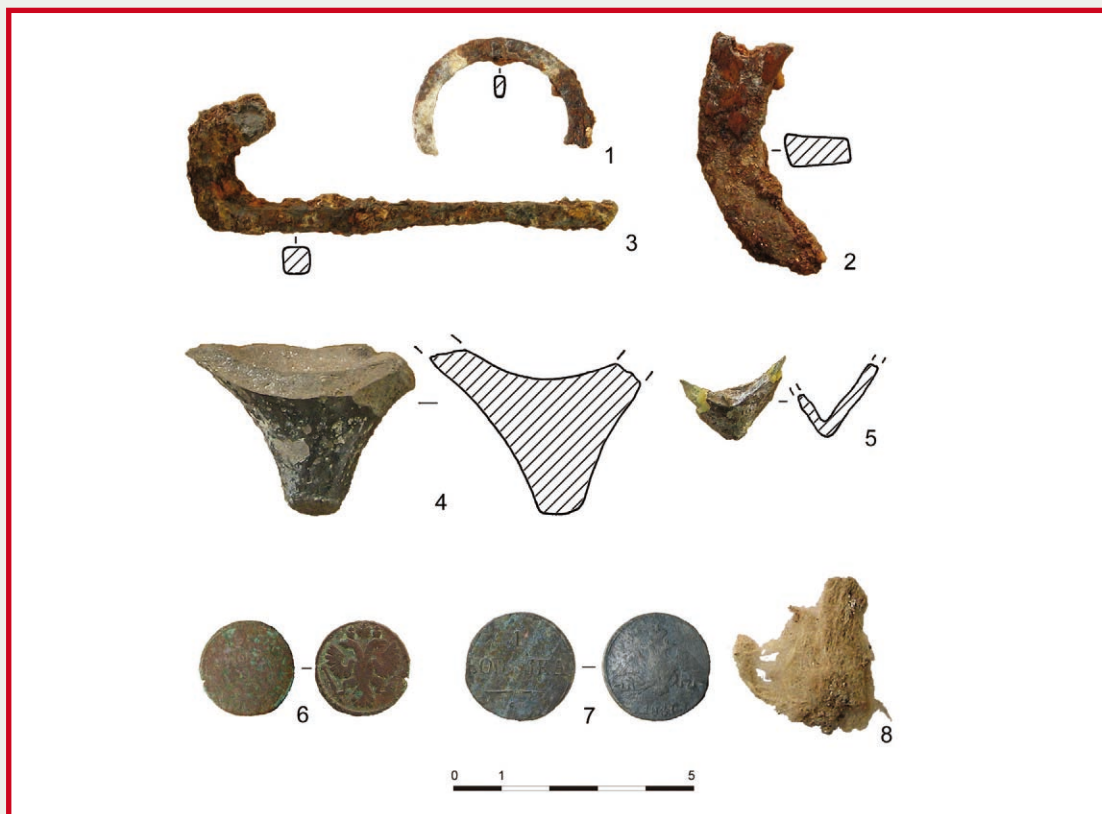
Ил. 3. Раскоп I. Кувшин чернолощеный (№ 37; слой 2а).

Ил. 4. Раскоп I. 1 – навершие ограды (№ 4; слой 1); 2 – кованая треугольная пластина (№ 5; слой 1); 3 – клин кованый (№ 13; слой 1); 4 – язычок от пряжки (№ 7; слой 1); 5 – наконечник железной черешковой стрелы (№ 33; слой 1); 6 – пряжка (№ 6; слой 1); 7 – фрагмент ножа (№ 22; слой 1); 8 – фрагмент железного ножа (№ 36; слой 1); 9 – шило кованое (№ 1; слой 1); 10 – фрагмент кованого светца (№ 21; слой 1); 11 – запор кованый (№ 3; слой 1).

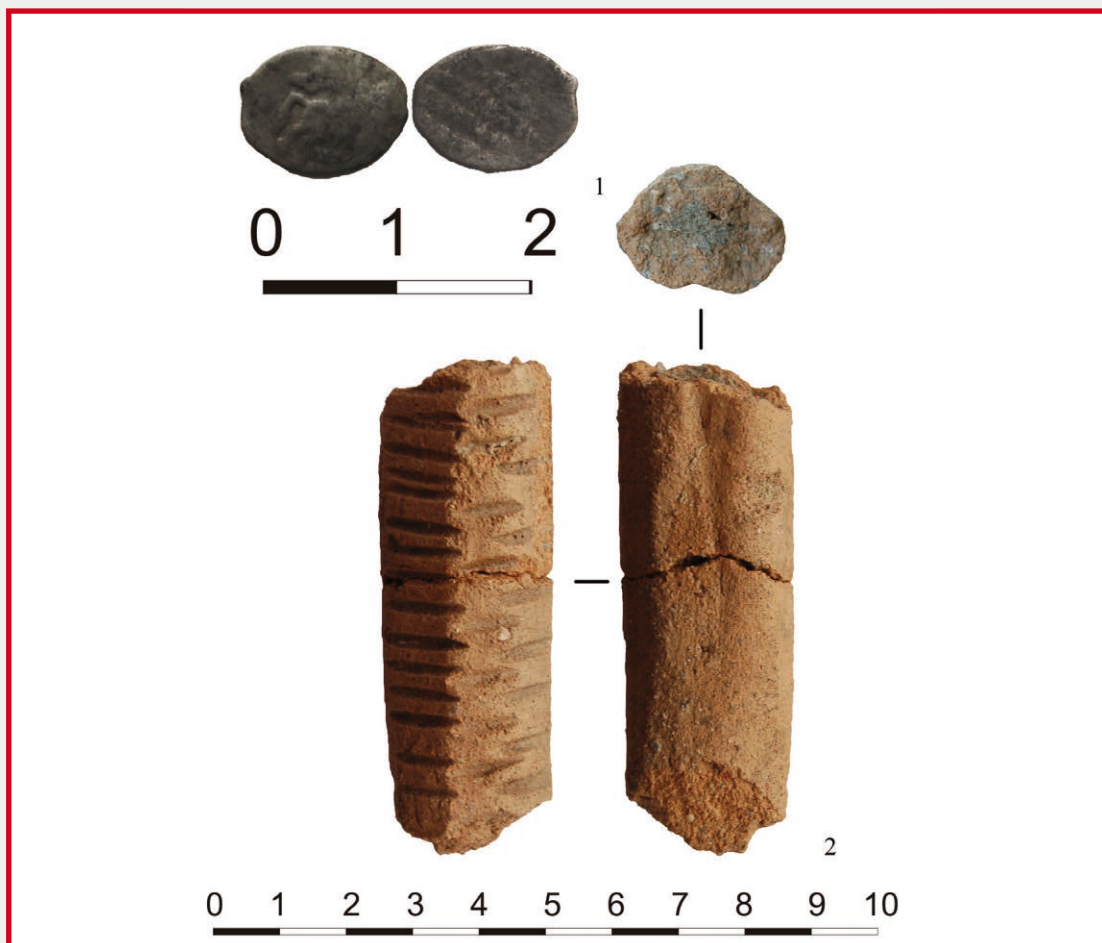
Ил. 5. Раскоп I. 1 – кольцо железное (№ 11; слой 2); 2 – фрагмент железного изделия (№ 25; слой 2); 3 – крюк железный (№ 41; слой 2); 4 – фрагмент чернолощеной игрушки (№ 24; слой 2); 5 – фрагмент донца стеклянной лампадки (№ 29; слой 2); 6 – монета “полушка” (№ 38; слой 2); 7 – монета “1 копейка”, 1837 г. (№ 30; слой 2а); 8 – клоч шерсти животного (№ 19; слой 2а).

Ил. 6. Раскоп I. 1 – фрагмент стеклянной лампы (№ 28; слой 3); 2 – крюк железный (№ 9; слой 4); 3 – пластина железная (№ 8; слой 4); 4 – крюк железный (№ 27; слой 4); 5 – фрагмент железного лезвия (№ 31; погр. № 12); 6 – скоба железная (№ 10; слой 4); 7 – фрагмент серебряного изделия (№ 15; соор. № 1); 8 – кирпич-“подушка” (№ 34; погр. № 2); 9 – фрагмент медной булавки (№ 16; погр. № 1).

Ил. 7. Раскоп II. 1 – фрагмент светца железного (№ 1; пласт 1); 2 – медная пуговица (№ 2; пласт 1); 3 – деревянная основа пуговицы (№ 3; пласт 1); 4 – фрагмент костяного гребня (№ 4; пласт 2).

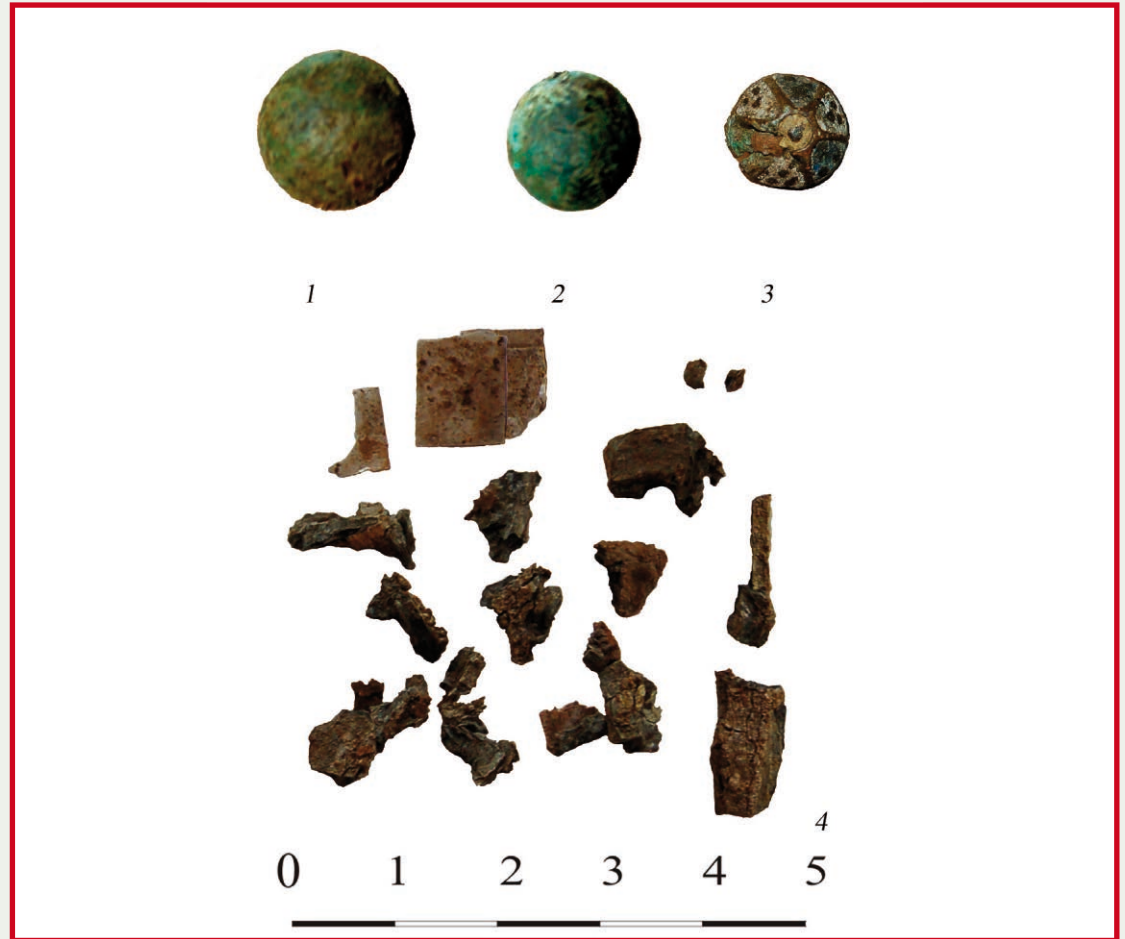
Ил. 8. Раскоп II. 1 – серебряная монета (№ 12; пласт 3); фрагмент глиняного предмета (№ 25; пласт 4).

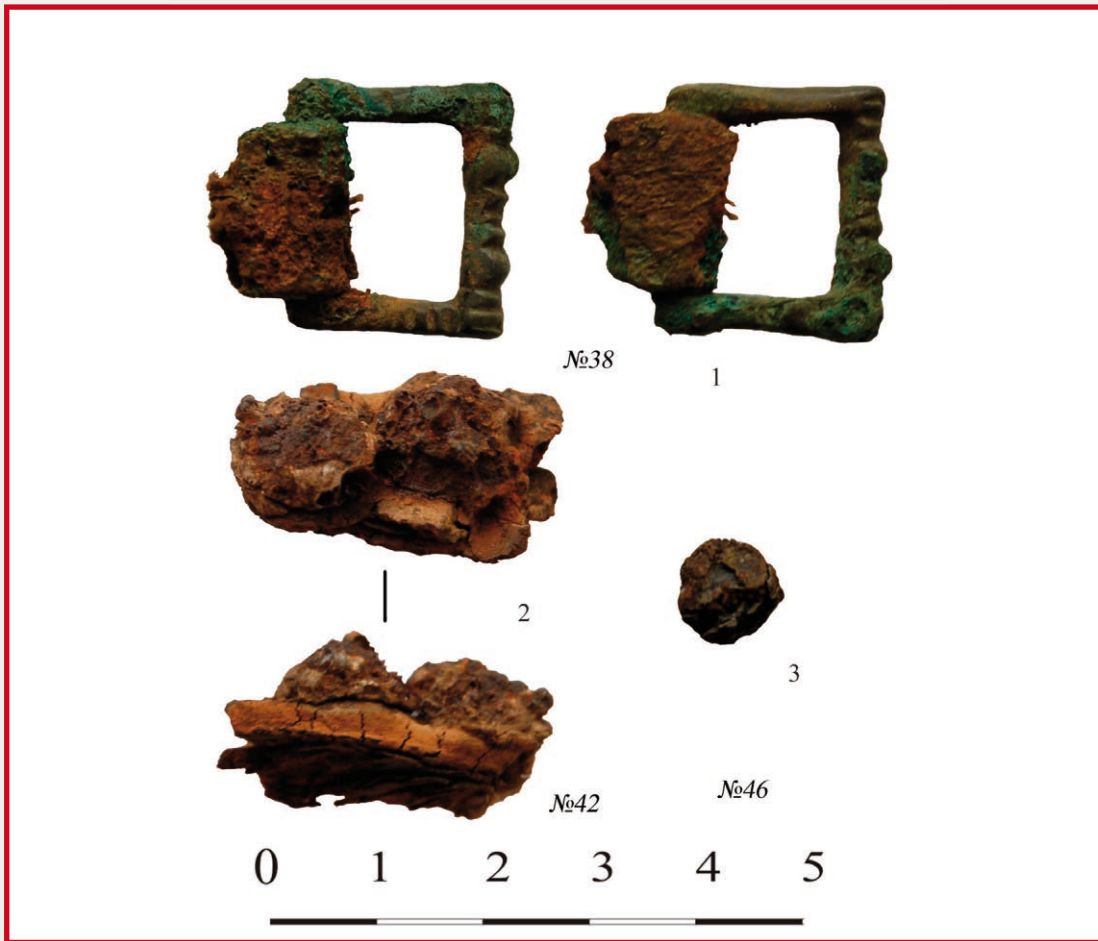
Ил. 9. Раскоп II. 1 – кирпич-“подушка” из погребения № 36 (№ 27); 2 – кирпич-“подушка” из погребения № 57 (№ 32).

Ил. 10. Раскоп II. 1-3 – медные пуговицы из погребения № 64 (№ 33; № 34; № 35); 4 – фрагменты нательного креста (?) из погребения № 57 (№ 31).

Ил. 11. Раскоп II. 1 – кирпич-“подушка” из погребения № 69 (№ 37); 2 – кирпич-“подушка” из погребения № 58 (№ 40).

Ил. 12. Раскоп II. 1 – пряжка медная (№ 38; погр. № 66); 2 – фрагмент железной подковы (№ 42; погр. № 71); 3 – медная бусина (№ 46; погр. № 48).

Ил. 13. Раскоп II. 1 – обувные гвозди из погребения № 65 (№ 44).

Ил. 14. Раскоп II. 1 – кирпич-
“подушка” из погребения № 64
(№ 45); 2 – кирпич-“подушка” из
погребения № 77 (№ 52).

Ил. 15. Раскоп II. 1 – медные
пуговицы из погребения 48 (№ 47);
2 – медная пуговица из погребения
48 (№ 49).

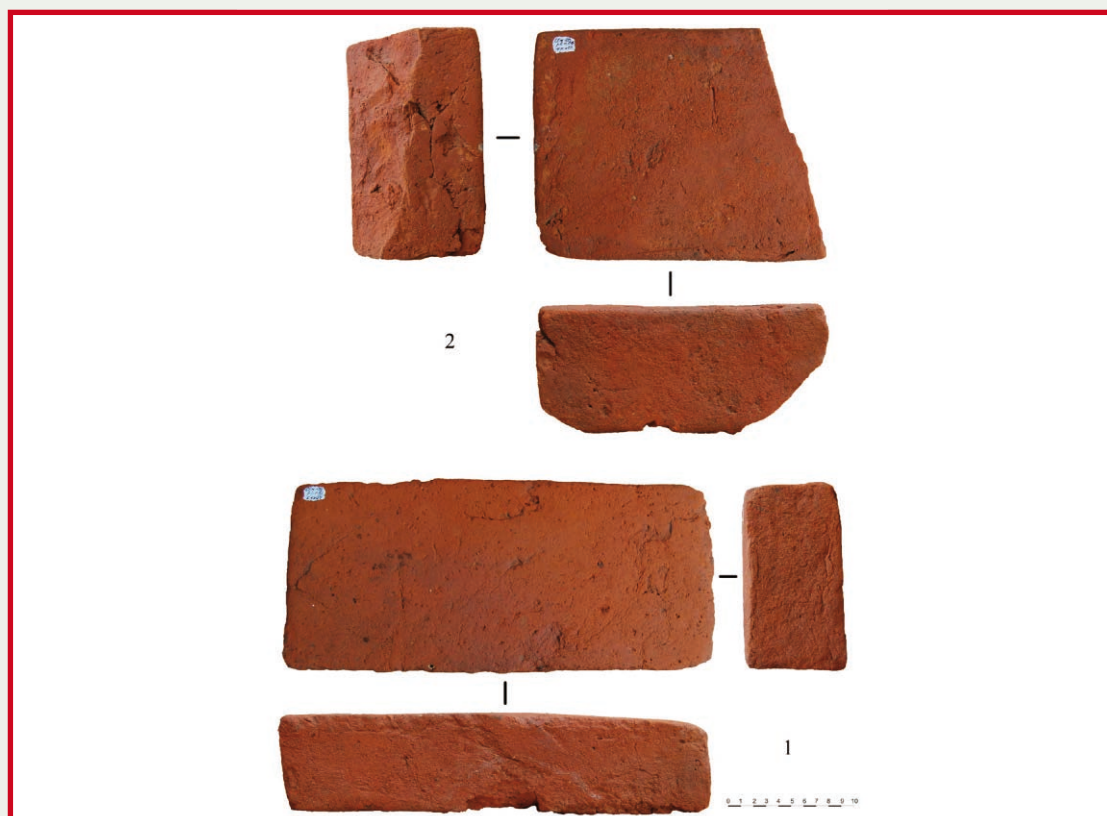
Ил. 16. Раскоп II. 1 – бусина костяная из погребения 80 (№ 55); 2 – предмет железный из погребения № 48 (№ 50); 3 – гвозди обувные из погребения № 82 (№ 58).

Ил. 17. Раскоп II. 1 – кирпич-“подушка” из погребения № 78 (№ 53); 2 – кирпич-“подушка” из погребения № 80 (№ 56).

Ил. 18. Раскоп II. 1 – фрагмент венчика краснолощеного сосуда (№ 61; погр. 39); 2 – фрагмент горлышка сосуда с орнаментом (№ 62; постройка 1); 3 – фрагмент нательного креста (№ 66; погр. № 34); 4 – медные пуговицы (№ 68; погр. № 34); 5 – медная пуговица (№ 69; погр. № 89).

Ил. 19. Раскоп II. 1 – кирпич-“подушка” из погребения № 34 (№ 64); 2 – кирпич-“подушка” из погребения № 86 (№ 67).

Приложение 2а

Глазунова О.Н., Капитонова М.А.

Спасо-Евфимиев монастырь, 2008 г. Опись белокаменных и кирпичных деталей

РАСКОП I

№	наименование	местоположение	примечание
1	фр-т кирпича с фреской	кв. Е-25, сл. 2, гл.-54 см	
2	кирпич фигурный	кв. 3-24, сл. 2, гл.-135 см	
3	фр-т белокаменной плиты	кв. Д-26, сл. 2, гл.-125 – -150 см	
4	фр-т плитки облицовочной (мраморовидный извест- няк(?))	кв. Ж-25, сл. 4, гл.-64 см	
5	кирпич фигурный	отвал	
6	фр-т белокаменной плиты	кв. Г-27, сл. 2, гл.-84 см	
7	кирпич фигурный	кв. Е-26, сл.2, гл.-174 см	
8	фр-т белокаменной плиты	кв. Д-25, сл. 2, гл.-190 – -198 см	
9	фр-т белокаменной плиты	кв. Д-26, сл. 2а, гл.-176 – -185 см	
10	фр-т белокаменной плиты	кв. Д-26, сл. 2а, гл.-171 см	
11	фр-т белокаменной плиты	кв. Д-26, сл. 2а, гл.-179 см.	
12	фр-т белокаменной плиты	кв. Е-26, сл.2, отвал	
13	фр-т плитки облицовочной (мраморовидный извест- няк(?))	отвал (зап. сектор)	

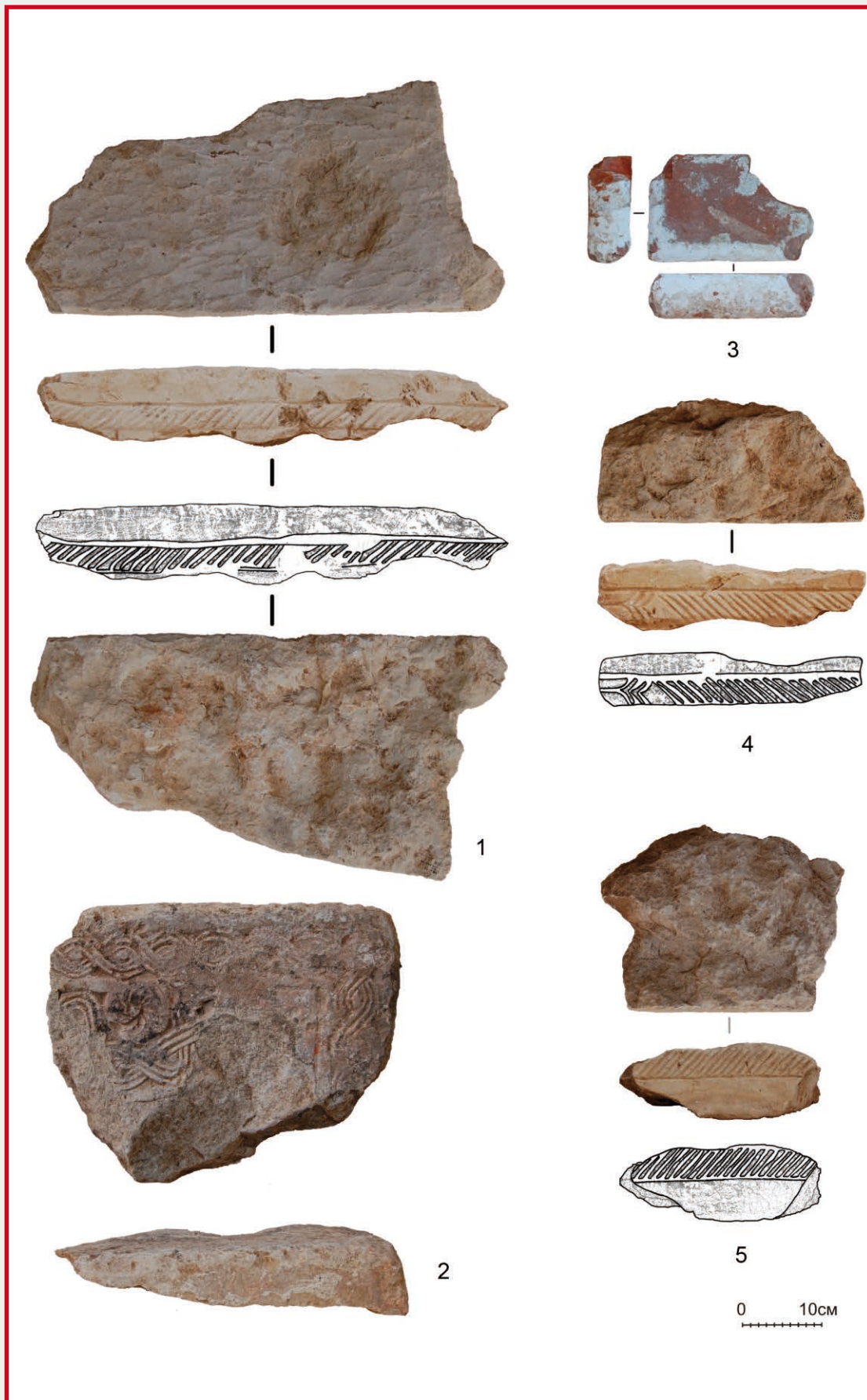
14	фр-т плитки облицовочной (мраморовидный известняк(?))	отвал (зап. сектор)	
15	фр-т плитки облицовочной (мраморовидный известняк(?))	кв. Д-27, сл. 2, гл.-90 см	
16	кирпич	заполнение склепа № 7, кв. Г-24, гл.-84 см	
17	фр-т белокаменной плиты	кв. Е-25, сл.2а, гл.-205 см	
18	фр-т белокаменной плиты	кв. Д-25, сл. 2а, гл.-212 см	
19	фр-т белокаменной плиты	кв. Д-25, сл. 2а, гл.-210 см	
20	фр-т белокаменного саркофага с орнаментом	кв. Ж-22, погреб. № 12, заполнение, гл.-176 см	
21	кирпич фигурный	кв. Д-26, сл. 2а	
22	кирпич фигурный	кв. Д-26, сл. 2а	
23	плитка красноглиняная половая	кв. Д-25, сл. 2а	
24	плитка красноглиняная половая	кв. Д-25, сл. 2а	
25	плитка красноглиняная половая	кв. Д-25, сл. 2а	
26	фр-т белокаменной плиты	кв. Д-27, сл. 10, гл.-182 см	
27	кирпич из кладки склепа	склеп № 8, гл.-101 – -106 см	восточная стенка
28	кирпич из кладки склепа	склеп № 10, гл.-125 – -127 см	южная стенка, свод
29	кирпич из кладки склепа	склеп № 12, гл.-180 см	пол
30	кирпич из кладки склепа	склеп № 11, гл.-194 см	западная стенка
31	кирпич из кладки склепа	склеп № 16, гл.-200 см	пол
32	кирпич из кладки склепа	склеп № 1, гл.-133 см	рухнувший свод
33	кирпич из кладки склепа	склеп № 3, гл.-142 см	северная стенка
34	кирпич из кладки склепа	склеп № 13, гл.-161 см	пол
35	кирпич из кладки склепа	склеп № 9, гл.-160 см	рухнувший свод

36	кирпич из кладки склепа	склеп № 11, гл.-140 см	северная стенка
----	-------------------------	------------------------	-----------------

РАСКОП II

№	наименование	местоположение	примечание
1	изразца красноглиняного рельефного неполивного фр-т	кв. 12, пл.1, гл.-56 см	
2	изразца красноглиняного рельефного с ангобом фр-т	кв. 12, пл.1, гл.-60 см	
3	мраморной облицовки фр-т	кв. 20, пл.1, гл.-48 см	
4	белокаменной плиты фр-т	кв. 6, сооружение № 5, гл.-105 см	
5	белокаменной плиты фр-т	кв. 7, сооружение № 5, гл.-102 – -106 см	
6	белокаменной плиты фр-т	кв. 7, сооружение № 5, гл.-100 – -106 см	
7	кирпича фигурного фр-т	кв. 20, сооружение № 2, гл.-94 см	
8	плитка пола красноглиняная	кв. 21, сооружение № 2, гл.-89 – -99 см	
9	изразца красноглиняного гладкого расписного фр-т	кв. 3, пл.2, гл.-64/-76 – -79/86 см	
10	изразца красноглиняного рельефного муравленого фр-т	кв. 3, пл.2, гл.-64/-76 – -79/86 см	
11	изразца красноглиняного рельефного полихромного фр-т	кв. 3, пл.2, гл.-64/-76 – -79/86 см	
12	белокаменной плиты фр-ты	кв. 2,7, сооружение № 5, гл.-95 – -102 см	
13	белокаменная надгробная плита	кв. 9,16, гл.-107 – -110 см	
14	мраморной облицовки фр-т	кв. 15, пл.3, гл.-120 см	
15	белокаменной плиты фр-т	кв. 10, пл.5, гл.-138 см	завал камней
16	белокаменной плиты фр-т	кв. 20, пл.6, гл.-117 см	заполнение погреб. № 40
17	белокаменной плиты фр-т	погреб. № 66, гл.-163 см	

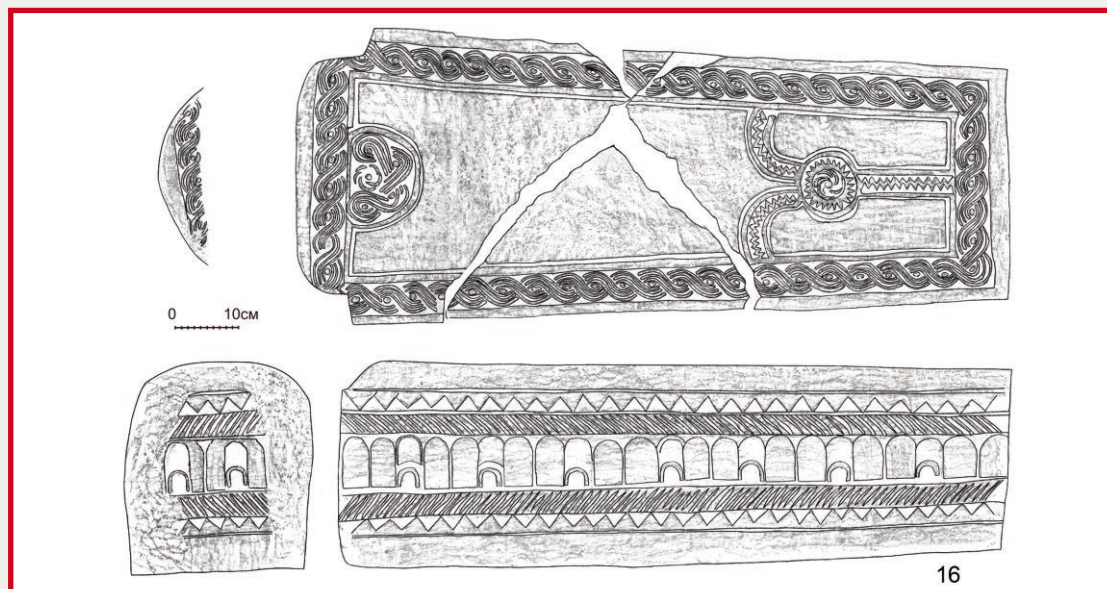
Ил. 1. 1 – фрагмент белокаменной надгробной плиты (р. I; слой 2; № 3). 2 – фрагмент белокаменной надгробной плиты (р. I; слой 2; № 8). 3 – фигурный кирпич (р. I; слой 2; № 2). 4 – фрагмент белокаменной надгробной плиты (р. I; слой 2а; № 11). 5 – фрагмент белокаменной надгробной плиты (р. I; слой 2а; № 9).

Илл. 2. 6 – фрагмент кирпича из заполнения погребального сооружения №7 (р. I; № 16). 7 – фрагмент белокаменной надгробной плиты (р. I; слой 2а; № 18). 8 – фрагмент белокаменной надгробной плиты (р. I; слой 2а; № 17). 9 – фрагмент белокаменной плиты из заполнения могильной ямы погребения № 12 (р. I; № 20). 10 – фигурный кирпич (р. I; слой 2а; № 21). 11 – фигурный кирпич (р. I; слой 2а; № 22). 12 – фрагмент белокаменной надгробной плиты (р. I; слой 10; № 26). 13–15 – плитки пола красноглиняные (р. I; слой 2а; №№ 23, 24, 25).

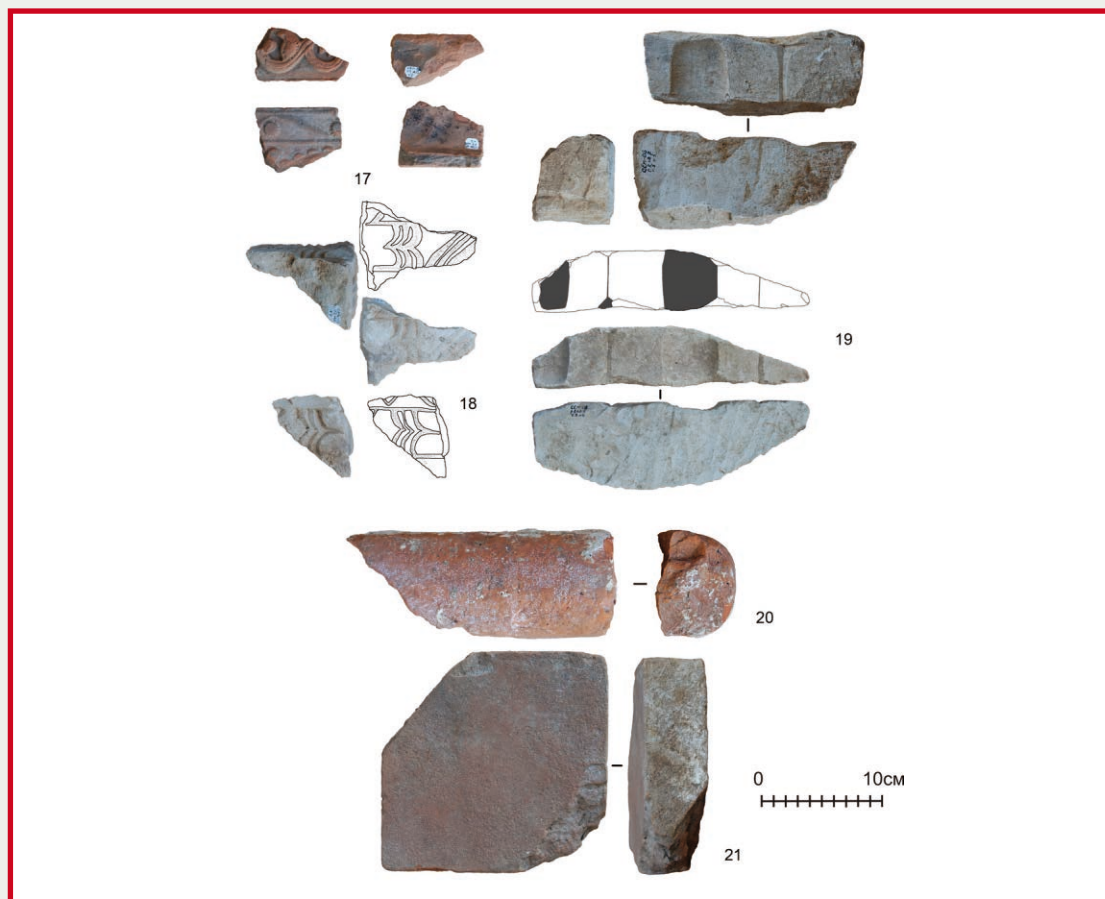
Илл. 3. 16 – саркофаг № 6. Рисунок (р. I).

Ил. 4. 17 – фрагменты красноглиняных изразцов (р. II; пласт 1; №№ 1, 2). 18 – фрагменты белокаменной надгробной плиты (р. II; сооружение № 5; № 4). 19 – фрагменты белокаменной надгробной плиты (р. II; сооружение № 5; №№ 5, 6). 20 – фрагмент фигурного кирпича (р. II; сооружение № 2; № 7). 21 – плитка пола красноглиняная (р. II; сооружение № 2; № 8).

Ил. 5. 22 – фрагмент красноглиняного изразца (р. II; пласт 2; № 9). 23 – фрагмент рельефного красноглиняного изразца (р. II; пласт 2; № 10). 24 – фрагмент рельефного красноглиняного изразца (р. II; пласт 2; № 11).

Ил. 6. 25 – сооружение № 5. Верхний ярус (р. II). Вид с севера. 26 – белокаменная надгробная плита из сооружения № 5 (р. II; № 12). Вид с запада. 27 – белокаменная надгробная плита из сооружения № 5 (р. II; № 12). Вид с востока. 28 – белокаменная надгробная плита из сооружения № 5 (северная боковая сторона; р. II; № 12). Фото и прорисовка.

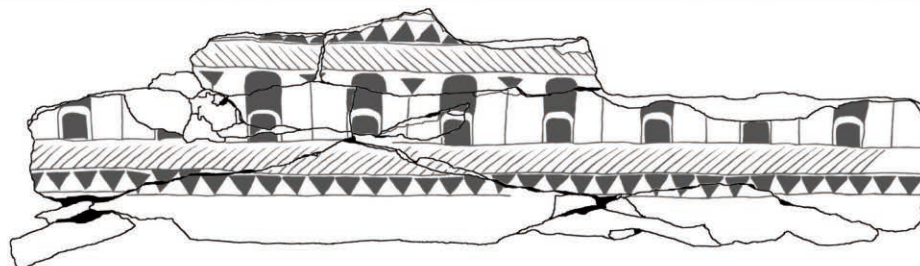
25

26

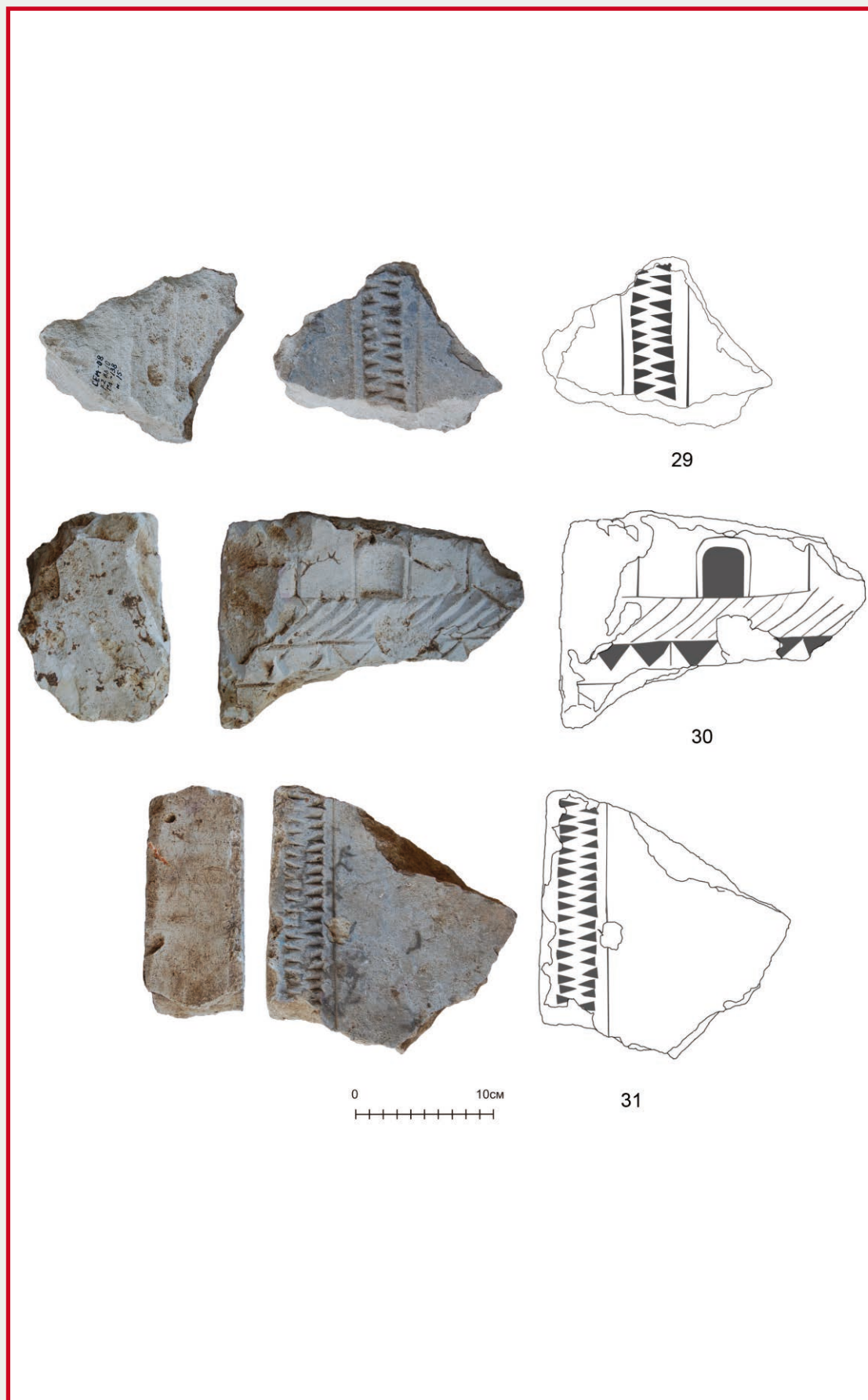
27

0 10 20 30 40 50 60 70 80 90 100

28

Ил. 7. 29 – фрагмент белокаменной надгробной плиты (р. II; пласт 5; № 15). 30 – фрагмент белокаменной надгробной плиты из заполнения могильной ямы погребения № 66 (р. II; № 17). 31 – фрагмент белокаменной надгробной плиты (р. II; пласт 6; № 16).

Приложение 3

Глазунова О.Н., Аникина А.А.

Заключение о составе керамического комплекса из раскопок Спасо-Евфимиева монастыря

РАСКОП I

Всего при работах на раскопе I Спасо-Евфимиева монастыря в 2008 году было собрано 1071 фрагмент гончарной керамики, относящейся к разным хронологическим периодам.

Керамический материал происходит преимущественно из верхних культурных напластований (слой 1, 2) и представлен фрагментами изделий, бытовавших от XIII до XIX в. Самую многочисленную группу составляет поздняя керамика XVIII–XIX вв. Гораздо меньше изделий XV и XVI вв. и, особенно, XVII в. Существенную часть материалов образует посуда XIII–XIV вв. (12–13 % от общего количества).

По слоям керамика распределяется следующим образом.

Дерн – 149 фрагментов.

Более 40 % составляет поздняя керамика XVIII–XIX вв. Однако встречено и достаточно много (16,2 %) фрагментов ранней посуды XIII–XIV вв. (в основном это горшки с диаметром по венчику 18–20 см). Присутствуют также фрагменты изделий XV и XVI вв. Керамики XVII в. практически нет.

Слой 1. Всего 415 фрагментов.

Ранняя керамика (XII–XIV вв.) представлена фрагментами серых и красноглиняных грубых сосудов (13,3 %). Преобладают горшки с изогнутыми в наружную сторону венчиками, край которых завернут внутрь и оформлен в виде валиков различной формы. Имеются сосуды и иной профилировки. Многие изделия, по-видимому, были украшены витками линейного орнамента. Около трети составляет керамика XV–XVI вв. Представлена фрагментами красноглиняных сосудов (в основном горшки, есть миски) краснолощеной и чернолощеной керамики. Один фрагмент белоглиняной грубой керамики. Преобладает по-прежнему посуда XVIII–XIX вв.

Слой 2. Всего 253 фрагмента.

Представлен практически весь корпус керамики от XIII до XIX вв. Самую многочисленную группу составляет поздняя керамика XVIII–XIX вв. (более 50 %). Следующие по численности группы относятся к XV и XVI вв. Чуть меньше (9,5 %) керамики XIII–XIV вв. Количество изделий XVII в. невелико.

Слой 2А. Всего 85 фрагментов. По составу керамический материал близок керамике слоя 2.

Слой 3. Всего 4 фрагмента. Три из них принадлежат позднему чернолощеному кувшину, декорированному полосами линейного орнамента по плечу. Кроме того, найден фрагмент донца красноглиняного варочного горшка XVI в.

Слой 4. Всего 35 фрагментов.

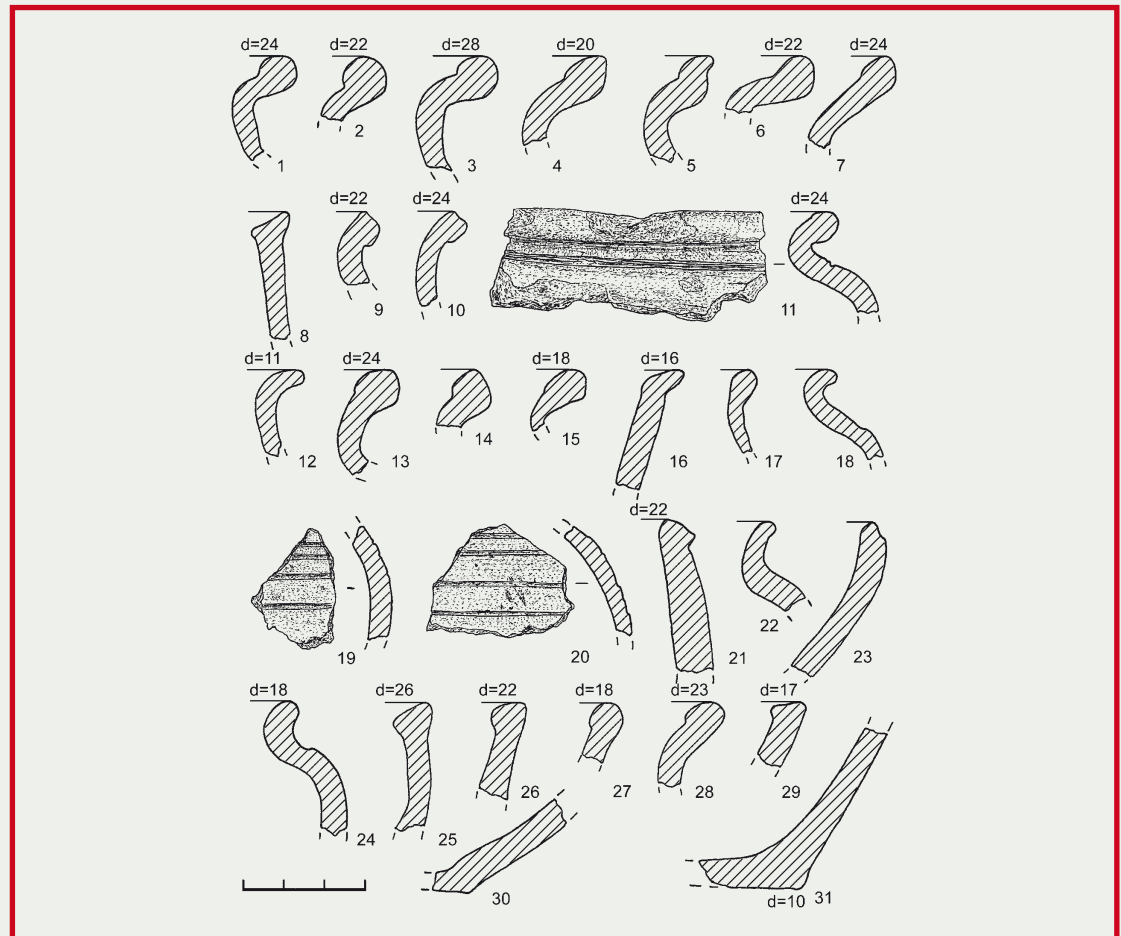
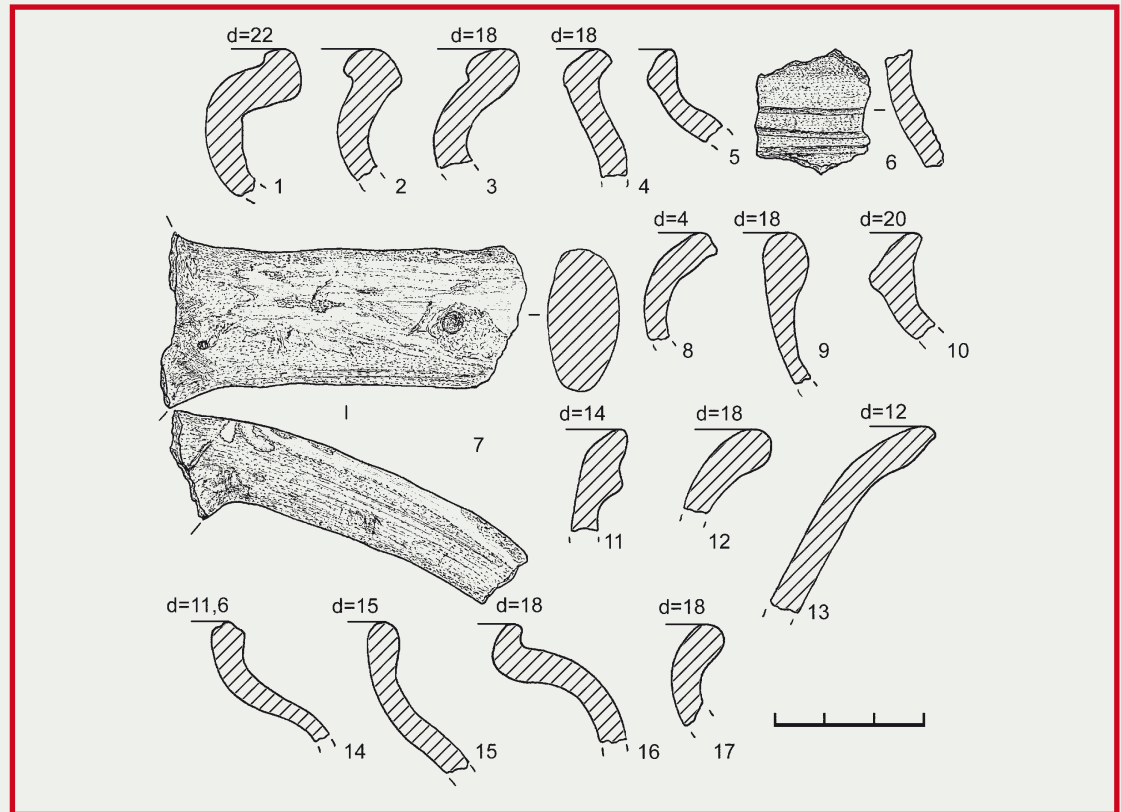
Более 40 % составляет керамика XV–XVI вв., один фрагмент относится к более раннему периоду, представлена и керамика XVIII–XIX в.

Слой 5. 3 фрагмента.

2 фрагмента стенок чернолощеного сосуда XVIII в. и черепок более ранней краснолощеной керамики.

Ил. 1. Раскоп 1. Дерн. Керамика гончарная. 1-3 – серая; 4-6, 8 – красноглиняная гладкая; 7, 13-15 – чернолощеная; 9-10 – белоглиняная; 16 – неполиваная поздняя гладкостенная; 17 – красноглиняная грубая.

Ил. 2. Раскоп 1. Слой 1. Керамика гончарная: 1-9 – серая; 10-15 – красноглиняная грубая; 16-31 – красноглиняная гладкая. 1, 10, 20, 27 – кв. Д-26; 2 – кв. Г-25; 3, 21, 28, 30 – кв. Е-24; 4, 25, 26 – кв. В-27; 6 – кв. Д-23; 7, 8, 24 – кв. Е-25; 9 – кв. Ж-25; 11, 14 – кв. Д-24; 12 – кв. Д-23; 13, 22, 23, 31 – кв. Д-25; 15, 29 – Ж-24; 16 – кв. Г-27; 17, 18 – кв. З-24; 19 – кв. Г-26.

Слой 6. 1 фрагмент стенки чернолощеного сосуда.

Слой 7. 1 фрагмент стенки горшка красноглиняного гладкого (XV в.(?)).

Слой 9. 2 фрагмента: часть красноглиняной крышки конца XIV–XV вв. и обломок ручки чернолощеного кувшина. Единичные фрагменты керамики обнаружены при разборе ям и траншеи.

Яма 3. 2 фрагмента чернолощеного кувшина, декорированного по плечу линейным орнаментом.

Яма 4. 1 обломок чернолощеного сосуда с линейным орнаментом и 4 фрагмента стенок красноглиняных горшков XVI в.

Траншея. 10 фрагментов. Преобладает материал XVIII в.

Заполнение часовни. 10 фрагментов (XVI–XVIII вв.). В основном поздняя красноглиняная гладкая керамика. 2 фрагмента чернолощеного кувшина и обломок стенки белоглиняного шероховатого сосуда.

Погребения.

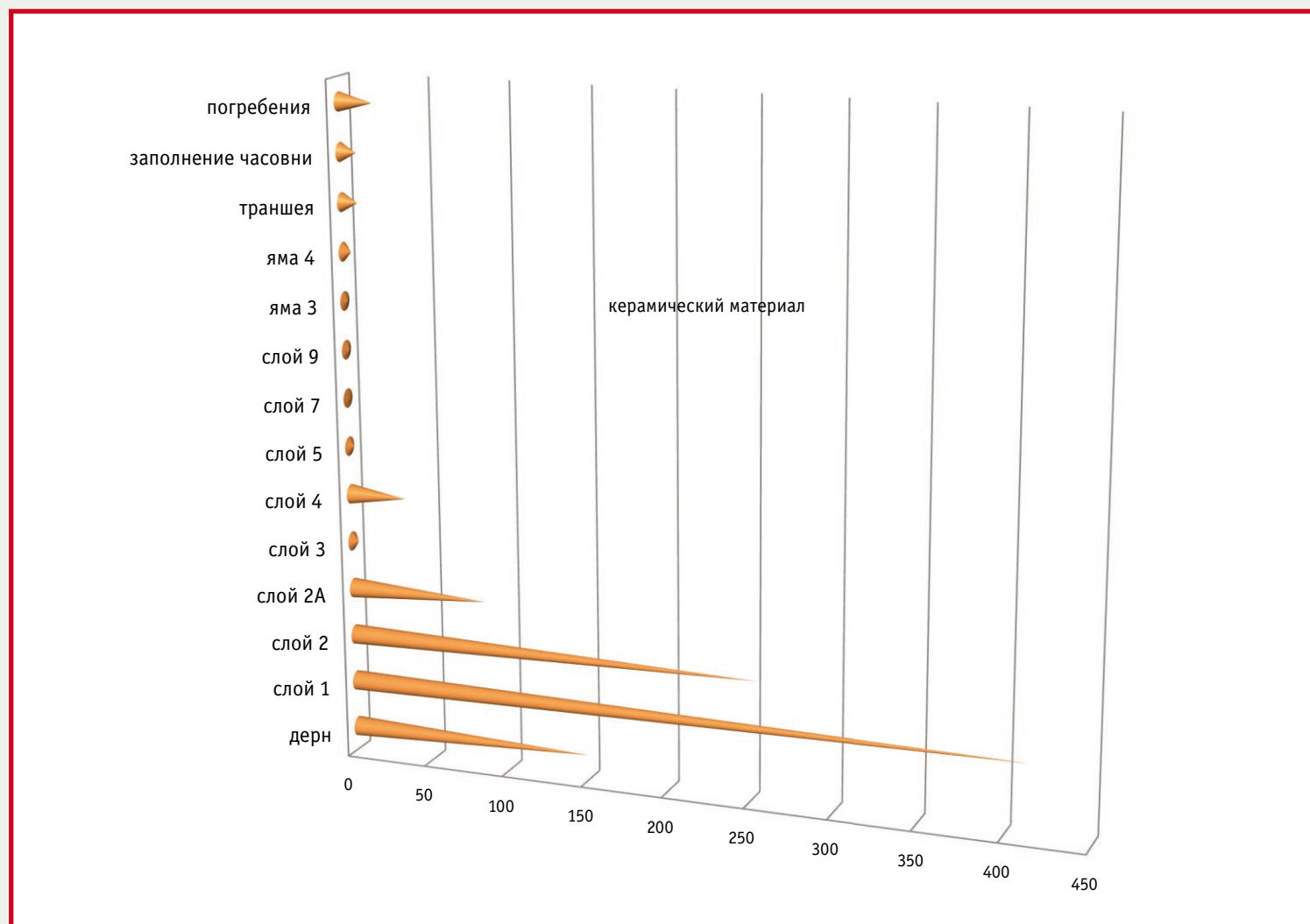
Керамический материал обнаружен при расчистке шести погребений. Преимущественно это фрагменты красноглиняных грубых горшков XIV в. (погребения № № 8, 9, 103) и более поздних красноглиняных гладких (погребения № № 1, 5, 9, 103). Из заполнения погребений № 2 и № 5 происходят также обломки чернолощеного сосудов (1 и 3 фрагмента соответственно). Единичные фрагменты чернолощеной и красноглиняной гладкой керамики были также обнаружены при расчистке склепов № № 8, 9 и 10.

РАСКОП II

Общее количество керамики, обнаруженной в раскопе II при работах в Спасо-Евфимиевом монастыре в 2008 году – 2093 фрагмента.

Пласт 1. Всего 382 фрагмента. Представлен весь корпус керамики от XIII до XIX

Таблица 1. Распределение керамического материала в раскопе I.

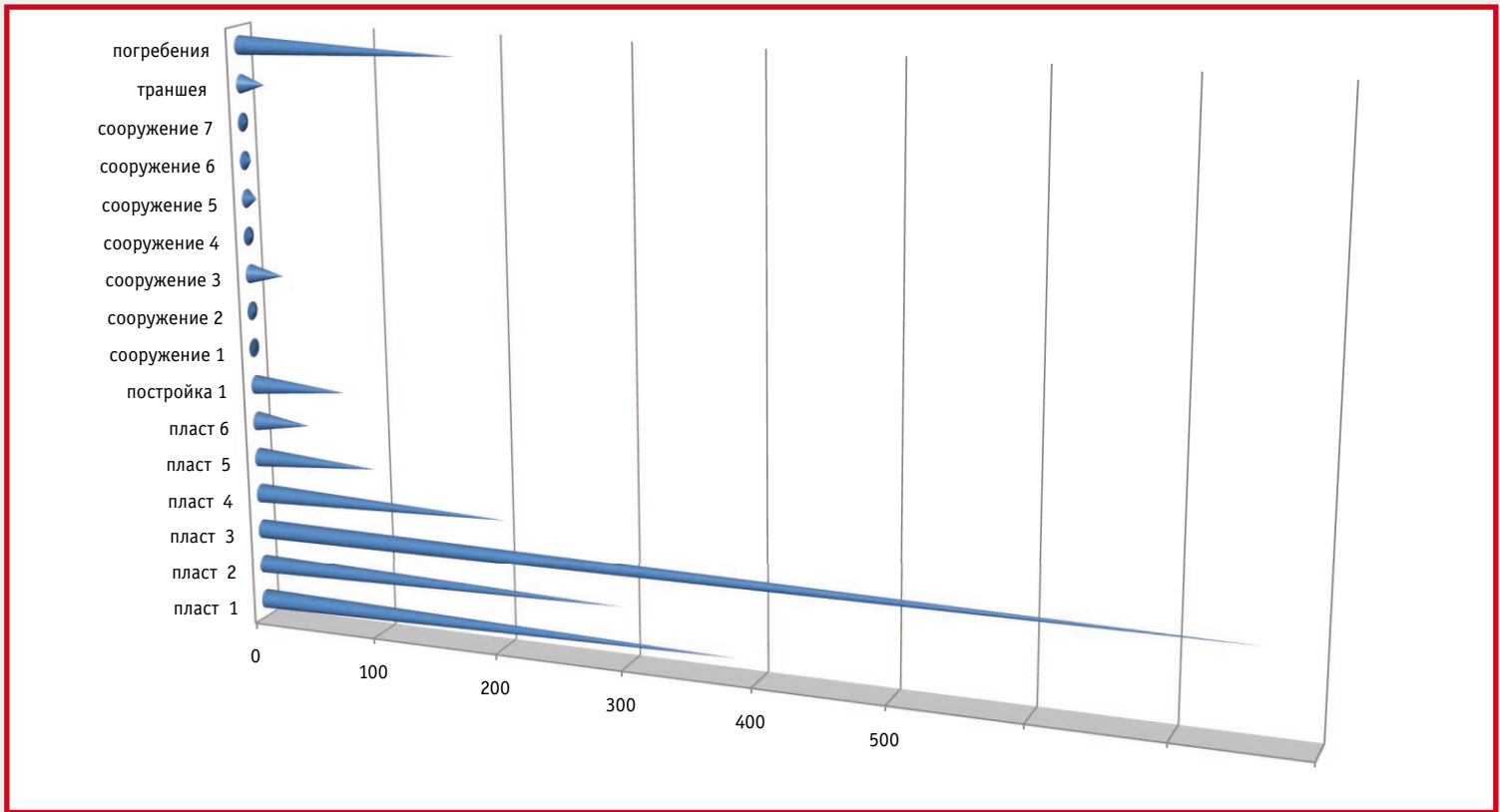

Таблица 2. Распределение керамического материала в раскопе II.

вв., причем более 50 % составляет материал XIV – первой половины XVI вв. К наиболее раннему периоду (XIII–XIV вв.) можно отнести фрагменты серой керамики (8 шт.), в основном это венчики горшков (отогнутые наружу с заворотом внутрь). Значительную группу составляет также керамическая посуда XVIII–XIX вв.

Пласт 2. Всего 293 фрагмента. Представлен весь корпус керамики. К ранней (XIII–XIV вв.), принадлежит 11,6 % материала. Присутствуют также фрагменты сосудов XV–XVI вв. Около половины всей керамики составляет материал XVIII–XIX вв.

Пласт 3. Наиболее богат на керамический материал. Отсюда происходит 36,4 % (760 фрагментов) всей керамической коллекции, собранной в раскопе II. Представлен весь спектр от XIII до XIX вв. К поздней посуде XVIII–XIX вв. относится 14,5 %. Значительна доля керамики конца XV–XVI вв.: более 40 %. Около 10 % составляют фрагменты горшков серой и красноглиняной грубой керамики XIII–XIV вв.

Пласт 4. Всего 202 фрагмента. Преобладает керамика XIII–XVI вв., причем ранняя керамика (XIII–XIV вв.) составляет большинство – 27,3 %, в то время как поздней стало значительно меньше. Не более 10 % всего материала принадлежат сосудам

XVIII–XIX вв.

Пласт 5. Всего 97 фрагментов. Присутствует как ранняя керамика XIII–XIV вв. (24,7 %, фрагменты серых и красноглиняных грубых горшков), так и поздняя, однако процент последней невелик. Единичными фрагментами представлена и посуда конца XVII–XVIII вв. (обломки чернолощенных и белоглиняных сосудов), керамика XIX в. отсутствует вовсе. Почти половину (46,4 % всего материала) составляет красноглиняная красная керамика.

Пласт 6. Всего 43 фрагмента керамики (в основном фрагменты сосудов XIV–XVI вв.), около 10 % относятся к XVIII в.

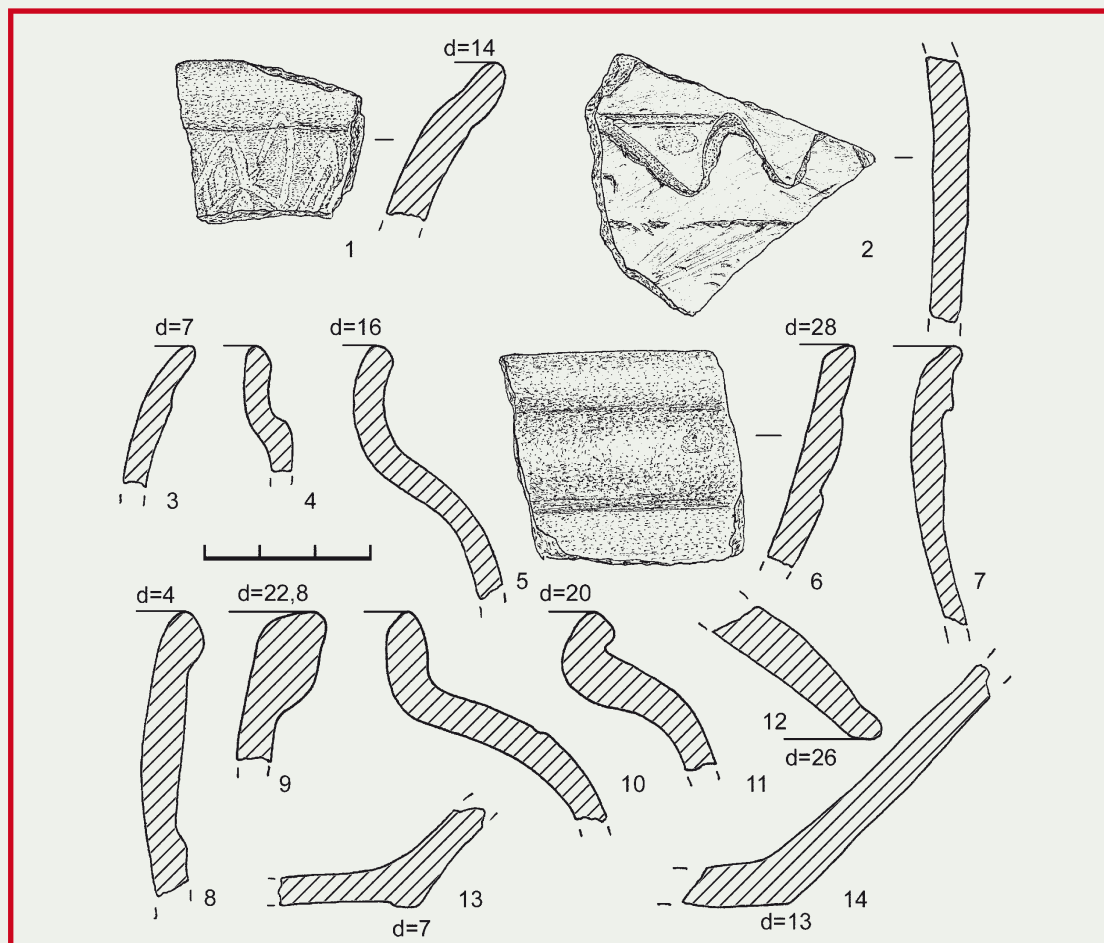
Постройка 1. Всего 74 фрагмента керамики. Более половины составляют фрагменты красноглиняной гладкой керамики (XV–XVI вв.); 28,4 % – ранняя керамика (XIV в.). Несколько фрагментов относятся к поздним сосудам.

Сооружение 1. Обнаружен один фрагмент донца чернолощеного сосуда (вероятно, кувшина).

Сооружение 2. Всего 3 фрагмента керамики XVI в.

Сооружение 3. Всего 27 фрагментов. Представлена керамика XIV–XVI вв. и XVIII в.

Сооружение 4. 3 фрагмента: 1 – красно-

Ил. 3. Раскоп 1. Слой 1. Керамика гончарная: 1–5 – чернолощеноя; 6–8, 12, 13 – мореная, 9 – белоглиняная; 10–11 – неполвная поздняя гладкостенная, 14 – краснолощеноя поздняя. 1, 9 – кв. Г-26; 2 – кв. Е-25; 3, 4, 10 – кв. Д-24; 5, 7 – кв. Д-26; 6, 8, 12 – кв. З-24; 11 – кв. Г-25; 13 – кв. Д-23; 14 – кв. Д-27.

глиняной грубой керамики и 2 – красноглиняной гладкой.

Сооружение 5. 8 фрагментов керамики XV–XVI вв.

Сооружение 6. Всего 5 фрагментов, 4 из них принадлежат красноглиняным сосудам (горшкам) XV – начала XVI вв., кроме того, найден 1 фрагмент ошлакованной керамики.

Сооружение 7. Всего 3 фрагмента стенок керамических сосудов: по одному красноглиняной грубой, красноглиняной гладкой и чернолощеной сплошь.

Траншея. Всего 19 фрагментов керамики. В основном это обломки красноглиняных сосудов XIV–XVI вв.

Погребения.

Керамический материал обнаружен в 26 погребениях. Всего 173 фрагмента. По составу керамического материала, собранного в заполнении погребений можно выделить 3 группы погребений.

Первая группа. В заполнении погребений № № 35, 40, 49, 51, 52, 56–58, 62, 69, 77, 98 представлены лишь фрагменты ранних

красноглиняных сосудов XIV – начала XVI вв.

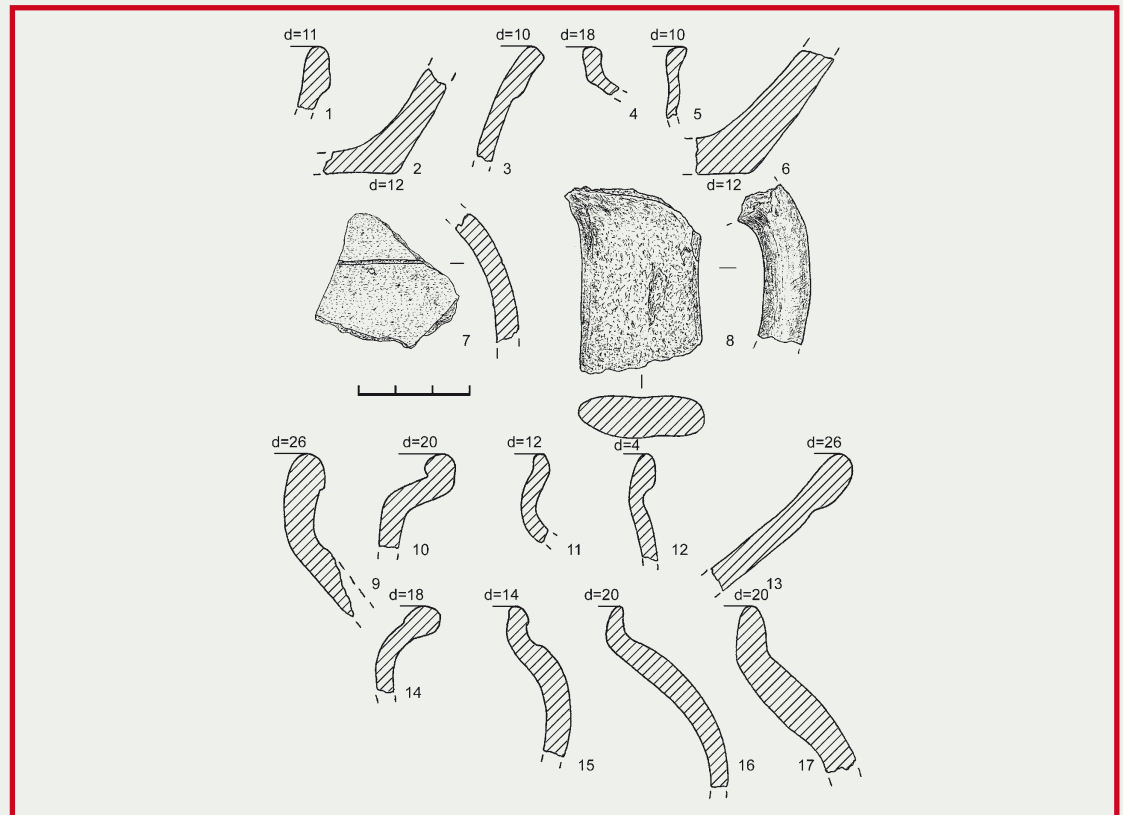
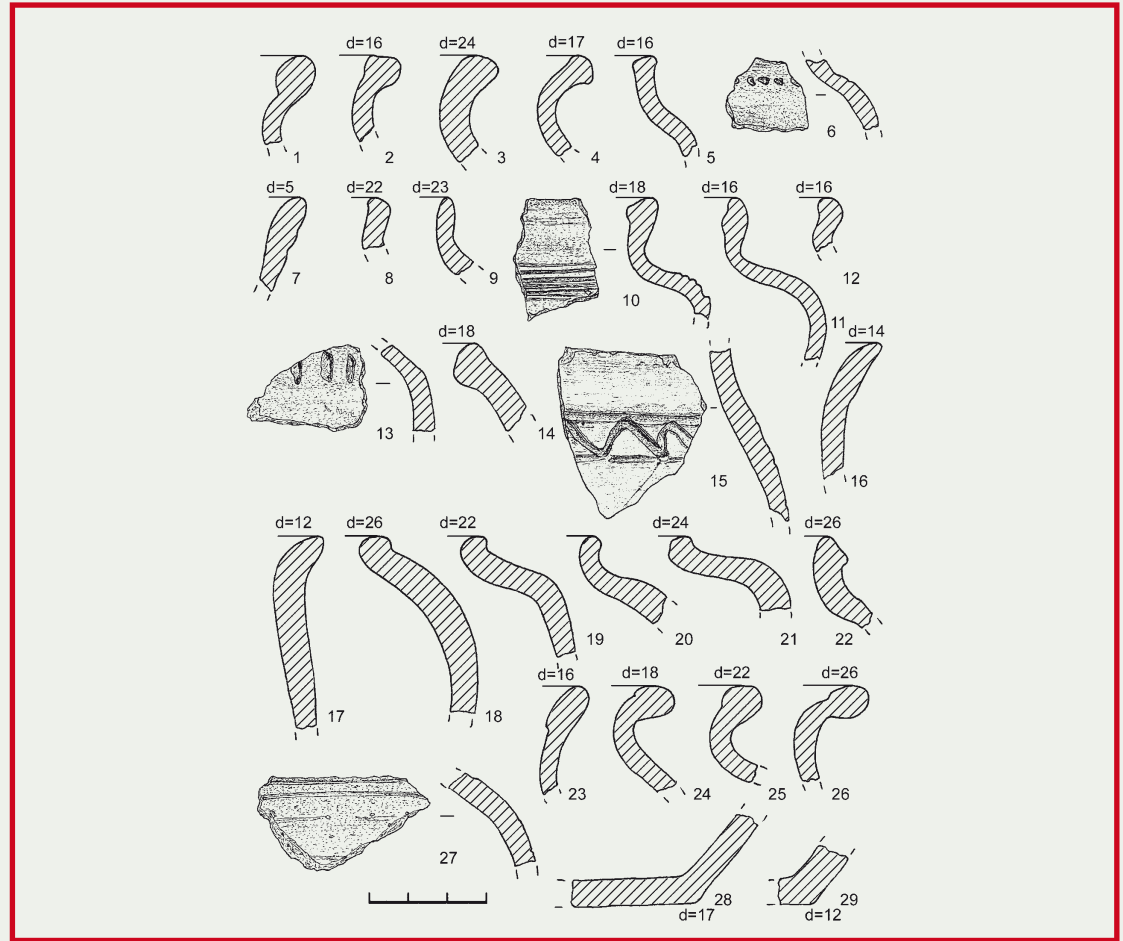
Вторая группа. В заполнении погребений № № 33, 34, 36–39, 41, 42, 48, 54, 67, 71, 76 обнаружены фрагменты как керамики XIV–XV вв., так и более поздней посуды XVIII в.

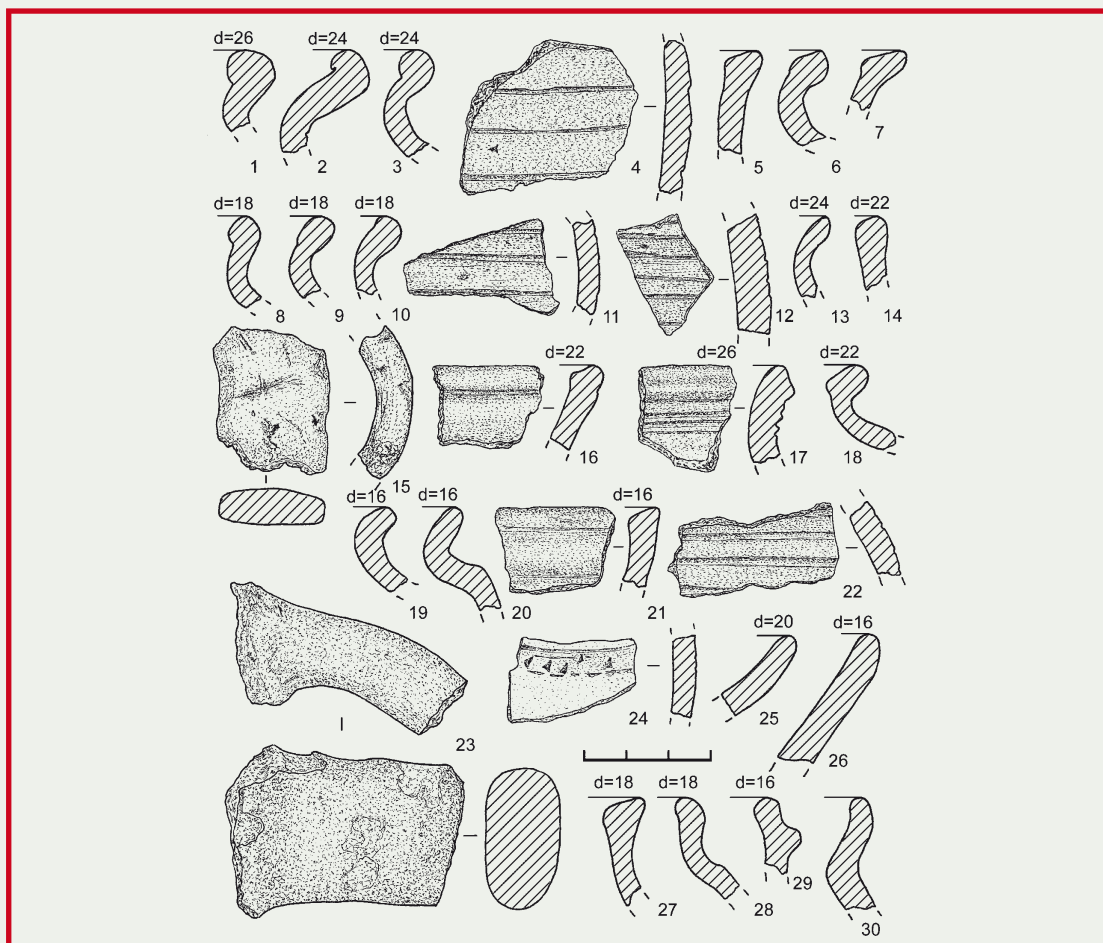
Третья группа представлена погребением № 74, где обнаружен только поздний фрагмент (стенка белоглиняного горшка) XVIII в.

Отметим, что во всех пластах, а также в заполнении постройки 1; сооружения 6; погребений № № 52, 54 и 71 встречены единичные фрагменты ошлакованной керамики.

Ил. 4. Раскоп 1. 1–22 – слой 2; 23–29 – слой 2А. 1, 24–26 – серая; 2–5, 23, 29 – красноглиняная грубая; 6–12, 27 – красноглиняная гладкая; 13 – белоглиняная; 14–16, 28 – чернолощеная; 17 – мореная; 18–22 – неполированная поздняя гладкостенная. 1 – кв. В-26; 2 – кв. Г-24; 3, 8 – кв. Г-25; 4, 7, 17, 19 – кв. Е-22; 5, 13 – кв. Е-24; 6, 18 – кв. З-22; 9 – кв. Д-27; 10, 21, 22 – кв. Ж-22; 11 – кв. Ж-25; 12, 15 – кв. З-23; 14 – кв. Е-23; 16 – зачистка стенки; 20, 28 – кв. Е-26; 23–26, 28 – кв. Д-25; 27 – кв. Г-27.

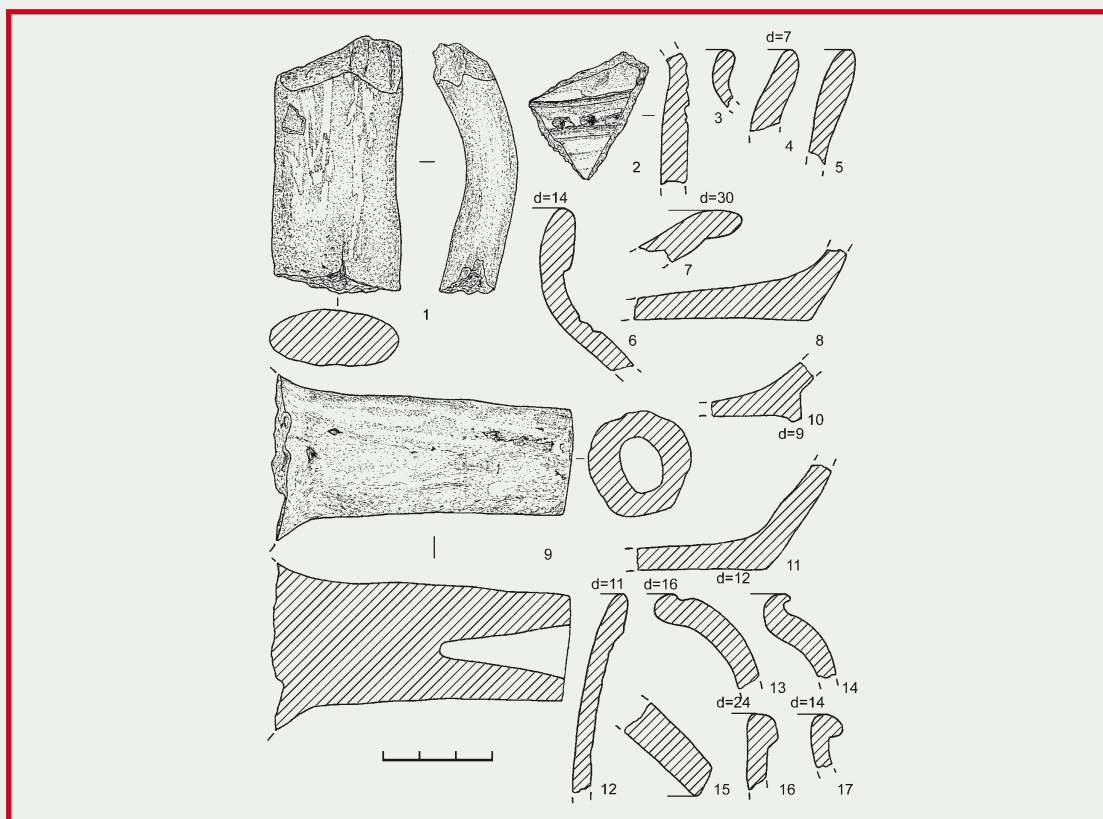
Ил. 5. Раскоп 1. Керамика гончарная: 1 – мореная; 2, 4, 7, 11, 15, 16 – красноглиняная гладкая; 3, 6, 8, 9, 12, 13 – чернолощеная; 5 – поливная; 10 – серая; 14 – красноглиняная грубая; 17 – неполированная поздняя гладкостенная. 1–2 – слой 3; 3–6 – слой 4; 7 – слой 7; 8 – слой 9; 9 – погребение 5; 10 – погребение 8; 11–13 – заполнение часовни; 14–16 – отвал; 17 – траншея 1.

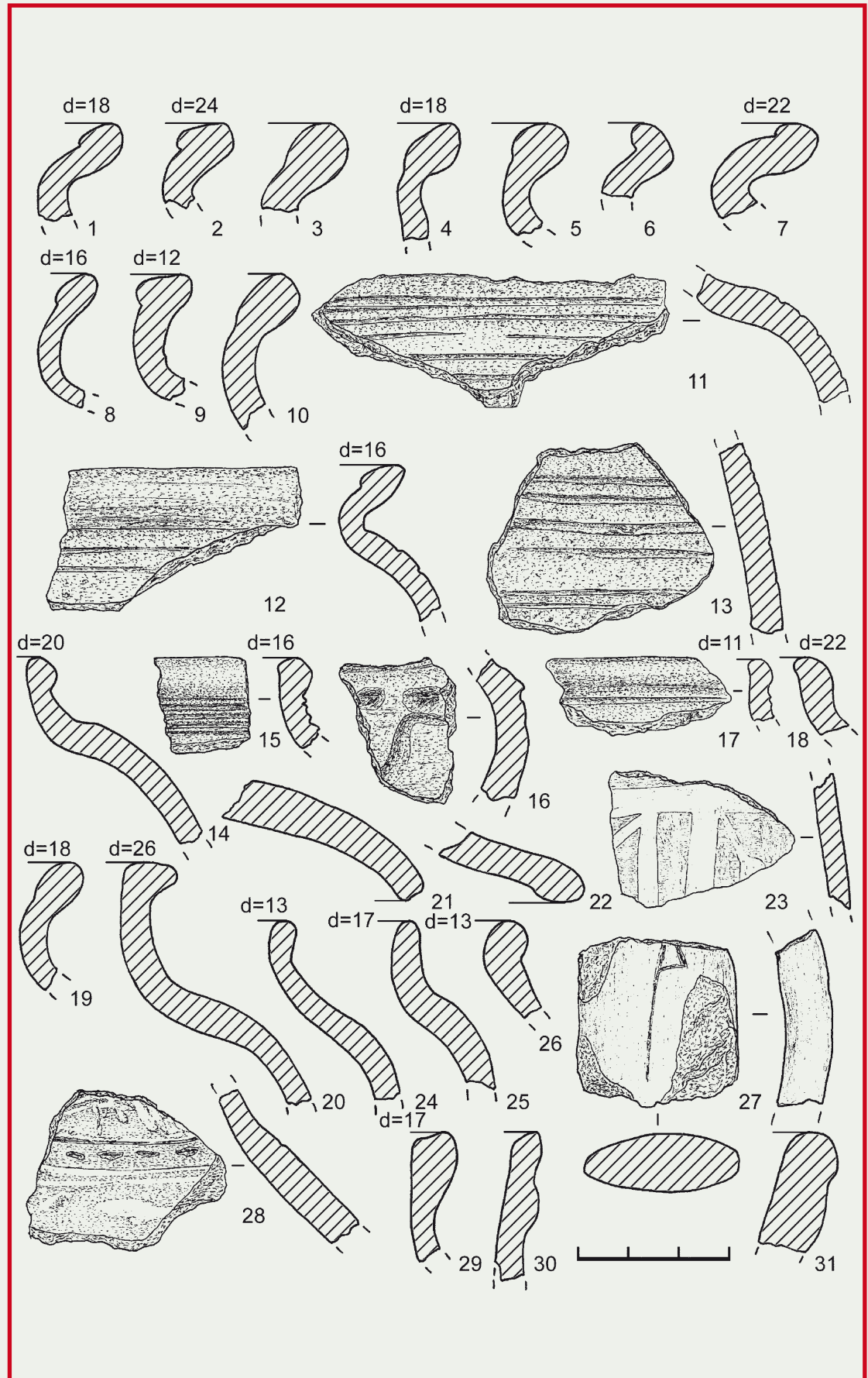

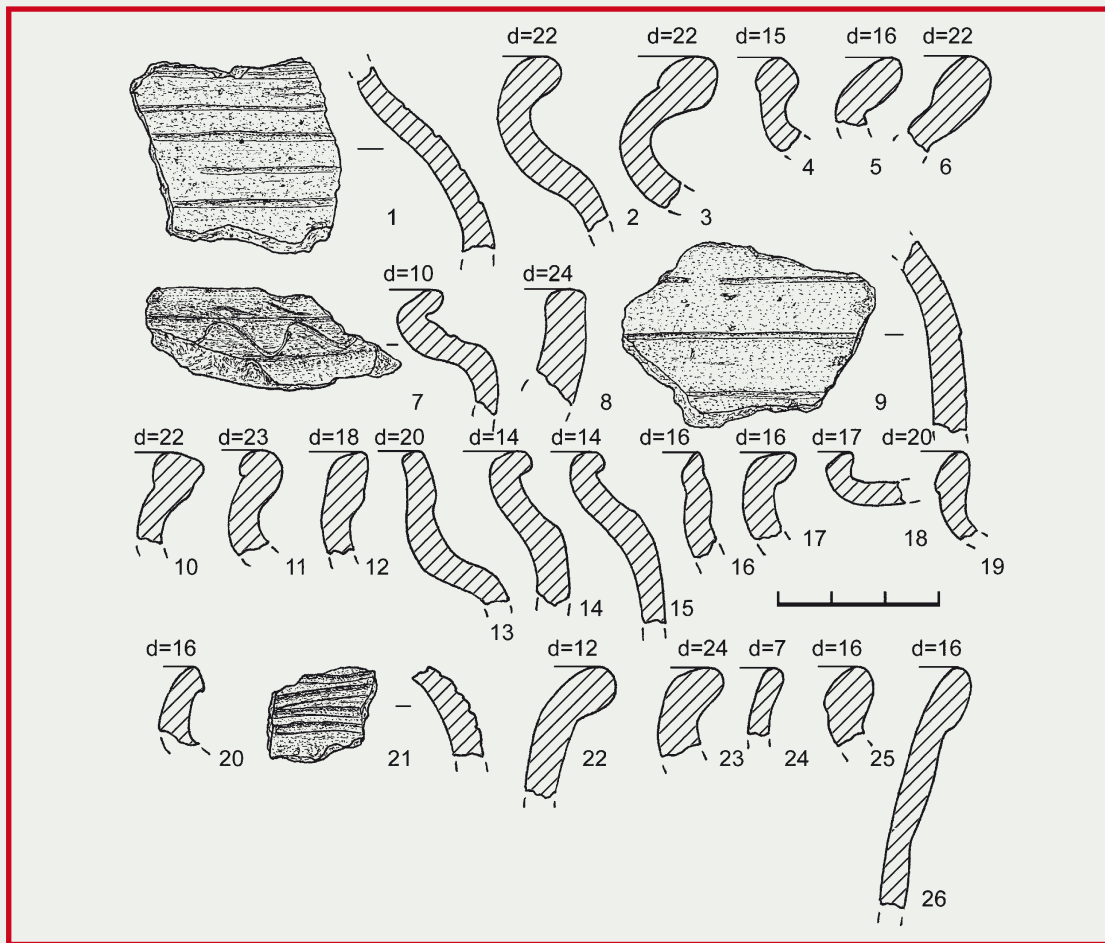
Ил. 6. Раскоп 2. Пласт 1. Керамика гончарная: 1–3 – серая; 4–11 – красноглиняная грубая; 12–23 – красноглиняная гладкая; 24 – красноощеная; 25–26 – мореная; 27–30 – белоглиняная. 1 – кв. 6; 2, 6, 24 – кв. 18; 3 – кв. 24; 4, 12 – кв. 1; 5, 11 – кв. 15; 7, 14, 29 – кв. 19; 8, 18, 28, 30 – кв. 16; 9, 19, 22 – кв. 23; 10, 25 – кв. 21; 13 – кв. 11; 15 – кв. 9; 16, 17 – кв. 10; 20 – кв. 20; 21, 26 – кв. 22; 23 – кв. 12; 27 – кв. 8.

Ил. 7. Раскоп 2. Пласт 1. Керамика гончарная: 1–11 – черноощеная; 12–17 – неполиваная поздняя гладкостенная. 1 – кв. 4; 2, 9 – кв. 6; 3 – кв. 8; 4, 6, 13 – кв. 16; 5 – кв. 18; 7 – кв. 22; 8 – кв. 14; 10, 17 – кв. 24; 11 – кв. 19; 12, 15 – кв. 3; 14 – кв. 21; 16 – кв. 23.

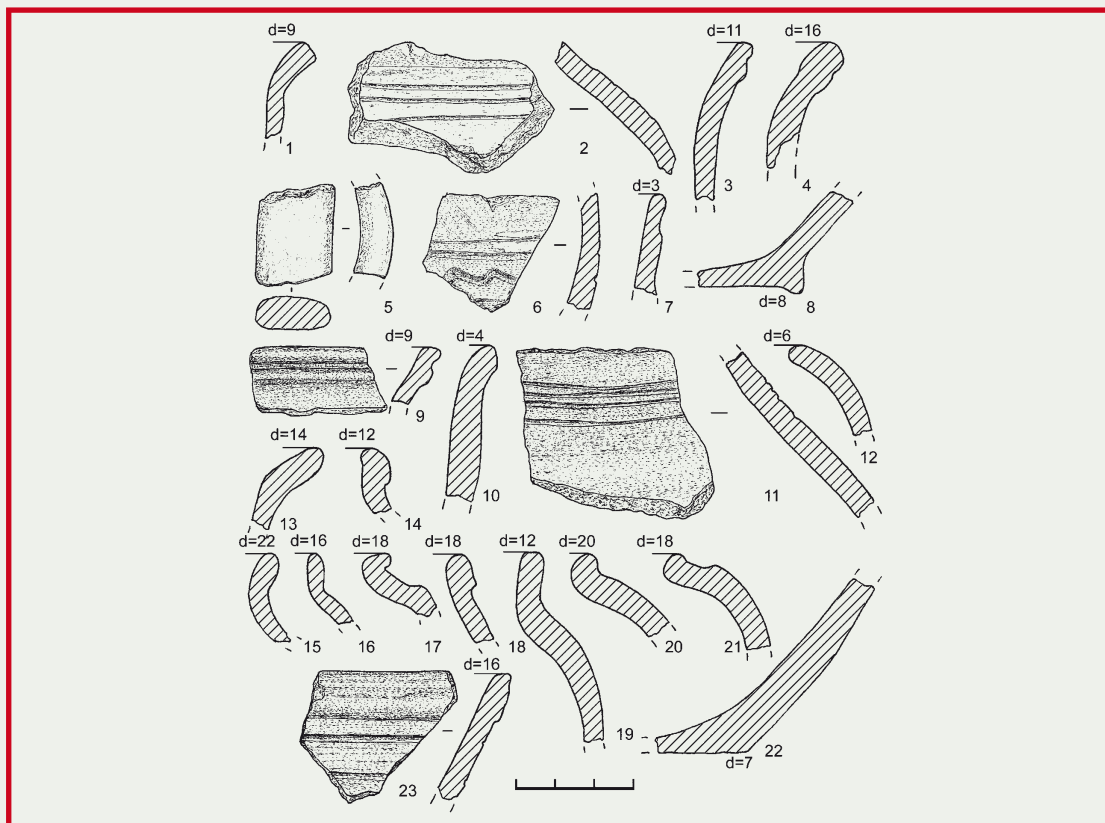
Ил. 8. Раскоп 2. Пласт 2. Керамика гончарная: 1–7 – серая; 8–13, 22 – красноглиняная грубая; 14–21 – красноглиняная гладкая; 23 – краснолощеная; 24–31 – чернолощеная. 1 – кв. 12; 2–4, 13 – кв. 13; 5, 17, 23 – кв. 18; 6, 18–20, 25, 26 – кв. 19; 7, 12 – кв. 21; 8 – кв. 3; 9, 11, 14–16, 21 – кв. 14; 10, 28 – кв. 20; 22 – кв. 23; 24 – кв. 16; 27, 30 – кв. 10; 29 – кв. 4; 31 – кв. 15.

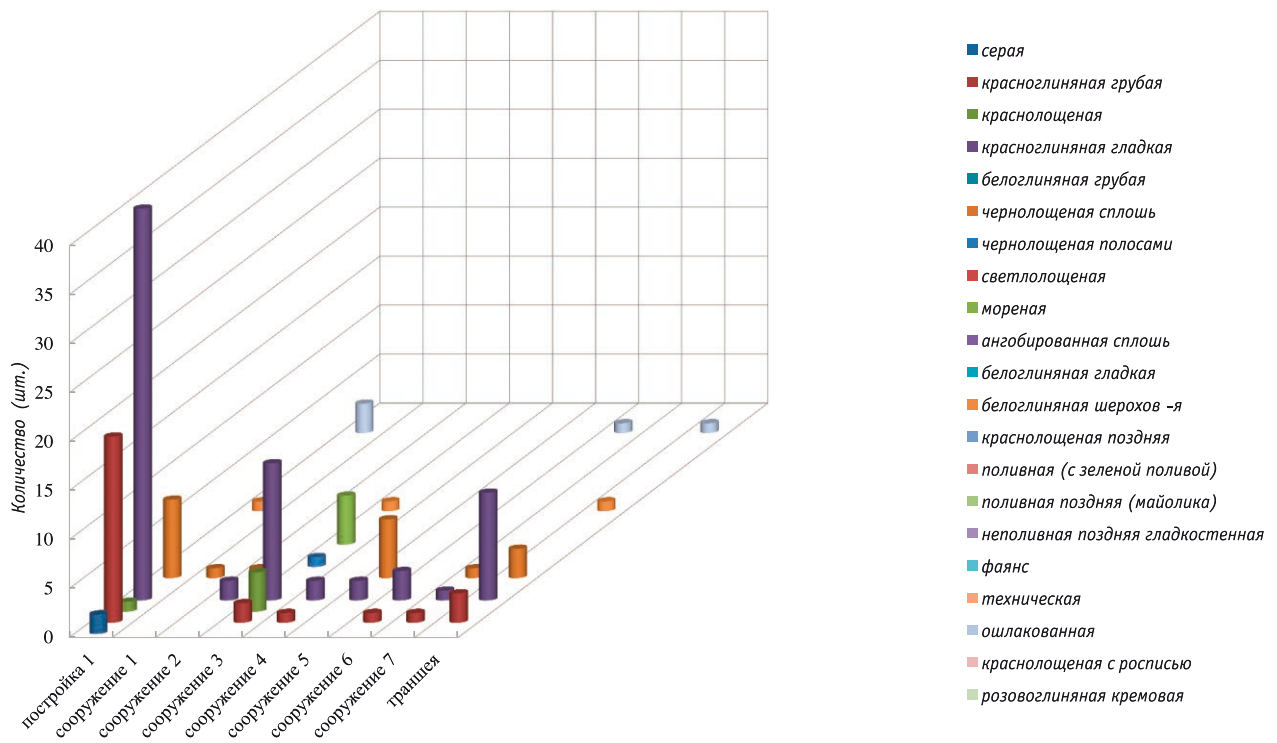

Ил. 9. Раскоп 2. Пласт 3. Керамика гончарная: 1–6 – серая; 7–12 – красноглиняная грубая; 13–25 – красноглиняная гладкая; 26 – кремовая. 1, 11, 15, 16 – кв. 14; 2, 22, 23, 26 – кв. 19; 3–5, 12, 21 – кв. 17; 6 – кв. 23; 7, 19, 20 – кв. 16; 8 – кв. 21; 9, 24 – кв. 24; 10 – кв. 1; 13 – кв. 7; 14 – кв. 13; 17, 18 – кв. 15; 25 – яма 1.

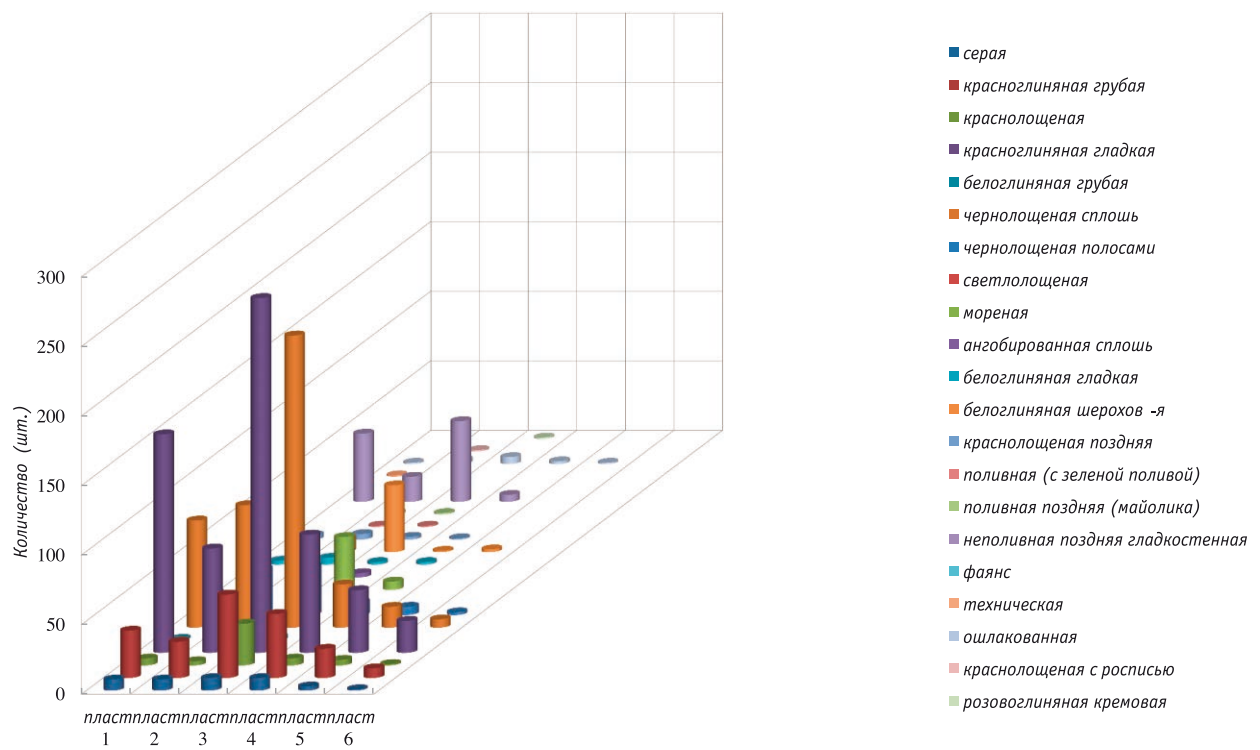
Ил. 10. Раскоп 2. Пласт 3. Керамика гончарная: 1–8, 22 – чернолощечная; 9–15 – мореная; 16–19 – белоглиняная; 20–21 – неполовиная поздняя гладкостенная; 23 – краснолощечная. 1 – кв. 4; 2 – кв. 6; 3, 4, 9 – кв. 11; 5 – кв. 13; 6, 10 – кв. 15; 7, 18, 19 – кв. 17; 8, 21, 23 – кв. 16; 11 – кв. 18; 12, 22 – кв. 19; 13 – кв. 8; 16, 17, 20 – кв. 14.

Распределение керамического материала в постройках и сооружениях. Раскоп 2

Распределение керамического материала по пластам. Раскоп 2

Приложение 4

Рассказова А.В.

Материалы антропологического анализа

Раскоп 1: погребения в склепах; перезахоронения и скопления, относящиеся к усыпальнице.

При раскопках XIX века, часть погребений, находившихся в усыпальнице, была разрушена. Кости из разрушенных погребений были перезахоронены в ямах или положены в склепы. Вероятно, к некрополю усыпальницы относятся кости из ямы № 2 (перезахоронены после работ 1850-х годов) и, возможно, из ямы № 3 и № 4. Кости из этих перезахоронений можно рассматривать как относящиеся к усыпальнице.

В раскрытой части усыпальницы сохранились и подлежали осмотру также погребения, совершенные вне склепов (№ № 16, 17, 29, 30, 30а). Из них погребения № 16 и № 17 находились под склепами и совершены раньше их постройки, а возможно – и ранее постройки самой усыпальницы (погребение № 17 ориентировано иначе, чем все кладбище внутри усыпальницы, что доказывает его более раннее происхождение).

В целом к захоронениям в пятне усыпальницы мы относим останки 72 индивидов, они включают в себя погребения в склепах, погребения в земле, на территории палатки, перезахоронения и заполнение склепов.

Погребения в склепах представляют особый интерес.

Было исследовано семь склепов. В шести из них сохранились погребения

Склеп № 1

Осмотру подлежала только часть черепа.

Женщина 20–30 лет.

Склеп № 3

Скелет очень плохой сохранности, сильно фрагментированный.

Женщина 25–50 лет.

Склеп № 8

Скелет ребенка 4–5 лет.

Склеп № 11

Скелет плохой сохранности, сохранились только диафизы бедренных и плечевых костей.

Мужчина 40–55 лет.

Склеп № 12

Скелет ребенка – 1,5–2 года.

Склеп № 13

От погребения в склепе сохранились только незначительные фрагменты теменных костей.

Склеп № 16

Погребение не сохранилось.

Женские погребения на территории усыпальницы составляют всего около трети (мужчин 61 %, женщин 32 %, 7 % детей), но этот процент существенно выше, чем по раскопу в целом и, в сравнении со вторым раскопом. К усыпальнице относятся и все детские погребения

ния – что само по себе очень мало в сравнении с обычным городским некрополем, но заметно отличается от полного отсутствия детских скелетов вне усыпальницы.

Таблица 1.

Преобладание мужских погребений можно объяснить тем, что некрополь принадлежал мужскому монастырю. Сравнительно больший процент женщин, чем на остальном кладбище – наличием погребений из семейной усыпальницы.

Обращает внимание распределение по возрасту. В данной группе довольно много пожилых (старше 50 лет) людей – 19,3 % взрослого населения.

Средний возраст смерти мужчин – 40,9 лет, женщин – 35 лет.

Таблица 2.

Изученная группа обладала довольно массивным костяком и сильной выраженностью полового диморфизма. Необходимо отметить и большое морфологическое разнообразие.

Отмечено три случая травм свода черепа, при которых удар наносился сверху и немного сзади. Эти травмы обычно связывают с намеренной агрессией.

Некоторые индивиды существенно отличались от остальных сильной матуризованностью скелета, большим количеством травм и присутствием морфологических изменений, называемых «комплекс всадника», связанных с тем, что человек много времени проводил в седле. Можно сделать вывод, что эти погребения принадлежали военным. Также на это указывает довольно частая встречаемость тяжелых переломов со смещением.

В изученной группе населения зафиксированы два случая сифилиса: скелет из заполнения склепа № 14 и погребение № 16 и один случай туберкулеза. Встречаемость зубных заболеваний и заболеваний позвоночника в усыпальнице ниже, чем на других участках кладбища. Встречаемость кариеса 18,5 %, 3 % – одонтогенный остеомиелит, 51,9 % – прижизненная потеря зубов. Сложные переломы часто со смещением встречаются у 6 % погребенных, хрящевые грыжи на позвонках у 10 %, краевые разрастания на позвонках у 21 %. Отмечено два случая перелома носа у мужчин и два случая *cribra orbitalia*¹ у ребенка и молодой женщины.

Раскоп 1 и 2. Кладбище (без усыпальницы).

Антропологический материал был представлен погребениями и немногочисленными находками отдельных костей, принадлежавшими разрушенным погребениям.

Общее количество индивидуумов 97. Полностью отсутствуют детские погребения. Отмечено большее, чем в погребениях, принадлежавших усыпальнице, преобладание мужчин.

Мужчин 84 %, женщин 16 %.

Таблица 3.

Средний возраст смерти мужчин – 38,1 лет, женщин – 39,5 лет.

Таблица 2.

Для изученной группы характерен большой процент зубных заболеваний, таких как кариес, одонтогенный остеомиелит и случаи прижизненной утраты зубов. Встречаемость кариеса 22,2 %, одонтогенный остеомиелит 8,3 %, прижизненная потеря зубов 83,3 %. Сложные переломы встречаются у 15,6 % погребенных, хрящевые грыжи на позвонках у 18 %, краевые разрастания на позвонках у 33 %.

Частая встречаемость заболеваний позвоночника может быть объяснена трудовой деятельностью, связанной с поднятием тяжелых предметов (например, строительство); на это же указывает многочисленные тяжелые переломы со смещением. Отмечены четыре случая перелома носа у мужчин. Отмечены два случая туберкулеза.

Для группы отмечен более низкий процент пожилых людей: 13,2 % взрослого населения.

Краниометрические данные.

Все хорошо сохранившиеся черепа из первого и второго раскопов были измерены по краниометрической программе.

Погребения в склепах были очень плохой сохранности, черепа практически не сохранились. Из погребений в земле на территории усыпальницы удовлетворительно сохранился череп в погребении № 30. По нему была сделана графическая реконструкция лица и еще графические реконструкции были сделаны по черепам № 58, 59 из заполнения склепа № 14. Также была сделана скульптурная реконструкция по черепу из погребения № 35 (ил. 1)

Лучше всего сохранились черепа из

¹ Мелкие отверстия в стенках глазниц. Признак анемии и нехватки витамина С.

перезахоронений и ям, они и были в основном включены в дальнейший краниологический анализ, как принадлежащие усыпальнице. Общая численность изученной серии составила 40 черепов. Из которых 11 черепов принадлежало людям, погребенным в усыпальнице, а 29 – погребенным на монастырском кладбище за территорией усыпальницы. Женские черепа были малочисленны и не вошли в анализ. В программу исследования входили 27 признаков стандартной краниометрической программы (Алексеев, Дебец, 1964) и 10 признаков, применяемых при реконструкции лица по черепу (Лебединская, 1998). Кроме стандартных указателей: черепного (8:1) и высотно-поперечного (17:8), вычислялись также метрические параметры, характеризующие абсолютную величину черепной коробки и её форму, обычно используемые в подобных работах (Пестряков, Григорьева, 2004). Общая ростовая величина вычисляется векторным сложением основных взаимно перпендикулярных диаметров черепа – продольного (признак № 1 по Мартину), поперечного (№ 8) и высотного от ба (№ 17), по формуле $OPB = (12+82+172)^{1/2}$. В качестве сравнительного краниологического материала были привлечены данные по славянским сериям, географически близким к территории Суздаля. Из обширной сводки Т.И. Алексеевой (1973) были взяты данные по территориально близким группам славян: серия кривичей Владимиро-Рязанской группы и серия кривичей Ярославской группы, датируемые X–XII вв. Также в качестве сравнительного материала были привлечены современные краниосерии русских центральных районов, датируемые XVII–XVIII вв. (Алексеев, 1969).

На основе измерений, применяемых в реконструкции лица, путем прибавления толщины мягких тканей или расчета по уравнениям регрессии (Балуева, Веселовская, 2004), были восстановлены размерные характеристики головы, аналогичные традиционно применяемым при исследовании живого населения (Бунак, 1941). Использование этих размеров позволило провести сравнение со средними значениями соответствующих морфологических параметров современного русского населения, собранных Т.И. Алексеевой с 1955 по 1959 г. в составе Русской антропологической экспедиции, под руководством В.В. Бунака. Для сравнения была выбрана группа русских Владимирской области и г. Коврова, как наиболее близкая в территориальном отно-

шении к исследованной выборке (Алексеева, 1965).

Мы сравнили на достоверность различий средних значений краниометрических признаков две группы: погребенные в усыпальнице и погребенные на монастырском кладбище за территорией усыпальницы. Результаты проверки неоднородности средних значений в этих группах не выявили значений ошибки среднего $<0,05$. Следовательно, можно говорить о недостоверности различия средних значений краниометрических признаков между похороненными в усыпальнице и похороненными на кладбище. В связи с этим группы были объединены в одну группу некрополя Спасо-Евфимиева монастыря, и в дальнейшем анализировались как одна выборка.

Средние значения краниометрических признаков, величины стандартных отклонений и численность наблюдений приведены в таблице 1.

Черепя характеризуются крупной брахикранной черепной коробкой, высотный и продольный диаметры попадают в пределы средних, поперечный диаметр в пределы больших величин. Наименьшая и наибольшая ширина лба, верхняя ширина лица, биорбитальная хорда, симотическая ширина, угловая ширина нижней челюсти, также превышают средние размеры. Высота носа, симотическая высота, угол выступления носа попадает в категорию больших размеров. Исключение составляет ширина орбиты, которая попадает в категорию малых величин (Алексеев, Дебец, 1964). Лица сильно профилированные – зигомаксиллярный и назомолярный углы попадают в категорию малых величин.

Наблюдается повышенная вариабельность ряда признаков, что проявляется в повышении величин стандартных отклонений по сравнению со средними значениями этих параметров. Это позволяет говорить о сильной неоднородности выборки. Довольно велика дисперсия значения черепного указателя – при средней типичной брахикрании, встречается долихо и даже изредка ультрадолихокrania, у ряда черепов выражены гипербрахикrania (черепной указатель выше 90). Черепной указатель близок к среднетипичным русским сериям близких территорий Центральной России и, разумеется, заметно превосходит славянские серии этих же территорий (Алексеева, 1973).

Высотно-поперечный указатель более однороден, близок к средним русским сери-

ям. Отличается от древних славян этой же территории в сторону уменьшения этого указателя. Таким образом, на этой территории идет уменьшение высоты свода черепа.

По абсолютной величине черепа эта серия несколько более крупная и превосходит средние русские серии Центральной России (Алексеев, 1969). Также крупнее славянских серий вятичей.

Из таблицы № 2 хорошо видно, что серия г. Суздаля достоверно отличается от более поздней русской серии по продольному диаметру черепа – больший, чем у привлеченной для сравнения группы. От древних славянских серий достоверно отличается по поперечному диаметру – больший, чем в славянских группах.

По большинству размерных параметров лицевого скелета данная серия достоверно отличается от привлеченных для сравнения групп как древних, так и современных большими широтными размерами, такими как: наименьшая ширина лба, скуловой диаметр, верхняя ширина лица, средняя ширина лица, нижнечелюстной диаметр. Отмечено увеличение высоты орбиты и ширины орбиты в сравнении с древними славянскими сериями, также уменьшение ширины грушевидного отверстия.

Обобщенные портреты жителей Спасо-Евфимиева монастыря.

Изученная группа, в целом обладала достаточным единообразием по форме головы и по строению отдельных элементов лица. Многие из этих особенностей являются типичными для современных русских: лицо средней ширины, прямой или слабо-наклонный лоб с мало выступающим надбровьем, небольшое преобладание высокого переносья и значительной вертикальной профилировки, прямое или слегка приподнятое основание носа (Происхождение и этническая история русского народа, 1965).

Мужчины Суздаля характеризовались мезоцефалией (головной указатель 80,6), при среднем значении продольного и поперечного диаметра. Скуловой и нижнечелюстной диаметры попадают в категорию средних значений. Физиономическая и морфологическая высота лица имеют средние величины. Отличительной чертой мужчин Суздаля можно считать относительную узконосость (носовой указатель 58,9). Ширина рта не выходит за пределы средних значений.

Антропологическое сопоставление изученного населения с современным населением Владимирской области и г. Коврова.

Сопоставляя реконструированные антропологические характеристики серии черепов из некрополя Спасо-Евфимиева монастыря с современным населением Владимирской области и г. Коврова, была отмечена достаточно выраженная тенденция к грацилизации современного населения, т.е. постепенному уменьшению некоторых размерных характеристик.

По многим размерным параметрам отличия между сравниваемыми популяциями достоверны (таблица 2). Различия не коснулись лишь лицевого указателя и морфологической высоты лица для обеих современных групп, а также еще ширины лба для населения Владимирской области и поперечного диаметра и физиономической высоты лица для современного населения г. Коврова.

Изученная серия отличается от современного населения достоверно большим продольным диаметром головы и, соответственно, меньшим черепным указателем, что также указывает на процесс брахикефализации современного населения.

При анализе таблицы 3 отчетливо видно, что по широтным размерным характеристикам лица, таким как скуловой и нижнечелюстной диаметр представители реконструированной выборки достоверно превышают современных русских Владимирской области и г. Коврова.

Единственный признак, по которому современное население отличалось в сторону увеличения – это ширина носа, а также связанный с ним носовой указатель. По высотным размерам (физиономическая и морфологическая высоты лица, высота носа) анализируемая выборка находится в пределах средних значений по средне-европеоидному масштабу.

В целом можно говорить о процессе грацилизации признаков лица и брахикефализации черепа происходящих во времени, т.е. от средневековья до современности.

Литература

- Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1964.
- Алексеев В.П. Происхождение народов Восточной Европы (краниологическое исследование). М.: Наука, 1969.
- Алексеева Т.И. Этногенез восточных славян. М.: Издательство московского университета, 1973.
- Балуева Т.С., Веселовская Е.В. Новые разработки в области восстановления внешнего облика человека по краниологическим данным // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2004. № 1. С. 143–150.
- Бунак В.В. Антропометрия. Практический курс. М., 1941.
- Лебединская Г.В. Реконструкция лица по черепу (методическое руководство). // М.: «Старый Сад», 1998.
- Пестряков А.П., Григорьева О.М. Краниологическая дифференциация современного населения // Расы и народы. М., Наука, 2004. Вып. 30.
- Происхождение и этническая история русского народа. (В.В. Бунак, отв. ред). М.: Наука, 1965.

Таблица 1. Значения краниометрических признаков серии из некрополя Спасо-Евфимиева монастыря

Краниометрический признак	N	Средняя	S
1. Продольный диаметр	40	181	8,13
8. Поперечный диаметр	40	145,55	5,35
17. Высотный диаметр (от ба)	32	133,7	5,24
20. Ушная высота	37	113,8	3,81
11. Ширина основания черепа	37	127,2	3,64
5. Длина основания черепа	32	102,1	3,83
Общая ростовая величина (ОРВ)	32	267,64	7,50
8/1. Черепной указатель	40	80,78	4,55
Высотно-поперечный указатель	32	92,12	3,98
9. Наименьшая ширина лба	40	99,1	4,04
10. Наибольшая ширина лба	40	123,0	5,17
45. Скуловой диаметр	26	134,0	5,60
47. Полная высота лица	31	117,3	6,98
48. Высота верхней части лица	31	71,9	3,95
48/45	24	53,3	4,82
40. Длина основания лица	37	98,8	2,99
43. Верхняя ширина лица	36	106,3	3,66
54. Ширина носа	36	24,7	1,67

55. Высота носа	31	53,0	2,87
54/55	31	45	4,00
46. Средняя ширина лица	25	96,5	4,85
52. Высота орбиты	37	33,7	2,19
51. Ширина орбиты	37	39,9	1,96
52/51	37	82,5	6,21
43(1). Биорбитальная хорда	36	99,4	3,72
Высота точки nazion над биорбитальной хордой	25	18,5	2,97
77. Назомалярный угол	25	137,4	4,17
Высота subspinale над	25	24,6	3,25
ZM. Зигомаксиллярный угол	23	127,3	6,25
SC. Симотическая ширина	23	9,4	1,51
SS. Симотическая высота	23	4,8	1,14
SS/SC	23	51,6	12,1
75(1). Угол выступания носа	21	34,9	3,44
66. Нижнечелюстной диаметр	27	103,9	6,05

Примечание к таблицам 2 и 3.
Достоверность различия от величины соответствующего параметра серии по t-критерию Стьюдента обозначена знаками:

* – достоверно на 95 % уровне,

** – на 99 %,

*** – на 99,9 %.

Таблица 2. Мужская серия некрополя Спасо-Евфимиева монастыря на фоне территориально близких крапивоосерий.

Серии	Суздаль (n=40)	Русские московской губернии современные (n=12)	Кривичи ярославские (n=56)	Русские пен-тральных районов совре-менные	Средняя	σ	Средняя	σ	Средняя	σ
(n=160)	Кривичи ярославские (n=56)		Кривичи владими-рянской группы (кур-ганы)							
(n=20)										
Параметры	Средняя	Средняя	σ	Средняя	σ	Средняя	σ	Средняя	σ	σ
Продольный диа-метр	181	176,7	7,08	176,9**	6,46	182,3	9,00	183,1	6,72	6,72
Поперечный диа-метр	145,55	142,8	4,65	144,6	4,98	138,6***	5,66	136,0***	5,58	5,58
Высотный диаметр (от ба)	133,7	129,9*	4,81	132,3	5,01	135,5	65,64	134,9	5,38	5,38
Общая ростовая величина (ОРВ)	267,64	261,7**	6,00	264,02**	5,7	266,09	7,5	264,99	6,00	6,00
Черепной указатель	80,78	80,9	3,85	82,0	3,35	76,5***	4,42	74,5***	4,48	4,48
Высотнопопереч-ный указатель	92,12	91,1	5,86	91,6	4,35	98,0***	4,56	99,1***	5,16	5,16
Наименьшая шири-на лба	99,1	95,4**	4,09	97,7	5,00	96,2**	5,32	94,1***	4,78	4,78
Наибольшая шири-на лба	123,0	118,5**	4,96	122,2	5,22	116,7***	6,28	116,7***	6,44	6,44
Скуловой диаметр	134,0	129,8*	5,35	131,5**	5,15	130,0***	5,74	129,6**	4,31	4,31
Верхняя ширина лица	106,6	103,8*	3,47	104,5**	4,00	102,0***	4,55	104**	4,16	4,16
Ширина носа	24,7	24,3	1,83	24,8	1,93	25,5*	1,85	25,3	1,84	1,84
Высота носа	53,0	50,2*	2,21	51,2*	2,79	49,0***	2,92	49,5**	2,85	2,85
Полная высота лица	117,3	116,2	6,72	117,3	6,92	-	-	-	-	-
Нижнечелюстной диаметр	103,9	97,8**	5,19	99,8***	5,86	-	-	-	-	-
Средняя ширина лица	96,5	92,3***	4,13	93,6**	5,15	93,5**	5,91	92,9**	4,02	4,02
Высота орбиты	33,7	32,5	2,16	33,4	2,17	32,1*	2,54	32,9	2,31	2,31
Ширина орбиты	39,9	38,9	1,73	39,6	2,14	38,9**	1,95	38,9*	2,07	2,07

Таблица 3. Измерительные признаки у мужчин некрополя Спасо-Евфимиева монастыря в сравнении с территориально близкими группами современного населения.

мужчины	Суздаль, N=40		Влади- мирская область, N=83		Ковров, N=82	
	среднее	S	среднее	S	среднее	S
продоль- ный диа- метр	193,9	8,24	186,4***	4,9	190,8*	6,1
попереч- ный диа- метр	155,5	5,44	153,2**	4,9	155,9	4,8
головной указатель	80,6	4,31	82,2*	2,9	82,2*	3,2
ширина лба	109,1	4,04	109,2	5,0	110,5*	4,1
скуловой диаметр	144	5,6	140,4***	5,4	141,8*	4,8
нижнече- люстной диаметр	113,9	6,05	109,2***	5,8	111,5*	5,0
ФВЛ	187,5	5,71	190,0*	8,5	186,5	7,4
МВЛ	128,6	7,52	126,8	5,9	126,6	5,5
лицевой указатель	89,0	5,83	90,3	4,3	89,1	4,1
высота носа	58	3,4	55,1***	3,3	56,4*	3,8
ширина носа	34,0	0,91	34,7**	2,0	35,0**	3,0
носовой указатель	58,9	4,51	63,4***	5,2	61,8**	6,1
ширина рта	59,4	2,48	51,0***	3,6	48,9***	3,6

Примечание к таблицам 2 и 3.
Достоверность различия от величины соответствующего параметра серии по t-критерию Стьюдента обозначена знаками:

* – достоверно на 95 % уровне,

** – на 99 %,

*** – на 99,9 %.

Приложение 5

Елкина И.И.

Текстиль из усыпальницы князей Пожарских и Хованских. Спасо-Евфимиев монастырь, 2008 г.

Осенью 2008 г. на исследование поступили текстильные остатки, полученные при проведении археологических раскопок летом этого года. Все фрагменты прошли первичную очистку и пластификацию. В процессе проведенных мероприятий определились следующие текстильные предметы, фрагментами которых является сохранившийся текстиль.

Волосник

Склеп № 3. Погребение № 15.

Средневековый волосник – головной убор замужней женщины, состоящий из шелкового очелья и ажурного верха. Волосник надевался непосредственно на прическу, стягивался сзади шнурком и плотно облегал голову.

Очелье волосника представляло собой полосу шелковой ткани, украшенную растительным орнаментом в технике золотной вышивки. От очелья сохранились лишь фрагменты золотного шитья (ил. 1). Шелковая ткань очелья частично уцелела только под шитьем. Длина очелья полностью не реконструируется, но составляет не менее 35,5 см.

Очелье шириной 4,3 мм в центральной части, 38 мм по краю, шито из красной шелковой ткани полотняного переплетения. Плотность нитей по основе – 55 н/см, по утку – 50 н/см; нити некрученые.

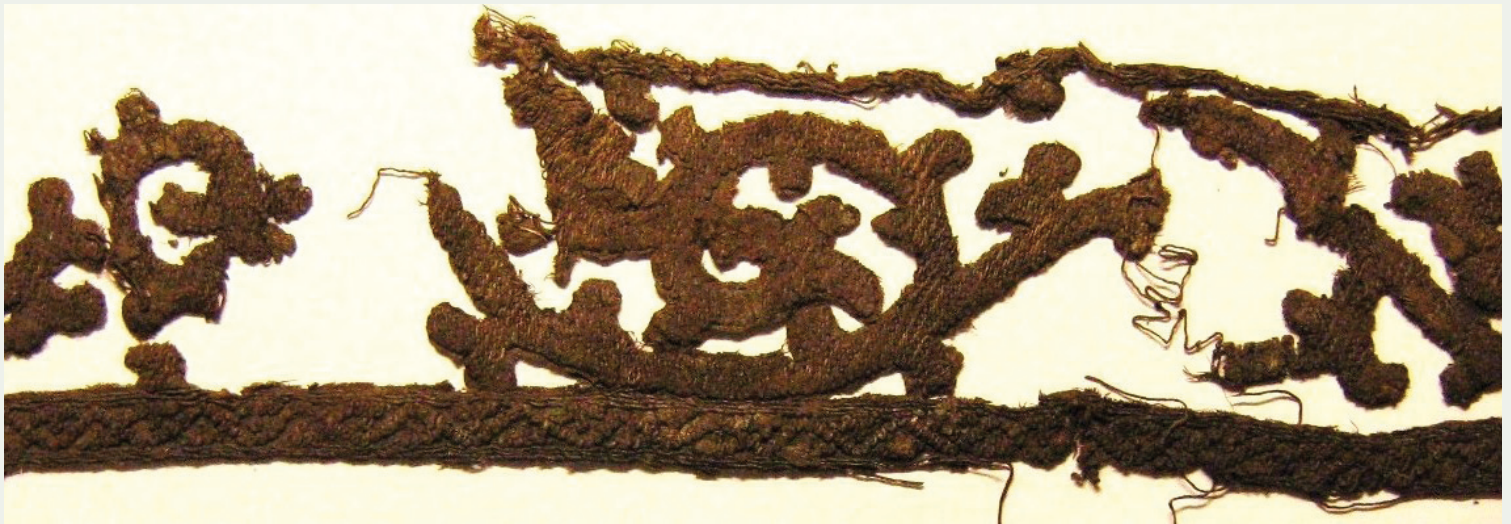
Золотное шитье выполнено в технике вышивка в прикреп золотными пряженными нитями. Настил золотных нитей вертикальный. Шелковые закрепы на золотных нитях выполнены через каждые 2 мм и создают частые диагональные полосы, имитирующие саржевое ткачество. Растительный орнамент золотного шитья проходит волнообразно по всему очелью. По нижнему краю очелья проходит растительный побегок с трилистниками высотой 7 мм.

Ажурный верх волосника плетен из тонких металлических (золотных) пряденых нитей в технике плетения на деревянной рамке (sprangtechnic) (ил. 2, 3).

Мужские рубахи

Остатки рубах были обнаружены в пяти захоронениях. Во всех случаях от рубах сохранились лишь декоративные элементы отделки, выполненные в технике вышивки и плетения, и частично сохранившие окрашенную шелковую основу. Сами рубахи, очевидно, были сшиты из тканей, изготовленных из растительного сырья (льна) или неокрашенного шелка, которые в грунте практически не сохраняются.

Русский традиционный костюм был консервативен в течение долгого времени. Облик средневековой рубахи также был довольно устойчив. Средневековая мужская рубаха шилась из холста или шелка, имела туникообразный покрой с глубоким прямым или косым разрезом на груди без воротника. По бокам стана рубахи вшивались «бочки», для обеспечения свободы рук вшивались ластовицы, на подоле делался разрез «прореха для шага». Рубаха обязательно имела ряд декоративных элементов. Для украшения рубахи использовались такие декоративные элементы как ворот (передец с окаймляющим вырез для шеи ожерелком или без него), вошвы (декоративные элементы, нашивающиеся на рукавах рубахи), шлица (или «прореха для шага»), манжеты. Эти декоративные элементы украшались

вышивкой, плетением, цветным шелком. Довольно часто тесьмы и ленты использовались для оформления конструктивных швов. Богатство украшения рубахи зависело от достатка владельца.

Раскоп 1. Склеп № 12. Погребение № 28.

Рубаха, фрагменты которой были обнаружены в детском захоронении, была косовороткой. От рубахи неплохо сохранились ворот и две вошвы, а также фрагмент шелковой ткани полотняного переплетения, фрагмент витого шнура, плетеная тесьма для отделки конструктивных швов.

Ворот (длина разреза 18 см) и вошвы (длина 11 см) украшены золотой вышивкой в технике двойного тамбура (ил. 4–6). В орнаменте использованы композиции из «древ жизни» и завитков (ил. 7). Орнамент зеркально чередуется. Ширина орнамента составляет 18 мм. На вышивку ворота (7 рядов) и вошв (по три ряда) наложены длинные тройные петлицы, расположенные примерно через 18 мм друг от друга. Петлицы выполнены из тесьмы, сплетенной из золотных нитей. Длина петлиц составляет 40 мм, при ширине 2,5 мм.

Для завязывания ворота рубахи у горла использовался витой шнурок, фрагмент которого был обнаружен в захоронении. Шнур толщиной 3 мм свит из трех сдвоенных шелковых нитей красного цвета в Z-направлении.

Тесьма для отделки конструктивных швов шириной 3,5–4,0 мм, сплетена из красных шелковых и золотных нитей. В результате плетения получена тесьма в виде золотой цепи на красном фоне.

Небольшие фрагменты шелковой ткани (максимальная величина фрагмента 30

х 20 мм) были обнаружены на оборотной стороне ворота. Это шелковая ткань красного цвета полотняного переплетения. Для ткачества использованы нити слабой S-крутки. Плотность нитей по основе 45 н/см, по утку 40 н/см. Основа и уток приняты условно.

Раскоп 1. Погребение № 30.

От рубахи сохранились многочисленные разрозненные фрагменты, из которых удалось составить верхнюю часть декоративной отделки ворота и фрагмент вошвы.

Декоративные элементы украшены золотой вышивкой, выполненной золотными нитями в прикреп. В вышивке использован плетеный орнамент. Ширина орнамента составляет 17 мм.

Вышивка чередуется с длинными двойными петлицами, расположенными через каждый раппорт орнамента (примерно через 25 мм). Петлицы имеют орнамент в виде золотой цепи на красном фоне и выполнены из тесьмы, сплетенной из красных и золотных нитей. Длина петлиц 30 мм, ширина – 3 мм.

Раскоп 2. Погребение № 34.

(ил. 8, 9)

От рубахи сохранились разрозненные фрагменты декоративной отделки (остатки ворота и фрагменты вошвы(?)).

Декоративные элементы украшены вышивкой золотными нитями в прикреп. В орнаменте использован зеркально чередующийся растительный орнамент. Ширина орнамента составляет 13 мм.

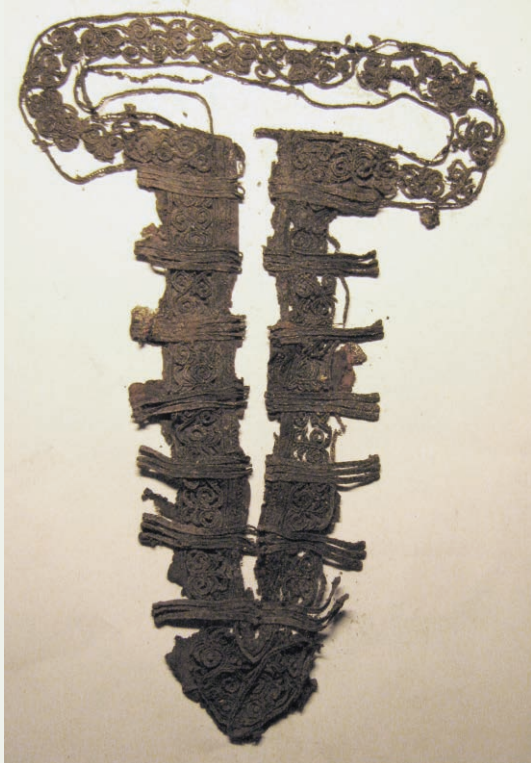
Вышивка чередуется с длинными двойными петлицами, расположенными через каждый раппорт орнамента (примерно через 25 мм). Петлицы имеют орнамент

Ил. 1. Склеп № 3. Погребение № 15. Волосник. Остатки очелья. Шелк, золотное шитье.

Ил. 2. Склеп № 3. Погребение № 15.
Волосник. Ажурный верх. Плетение на раме. (sprangtechnic)

Ил. 3. Склеп № 3. Погребение
№ 15. Волосник. Ажурный верх.
Фрагмент.

в виде золотой цепи на красном фоне и выполнены из тесьмы, сплетенной из красных и золотных нитей. Длина петлиц составляет 42 мм, при ширине – 4 мм.

Раскоп 2. Погребение № 95.

От рубахи сохранились разрозненные фрагменты декоративной отделки, среди которых определяются ворот с разрезом длиной не менее 34 см, а также остатки вошв (?).

Декоративные элементы украшены золотой вышивкой в технике двойного тамбура. В орнаменте использованы композиции из зеркально повторяющегося стилизованного «древа жизни» с ветвями в виде завитков. Ширина орнамента составляет 22 мм.

Вышивка чередуется с длинными двойными петлицами, расположенными через каждый раппорт орнамента (примерно через 25 мм). Петлицы имеют орнамент в виде золотой цепи на красном фоне и выполнены из тесьмы, сплетенной из красных и золотных нитей. Длина петлиц составляет 50 мм, при ширине 3,5 мм.

Раскоп 2. Погребение № 97.

(ил. 10, 11)

От рубахи сохранились разрозненные фрагменты декоративной отделки: отделка ворота длиной не менее 35 см, две вошвы длиной 16 см, прореха (?), а также фрагменты шелковой ткани.

Декоративные элементы украшены золотой вышивкой в технике двойного тамбура. В орнаменте использованы композиции из S-образных завитков. Ширина орнамента составляет 13 мм.

Вышивка чередуется с длинными двойными петлицами, расположенными через каждый раппорт орнамента (примерно через 25 мм). Петлицы имеют орнамент в виде золотой цепи на красном фоне и выполнены из тесьмы, сплетенной из красных и золотных нитей. Длина петлиц составляет 42 мм, при ширине 4 мм.

Фрагменты шелковой ткани находились под золотным шитьем. Это шелковая ткань красного цвета полотняного переплетения. Плотность нитей по основе 35 н/см (нити S-крутки), по утку 45 н/см (нити некрученые). Основа и уток приняты условно.

Покров (?)

Раскоп 1. Склеп № 12. Погребение № 28.

В погребении найдены несколько мелких разрозненных фрагментов тонкой шелковой ткани, вероятно, являющейся остатками покрыва. Ткань – камка (камка – вид двусторонней ткани, узор которой строится на контрасте, полученном сменой переплетений).

Величина максимального фрагмента – 70 x 62 мм. Орнамент неразборчив. Плотность нитей по основе 70 н/см, по утку 50 н/см, нити некрученые. Основа и уток приняты условно.

Декоративная отделка верхней женской одежды (?)

Слой глины (?). Глубина -118 см.

Разрозненные фрагменты декоративной отделки женской одежды (?) были найдены в слое глины на глубине -118 см. Это остатки золотной вышивки и фрагмент золотной тесьмы.

Шитье выполнено на ткани (не сохранилась) настилом золотными нитями в прикреп. Величина максимального фрагмента 15 см. В качестве прикрепа использована крашенная шелковая нить. Орнамент – растительный побежок, представляющий собой вьющийся стебель с трилистниками.

Тесьма представляет собой полосу шириной 3 мм, состоит из трех, соединенных вместе тонких шнуров толщиной 1 мм. Каждый шнур свит из золотных и шелковых нитей красного цвета. Величина максимального фрагмента 16 см.

Остатки декоративной отделки женской одежды (?)

Раскоп 1. Склеп № 8. Погребение № 27а.

Сохранившиеся фрагменты представ-

Ил. 4. Склеп № 12. Погребение № 28. Декоративная отделка ворота рубахи. Шелк, золотное шитье, плетение.

Ил. 5. Склеп № 12. Погребение № 28. Вошва. Шелк, золотное шитье, плетение.

Ил. 6. Склеп № 12. Погребение № 28. Вошва. Шелк, золотное шитье, плетение.

ляют собой остатки орнаментальных полос золотного шитья, являвшихся декоративной отделкой краев (?) женской верхней одежды (?), а также небольшие кусочки шелковой ткани, из которой была шита сама одежда, и остатки подкладки.

Всего выявлено три разновидности орнаментальных полос золотного шитья. Орнамент представляет собой растительный побегок: волнистую линию-стебель с листочками. Сверху и снизу шитье окантовывают тонкие шнуры, свитые из золотных и шелковых нитей.

Для выполнения золотного шитья использовано несколько разновидностей швов. Двойным тамбурным швом исполнен основной волнообразный стебель. Листья шились вертикальным настилом золотных нитей согласно рисунку. В качестве закрепов применялась шелковая нить красного цвета. Ею же, в технике стебельчатого шва, выполнен контур орнаментальных элементов.

Полоса 1. (ил. 12). Полоса шириной 16 мм.

Реконструируемая длина 55 см

Полоса 2. Полоса шириной 30 см.

Реконструируемая длина 40 см

Полоса 3. (ил. 13). Полоса шириной 40–42 см.

Реконструируемая длина 36 см

Ткань одежды, на которой была вы-

полнена вышивка, шелковая, полотняного переплетения. Плотность нитей по основе – 45 н/см, по утку – 45 н/см. Нити некрученые.

Под тканью с вышивкой сохранилась другая шелковая ткань полотняного переплетения, вероятно, подкладка. Плотность нитей по основе – 45 н/см, по утку – 35 н/см. Нити некрученые.

Головной венчик

Склеп № 8. Погребение № 27.

(ил. 14)

Венчик выполнен из светлой шелковой ткани. Длина не менее 26 см, ширина не менее 2,7 мм. Частично сохранился верхний край, который подогнут внутрь на 5 мм. Нижний край венчика не сохранился.

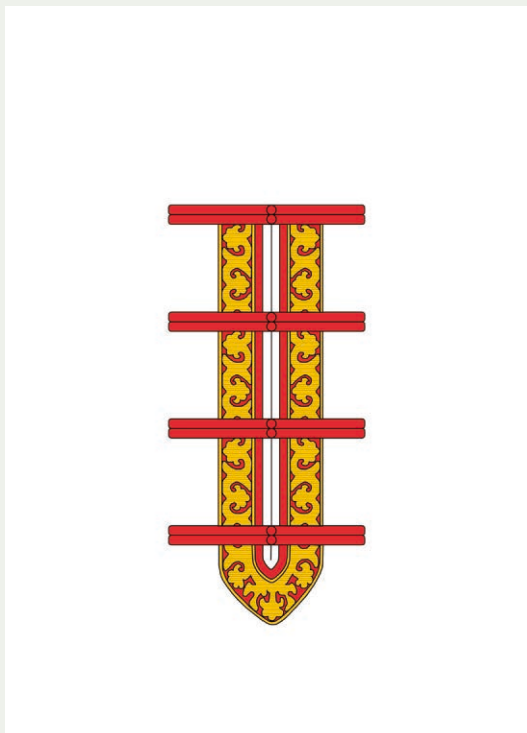
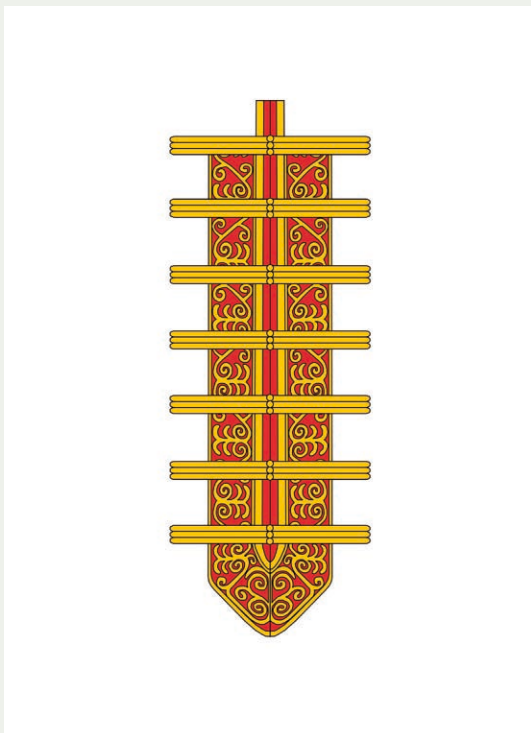
Ткань шелковая полотняного переплетения. Плотность нитей по основе – 40 н/см, 45 н/см. Основа и уток приняты условно.

По всей поверхности вышита надпись Трисвятное: «Святыи Боже, Святыи крепкий, Святыи безсмертныи, помилуй нас» (ил. 15). Между словами надписи вышиты три круглых клейма в которых изображен Голгофский крест с Орудиями Страстей. Надпись и клейма выполнены стебельчатым и тамбурным швами.

Декоративная отделка

Склеп № 8. Погребение № 27.

Сохранились многочисленные разрозненные остатки вышивки в технике тамбура, золотной ленты (длина максимального

Ил. 7. Склеп № 12. Погребение № 28. Декоративная отделка ворота рубахи. Графическая реконструкция.

Ил. 8. Погребение № 34. Фрагмент декоративной отделки ворота. Шелк, золотное шитье, плетение.

Ил. 9. Погребение № 34. Декоративная отделка ворота. Графическая реконструкция.

фрагмента 190 мм) шириной 5 мм и плетеной тесьмы шириной 4 мм из красных и золотных нитей, образующих золотую цепь.

Фрагмент вышивки
Погребение № 82.
(ил. 16)

Фрагмент золотной вышивки с изображением Голгофы. В центре композиции изображен восьмиконечный Крест с Орудиями Страстей. Под Крестом Глава Адама. В левой части возле копья сохранились буквы IC и NIK (ил. 17).

Фрагмент размерами 115 x 115 мм. Вышивка в прикреп выполнена золотными нитями на шелковой ткани. В качестве прикрепа использованы окрашенные нити шелка. Ткань сохранилась только под золотным шитьем. Шелковая ткань атласного переплетения (5:1). Для ткачества использованы некрученые нити шелка. Плотность нитей по основе – 70 н/см, по утку – 45–50 н/см.

Небольшие фрагменты другой ткани были обнаружены прилипшими к вышивке. Величина максимального фрагмента – 10 x 15 мм. Ткань шелковая, полотняного переплетения. Для ткачества использованы тонкие нити основы и толстые нити утка. Плотность нитей по основе – 50 н/см, по утку – 40 н/см.

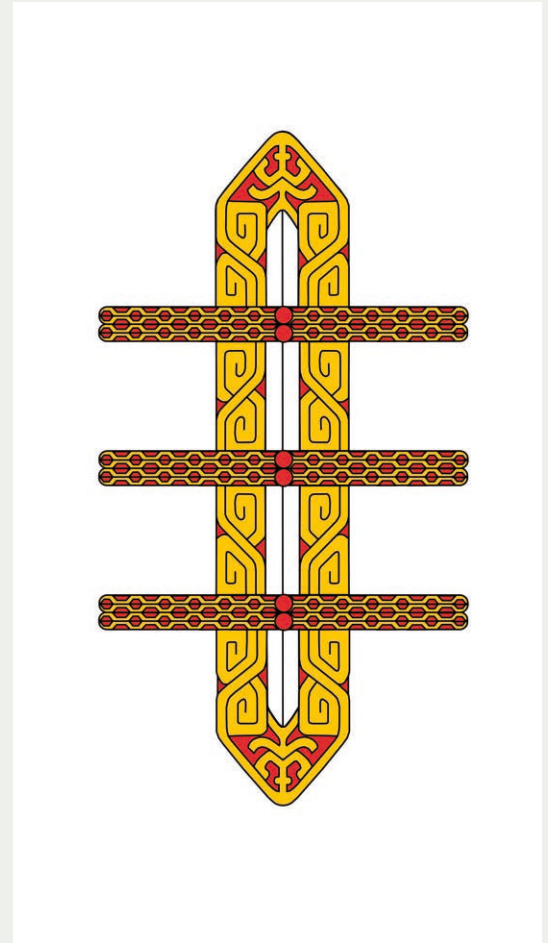
Остатки верхней одежды
Погребение № 89.

Сохранились разрозненные фрагмен-

Ил. 10. Погребение № 97. Вошва.
Шелк, золотное шитье, плетение.

Ил. 11. Погребение № 97. Вошва.
Графическая реконструкция.

Ил. 12. Склеп № 8. Погребение
№ 27а. Декоративная отделка
женской верхней одежды. Шелк,
золотное шитье.

Ил. 13. Склеп № 8. Погребение № 27а. Декоративная отделка женской верхней одежды. Шелк, золотное шитье.

Ил. 14. Склеп № 8. Погребение № 27. Налобный венчик. Прорись.

Ил. 15. Склеп № 8. Погребение № 27. Налобный венчик. Шелк, золотное шитье.

ты верхней одежды сшитой из шерстяной (?) ткани и украшенной золотной лентой. Ткань полотняного переплетения соткана из неравномерных по толщине шерстяных нитей, крученых в Z-направлении. Плотность нитей по основе – 18–20 н/см, по утку – 20–22 н/см.

Среди фрагментов выделено несколько фрагментов от конструктивного элемента одежды (застежка). Одежда застегивалась на медные крючки. Длина застежки не менее 11 см. Крючки медного сплава (не менее 6 штук) пришиты к одному краю на расстоянии 18 мм друг от друга. Края застежки окантованы 4-гранным шнуром, плетеным в 8 концов. Шнур выполнен из льняных нитей.

На исследование были представлены

текстильные остатки из десяти погребений, происходящих из усыпальницы князей Пожарских; разрозненные фрагменты декоративной отделки от одного предмета были выявлены из культурного слоя.

Изучение текстильных остатков показало, что большая часть из них является фрагментами одежды периода позднего средневековья.

В одном женском захоронении были выявлены остатки головного убора замужней женщины – волосника. В двух детских и трех мужских захоронениях текстильные остатки определились как фрагменты декоративных элементов рубаш. Сохранившиеся фрагменты этих предметов одежды позволяют практически полностью реконструировать их первоначальный облик.

Ил. 16. Погребение № 82 Фрагмент золотной вышивки с изображением Голгофы (параман?). Шелк, золотное шитье.

Русский средневековый костюм был довольно консервативен. Каждый предмет одежды имел устойчивый крой, а также определенный набор декоративных элементов и их расположение на одежде. Благодаря этому обстоятельству оказалось возможным реконструировать первоначальный облик волосника и рубах из усыпальницы князей Пожарских. Описанию облика помогли аналогичные предметы, выявленные и изученные ранее на других археологических памятниках. Это рубахи и волосники XVI–XVII вв. из усыпальниц Вознесенского монастыря Московского Кремля, Покровского монастыря в Суздале, Новоспасского монастыря в Москве и т.д.

Несмотря на устойчивость в крое и расположении декора на одежде, каждый средневековый предмет одежды был неповторим. Неповторимость и своеобразие достигались использованием средневековыми мастерицами разнообразных орнаментов и способов их исполнения. Находки из усыпальницы Пожарских позволили получить и воссоздать утерянные на века орнаменты.

Среди находок из других погребений имеются орнаментальные полосы, которые также относятся к декоративной отделке

одежды, но ввиду небольшого размера и формы не позволяют реконструировать ее полный облик. Это также великолепные образцы золотного шитья и средневековой орнаментации.

К предметам, относящимся к погребальному обряду, следует отнести налобный шелковый погребальный венчик с надписью «Трисвятое», выполненный в технике золотного шитья, а также фрагмент золотной вышивки с изображением Голгофского креста и Орудий Страстей. По всей вероятности, эта вышивка, выявленная в захоронении на черепе погребенного, представляет собой фрагмент воздуха или монашеского парамана.

Изученные текстильные предметы выполнены в технике шитья, вышивки и плетения. Для их изготовления использованы довольно дорогие для того времени материалы: шелковая ткань, цветные и золотные нити. Качество исполнения золотного шитья и плетения указывает на высокий уровень профессионализма мастериц. Найденные предметы являются великолепными образцами декоративно-прикладного искусства позднего средневековья и указывают на высокий социальный статус их владельцев.

Приложение 6

Беляев Л.А.

Надгробные надписи Пожарских и Хованских в Спасо-Евфимиевом монастыре: замечания к хронологии, палеографии и оформлению

В ходе работ 2008 года в поле зрения экспедиции попали надписи надгробных памятников, связанных с погребениями Пожарских и Хованских. Это (1) надписи на крышках белокаменных саркофагов; (2) надгробные памятные плиты, укреплявшиеся на стенах здания или фасадах надгробниц (источники называют их также «таблицы» или «доски»); наконец, (3) – те же надписи надгробниц, но не в подлинниках, а в передаче исследователя XIX в. Н.В. Любомудрова¹. Надписи на крышках саркофагов опубликовал А.С. Уваров, но их рисунков не привел. Начиная с XIX века стали появляться сведения о настенных досках, которым Н.М. Курганова, специально изучавшая некрополь Суздаля, посвятила статью в уважаемом ежегоднике «Памятники культуры. Новые открытия»². При детальном разборе статьи и осмотре самих плит выяснилось, что в большинстве чтений даты даны с ошибками от 1 года до 20 лет. Ошибки в пределах года допущены, видимо, и А.С. Уваровым (или работавшими с ним историками). Наконец, некоторые вопросы порождает и дата одного из не дошедших до нас надгробий в публикации Н.В. Любомудрова. Все они повторялись затем в литературе. Два наиболее заметных случая уже разобраны в специальной статье³, но менее бросающиеся в глаза ошибки повторены и в моих публикациях. Поэтому необходим новый полный комментированный список исправлений, который откорректирует все используемые даты.

Начнем с надмогильных таблиц. В 1994 году Н.М. Курганова опубликовала семь сохранившихся. Одна из них (И.Д. Пожарского) известна с XIX в., когда ее нашли в Евфимиевском приделе, а шесть других были взяты из ремонтных кладок западной стены монастыря при реставрационных работах 1988–1989 гг.⁴ На плитах упомянуты следующие представители рода Пожарских (список с датами см. в конце приложения): отец и мать князя Дмитрия Михайловича Пожарского; его сыновья Никита (в других источниках не встречается), Федор, Иван; его внук (?) Василий. А также четыре представителя рода Хованских: Никита Андреевич (муж Дарьи Пожарской); их сын Петр; Иван Андреевич (родной брат Никиты Андреевича) и княгиня Анна, жена Ивана Никитича Хованского. Все семь уцелевших камней выставлены в специальной экспозиции «Д.М. Пожарский — национальный герой русского народа» в надвратной церкви Благовещения в музее Спасо-Евфимиева монастыря. Опубликованные Н.М. Кургановой даты вошли в сопровождающие музейные тексты, привлекались при рассказе о некрополях Суздаля и о семье Пожарских, они широко представлены в ресурсах Интернета⁵. В течение четырех из семи сохранившихся надгробий необходимо внести поправки.

В двух случаях дата смерти сдвинута ровно на год⁶. Причина допущенной ошибки в обоих случаях одна и та же, вообще довольно частая: при редукции дат число лет, прошедших от сотворения мира до христианской эры, для всех месяцев обозначенного года принимается за 5508, в то время как для сентября-декабря «сентябрьского года», абсолютно господствующего в XVI–XVII вв. в России, следует добавлять еще один год, то есть вычитать из даты «от сотворения мира» не 5508, а 5509 лет⁷. Такую поправку нужно внести в дату смерти Федора Дмитриевича Пожарского, скончавшегося 27 декабря 1632 года (ЗРМА = 7141 – 5509 = 1632; у Кургановой – 1633 год) и жены Ивана Никитича Хованского, княгини Анны, скончавшейся 7 декабря того же 1632 года (ЗРМА = 7141; у Кургановой, соответственно, тоже 1633) (ил. 1, 2).

1 Горизонтально лежащих плит Пожарских или Хованских в Суздале до сих пор не обнаружено (один случай описан в литературе и относится к Покровскому монастырю, см. выше, в гл. 3), хотя плиты других семей на кладбищах представлены хорошо, в том числе в Спасо-Евфимиевом монастыре.

2 Курганова Н.М. Надгробные плиты из усыпальницы князей Пожарских и Хованских в Спасо-Евфимиевом монастыре Суздаля // ПКО. 1993. М., 1994. С. 396–404.

3 Беляев Л.А. // РА, О датах смерти Е.Ф. Пожарской и В.П. Пожарского: эпиграфические заметки // РА. 2009. № 1. С. 162–165. В этой статье, например, дата смерти Федора Дмитриевича Пожарского все еще дана как 1633 год, хотя правильно – 1632.

4 В ходе реставрационных работ 2000-х годов обнаружены еще две таблицы, но одна слишком глубоко в кладке стены и не прочитана, а от второй осталась лишь верхняя часть, на которой дата читается отчетливо: 1635 год, 13 (П) день, (о ней см. ниже).

5 Курганова Н.М. Новые находки надгробных плит из усыпальницы князей Пожарских и Хованских в Спасо-Евфимиевом монастыре Суздаля // Материалы конференции «Дмитрий Михайлович Пожарский – русский национальный герой». Суздаль, 03.11.2006 г. (www.gorodsuздal.ru); Курганова Н.М. Страницы истории..., 2007; Завещание князя Дмитрия Пожарского. Духовная грамота. Публикация Ю.М. Эскина // Отечественная история. М., 2000, № 1. С. 15, прим. 25, и др.

6 Здесь не приводятся сами надписи, так как они полностью даны у Кургановой в работе 1994 года; с. 400–402.

7 Ермолаев И.П. Историческая хронология. Казань, 1980. С. 109.

Ил. 1. Надгробная доска Ф.Д. Пожарского († 1632 г.).

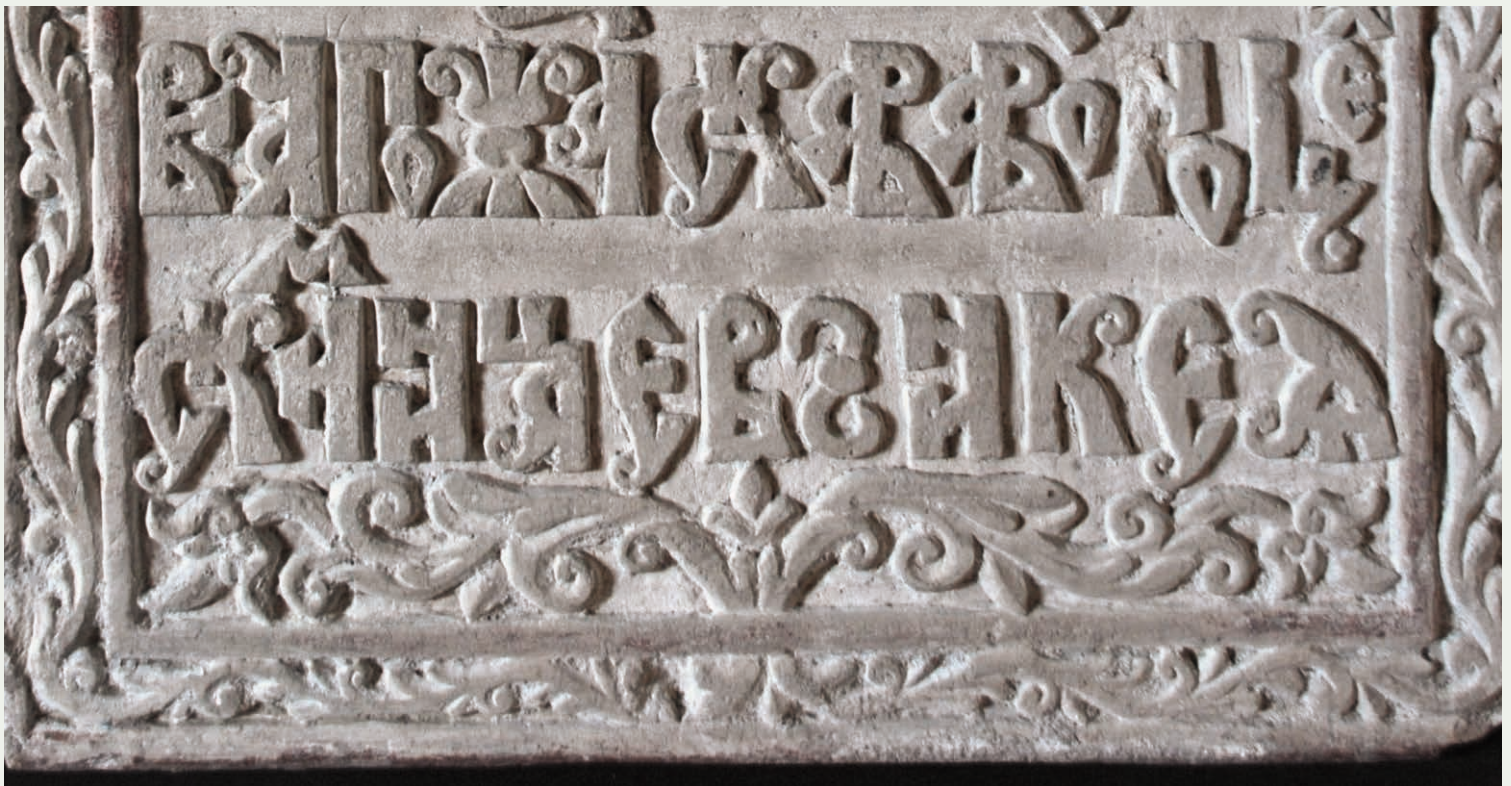
Ил. 2. Надгробная доска княгини Анны, жены И.Н. Хованского († 1632 г.).

Ил. 3. Надгробная доска схимницы Евникии, Е.Ф. Пожарской, матери князя Дмитрия Пожарского († 1640 г.): а – общий вид; б – верхняя часть с датой смерти; в – нижняя часть с указанием схимнического имени.

Ил. 4. Надгробная доска В.П. Пожарского († 1640 г.): а – общий вид; б – верхняя часть с датой.

Ил. 5. Надгробная доска М.Ф. Пожарского, отца князя Дмитрия Пожарского († 1587 г.).

Сложнее ситуация с датой смерти матери Д.М. Пожарского, Марии Федоровны, которую историки генеалогии долго не могли установить точно. Не останавливаясь на всех известных версиях, укажу, что названный «Русским биографическим словарем»⁸ год смерти (1607) опровергает уже вклад в 1615 году в Спасо-Евфимиев монастырь Евангелия самой Марией и ее сыном. Кроме того, среди вкладов по душам усопших родственников кн. Д.М. Пожарского в тот же монастырь мать упомянута последней, позже первой жены князя Прасковьи, которая умерла в 1635 году.

В надписи на таблице матери Пожарского читаем: ЛѢТА 7//148 АПРЕЛЯ В 7 ДЕНЬ ПРЕСТА//ВИСЯ РАБА БОЖИЯ КНЯГИНЯ ЕУ//ФРОСИНИЯ ФЕДОРОВНА КНЯЗ[Ь] // МИХАЙЛОВА ЖЕНА ФЕДОРО//ВИЧА ПОЖАРСКАВА ВО ИНОЦЕХ // СКИМНИЦА ЕВЪНИКЕЯ. На камне вполне ясно видна вполне сохранная дата под титулом: ЗРМИ (ил. 3 а, б). При чтении Н.М. Курганова почему-то пропустила четвертый знак (И=8), в результате чего в пересчете получился 1632 год, в то время как должен быть 1640. Правильность такого чтения подтверждает запись Вкладной книги Троице-Сергиева монастыря: «148-го году июля в 18 день боярин князь Дмитрий Михайлович Пожарский дал вкладу по матери своей княгине Марье Федоровне, во иноцех Евдокее, денег 50 рублей. И за тот вклад княгиню Евдокею написал в вечное поминание и в кормовые книги»⁹. Разница имен не должна смущать: мать князя Пожарского была в крещении Евфросиния, Мария ее второе имя/прозвище в придворной жизни (так же как Дмитрий – второе имя ее сына, в крещении Козьмы). Изменение имен тоже объяснимо, обрядом принятия схимницей нового имени, в результате чего возник ряд «Евфросиния – Евдокия – Евникея». Оговору менее значительную, но все же ошибку: вместо ясно написанного твердого знака в имени «Евъникея» Н.М. Курганова прочла букву S, «зело» (ил. 3 в), в результате чего возникла отсутствующая в святцах «Евзникея». Таким образом, жизнь Марии Пожарской, и так достаточно долгая, удлинилась еще на 8 лет: в год смерти ей было более 80. Сколько известно, она вышла замуж за князя Михаила Федоровича Пожарского в 1571 г., что предполагает возраст не менее 13–15 лет, и пережила не только мужа (умер в 1587 г.) на 53 года, но и, по крайней мере, одного из внуков, Федора Дмитриевича (умер, как установлено, в 1632 г.).

Большая ошибка вкралась и в чтение

даты смерти Василия Петровича Пожарского, вероятного правнука Марии/Евфросинии. Она составляет ровно 20 лет. Плита читается столь же отчетливо: ЛѢТА 7//148 ГО АПРЕЛЯ В 24 ДЕНЬ // НА ПАМЕТЬ СВЯТАГО МУЧЕНИКА САВЫ // СТРАТИЛАТА ПРЕСТАВИСЯ РАБ // БОЖИЙ МЛАДЕНЕЦ КНЯЗЬ ВАСИЛЕЙ // ПЕТРОВИЧ ПАЖАРСКАЙ (ил. 4 а, б). При этом у Н.М. Кургановой получился 1620 год. Ясно, что по необъяснимой причине она увидела под титулом букву «К» (= 20) на месте трехмачтового с центральным ромбом «М» (= 40), что невозможно: даже в сложной вязи две тяги буквы «К» не соединяют с мачтой следующей по порядку буквы. Поэтому дату следует пересчитать: ЗРМИ/7148 – 5508 = 1640 год. Это, кстати, лучше отвечает и возможной родственной связи Василия Петровича: его вероятный отец, Петр Дмитриевич, упоминается в документах только с 1621 г. и умирает в 1647 г., а предполагаемому деду, Дмитрию Михайловичу, в 1640 г. было 62 года, что для дедушки все же естественней, чем 42. Найти источник, подтверждающий дату смерти младенца, трудно, и вряд ли это необходимо, но о существовании у Петра Дмитриевича сына Василия, младенца, было известно и до находки плиты, например, «Русскому биографическому словарю».

Сближение дат смерти Е.Ф. и В.П. Пожарских делает понятным казавшийся странным разницей в стиле оформления шести памятных досок усыпальницы, предназначенных для надгробниц. Все они примерно одного размера (подробных описаний не даю, так как они приведены у Н.М. Кургановой), пятигранные, с треугольным «фронтоном». Все нарезаны вязью с выпуклыми буквами на углубленном фоне (обронная работа). Однако у четырех ранних плиток (1587-го, 1608-го и две 1632-го года) рамка простая, даже без профиля, а буквы нарезаны угловатым рубленным шрифтом. Любые украшения отсутствуют, причем фронтон оставлен невыбранным (это место в суздальских надгробницах обычно закрывал раствор – см. выше, в главе 4). Типологическое родство плит М.Ф. Пожарского (ил. 5), младенцев П.Н. Хованского и Н.Д. Пожарского (ил. 6), Анны Хованской (ил. 2) и Ф.Д. Пожарского (ил. 1) бросается в глаза – а ведь между их смертями до полувека!

Обе плиты 1640 г. совершенно иные. Фон на фронте выбран полностью, и надпись занимает все пространство; в рамках пропущена искусно вырезанная цветущая лоза; сверху и внизу текст обрамлен

8 Н-въ В. Пожарская Мария (Евфросиния) Федоровна // РБС. СПб, 1905. Т. 14 («Плавильщиков – Примо»). С. 220–221.

9 Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М., 1987. С.101.

10 Сравним хотя бы плиту XVI (№ 139) и XVII

пышным растительным орнаментом; вязь вычурная, с множеством украшений. Эти плиты декорированы даже пышнее, чем большая более поздняя настенная плита Ивана Дмитриевича Пожарского (умер в 1668 г.). Теперь, когда две плиты не разделены значительным временным промежутком, ясно, что они сделаны в одной мастерской (если не одним мастером) и, возможно, почти одновременно. Интересно, что дни смерти тоже оказались близкими (7 и 24 апреля), между ними всего три недели – можно предположить, что смерть правнука и его прабабушки каким-то образом связаны (например, через заразную болезнь), хотя всегда следует допускать и возможность простого совпадения.

Такое сближение воздействует на общую датировку усыпальницы. Четыре ранние плиты выполнены в крайне схожей манере. Правда, Н.М. Курганова почему-то пишет, что они очень отличаются и сделаны разными мастерами. Но это совсем не очевидно. Вообще, трудно представить, что между 1587 и 1632 годами типы плит и даже формы букв относительно сложной вязи, которой они нарезаны, оставались неизменными. Напротив того, достаточно сравнить надписи на крышках саркофагов Н.А. Хованского и Ф.Д. Пожарского (см. о них ниже), чтобы убедиться в обратном. Вот эти две надписи, действительно, выполнены абсолютно разными почерками, причем более старая – 1608 года – имеет много общего с элегантными формами букв на плитах России середины – второй половины XVI в. (такие детали как кузовок «аз» в виде поставленного на угол и укрепленного в середине мачты квадрата), в то время как надпись, нарезанная через 25 лет после нее – в 1632 году – обладает всеми признаками второй трети XVII в.¹⁰ (ил. 7, 8). Так что о неизменности почерка резчиков на протяжении 50 лет не может быть и речи. Более того: тем же шрифтом середины XVII века, что применен на саркофаге 1632 года, нарезаны четыре ранние плитки для надгробниц с их толстенькими короткими мачтами, разновысокими буквами (и элементами у двухмачтовых букв), с выносами и иными характерными признаками.

Итак, есть все основания полагать, что четыре ранние плитки выполнены в одной мастерской (одним резчиком или разными – в данном случае значения не имеет) и одновременно, во второй трети XVII в. Однако даты смерти, указанные на этих плитах, разнесены на полстолетия, что, безусловно, свидетельствует о намеренном переоформле-

нии гробниц, совершившимся не ранее 1632 года (вполне вероятно, именно в этом году в связи с погребением любимого сына князя Дмитрия Пожарского) и не позднее 1640 года, когда появляются таблицы, оформленные в ином стиле. Вероятно, именно в этот период была построена и сама усыпальница. Вполне возможно (но не обязательно), что при этом Дмитрий Михайлович перезахоронил в ней родителей, а не только переоформил памятники над ними. Примеры таких комплексных обновлений кладбищ хорошо известны – это, например, тот же Архангельский собор в начале XVI в. и перенесенные разновременные погребения Владимирской церкви Кирилло-Белозерского монастыря, о которых уже говорилось, во второй половине столетия. В Суздале такое переоформление связано с разборкой надгробных сооружений в Рождественском городском соборе в конце XVII века.

К концу XVII в. распространяются и случаи нарезки надгробных плит для перезахоронения давно умерших или легендарных предков (хорошо известные надгробия Полевых, специальная доска в Рязанском Солотчинском монастыре о переносе захоронения мурзы Хоросмира XIV в. и другие)¹¹. Случаев нарезки текстов о погребении персонажа фантастического (или мало известного источника) именно в конце XVII – начале XVIII вв. известно много, но они есть и позже, вплоть до начала XIX века. На кладбище одной из церквей Суздаля имелись подобные плиты с датами XIII века, нарезанные в конце XVII столетия на вторично использованных надгробиях¹².

Два еще не рассмотренные нами надгробия идеально вписываются в выстроившуюся типологическую картину. Это настенная плита Ивана Дмитриевича Пожарского, датирующаяся 1668 годом, которая гораздо позже всех рассмотренных памятников и отличается от них по размеру (сравнительно крупная доска для монтировки на капитальную стену, а не в кирпичную надгробницу), по оформлению (строгий прямоугольник), отчасти палеографией (более сложная и более вытянутая вязь второй половины XVII века) и по тексту (содержит нехарактерное уточнение дня рождения – 7 января)¹³. Если бы не крайняя сомнительность возобновления некрополя после смерти последних Пожарских, такое уточнение могло стать основанием отнести плиту к более позднему времени, чем дата смерти – но в конце XVII в. такие примеры уже известны (ил. 9 а, б).

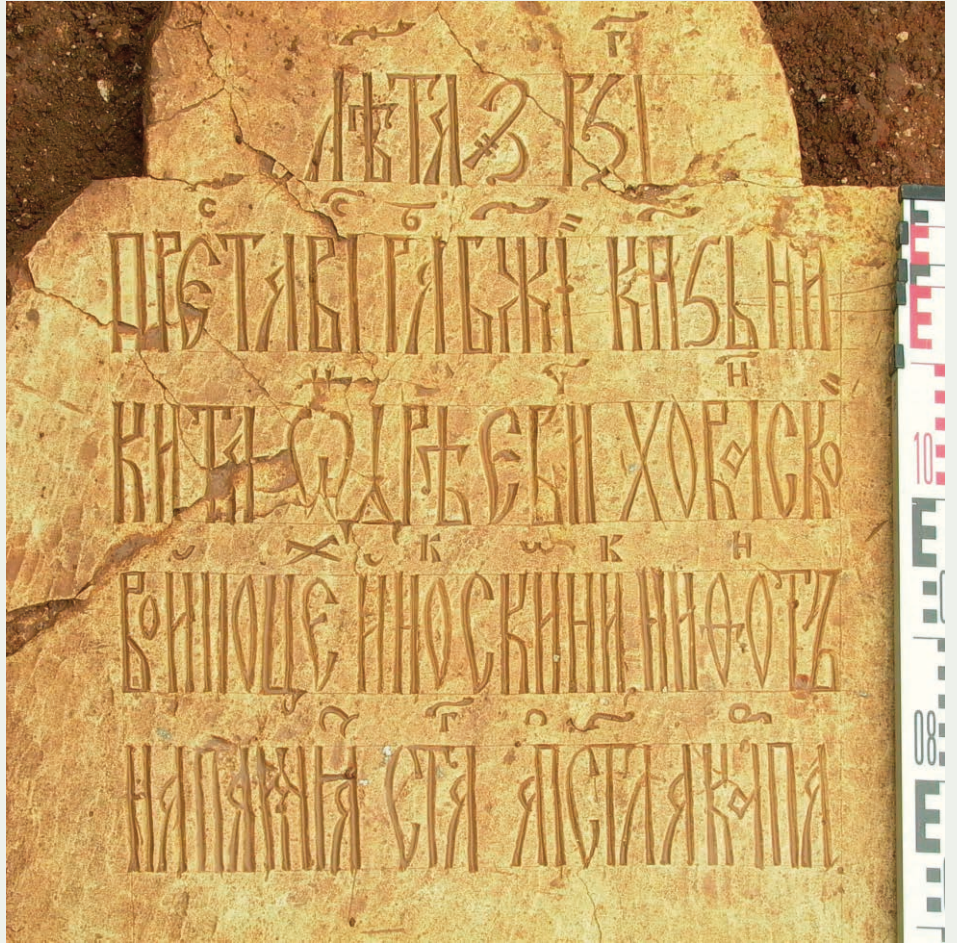
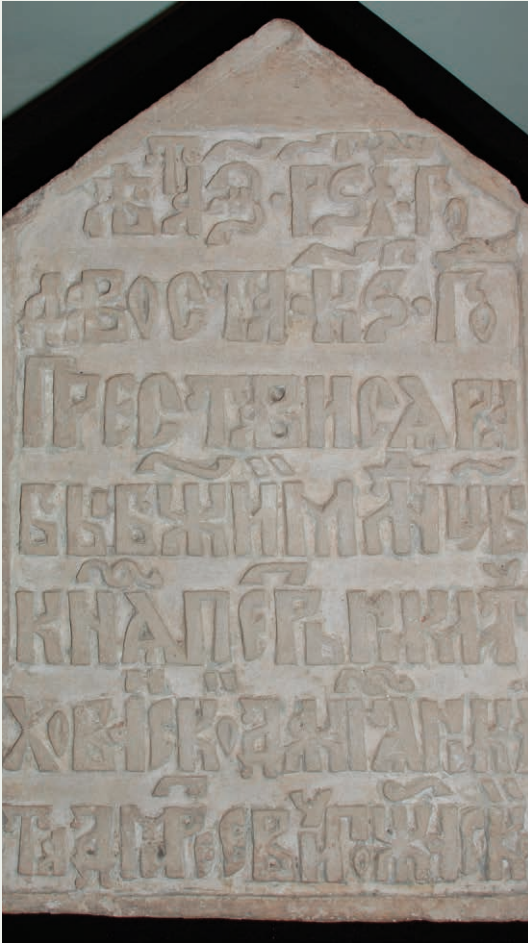
в. (№ № 89–93, 110, 114 и др.) по своду: Беляев Л.А. Русское средневековое надгробие. М., 1996.

11 См. упоминание таких надписей: Гераскин Ю.В., Нагорнов В.П. Памятная плита Ивана Мирославича (мурзы Хоросмира) в Рязанском Солотчинском монастыре // РА, 2008. № 2. С. 88.

12 Два надгробия из Вознесенской церкви 1695 года (на месте Александровского монастыря) известны уже в XIX в. и сохранились в музее. На них названы «великие княгини Суждальские» Мария (дата смерти 1262) и Агрипина (дата смерти 1292), другим источникам неизвестны. Тексты нарезаны одновременно на вторично использованных плитах второй половины XVI (?) и XVII века, датировать их XIII веком никак нельзя. Видимо, их готовили как мемориальные, к строительству новой церкви в 1690-х годах. Относить их еще позже, скажем, к XIX в., к чему склонна Н.М. Курганова при опоре на экспертизу палеографа А.М. Житиновой вряд ли стоит – оформление текста вполне укладывается в традицию конца XVII в., что признает и А.М. Житинова, высказавшаяся по поводу даты гораздо осторожнее Кургановой. (Ср.: Курганова, 2007. С. 54–55, и в той же книге: Житинова, 2007. С. 112–114). Такие памятники для начала XIX в. известны (например, тысяцкому Протасию в московском Богоявленском монастыре), но оформлены они уже иначе.

13 Для знакомства с текстом привожу его (в чтении Н.М. Кургановой): ЛЬТА 7176 ФЕВ//РАЛЯ 15 ДНЬ НА ПАМЯТ // СТАГО АПОСТОЛА ОНИСИМА ПРЕСТАВИСЯ РАБ // БЖИЙ ОКОЛНИЧЕЙ КНЗЬ ИВАН ДМИТРЕЕ//ВИЧ ПОЖАРСКОЙ А ПАМЯТ РОЖДЕНИЯ ЕГО // ЯНВАРЯ В 7 ДН НА СОБОР СТАГО ИОАНА ПРЕДТЕЧИ

14 Владимирские Епархиальные ведомости, 1871, № 13. С. 298–304. Благодарю М.Е. Родину за помощь в получении копии этого издания.

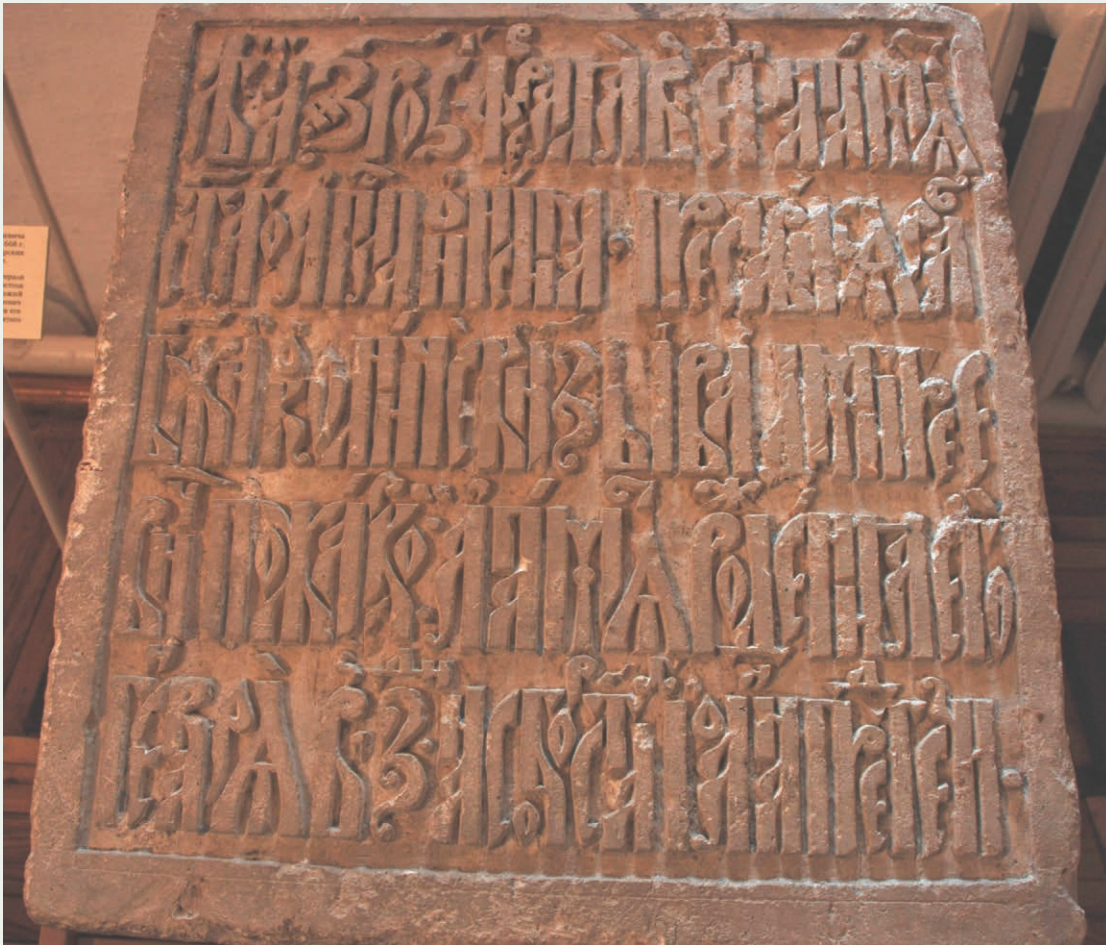

Ил. 6. Надгробная доска
П.Н. Хованского и Н.Д. Пожарского
(† 1608 г.).

Ил. 7. Надпись на крышке каменного
саркофага Н.А. Хованского
(† 1608 г.).

Ил. 8. Надпись на крышке каменного
саркофага Ф.Д. Пожарского
(† 1632 г.).

Ил. 9. Настенная памятная доска И.Д. Пожарского († 1668 г.): а – общий вид; б – фрагмент надписи.

Ил. 10. Фрагмент надгробной доски с датой между сентябрем 1634 и августом 1635 г.

Наконец, фрагмент без имени, но с четкой датой отлично сочетается с простейшими пятигранными плитками второй трети столетия (ил. 10). К сожалению, месяц не читается, дату приходится располагать между сентябрем 1634 и январем 1635 года (от названия месяца сохранилось окончание «...ря», что подходит только для этих осенне-зимних месяцев). Так или иначе, фрагмент попадает в промежуток, когда могло произойти предполагаемое переформление усыпальницы: не ранее 1632, но до 1640 года. Год акцентирован смертью Прасковьи Варфоломеевны, первой жены князя Дмитрия Михайловича (†1635), но расхождение с днем смерти (28 августа) не позволяет усвоить ей фрагмент, на котором сохранилось «13-го дня». Однако не исключено, что именно после погребения Прасковьи началось переформление плит и строительство усыпальницы. Для находящегося на склоне лет князя психологически равно объяснимо строительство родовой усыпальницы как в связи со смертью любимого сына, близь которого он завещает себя похоронить, так и со смертью супруги, с которой князь прожил в союзе десятилетия. Ни той, ни другой дате не противоречит и стиль резьбы, работа одного и того же резчика на протяжении двух-трех лет вполне вероятна.

Таким образом, «ревизия дат» не толь-

ко служит уточнению генеалогии Пожарских и Хованских, но помогает восстановить историю усыпальницы.

Есть поправки и к чтению надписей на крышках белокаменных саркофагов, заново зафиксированных в 2008 году. Таких надписей две. Одна сообщает о смерти князя Никиты Андреевича Хованского, умершего 26 мая 1608 года: ЛЪТА 7116 ГО // ПРЕСТАВИСЬ РАБ Б[О]ЖІЙ КНЯЗЬ НИ//КИТА ѠНДРЕЕВИЧ ХОВАНСКОЙ // ВО ИНОЦЕХ ИНОК СКИМНИК НИѠОНТЬ // НА ПАМЯТ[Ь] С[ВЯ]ТАГ[О] АП[О]СТ[О]ЛА КАРПА. День определен по скрытой дате (память апостола Карпа «от 70-ти» – 26 мая).

А.С. Уваров прочел последнюю цифру года как «земля», то есть 7, видимо, из-за близкой формы той же буквы в слове «князь», и перевел год как 1609. Однако цифра/буква отчетливо читается как S = 6, соответствуя букве «зело» во многих печатных памятниках XVII – начала XVIII вв. (например, в «Букваре» Кариона Истомина). Признаков, характерных для буквы «земля» (например, в обозначении тысячелетия), она, напротив, не имеет. В пересчете это 1608 год (7116 – 5508). Что подтверждается таблицей с надгробницы того же князя Никиты/Нифонта, найденной в 1871 г. Н.В. Любомудровым¹⁴ (см. далее). На ней развернута скрытая дата (26 мая), указан тот же праздник и тот же год, прочтенный Н.В.

¹⁵ Сахаров Л. Историческое описание... Владимир, 1870.

¹⁶ Николай Васильевич Любомудров (1830–1897) – известный рязанский краевед, магистр Санкт-Петербургской духовной академии, с 1860 г. член-корреспондент ИАО. В Спасо-Евфимиев

Любомудровым и, за ним, Л. Сахаровым¹⁵, как 7116, то есть 1608. И. Гольшев «поправил» его в своей книге на 7117/1609 – вероятно, следуя известному ему тексту комиссии А.С. Уварова, – но это явная ошибка. Чтение же Н.В. Любомудрова верно: находившийся в Суздале «на послушании» священнослужитель был опытным палеографом¹⁶.

На втором саркофаге, в котором погребен Федор, любимый сын князя Дмитрия Пожарского, надпись в целом та же, что на его же надгробной таблице, о которой говорилось выше (опущен только церковный праздник): [ЛЪТА] 7141 ГО ДЕКО/[БРЯ в 27 ДЕНЬ] ПРЕСТАВИС[Я] РАБЪ Б(О)ЖИЙ // БЛАГОВЕРНИЙ КНЯЗЬ ФЕДОР // ДМИТРЕВИЧ ПОЖАРСКОЙ. Здесь дата должна быть сдвинута на 1 год в силу «правила сентябрьского года» (декабрь 1632, а не декабрь 1633, как у А.С. Уварова).

Наконец, уже упоминались две таблицы, найденные в 1871 году. Они до нас не дошли и знакомы только благодаря описанию Н.В. Любомудрова. Обратимся к их текстам. Это плиты двух родных братьев Хованских: зятя князя Дмитрия Пожарского, князя Никиты Андреевича (†1608), надписной саркофаг которого обнаружен в усыпальнице (см. выше), и свояка и однополчанина князя Дмитрия Пожарского, боярина князя Ивана Андреевича (†1622 или 1621). Из сообщения известно, что они имели, как и прочие ранние таблицы, простые треугольные фронтоны, то есть, видимо, принадлежали к той же «ранней» серии, что и все таблички с 1587 по 1632 гг.

Сравнение этих двух надписей в передаче Н.В. Любомудрова обнаруживает одну странность. Между смертью названных персонажей лежат более 10 лет. Однако, согласно надписям, они умерли в один и тот же день – 26 мая, причем в обоих случаях оговорена память апостола Карпа «от 70-ти». Думаю, что вероятность такого двойного совпадения месяца и дня (даже для двух братьев) исчезающе мала. Если день смерти Никиты Андреевича подтверждает надпись на крышке саркофага, где указана память апостола Карпа и год его смерти (который Н.В. Любомудров прочел, в отличие от графа Уварова, правильно), тогда день смерти Ивана Андреевича вряд ли падает на 26 мая. Скорее, перед нами случай путаницы. На каком именно этапе она возникла, сказать трудно – их слишком много, но в целом версии сводимы к трем вариантам. Более простые объяснения – ошибка Н.В. Любомудрова при чтении (но он был опытным палеографом)

или опечатка при составлении им статьи, или при ее наборе (весьма распространенные случаи). Третья версия, более интересная, но и более рискованная: ошибка при резке таблицы, когда резчик невольно повторил одну и ту же дату. Случилось ли это при одновременном оформлении таблиц для старых погребений, или при простом копировании уже существующей плиты – не так важно (могли ли хозяева не заметить ошибку и принять работу в таком виде, конечно, другой вопрос).

Дата смерти Ивана Хованского, приведенная Н.В. Любомудровым и повторенная Л. Сахаровым, И. Гольшевым¹⁷, а за ними современными исследователями вызывает сомнение еще и потому, что остальная генеалогическая литература XIX–XX вв. дает ее на год раньше – в 1621 году. Зато, если принять за верное, что день и месяц в публикации неверны, то это противоречие может исчезнуть: предположим, что И.А. Хованский умер в тот же сентябрьский год (7130), но в период от сентября до декабря, и дата «январского» года логично изменится с 1622 на 1621 (7130 – 5509 = 1621). Нет сомнения, что дальнейшая работа с источниками решит этот вопрос¹⁹.

Учитывая запутанность хронологии, приведем в заключение итоговый список названных на таблицах лиц с датами их смерти (согласно надписям; в хронологическом порядке; внесенные поправки выделены жирным шрифтом):

†1587 г. (23 августа) М.Ф. Пожарский, отец князя Д.М. Пожарского;

†1608 г. (26 мая) Никита (схимник Нифонт) Андреевич Хованский (муж Дарьи Пожарской);

†1608 г. (26 августа) Петр Никитич Хованский, сын Дарьи Пожарской и Н.А. Хованского;

†1608 г. (26 августа) Никита Дмитриевич, сын князя Д.М. Пожарского (другим источником неизвестен);

†1621 или **1622 г. (26 мая (?))** Иван Андреевич Хованский;

†1632 г. (27 декабря) Федор Дмитриевич, сын князя Д.М. Пожарского;

†1632 г. (7 декабря) княгиня Анна, жена Ивана Никитича Хованского;

†1640 г. (7 апреля) Е.Ф. Пожарская (схимница Евникея), мать князя Д.М. Пожарского;

†1640 г. (24 апреля) Василий Петрович Пожарский, внук (?) князя Д.М. Пожарского;

†1668 г. (15 февраля) Иван Дмитриевич, сын князя Д.М. Пожарского, окольный.

монастырь, в арестантское отделение, попал в 1864 г. за отказ принять назначение на новое место службы.

17 Ср. цитаты из Н. Любомудрова: По И. Гольшеву; (с. 8): «ЛЪТА 7117 (1609 Г.) МАЯ ВЪ 26-Й ДЕНЬ НА ПАМЯТЬ СВЯТАГО АПОСТОЛА КАРПА ЕДИНАГО ОТЪ СЕМИДЕСЯТЬ ПРЕСТАВИСЯ РАБЪ БОЖИЙ БОЯРИН КНЯЗЬ НИКИТА АНДРЕЕВИЧ ХОВАНСКИЙ ВО ИНОЦЪХЪ НИФОНТЪ» и «ЛЪТА 7130 (1622 Г.) МАЯ ВЪ 26-Й ДЕНЬ НА ПАМЯТЬ СВЯТАГО АПОСТОЛА КАРПА ПРЕСТАВИСЯ РАБЪ БОЖИЙ БОЯРИН КНЯЗЬ ИВАНЪ АНДРЕЕВИЧЪ ХОВАНСКИЙ».

По Л. Сахарову (с. 27–28): «ЛЪТА 7116 (1607) МАЯ ВЪ 26 ДЕНЬ НА ПАМЯТЬ СВЯТАГО АПОСТОЛА КАРПА ЕДИНАГО ОТЪ СЕМИДЕСЯТЬ ПРЕСТАВИСЯ РАБЪ БОЖИЙ БОЯРИН КНЯЗЬ НИКИТА АНДРЕЕВИЧ ХОВАНСКИЙ ВО ИНОЦЪХЪ НИФОНТЪ» и «ЛЪТА 7130 (1622) МАЯ ВЪ 26 ДЕНЬ НА ПАМЯТЬ СВЯТАГО АПОСТОЛА КАРПА ПРЕСТАВИСЯ РАБЪ БОЖИЙ БОЯРИН КНЯЗЬ ИВАНЪ АНДРЕЕВИЧЪ ХОВАНСКИЙ».

18 Например: Чулков Н.П. Хованский, князь Иван Андреевич // Русский биографический словарь. Т. 21 «Фабер-Цявловский» СПб, 1901. С. 337.

19 Наши предшественники чувствовали неточности в передаче дат. И. Гольшев отнес смерть Никиты Андреевича Хованского к 7117 (1609) году, видимо, вслед за Уваровым, но Л. Сахаров дал, цитируя Н. Любомудрова, 7116 (как и мы – см. выше), хотя перевел ее почему-то, как 1607 (правильно – 1608) – возможно, что и тут вкратце какая-то техническая ошибка.

Приложение 7

Ершов И.Н.

М.Е. Салтыков-Щедрин, М.П. Погодин и могила князя Пожарского¹

*«... мне нет никакого дела до истории»
М.Е. Салтыков-Щедрин*

В «Дневнике провинциала в Петербурге», впервые опубликованном великим русским сатириком в журнале «Отечественные записки» в 1872 году, на первых же страницах мы находим отражение бурной полемики, занимавшей умы ученых, литераторов и общественных деятелей, но совершенно забытой впоследствии. Речь в «Дневнике...»² идет о достоверности научных разысканий М.П. Погодина и графа А.С. Уварова, проведенных за 20 лет до публикации «Дневника...» и посвященных отысканию могилы князя Д.М. Пожарского в суздальском Спасо-Евфимиевом монастыре, а также аргументированности её выделения среди нескольких десятков прочих, обнаруженных при раскопках³.

В более полной цитате сатирик высказывается о М.П. Погодине резко: «... если мы встречаем человека, который, говоря о жизни, драпируется в мантию научных, умственных и общественных интересов и уверяет, что никогда не бывает так счастлив и не живет такою полною жизнью, как исследуя вопрос о пришествии варягов или о месте погребения князя Пожарского, то можно сказать наверное, что этот человек или преднамеренно, или бессознательно скрывает свои настоящие чувства»⁴. Почти слово в слово эти реплики будут повторены писателем в 1885 году в «Недоконченных беседах». По страницам его произведений рассыпано немало и других подобных реплик, мало приятных для науки вообще и для археологии в частности.

Почему писатель занял столь негативную позицию в вопросах сугубо научных? Чем был так нелюб сатирику профессор истории, только что отметивший юбилей плодотворной литературной и научной деятельности? Таковы ли были в действительности ученые, которые «или преднамеренно, или бессознательно скрывают свои настоящие чувства», рассуждая вслух о высоких идеалах науки, но втайне предвкушая устриц и пенный редерер? Отражает ли отрывок из «Дневников...» глубокую мировоззренческую позицию М.Е. Салтыкова-Щедрина в отношении к археологии и ее выдающимся представителям?

Частично на эти вопросы ответил А.А. Формозов в книге о взаимоотношениях российской литературы и науки⁵. Основным результатом его работы была констатация характера отношения Щедрина к науке и критика его негативной позиции в вопросе о роли истории и археологии в русском обществе. Но из чего произрастало такое отношение писателя к науке вообще и ее отдельным представителям?

Важно представить идейный и общественно-политический контекст, а также разницу в социальном положении М.П. Погодина и М.Е. Салтыкова-Щедрина, так сказать, «антропологию конфликта». В конце 1840-х – начале 50-х годов первый уже вырос в маститого, авторитетного ученого и общественного деятеля, а другой только начинал литературную жизнь. Первый – сын крепостного, ставший, благодаря таланту и трудолюбию, академиком, профессором университета, составителем уникальной коллекции русских древностей. Другой – представитель старинного, но обедневшего дворянского рода из тверского

¹ В приложении представлен отредактированный фрагмент большой статьи, посвященной взглядам М.Е. Салтыкова-Щедрина на археологию и историю Древней Руси. Статья написана после того, как прошло форматирование книги, так что в тексте она не упоминается. Она представляет несомненную ценность, так как делает более многогранным наше восприятие полемики середины – второй половины XIX в. Целиком статья публикуется в журнале «Российская археология».

² Салтыков-Щедрин М.Е., Полное собрание сочинений в 10-и тт. М., 1988. Т. 4. С. 17-18 и Комментарий, С. 516. (Издания собранной сочинений писателя 1963 и 1965-77 гг. сохраняют идентичный с цитируемым текст и писателя, и комментаторов).

³ Автор комментариев к тексту в Полном собрании сочинений писателя, Н.И. Соколов, отмечает: «...исследуя вопрос о пришествии варягов или о месте погребения князя Пожарского...» – намек на историка М. П. Погодина, полувековой юбилей литературной и научной деятельности которого был отпразднован с большой помпой в Москве 29 декабря 1871 года... Предметом многочисленных и зачастую лишенных научного значения исследований Погодина был вопрос о пришествии в Россию на княжество варягов. Приняв в 1852 году участие в разыскании места погребения кн. Д. М. Пожарского и в водружении ему надгробного памятника в Суздале, Погодин опубликовал подробный мемуар – «Исследование о месте погребения кн. Дмитрия Михайловича Пожарского» ("Москвитянин", 1852, № 19, отд. III, стр. 39–80)». – См. об этом ниже, прим. 13.

⁴ Салтыков-Щедрин, 1988. Т. 4. С. 16.

⁵ Формозов А.А., Классики русской литературы и историческая наука. М., 1995. С. 104-116

захолустья, успевший пока «заслужить» только ссылку в провинцию за свои радикальные убеждения.

Контраст судеб и личностей налицо. Такими же контрастными были их жизненные позиции – один останется убежденным (хотя не зашоренным) консерватором, другой – не менее убежденным радикалом (хотя не без изъяна). Е.И. Жуковская в воспоминаниях так описывает личность писателя: «...я думаю, что самый опытный сердцевед затруднился бы дать отчетливую характеристику Салтыкова – до того он был соткан из противоречивых настроений и взглядов. Это была какая-то смесь доброты и злости, зависти, жадности и щедрости, иногда наивности до смешного и замечательной целомудренности, столь чуждой теперешнему поколению литераторов. Разговаривая однажды с двоюродной сестрой его жены, милейшей, на редкость умной Анной Николаевной Энгельгардт, хорошо знавшей Салтыкова, я, передавая ей какие-то забавные выходки Салтыкова, посетившего нас накануне, заметила ей: "Совершенно незнакомый с ним человек мог бы принять его за крепостника". – Да он в корне крепостник и есть! – воскликнула она. – Весь его либерализм – наносный элемент; он просто опоздал родиться и попал в такое время, когда крепостничество не к месту и не к лицу. Как талантливый человек, он быстро усвоил веяния времени и сделался либералом»⁶.

Наверное, писателю, в то время еще малоизвестному мелкому чиновнику с небольшим жалованьем, было досадно, что какой-то сын крепостного тверских дворян Салтыковых стоит на одной ноге с ним (куда там, бери выше!) и гораздо более обеспечен. К тому же, известным и знаменитым в ту пору становился и другой историк, И.Е. Забелин, сын бедных тверских чиновника и купчихи – а ведь мать Салтыкова-Щедрина также из купчих Забелиных. Допустимо предполагать, что эти «неблагоприятные» для столбового дворянина созвучия фамилий сидели в подсознании писателя острой занозой многие годы⁷.

Сами события, нашедшие через много лет столь своеобразное отражение в приведенных выше репликах сатирика, имели место в весьма короткий промежуток времени – с конца лета 1851 по осень 1852 года. Жизнь историка Погодина и археолога Уварова в эти годы детально, день за днем описаны в книгах 11-й и 12-й грандиозной 22-томной биографии М.П. Погодина⁸.

Раскопки графа Уварова в Спасо-Евфимиевом монастыре не планировались им лично, но и не явились частью широкого плана властей. Если бы А.С. Уваров внял пожеланию своего начальника графа Л.А. Перовского⁹, то лето 1851 года прошло бы на раскопках в Новгороде Великом. (Впоследствии граф так и не вернется к этим планам, о чем сейчас, возможно, стоит пожалеть). Лето 1851 года он намеревался провести, исходя из своих научных интересов, во Владимирской губернии. В частности, он считал важным обследовать окрестности своей усадьбы близ Муром в отношении их ценности с точки зрения первобытной и прочей археологии. Впоследствии труды графа прославят Владимирскую землю сенсационными открытиями: в усадьбе будет открыта палеолитическая стоянка охотников на мамонта, а неподалеку, близ села Волосова – богатейшие стоянки и могильники каменного и бронзового веков. На достаточно высоком научном уровне будут исследованы и уникальные средневековые могильники.

Но археологические разведки графа были внезапно прерваны. Причиной тому стали события годичной давности. Великие князья Николай и Михаил Николаевичи, в рамках путешествия царской семьи по России, совершали ознакомительную поездку по старинным городам Владимирской губернии и в Спасо-Евфимиевом монастыре Суздаля и были «неприятно поражены забвением места погребения полководца-освободителя» князя Пожарского». А.С. Уваров, как чиновник, исполнил свою обязанность, доложил в Петербург непосредственному начальнику, графу Л.А. Перовскому, о визите высочайших особ и об их озабоченности.

Бюрократический аппарат заработал, и летом следующего года графу Уварову было предписано, оставив прочие дела, заняться поисками могилы князя Пожарского. В августе 1851 года он произвел раскопки в монастыре у восточной стороны Спасо-Преображенского собора, обнаружил фундамент усыпальницы и кирпичные склепы, один из которых, на основании скрупулезного анализа письменных документов, планиграфической ситуации и отдельных значимых находок отождествил с захоронением князя Д.М. Пожарского¹⁰.

Современники графа (не археологи) полагали, что А.С. Уваров выбрал место по какому-то наитию, но это не так – были проведены серьезные предварительные кабинетные исследования, в том числе М.П. Погодиным. По повелению императора Николая I от 12 января

6 Жуковская Е.И., Из воспоминаний о М. Е. Салтыкове. М., 1895.

7 Впоследствии и по адресу работ и личности И.Е. Забелина сатирик тоже пройдет неоднократно в своих произведениях. См.: Формозов А.А., Классики русской литературы... М., 1995. С. 111.

1852 года была создана Временная комиссия, в состав которой вошел и М.П. Погодин. Члены Комиссии осмотрели местность, ознакомились с собранными сведениями, тщательно взвесили аргументы «за» и «против». Комиссия приступила к работе в Суздале немногим более месяца после указа; 23 февраля был составлен «Протокол осмотра усыпальницы и гробницы князя Дм.М. Пожарского»¹¹.

Сомнения в достоверности идентификации могилы князя Д.М. Пожарского были осторожно высказаны в русской периодической печати практически сразу же после публикации заключения Комиссии и статьи М.П. Погодина. В виде молвы и слухов они продолжали жить спустя долгие годы, время от времени оживляясь по тем или иным поводам.

Сатирик не успокоился даже после смерти М.П. Погодина, продолжая все так же пощипывать его то там, то здесь. В «Современной идиллии» (1883 г.)¹², например, М.П. Погодину опять припоминается участие в Комиссии 1852 года в Суздале, но не прямо, а «тонко-художественно»: рассказывается про «удивительную сохранность» некоего столетнего старичка Дадонова (читай – князя Пожарского), имеющего «пакент» с печатями и подписями важных персон, удостоверяющих его почтенный возраст. Среди подписей последней значится фамилия М.П. Погодина с указанием нарочито «точной» даты – «июль 1862 года» (подразумевался, очевидно, 1852, и поправка внесена сатириком, дабышний раз не раздражать цензуру). Нелюбовь к историку оборачивается тут уже ёрническим отношением к самому князю как исторической личности.

Через критику творчества и личности ненавистного писателю М.П. Погодина, одного из виднейших представителей «государственной школы» в исторической науке, полемика по поводу местонахождения могилы князя Пожарского совместилась в литературном воображении М.Е. Салтыкова-Щедрина с вопросом об общем отношении его к археологии. Подобно великому писателю, советские комментаторы предвзято объявляли сочинения М.П. Погодина «лишенными научного значения». Упрекать историка в том, что его исследования 1820-х гг.(!)¹³ недостаточно фундированы – анахронизм, идущий едва ли не из стана противников-современников М.П. Погодина, «уличавших» его в малой доказанности гипотез, торпливости, поверхностной аргументации. Сейчас его роль и место в истории отечественной науки признаны¹⁴.

То же можно сказать и по поводу идентификации погребения М.П. Пожарского. Летом 2008 года экспедиция Института археологии РАН, проведя новые раскопки остатков родовой усыпальницы, подтвердила большинство выводов Комиссии 1852 года, добавив к ним свои. Это своего рода итог, ставящий основательную точку в затянувшемся научном и общественно-политическом споре. Правда оказалась на стороне «плохих» в глазах либерального русского общества 1870-х гг. «ученых».

8 Она составлена его давним коллегой и соратником по науке, нумизматом и архивистом Н.П. Барсуковым (доведена, вследствие смерти автора, до середины 1871 года).

9 Барсуков Н.П., Жизнь и труды М.П. Погодина. В 22-ти тт. СПб., 1888-1910. Кн. 12 (1898). С. 43-73.

10 Погодин М. П., Исследование о месте погребения князя Дмитрия Михайловича Пожарского // Ученые записки Академии наук по 1 и 3 Отделениям. Т. I. Вып. II. СПб. С. 163-201, или перепечатку той же статьи в журнале «Москвитянин», 1852. № 19. Отд. III. С. 39-80

11 Барсуков Н.П., Жизнь и труды М.П. Погодина..., 1898. Кн. 12-я. С. 43-54

12 Салтыков-Щедрин М.Е., Полное собрание сочинений..., 1988. Т. 8. С. 75, 192

13 Так, вопрос «о пришествии в Россию на княжество варягов», решенный М.П. Погодиным еще в юношеской магистерской работе в пользу «норманизма», был и остается весьма сложным и многоплановым, он и по сей день служит предметом ожесточенной научной дискуссии. См.: Варяго-русский вопрос в историографии. М. 2010; Русь в IX-X вв. Археологическая панорама. Под редакцией Н.А. Макарова. М. 2012.

14 См.: [Рогов К.Ю.] Погодин М.П. // Русские писатели. 1800-1917. Биографический словарь. М., 1999. С. 661-672.

Приложение 8

Актовый материал по работам 2008 года

Акт.

г. Суздаль, Спасо-Евфимиевский монастырь 6 июля 2008 г.

Мы, ниже подписавшиеся, составили настоящий акт по осмотру места разбивки археологического раскопа на участке к востоку от центральной и восточной апсид собора Спасо-Евфимиевского монастыря. Раскоп характеризуется с целью изучения остатков углемошного рода Покрасских и подготовки котлована для установки реконструируемой газовой 1830^к и совместно между производителя работ, совместно с Федерацией музеев по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Поверхность раскопа имеет естественную задернованность, в его центре имеется трапециевидный мелкий котлован (его глубина от дна 15-30 см, размер котлована 7,85 x 9,10 м), оставшийся после перекопа каменника князя Покрасскому советского периода.

Зав. сектором Института археологии РАН
А. А. Беликов

Зав. отделом археологии Владимиро-Суздальского музея-заповедника М. С. Родина

 [Signature]
 [Signature]

Акт сдачи-приёмки

Археологическая экспедиция ИА РАН передает Владимиро-Суздальскому музею-заповеднику материал из раскопок усыпальницы князей Пожарских-Хованских:

1. архитектурные детали в количестве 35 шт согласно описи
2. индивидуальную находку №3 (запор железный).

Сдал Канитова М.Д. Жу

Принял Вороно

дата 28.07.2008

**Акт сдачи-приёмки
территории археологического исследования.**

В период с 05.06.2008 по 28.07.2008 в г. Суздале на территории Спасо-Евфимиева монастыря экспедицией института археологии РАН были проведены археологические исследования усыпальницы князей Пожарских-Хованских. Раскоп располагался к востоку от южных апсид Спасо-Преображенского собора. Площадь вскрытия составила 86 кв.м. По окончании исследований проведена рекультивация раскопа: консервация склепов, саркофагов и фундаментов песком с проливкой, засыпка внешнего контура усыпальницы, а так же всей площади поверх песка грунтом с ручной трамбовкой.

Территория исследования передана Владимиро-Суздальскому музею-заповеднику.

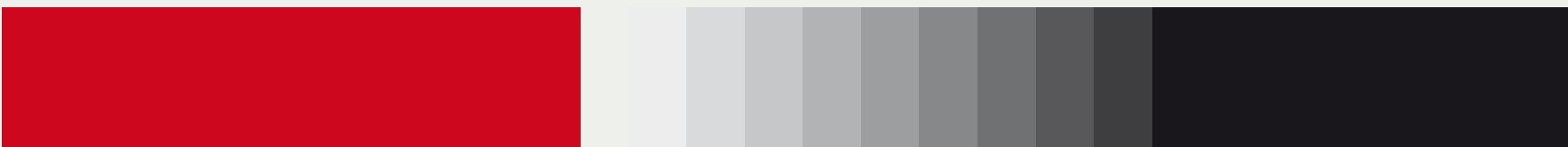
Сдал Канитова М.Д. Жу

Принял Вороно

дата 28.07.2008

Библиография,
список сокращений,
условные обозначения

Археологические отчеты

Беляев Л.А., Папин И.В. Отчет об археологических исследованиях усыпальницы князей Пожарских и Хованских на территории Спасо-Евфимиева монастыря (г. Суздаль) в 2008 г. – Архив ИА РАН. 2009. (Не инвентаризован).

Глазов В.П. Отчет об археологических наблюдениях за земляными работами в Спасо-Евфимиевом монастыре осенью 1985 г. – Владимирские специальные научно-реставрационные мастерские. Арх. С-1-2, Инв. № 17299, 1986.

Исследования и публикации источников

Арьес Ф. Человек перед лицом смерти. М., 1992.

Археология позднего периода истории (материалы круглого стола) // РА. М., 2005. № 1. Баранова С.И. Нагробница XVII века из церкви в Коровниках (г. Ярославль) // РА. М., 2008. № 4.

Баталов А.Л., Беляев Л.А. Сакральное пространство средневековой Москвы. М., 2011.

Баталов А.Л., Маштафаров А.В. и др. Евфимиев Суздальский в честь Преображения Господня мужской монастырь // Православная энциклопедия. М., 2008. Т. 17.

Белозерова И.В. Деятельность А.С. и П.С. Уваровых во Владимирской губернии (по материалам отдела письменных источников ГИМ) // Тезисы докладов Первых Уваровских чтений 17–18 апреля 1990 г. Муром, 1990.

Беляев Л.А. Русское средневековое надгробие. Белокаменные плиты Москвы и Северо-Восточной Руси XIII–XVII вв. М., 1996.

Беляев Л.А. Спасский на Усть-Угры монастырь в XVI столетии: археология, история, архитектура // Реставрация и архитектурная археология. М., 1996а. Вып. 2.

Беляев Л.А. Каменные «подушки» монашеских погребений и их ветхозаветный прототип // РА. 2005. № 4.

Беляев Л.А. Сакральная топография Москвы: храм – кладбище – город. К постановке вопроса // Культура средневековой Москвы: исторические ландшафты. М., 2006. Т. 3.

Беляев Л.А. Археология Москвы и проблемы истории культуры позднего средневековья // Современные проблемы археологии России. Материалы Всероссийского археологического съезда (23–28. 10. 2006, г. Новосибирск). Новосибирск, 2006. Т. 1.

Беляев Л.А. Персональная идентификация погребений и археология // Труды II (XVII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. II. М., 2008.

Беляев Л.А. О датах смерти Е.Ф. Пожарской и В.П. Пожарского: эпиграфические заметки // РА. 2009. № 1.

Беляев Л.А. Образ, Храм и Город: раскопки участка Казанского собора на Красной площади в Москве // Археологические открытия 1991–2004 гг. Европейская Россия. [под ред. Н.А. Макарова] М., 2009.

Беляев Л.А. Усыпальница князей Пожарских в Суздале // Институт археологии: Новые полевые исследования. М., 2010. Под ред. Н.А. Макарова.

Беляев Л.А. Усыпальница князей Пожарских и Хованских в Суздальском Спасо-Евфимиевом монастыре: новый этап историко-археологических исследований // ИЗ. Т. 13 (131) М., 2010.

- Беляев Л.А., Архангельский собор и боярские усыпальницы XVI–XVII веков // МК XV.
- Беляев Л.А. Камень под головой и лестница в небо: археология, иконография, источник // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. V.2 (5), Вопросы истории и теории христианского искусства. М., 2011.
- Беляев Л.А. Опыт изучения исторических некрополей и персональной идентификации методами археологии. М.: ИА РАН, 2011 (Методика полевых археологических исследований, вып. 5)
- Беляев Л.А., Бужилова А.П., Петров А.Е. Патриотический скелет в народном шкафу // Родина. 2007. № 8.
- Вишневский В.И. Об одном типе надписей на надгробиях Троице-Сергиевой лавры // Русское средневековое надгробие XIII–XVII вв. Материалы к своду. Вып 1. М., 2006.
- Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М., 1987.
- Гераськин Ю.В., Нагорнов В.П. Памятная плита Ивана Мирославича (мурзы Хоросмира) в Рязанском Солотчинском монастыре // РА. 2008. № 2.
- Гольшев И. Место земного упокоения и надгробный памятник ... Дмитрию Михайловичу Пожарскому в городе Суздале. Владимир, 1885.
- Ермолаев И.П. Историческая хронология. Казань, 1980.
- Записные вотчинные книги Поместного приказа 1626–1657 гг. М., 2010. [Авторы и составители: Антонов А.В., Беликов В.Ю., Берелович А., Назаров В.Д., Тейро Э.]
- Ивакин Г.Ю. Некрополь церкви Спаса на Берестове и в Киеве и «погребение Юрия Долгорукого» // РА. № 2. 2008.
- Корсакова В. Пожарский-Лопата князь Дмитрий Петрович // РБС. СПб, 1905. Т. 14 («Плавильщиков – Примо»).
- Крылов И.З. Достопамятные могилы в Московском Высоко-Петровском монастыре. М., 1841.
- Курганова Н.М. Надгробные плиты из усыпальницы князей Пожарских и Хованских в Спасо-Евфимиевом монастыре Суздаля // Памятники культуры. Новые открытия. 1993. М., 1994.
- Курганова Н.М. Новые находки надгробных плит из усыпальницы князей Пожарских и Хованских в Спасо-Евфимиевом монастыре Суздаля // Материалы конференции «Дмитрий Михайлович Пожарский – русский национальный герой». Суздаль, 03.11.2006 г. www.gorodsuzdal.ru
- Курганова Н.М. Страницы истории некрополя города Суздаля. М., 2007.
- Леренман М.М. Документальная коллекция графов Уваровых по Владимирскому краю в собрании отдела письменных источников ГИМ // Тезисы докладов Первых Уваровских чтений 17–18 апреля 1990 г. Муром, 1990.
- Любомудров Н.В. Вновь открытые надписи на надгробных камнях в суздальском Спасо-Евфимиевом монастыре // Владимирские Епархиальные ведомости, 1871, № 13.
- Макаров Н.А. Каменные подушки в погребениях древнерусских некрополей // СА. 1981. № 2.
- Малиновский А.Ф. Биографические сведения о князе Пожарском. М., 1817.
- Новый летописец // ПСРЛ. СПб, 1910. Т. 14.
- Н-въ В. Пожарская Мария (Евфросиния) Федоровна // РБС. СПб, 1905. Т. 14 («Плавильщиков – Примо»).
- Описание актов собрания гр. А.С. Уварова. М., 1905.
- Описная книга Суздальского Спасо-Евфимиева монастыря 1660 года // Ежегодник Владимирского губернского статистического комитета. Владимир, 1878. Т. 2.
- Панова Т.Д. Средневековый погребальный обряд по материалам некрополя Архангельского собора Московского Кремля // СА. 1987. № 4.
- Папин И.В. Некрополь Кирилло-Белозерского монастыря // Русское средневековое надгробие XIII–XVII вв. Материалы к своду. Вып. 1. М., 2006.

- Петров А.Е. Останки Ивана Сусанина: к вопросу о методике фальсификации // ИЗ. М., 2008. Вып. 11 (129).
- Петров А.Е., Беляев Л.А., Бужилова А.П. Между наукой и областной администрацией: опыт фальсификации останков Ивана Сусанина с помощью заданной интерпретации археологических и судебно-криминалистических исследований // Фальсификация исторических источников и конструирование этнократических мифов. М., 2011.
- Погодин М.П. Исследование о месте погребения князя Дмитрия Михайловича Пожарского // Москвитянин, 1859, № 19, отд. III.
- Подъяпольский С.С. О церкви Кирилла XVI века в Кирилло-Белозерском монастыре // Вологда. Краеведческий альманах. Вологда, 1997.
- Послания Ивана Грозного. М.-Л., 1951.
- Преображенский А.С. Ктиторские портреты средневековой Руси. XI – начало XVI века. М., 2010.
- Родина М.Е. Д.М. Пожарский. Вечная память и трава забвения. Владимир, 2007.
- Родина М.Е. История изучения захоронения Д.М. Пожарского в Суздале // Археология Владимиро-Суздальской земли. Материалы научного семинара. Вып. 2., М, 2008.
- Рогозина М.Г. Ремонтно-реставрационные работы в Архангельском соборе в фотографиях 1905 года Карла Фишера из коллекции ГНИМА им. А.В. Щусева // МК XV.
- Савелов Л.М. Князья Пожарские. М., 1906.
- Сахаров Л. Историческое описание Суздальского первоклассного Спасо-Евфимиевского монастыря... М., 1905. (3-е изд.).
- Седова М.В. Суздаль в X–XV веках. М., 1997.
- Сироткин С.В. Заметки к биографии Дмитрия Михайловича Пожарского // Древняя Русь. М., 2001. № 3 (1).
- Смирнов С.К. Об открытии места погребения князя Д.М. Пожарского. М., 1852.
- Тананаева Л.И. Сарматский портрет. Из истории польского портрета эпохи Барокко. М., 1979.
- Тихонравов К. Могила князя Д.М. Пожарского в Спасо-Евфимиевом монастыре // Труды Владимирского губернского статистического комитета. Владимир, 1866. Вып. 5.
- Трубникова О.А. История некрополя Новодевичьего монастыря (30-е гг. XVI в. – 30-е гг. XX в.) // Московский некрополь (история, археология, искусство, охрана). М., 1991.
- Уваров А.С. Работы по разысканию могилы Кн. Дм. Мих. Пожарского // А.С. Уваров. Сборник мелких трудов, т. III. Материалы для биографии и статьи по теоретическим вопросам. М., 1910.
- Усыпальница рода Романовых в Московском Новоспасском монастыре. Кострома, 2005.
- Федоров А. Историческое собрание о богоспасаемом граде Суждале // Временник общества истории и древностей российских. М., 1855. Т. 22.
- Фролов М.В., Смирнов Ю.А., Русаков П.Е. Археологические исследования фундаментов первого каменного храма Иосифо-Волоцкого монастыря и погребений, совершенных в его приделах // Преподобный Иосиф Волоцкий и его обитель. М., 2008.
- Цветаев Д.В. Царь Василий Шуйский и места погребения его в Польше. Приложения к историческому исследованию. Том 2. Варшава. 1902. (Цветаев Д.В. Царь Василий Шуйский в Польше // Известия Варшавского университета. Кн. IV–V. Варшава).
- Чернов С.З. Некрополь Иосифо-Волоцкого монастыря в свете археологических исследований 2001 года Старый и Новый приделы // Преподобный Иосиф Волоцкий и его обитель. М., 2008.
- Чернов С.З., Янишевский Б.Е. Некрополь Троице-Сергиева монастыря по материалам археологических исследований 2003 г. // РА. 2008. № 2.
- Шалина И.М. Локализация погребений русских чудотворцев в монастырских храмах и ее символическое значение // Преподобный Иосиф Волоцкий и его обитель. М., 2008.

Шлионская Л.И. Царские гробницы в Новодевичьем монастыре // Труды ГИМ. Вып. 99. М., 1998.

Эскин Ю.М. Опыт жизнеописания боярина князя Козьмы-Дмитрия Пожарского // День народного единства. Биография праздника. М., 2009.

Эскин Ю.М. Завещание князя Дмитрия Пожарского // Отечественная история. М., 2000. № 1.

Сокращения

ГИАХ ВСМЗ – Государственный историко-архитектурный и художественный Владимиро-Суздальский музей-заповедник.

ГИМ – Государственный исторический музей

ГММК – Государственные музеи Московского Кремля

ИЗ – Исторические записки

МК XV – Московский Кремль XV столетия. Архангельский собор и колокольня «Иван Великий» Московского Кремля. 500 лет. М., 1911. Том II.

ОПИ ГИМ – Отдел письменных источников ГИМ

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей

РА – Российская археология

РБС – Русский биографический словарь

СА – Советская археология

гумус (слой 1)

отвал раскопа 1

темно-коричневый суглинок (слой 2)

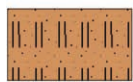
темный серо-коричневый суглинок (2a)

песок (слой 3)

коричневая супесь с песком (слой 4)

светло-коричневый суглинок (слой 4a)

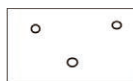
серо-коричневый суглинок
со строительным мусором (слой 4б)

темно-серая супесь (слой 5)

бурый суглинок (слой 6)

бетонный раствор

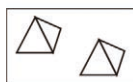
вкрапления глины

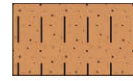
кости

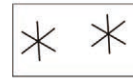
кирпичная крошка

кирпичный бой

ярко-коричневый суглинок (слой 7)

известь (слой 8)

темно-серый суглинок (слой 9)

серо-коричневый суглинок (слой 10)

светло-серая супесь (слой 11)

светло-коричневая супесь (слой 12)

коричневый суглинок=материковый
выброс (слой 13)

материк в профиле

материк в плане

бетонная плита

уголь

тлен

дерево

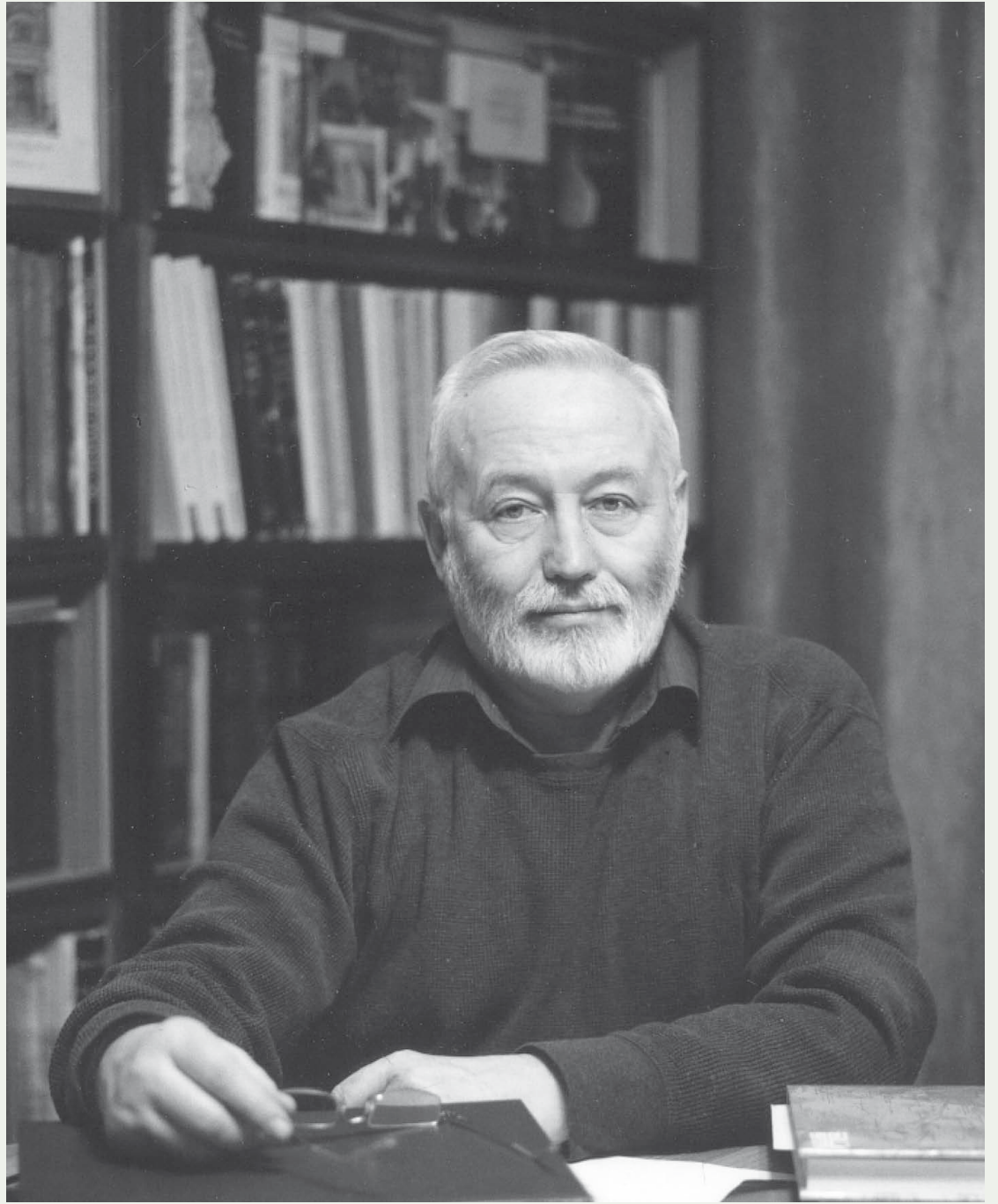
белый камень

валун

кирпич

Леонид Андреевич Беляев – доктор исторических наук, главный редактор журнала «Российская археология», ведущий научный сотрудник Института археологии РАН. Специалист по сравнительному анализу религиозных древностей, особенно архитектуры и погребальных сооружений. Им выработан принципиально новый подход к археологическому изучению русских церквей и монастырей как исторических источников.

С 1970-х годов руководит археологическими раскопками в Москве (Данилов, Богоявленский, Зачатьевский, Высоко-Петровский монастыри; Казанский и Покровский соборы на Красной площади, храмы Коломенского), в центральной России (Борисоглебский собор XII в. в Старой Рязани; Спасский на Усть-Угры и Воскресенский Ново-Иерусалимский монастыри), за рубежом (проект «Византийский Иерихон»).

Автор более 450 научных работ («Русское средневековое надгробие. Белокаменные плиты Москвы и Северо-восточной Руси XIII – XVII вв.» (1996 и 2006); «Христианские древности. Введение в сравнительное изучение» (1998; 2000); «Опыт изучения исторических некрополей и персональной идентификации методами археологии» (2011); «Некрополь Данилова монастыря в XVIII–XIX веках: историко-археологические исследования» (2012); «Московская Русь: от Средневековья к Новому времени» (2005); «От библейских древностей к христианским. Очерки археологии эпохи формирования иудаизма и христианства» (2007; в соавторстве с Н.Я. Мерпертом).

Многие труды отмечены премиями: «Древние монастыри Москвы (конец XIII – начало XV вв.) по данным археологии» (1994, 3-е изд. 2010; Премия памяти митрополита Макария, 1997); издание коллективной монографии «Культура средневековой Москвы. Исторические ландшафты» (в соавторстве с С.З. Черновым и Н.А. Кренке; Премия Президиума РАН имени И.Е. Забелина за 2009 год); «Сакральное пространство средневековой Москвы» (2010; в соавторстве с А.Л. Баталовым; Премия г. Москвы в области литературы и искусства, 2012).

Научное издание

Беляев Леонид Андреевич

Родовая усыпальница князей Пожарских и Хованских
в Спасо-Евфимиевом монастыре Суздаля: 150 лет изучения

Техническое редактирование и корректура: Анна Китаева
Дизайн, художественное оформление и верстка: Филипп Смирнов

Подготовка оригинал-макета, пре-пресс: Филипп Смирнов, бюро "Sm...art"

Подписано в печать 08.08.2013. Формат 70x100/8
Усл.печ.л. 42,9 Уч.-изд.л. 37,2
Тираж: 500 экз.

Институт археологии РАН
117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Отпечатано в типографии "Нестор-История"
198095, СПб., ул. Розенштейна, д. 21, тел.: (812) 622-01-23

ISBN 978-5-94375-137-0

9 785943 751370